Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. I.

Н. КАРѢЕВЪ.

ГОСУДАРСТВО-ГОРОДЪ

АНТИЧНАГО МІРА.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ПОСТРОЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦІАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦІИ АНТИЧНЫХЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ОБЩИНЪ.

СЪ ДВУМЯ ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ.

Изданіе 3-ье.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ, старшихъ классовъ, библіотекъ.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1910.

Сканирование и обработка
Bewerr

4079

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

„Государство-городъ античнаго міра“ представляетъ собою запись лекцій по древней исторіи, читанныхъ мною въ 1902—1903 году студентамъ I курса экономическаго отдѣленія С.-Петербургскаго Политехникума. Издавая въ свѣтъ эту книжку, я руководился тою мыслью, что она можетъ пригодиться вообще учащейся молодежи и въ особенности той ея части, которая въ цѣляхъ самообразованія обращается и къ историческому чтенію.

Я не стану воспроизводить здѣсь трехъ вступительныхъ лекцій, которыя были мною предпосланы курсу объ античномъ государствѣ-городѣ и въ которыхъ слушателямъ выяснялось, въ чемъ заключаются задачи исторической науки и могутъ заключаться задачи историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ частности въ учебномъ заведеніи такого типа, какъ новый Политехникумъ съ его экономическимъ отдѣленіемъ, но я считаю все-таки необходимымъ передать въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе той части одной изъ этихъ вступительныхъ лекцій, въ которой шла рѣчь о самомъ предметѣ курса.

Разсматривая задачи исторической науки въ ихъ современномъ пониманіи, я, конечно, не могъ не коснуться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между этою наукою, съ одной стороны, и соціологіей, съ другой. Я именно указы-

валъ на то, что исторія занимается изученіемъ *отдѣльныхъ конкретныхъ обществъ*, тогда какъ соціологія изучаетъ *общество вообще*, или, говоря другими словами, общество, *взятое отвлеченно*. Развивъ эту мысль въ подробностяхъ и иллюстрировавъ частныя положенія, изъ нея вытекающія, на единичныхъ примѣрахъ, я счелъ нужнымъ особенно остановить вниманіе своихъ слушателей на той еще мысли, что возможно и такое отношеніе къ фактическому матеріалу, изучаемому исторіей и соціологіей, которое представляетъ собою переходъ отъ одной изъ этихъ наукъ къ другой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣлаемъ предметомъ своего изученія не отдѣльныя конкретныя общества и не общество, отвлеченно взятое, а тотъ или другой *соціологическій типъ*, подъ который можно подвести извѣстное количество отдѣльныхъ общественныхъ организацій, данныхъ намъ въ исторіи, и который вмѣстѣ съ тѣмъ является все-таки лишь одною изъ частныхъ формъ, какія принимаетъ общество вообще. Перечисливъ нѣсколько такихъ типовъ, каковы родъ и государство-племя, государство-городъ и восточная деспотія, феодальное помѣстье-государство и сословная монархія и т. п., я указалъ, въ какомъ отношеніи изученіе генезиса и эволюціи такихъ типическихъ формъ соціально-политическаго устройства можетъ находиться къ задачамъ, какія ставитъ себѣ, съ одной стороны, исторія конкретныхъ обществъ, а съ другой—соціологія, какъ абстрактная наука.

Государство-городъ античнаго міра и взятъ былъ мною, какъ извѣстный историческій типъ. При большей подготовкѣ, чѣмъ та, какую я могъ предполагать у своихъ слушателей, я придалъ бы такому *типологическому* разсмотрѣнію городовой формы государства болѣе широкую постановку, включивъ въ кругъ историческихъ явленій, подлежащихъ обозрѣнію съ этой точки зрѣнія, всѣ вообще государства-города, какія знаетъ исторія отъ финикійскихъ Тира, Сидона и Карѳагена въ древности до современныхъ намъ вольныхъ городовъ Гер-

маніи, Гамбурга, Любека и Бремена, но я ограничилъ свою задачу лишь греко-римскимъ, античнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова міромъ, какъ эпохой, когда типъ государства-города имѣлъ наибольшее распространеніе и достигъ наивысшаго развитія. Притомъ это ограниченіе позволило мнѣ въ построеніи и изложеніи курса больше держаться исторической почвы конкретныхъ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ фактовъ и соприкасающихся съ ними явленій духовной культуры.

Указывая своимъ слушателямъ на то, что мой курсъ будетъ именно типологическимъ, я оговорился, что, напр., на университетскомъ историко-филологическомъ факультетѣ я, быть можетъ, не придалъ бы своему общему курсу по древней исторіи такого характера, такъ какъ будущимъ спеціалистамъ нужно было бы сообщить изъ исторіи грековъ и римлянъ многое такое, чего въ своихъ лекціяхъ о государствѣ-городѣ я не буду касаться. Въ самомъ дѣлѣ, по самой задачѣ прослѣдить внутреннюю эволюцію античнаго государства-города я долженъ былъ оставить въ сторонѣ всю такъ называемую внѣшнюю исторію, весь общій ходъ исторіи древняго міра. Въ послѣднемъ отношеніи я могъ только посовѣтовать своимъ слушателямъ возобновить въ своей памяти фактическія знанія по древней исторіи, вынесенныя изъ средней школы. Я сравнилъ свой будущій курсъ съ такою желѣзно-дорожною картою, на которую были бы занесены только однѣ линіи желѣзныхъ дорогъ безъ обозначенія морскихъ береговъ, горныхъ хребтовъ, рѣкъ и городовъ данной страны: конечно, въ такой картѣ трудно было бы разобраться, тогда какъ, имѣя передъ глазами другіе обычные элементы географической карты, мы легко поймемъ, почему та или другая желѣзно-дорожная линія не идетъ дальше (если, напр., она упирается въ берегъ моря), почему она имѣетъ извилистое направленіе (если, напр., она идетъ по рѣчной долинѣ), почему въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ мы видимъ пере-

сѣченіе многихъ линій (важные городскіе центры). Такъ, говорилъ я своимъ слушателямъ, и мой курсъ вы будете лучше понимать, если у васъ будетъ въ головѣ ясное и отчетливое представленіе объ общемъ ходѣ древней исторіи.

Мнѣ пришлось также оговориться, что многіе вопросы историческаго изученія древняго міра, многія стороны жизни классическихъ народовъ совсѣмъ не войдутъ въ мой курсъ: вопросы древней географіи и этнографіи, археологіи и источниковѣдѣнія или исторической критики, въ частности вопросы о достовѣрности цѣлыхъ эпохъ или отдѣльныхъ явленій, наконецъ, вся духовная культура классической древности, т.-е. миоологія и религія, литература и искусство, философія и наука. Главное содержаніе курса лежитъ въ областяхъ политики и экономики, и даже область права затрогивается въ немъ лишь мимоходомъ, какъ мимоходомъ же затрогиваются и области религіи и философіи—только по ихъ связи, когда дѣло ея касается, съ общественнымъ и государственнымъ строемъ.

Прибавлю еще, что тема этой моей книги—та же, что и въ знаменитомъ трудѣ Фюстель де-Куланжа „Гражданская община античнаго міра“ (La cité antique). Это замѣчательное произведеніе, несмотря на односторонность точки зрѣнія, положенной въ его основу, и на устарѣлость многихъ отдѣльныхъ данныхъ и взглядовъ, я усердно рекомендовалъ своимъ слушателямъ и предлагалъ прямо его изучать. Съ тѣмъ же самымъ совѣтомъ я позволилъ бы себѣ обратиться и къ читателямъ настоящей книги. Дѣлая своимъ предметомъ ту же гражданскую общину древняго міра, я, однако, вношу въ разработку этой темы иную, чѣмъ у Фюстель де-Куланжа, точку зрѣнія и строю изображеніе эволюціи античнаго государства-города по иной схемѣ. Отнюдь не раздѣляя теоріи экономическаго матеріализма, я отвожу экономическому фактору въ исторіи то мѣсто, которое ему должно принадлежать, будучи очень далекъ отъ той мысли, будто обще-

ственныя формы являются исключительно результатами тѣхъ или иныхъ міросозерцаній. Другое отличіе общихъ взглядовъ этой моей книги отъ тѣхъ, которые положены въ основу труда Фюстель де-Куланжа, заключается въ томъ, что все построеніе должно у него служить доказательствомъ крайняго несходства античнаго міра съ новымъ европейскимъ. Меня, наоборотъ, интересовали тѣ параллели, которыя можно проводить между соціально-политической эволюціей древнихъ и современныхъ народовъ. Хотя и въ своемъ курсѣ, и въ этой книгѣ я не выдвигалъ на первый планъ аналогій, представляемыхъ обѣими эволюціями, но мысль о томъ, что и тамъ, и здѣсь развитіе совершалось въ одномъ и томъ же направленіи, если не по одному и тому же пути, была одною изъ руководящихъ идей всего историческаго построенія, даннаго въ моемъ курсѣ и воспроизведеннаго въ настоящей книгѣ. Схема, положенная въ ея основу, оказалась, однако, менѣе благопріятною, чѣмъ построеніе Фюстель де-Куланжа, для возможности изображенія частнаго быта и разсмотрѣнія частнаго права грековъ и римлянъ, и съ этой стороны жизнь гражданъ античныхъ государствъ-городовъ воспроизводится въ сочиненіи Фюстель де-Кулапжа гораздо полнѣе [1]).

Въ сущности, сходство темъ заставляетъ здѣсь меня указать и на отношеніе моей книги къ великому произведенію древней политической литературы, къ „Политикѣ“ Аристотеля. Этотъ трудъ, заключающій въ себѣ обобщенные результаты наблюденій надъ массою государствъ-городовъ Греціи

---

[1]) Уже по выходѣ въ свѣтъ перваго изданія „Государства-города“ я узналъ о популярной книгѣ Fowler'a на ту же тему The city-state of the Greeks and Romans“ (1893), но, къ сожалѣнію, пока еще не имѣлъ ея въ рукахъ и потому не могу сказать, какой точки зрѣнія держится авторъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы указать на то, что терминъ „государство-городъ“ или „городъ-государство“ (city-state, Stadtstaat) уже получилъ право гражданства въ исторической литературѣ. *Примѣчаніе ко 2 изд.*

и столь счастливо дополняющійся въ наше время недавно найденною „Аѳинской Политіей“ того же автора, въ сущности тоже представляетъ собою систематическое описаніе античной гражданской общины, какъ одного изъ историческихъ типовъ соціально-политической организаціи. Хотя Аристотель и жилъ въ эпоху разложенія этого типа, когда македонское завоеваніе выводило древній міръ на болѣе широкую дорогу и въ обществѣ уже успѣли проявиться новыя индивидуалистическія стремленія, но мысль Аристотеля вращалась въ кругу идей самодовлѣющаго *полиса*, въ себѣ самомъ имѣющаго цѣль своего существованія. Въ его „Политикѣ“, далѣе, какъ ни въ какомъ другомъ произведеніи греческой литературы, мы находимъ громадное количество фактовъ, наблюденій и обобщеній изъ областей политики и даже экономики. Вотъ эти два обстоятельства, пониманіе Аристотелемъ самого государства, какъ прежде всего города съ его непосредственнымъ округомъ, и богатство историческаго матеріала, заключающагося въ его трактатѣ, и заставили меня постоянно обращаться къ его „Политикѣ“ и тогда, когда нужно было входить въ кругъ политическихъ воззрѣній классической древности, и когда нужно было давать обобщенныя представленія самихъ политическихъ формъ греческаго міра. Постоянными цитатами изъ „Политики“ я имѣлъ въ виду обратить вниманіе хотя бы только немногихъ своихъ слушателей на это замѣчательное произведеніе греческой литературы, и я знаю, что до извѣстной степени я этого достигъ. Очень желалъ бы, чтобы и среди читателей этой книги нашлись такіе, которые захотѣли бы познакомиться съ самою „Политикою“ Аристотеля.

Такимъ образомъ, для своего курса, не будучи самъ спеціалистомъ собственно въ области древней исторіи, я рѣшился взять задачу, которую брали на себя такіе великіе знатоки древности, какъ Аристотель и Фюстель де-Куланжъ. Но я именно и прошу смотрѣть на эту книгу, какъ на курсъ,

подводящій итоги подъ общими выводами современной науки, а не какъ на самостоятельное изслѣдованіе, которое, что называется, двигало бы впередъ науку. Самое стремленіе придать курсу соціологическій оттѣнокъ находитъ свое объясненіе и оправданіе не только въ желаніи избѣжать рутиннаго и шаблоннаго построенія, но и въ томъ, что это именно та точка зрѣнія, на которую имѣетъ наибольшее право стать такъ называемый „всеобщій историкъ", когда ему приходится касаться предметовъ не его спеціальныхъ занятій. Сосредоточивъ свою научную работу, кромѣ общихъ вопросовъ теоріи исторіи и соціологіи, на новой западно-европейской исторіи, я не могъ не внести въ свой курсъ по древней исторіи,—разъ мнѣ пришлось взять на себя чтеніе такого курса,—тотъ именно интересъ, который развивается на почвѣ ближайшаго ознакомленія съ культурно-соціальною исторіею новаго времени: здѣсь на первомъ планѣ стоятъ не спеціальные интересы археологіи или критики источниковъ, не вопросы о происхожденіи той или другой народности, о достовѣрности древнѣйшихъ періодовъ ея исторіи и пр. и пр., а политическое, соціальное и экономическое развитіе съ отраженіемъ его въ сферѣ общественныхъ „идеологій. Такую точку зрѣнія я и считалъ наиболѣе подходящею для историческаго курса въ такомъ высшемъ учебномъ заведеніи, гдѣ исторія является предметомъ общаго образованія, а не ученой спеціализаціи, и та же самая точка зрѣнія должна, по моему мнѣнію, господствовать и въ книгахъ, предназначенныхъ содѣйствовать самообразованію. Для спеціалистовъ въ области историческаго изученія древности я прибавилъ бы еще, что какъ и среди слушателей моихъ было не мало молодыхъ людей, не учившихся въ классической гимназіи, такъ, надѣюсь, и эту книжку возьмутъ въ руки многіе, тоже не получившіе классическаго образованія. Конечно, это я долженъ былъ имѣть въ виду въ самомъ способѣ изложенія. Быть можетъ, то или другое, допускаю даже, что весьма многое—могло бы

и даже должно было бы быть сказано совершенно иначе спеціалистомъ-классикомъ для читателей, въ той или другой мѣрѣ прикосновенныхъ къ классицизму, но я думаю, что мнѣ не будетъ поставлено въ вину то, что иной строгій судья найдетъ недостаточно „классичнымъ“,—положимъ, примѣрно сказать, цитированіе по русскимъ переводамъ, — и всякій истинный другъ научнаго изученія классическаго міра, надѣюсь, признаетъ, что настоящая книжка, хотя бы и въ слабой, можетъ быть, только степени, способна возбудить въ читателѣ интересъ къ античности, къ которой, къ сожалѣнію, всѣмъ хорошо извѣстныя обстоятельства внушаютъ большею частью только чувства, противоположныя всякому желанію подойти къ предмету поближе.

Древній міръ, отдѣленный отъ насъ столькими вѣками, между тѣмъ можетъ сдѣлаться намъ очень близкимъ, если мы увидимъ, что и греческія государства, и Римъ уже переживали въ свое время то, что̀ лишь позднѣе стала переживать или и теперь еще переживаетъ новая Европа: ничѣмъ нельзя въ прошломъ такъ заинтересовать просто образованныхъ читателей, не желающихъ сдѣлаться спеціалистами того или другого отдѣла исторіи, какъ изображеніемъ отношеній и изложеніемъ идей, отъ которыхъ наша мысль невольно переносится ко всему тому, что̀ непосредственно насъ окружаетъ и возбуждаетъ наше вниманіе. Было время, когда въ изученіи древняго міра на первомъ планѣ въ сознаніи образованнаго общества стояла литературно-художественная сторона античности, какъ были и эпоха возрожденія особаго интереса къ античной философіи, и даже періодъ увлеченія идеализированными политическими формами древности. Теперь, въ вѣкъ наступающаго господства трезвой исторической правды время увлеченій античнымъ міромъ прошло, и мы съ нимъ знакомимся не для того, чтобы чему-либо научиться у древнихъ, но чтобы умѣть лучше понимать свое собственное время по его аналогіямъ и контрастамъ съ древностью,

здѣсь же теперь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ соціальной эволюціи со всѣми ея политическими и экономическими, правовыми и моральными проблемами.

2 марта 1903 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе „Государства-города“ перепечатано съ перваго безъ всякихъ перемѣнъ, кромѣ нѣкоторыхъ исправленій въ мелочахъ. Другія работы не позволили мнѣ подвергнуть книгу болѣе тщательному пересмотру, тѣмъ болѣе, что онъ могъ бы надолго затянуться, и это на очень неопредѣленное время отсрочило бы выходъ въ свѣтъ книги, которая оказалась нужной.

Въ „Государствѣ-городѣ я разсмотрѣлъ одинъ типъ древняго государства—греко-римскій πόλις-civitas. Свой историческій курсъ, читанный студентамъ I курса экономическаго отдѣленія Спб. Политехническаго Института въ 1903—1904 академическомъ году, я посвятилъ другой типической государственной формѣ древняго міра—крупной монархіи вообще, въ особенности же монархіи универсальной, каковы Ассирія, Персія, царство Александра Македонскаго и Римская имперія. Этотъ курсъ также былъ напечатанъ подъ заглавіемъ „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра“, и обѣ эти книги, вмѣстѣ взятыя, представляютъ собою особеннымъ образомъ построенную исторію древняго міра, причемъ въ первой изъ нихъ преобладаетъ *соціологическая* точка зрѣнія (откуда и подзаголовокъ „Опытъ историческаго построенія политической и соціальной эволюціи античныхъ граждан-

скихъ общинъ"), во второй—точка зрѣнія *историко-философская* (что̀ и отмѣчено подзаголовкомъ „Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій). Обѣ эти точки зрѣнія взаимно дополняются, отнюдь одна другой не исключая, тѣмъ болѣе, что обѣ онѣ въ данномъ случаѣ являются лишь разными способами одного и того же типологическаго изученія.

4 марта 1905 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія этой книги, равно какъ „Монархій древняго Востока и греко-римскаго міра", мною были изданы еще три аналогичныхъ курса, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ Политехническомъ институтѣ, а именно 1) „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ", 2) Западно-европейская абсолютная монархія XVI—XVIII вѣковъ" и 3) „Происхожденіе современнаго народно-правового государства". Всѣ эти книги,—числомъ, слѣдовательно, пять,—составляютъ въ настоящее время цѣлую серію „типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта", въ которой не достаетъ только „варварскихъ государствъ начала среднихъ вѣковъ" для того, чтобы она имѣла право быть названною полнымъ обзоромъ всѣхъ главныхъ государственныхъ формъ, извѣстныхъ всемірной исторіи. Со временемъ я предполагаю восполнить и этотъ пробѣлъ, какъ только другія работы дозволятъ мнѣ это сдѣлать.

22 марта 1910 года.

ГЛАВА I.

Общее понятіе о государствѣ-городѣ.

Значеніе двойного термина *государство-городъ*.—Основной взглядъ Аристотеля на государство. — Общее понятіе о государствѣ. — Политическая интеграція. — Происхожденіе городовъ. — Мнѣніе Аристотеля о наилучшемъ мѣстоположеніи города.

Условимся прежде всего въ пониманіи нашего двойного термина „государство-городъ“. Разумѣя подъ этимъ, сложеннымъ изъ двухъ словъ названіемъ государство, состоящее изъ города съ его ближайшимъ округомъ, или, что то же, городъ, составляющій со своимъ округомъ государство, мы прибѣгаемъ для обозначенія такой политической формы къ сложному термину потому, что для насъ это — два разныя понятія, съ одной стороны городъ, съ другой — государство. У древнихъ грековъ, наоборотъ, эти два понятія сливались воедино, и слово *полисъ* (πόλις) обозначало одинаково и городъ, и государство. Правда, первоначальное значеніе слова было городъ, укрѣпленное мѣсто въ отличіе отъ окружающей страны или *хоры* (χῶρα), носившей еще названія земли (γῆ) или поля (ἀγρὸς), но съ теченіемъ времени подъ словомъ *полисъ* стали разумѣть всякое политически независимое селеніе, господствующее надъ ближайшимъ округомъ съ его болѣе мелкими поселками, носившими названія *комъ* (κώμη) или демовъ (δῆμος), причемъ это селеніе могло разсматриваться въ одно и то же время, какъ государство и какъ столица маленькой государственной территоріи въ родѣ современнаго швейцарскаго кантона. У римлянъ словомъ, наиболѣе близкимъ къ греческому *полисъ* въ его двойномъ значе-

нiи и города, и государства, было *цивитасъ* (civitas), что̀ въ однихъ случаяхъ можетъ переводиться словомъ *городъ*, въ другихъ переводится словомъ *государство*.

Особенностью политическаго быта древнихъ грековъ и римлянъ и было то, что у нихъ государство имѣло городовую форму: это была маленькая территорiя, тяготѣвшая къ одному центру, съ которымъ она и составляла одно неразрывное политическое цѣлое.

Посмотримъ теперь, какъ представляли себѣ такое государство сами древнiе, и для этого познакомимся со взглядомъ на государство знаменитаго философа IV в. до Р. Х. Аристотеля, который составилъ не дошедшее до насъ описанiе болѣе полутораста современныхъ ему республикъ и написалъ еще общiй теоретическiй трактатъ о государствѣ, носящiй названiе „Политики“. Къ этому трактату мы именно и обратимся.

„Всякое государство, — такъ начинаетъ Аристотель эту свою книгу [1]), — всякое государство представляетъ собою нѣкоторую форму общежитiя, а всякое общежитiе состоятельно только въ виду какого-либо блага, потому что всякое дѣло люди дѣлаютъ не иначе, какъ въ виду того, что представляется имъ благомъ. Итакъ, если общежитiе во всѣхъ своихъ формахъ стремится къ какому-либо благу, то наилучшее изъ всѣхъ благъ имѣетъ въ виду *та форма, которая стоитъ выше всѣхъ и всѣ другiя обнимаетъ*. А это — та форма, которая называется государствомъ, форма политическаго общежитiя. Неправильно, продолжаетъ Аристотель, разсуждаютъ тѣ, которые не дѣлаютъ различiя между государственнымъ человѣкомъ, царемъ, домохозяиномъ и господиномъ. Они думаютъ, что *различiе между ними опредѣляется лишь бо̀льшимъ или меньшимъ количествомъ лицъ, подчиненныхъ ихъ власти, а не качествомъ самой власти*. Такъ, по ихъ мнѣнiю, кто властвуетъ надъ нѣсколькими, тотъ господинъ, кто — надъ бо̀льшимъ числомъ лицъ, тотъ хозяинъ дома, а кто — еще надъ бо̀льшимъ, тотъ управляетъ ими, какъ государственный человѣкъ или какъ царь, — какъ будто большая семья или малое государство ничѣмъ не различаются между собою“ [2]).

---

[1]) Русск. пер. Н. Скворцова (Москва, 1865).

[2]) Стр. 1—2.

Въ этихъ словахъ Аристотеля я обращаю особое вниманіе на мысль о томъ, что государство стоитъ выше всѣхъ другихъ формъ общежитія и всѣ другія собою обнимаетъ, будучи въ то же время соединено съ такимъ властвованіемъ надъ людьми, которое качественно отличается отъ властвованія хозяина надъ „чадами и домочадцами“ или господина надъ рабами. Ни Аристотель, ни другіе политическіе писатели древности (Платонъ и Цицеронъ) не пытались дать государству болѣе точное опредѣленіе въ родѣ тѣхъ, какія создавались въ большомъ количествѣ философами, государствовѣдами и юристами новаго времени, но что необходимую принадлежность государства составляетъ власть, это съ достаточною силою отмѣчено и Аристотелемъ, хотя онъ и не даетъ научнаго опредѣленія самому существу властвованія однихъ людей надъ другими.

Чтобы яснѣе представить, чѣмъ отличается государство отъ другихъ формъ общежитія, Аристотель прибѣгаетъ къ тому способу, которымъ вообще рекомендуетъ руководствоваться въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, а именно къ дѣленію сложнаго на простые элементы и потому разсматриваетъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ государство. Первою формою общежитія Аристотель признаетъ семью, второю — поселокъ (κώμη), и „наконецъ, совершеннѣйшая форма общежитія, состоящая изъ многихъ поселковъ, есть государство, — такая форма, въ которой общественная жизнь, во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, достигаетъ высшей степени самодовлѣнія [1])... Если существованіе предшествующихъ формъ общежитія объясняется потребностью человѣческой природы, то и государство точно такъ же вытекаетъ изъ природы, какъ конечной цѣли предшествующихъ формъ жизни“ [2]). Замѣтимъ, что, говоря это, Аристотель природою каждаго предмета называетъ то, чего достигаетъ предметъ, какъ цѣли своего бытія. Итакъ, по Аристотелю, „вслѣдствіе общенія людей между собою сперва образуется семья, а потомъ государство“, но „по смыслу своей природы“ для него, какъ самъ онъ утверждаетъ, „государство существуетъ прежде, чѣмъ семья и каждый изъ насъ въ отдѣльности, потому

[1]) Самодовлѣніе = автаркія (αὐτάρκεια); у Скворцова это понятіе не редано черезъ слово „благосостояніе“.

[2]) Стр. 8.

что,—поясняетъ Аристотель свою мысль,—цѣлое необходимо прежде своей части“ [1]). Для полнаго уразумѣнія этой мысли нужно было бы обратиться къ основнымъ понятіямъ всего философскаго ученія Аристотеля, что̀ завлекло бы насъ слишкомъ далеко, но для насъ достаточно здѣсь узнать, что онъ смотрѣлъ на государство, какъ на нѣкоторую цѣлость, въ себѣ самой имѣющую цѣль своего существованія. „Итакъ, ясно, говоритъ онъ самъ, что государство существуетъ естественно и притомъ прежде, чѣмъ каждый отдѣльный его членъ, потому что, если внѣ государства никто не можетъ имѣть полнаго благосостоянія, то каждый человѣкъ относится къ государству точно такъ же, какъ части относятся къ своему цѣлому. А кто не можетъ жить въ обществѣ или кто не имѣетъ ни въ чемъ нужды, потому что самъ доволенъ собою во всемъ, тотъ не составляетъ никакой части государства и есть или звѣрь, или богъ“ [2]).

Мы не будемъ останавливаться теперь на содержащейся въ приведенныхъ словахъ мысли о взаимномъ отношеніи, какое, по Аристотелю и вообще по понятіямъ древнихъ, существуетъ между отдѣльными людьми и составляющимся изъ нихъ политическимъ цѣлымъ, потому что объ этомъ будетъ еще идти рѣчь впереди, здѣсь же я прошу обратить особое вниманіе на понятіе о государствѣ, какъ о самодовлѣющемъ цѣломъ. Въ концѣ концовъ у Аристотеля государство есть наивысшее, и всеобъемлющее, самое совершенное и вполнѣ самодовлѣющее общественное цѣлое, властвующее надъ своими членами не такъ, какъ властвуетъ хозяинъ въ своемъ домѣ или господинъ надъ рабами.

И вотъ вмѣстѣ со всѣмъ этимъ Аристотель думалъ, что нормально такимъ общественнымъ цѣлымъ можетъ быть только сравнительно небольшой комплексъ людей, занимающій сравнительно небольшую территорію. Не говоря уже о томъ, что для Аристотеля, какъ и вообще для древнихъ, не все населеніе государственной территоріи состояло изъ гражданъ государства, разсматриваемыхъ въ качествѣ существенныхъ его частей, — о чемъ тоже рѣчь еще впереди, — особенно важно имѣть въ виду ту общую мысль нашего философа, что наилучшимъ политическимъ цѣлымъ можетъ быть

---

[1]) Стр. 9.

[2]) Стр. 10.

только государство-городъ въ разъясненномъ смыслѣ. „Самый опытъ, говоритъ Аристотель, показываетъ, какъ трудно и даже невозможно, чтобы въ очень многолюдномъ государствѣ было хорошее законодательство“, потому что „слишкомъ большое число людей, очевидно, не въ состояніи удержать въ своей средѣ должнаго порядка... Поэтому только то государство прекрасно, *величинъ котораго соотвѣтствуетъ опредѣленная мѣра населенія*. Для величины государства, какъ для величины всѣхъ другихъ предметовъ, напр., животныхъ, растеній, разныхъ орудій, непремѣнно должна быть какая-нибудь опредѣленная мѣра. Иначе, если предметъ слишкомъ малъ или чрезмѣрно великъ, то онъ не сохранитъ въ себѣ своей силы, но или вовсе не останется вѣрнымъ своей природѣ, или будетъ дуренъ“. Поясняя свою мысль, Аристотель приводитъ въ видѣ примѣра корабль величиною въ одну пядь или въ двѣ стадіи, который уже не будетъ кораблемъ и во всякомъ случаѣ будетъ дурно плавать. „Равнымъ образомъ, читаемъ мы далѣе, и государство, если состоитъ изъ очень небольшого числа гражданъ, то не довлѣетъ себѣ (а государство должно довлѣть себѣ); *если же число его слишкомъ велико, то оно довлѣетъ себѣ уже какъ цѣлая нація, а не какъ государство;* въ такой массѣ уже и не можетъ быть политическаго устройства. Кто будетъ стратегомъ этого, столь чрезмѣрнаго множества? Или кто его герольдомъ? Развѣ Стенторъ?“ [1]). По вопросу о мѣрѣ населенія, такъ сказать, нормальнаго государства Аристотель приходитъ къ такому выводу: „масса населенія въ государствѣ *должна довлѣть себѣ во всѣхъ потребностяхъ своей жизни*, но въ то же время она должна быть такова, чтобы ее *легко было окинуть* взглядомъ“ [2]). Сообразно съ этимъ рѣшается и вопросъ о территоріи государства: она также должна быть такова, чтобы ее легко было окинуть взглядомъ. Въ другомъ мѣстѣ Аристотель прямо исключаетъ изъ своего понятія о нормальной величинѣ государства „Вавилонъ и всякое другое государство, которое по объему своему представляетъ собою скорѣе область цѣлой націи, чѣмъ государство“ [3]).

---

[1]) Стр. 185. Стенторъ въ Иліадѣ — „мѣдноголосый боецъ, кто пятьдесятъ голосовъ могъ одинъ покрывать своимъ крикомъ.

[2]) Стр. 186.

[3]) Стр. 125.

Политическія *идеи* античнаго міра пока не входятъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія, и я остановился на взглядахъ Аристотеля лишь для лучшаго уразумѣнія одного изъ основныхъ политическихъ *фактовъ* древности—тожества государства съ городомъ и его непосредственнымъ округомъ. Прибавлю только, что древніе не изслѣдовали вопроса о сущности, объединяющей государство въ одно цѣлое власти, но что уже у Аристотеля власть является необходимою принадлежностью государства. И теперь мы разумѣемъ подъ государствомъ такую форму общежитія, которая самостоятельно осуществляетъ принудительное властвованіе надъ свободными людьми, надъ собою притомъ это властвованіе признающими. Было время, когда основу такого властвованія видѣли въ существованіи единой, надъ всѣмъ въ государствѣ господствующей воли, лишь проявляющейся въ волѣ конкретныхъ правителей государства, какъ въ своемъ органѣ, причемъ эта единая господствующая надъ всѣмъ въ государствѣ воля понималась или какъ воля Божества, или какъ общая воля, возникающая изъ общественнаго договора, который будто бы создалъ государство, или какъ воля государства, надѣленнаго предикатомъ самостоятельной личности, напр., въ пониманіи англійскаго политическаго писателя XVII в. Гоббза, видѣвшаго въ государствѣ какъ бы единую личность (civitas est persona una). Теперь центръ тяжести государственнаго властвованія переносятъ, въ теоретическомъ его пониманіи, съ понятія единой воли на понятіе признанія данной власти населеніемъ, исходя изъ того соображенія, что воля всегда будетъ безвластна, если не будетъ пользоваться признаніемъ со стороны другихъ, и что, съ другой стороны, исторіи извѣстна масса случаевъ, когда властвовали въ силу признанныхъ за ними правъ на власть люди, лишенные всякой собственной воли. Другими словами, властвованіе предполагаетъ въ тѣхъ людяхъ, которые его надъ собою признаютъ, сознаніе зависимости своей отъ нѣкоего цѣлаго, пользующагося самостоятельною принудительною властью по отношенію къ отдѣльнымъ своимъ членамъ. Укажу еще и на то, что въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ границы этого властвованія понимались различнымъ образомъ—и въ теоретическихъ опредѣленіяхъ государства, и въ практическомъ осуществленіи его правъ. Въ новое время, подъ вліяніемъ развивавшейся государственности и знакомства съ

политическою жизнью древности, основную особенность государственной власти сначала видѣли въ ея ни отъ кого не зависящемъ и ничѣмъ не ограниченномъ верховенствѣ или, какъ говорится иначе, въ ея абсолютномъ суверенитетѣ, независимо отъ того, кто является носителемъ такой власти— единое лицо или весь народъ, но и это воззрѣніе, позволившее упомянутому англійскому мыслителю XVII в. назвать государство „смертнымъ божествомъ", уступаетъ теперь мѣсто другому, принимающему въ расчетъ, съ одной стороны, зависимость отдѣльныхъ государствъ отъ условій международнаго общенія, съ другой — ограничимость властвованія равнымъ образомъ внутренними отношеніями, напр., религіозными.

Какъ бы то ни было, однако, на всѣхъ ступеняхъ своего развитія государство отличается отъ другихъ формъ общежитія тѣмъ, что одному ему принадлежитъ самостоятельное властвованіе, имѣющее признанное право принужденія, и одно оно можетъ уступать такое право другимъ общественнымъ союзамъ или за ними его поддерживать, будетъ ли то, напр., семья или церковь. Такимъ цѣлымъ, за которымъ отдѣльные члены общественнаго союза признаютъ право принудительнаго властвованія надъ собою, можетъ быть и громадная держава, и маленькій кантонъ, въ античномъ же мірѣ такимъ именно цѣлымъ и было государство-городъ, то, что греки называли *полисъ*.

Въ XVII и XVIII вв. возникновеніе государства объясняли тѣмъ, что люди, жившіе сначала внѣ всякаго правильнаго общенія между собою, находившіеся, какъ это называлось, въ естественномъ состояніи, заключили между собою договоръ, результатомъ котораго и было установленіе общей власти. Теперь такой взглядъ на происхожденіе государства совсѣмъ оставленъ. Прежде всего дознано, что естественнаго состоянія въ указанномъ смыслѣ никогда не было, и что догосударственному быту предшествовали другія общественныя формы, болѣе элементарныя и простыя, въ которыхъ, однако, тоже существовало властвованіе въ предѣлахъ маленькихъ соціальныхъ группъ, бывшихъ своего рода политическими цѣлыми. Государство, какъ болѣе сложная форма, возникло изъ болѣе простыхъ путемъ ихъ сліянія въ одно цѣлое и ихъ въ этомъ цѣломъ поглощенія, т.-е. того, что на языкѣ соціологіи называютъ политической интеграціей. Мы увидимъ,

что античное городовое государство прямо носитъ въ своемъ устройствѣ слѣды происхожденія своего изъ срастанія болѣе мелкихъ общественныхъ группъ, а тутъ только отмѣтимъ, что въ античномъ мірѣ политическая интеграція пошла и дальше, потому что процессъ ея не остановился на государствѣ-городѣ, но повелъ еще къ образованію изъ подобныхъ государствъ-городовъ цѣлыхъ федерацій и кончился образованіемъ великой территоріальной имперіи подъ властью державнаго города Рима.

Для того, чтобы процессъ интеграціи привелъ въ античномъ мірѣ къ государству-городу и къ дальнѣйшему объединенію въ формѣ городскихъ союзовъ или къ властвованію одного города надъ другими, конечно, были свои историческія причины, которыя мы и постараемся опредѣлить, насколько это намъ доступно при современномъ состояніи науки. Теперь же, только-что давши опредѣленіе государства, остановимся нѣсколько на второй части нашего сложнаго термина, на городѣ.

Въ настоящее время городами — въ отличіе отъ деревень — мы называемъ населенныя мѣста съ особенною скученностью населенія, занятаго главнымъ образомъ промышленно-торговою дѣятельностью (въ отличіе отъ сельскаго хозяйства), притомъ населенныя мѣста, имѣющія въ силу указанныхъ обстоятельствъ особое, отличное отъ деревенскаго устройство и управленіе и даже являющіяся средоточіемъ мѣстныхъ властей для окружающихъ мѣстностей. Изъ указанныхъ признаковъ болѣе существенное значеніе имѣютъ бо̀льшая скученность населенія и развитіе торгово-промышленной дѣятельности, что̀, съ одной стороны, дѣлаетъ внутреннее устройство городовъ болѣе сложнымъ и вноситъ въ управленіе ими особыя черты, а съ другой, превращаетъ ихъ въ центры, къ которымъ тяготѣетъ населеніе окрестныхъ деревень и изъ которыхъ удобнѣе ими управлять. И скученіе населенія въ извѣстныхъ пунктахъ, и выдѣленіе торгово-промышленныхъ классовъ, составляющихъ главную и основную часть городского населенія, совершались медленно и постепенно и притомъ такъ, что оба процесса находились во взаимодѣйствіи. Сначала города были, пожалуй, скорѣе мѣстами временнаго пребыванія, чѣмъ постояннаго жительства людей. Это были укрѣпленные пункты, гдѣ окрестное населеніе могло спасать себя и свое имущество во время враже-

скихъ нашествій и тамъ отсиживаться, или это были рынки, на которые сходились жители сосѣднихъ деревень для обмѣна своихъ продуктовъ, а также мѣста, гдѣ они могли собираться для рѣшенія общихъ дѣлъ. Города такимъ образомъ создавались преимущественно войною и торговлею, намѣчавшими будущіе пункты наиболѣе безопаснаго существованія и наиболѣе удобной встрѣчи для торговаго обмѣна: здѣсь же сподручнѣе всего было собираться окрестныхъ жителямъ, когда началась политическая интеграція, для рѣшенія общихъ дѣлъ и, какъ увидимъ, для отправленія общаго религіознаго культа. У грековъ и римлянъ государство сначала и охватывало только такую маленькую территорію съ однимъ городскимъ центромъ, бывшимъ и мѣстомъ убѣжища, и рынкомъ.

Въ томъ самомъ мѣстѣ „Политики“ Аристотеля, гдѣ говорится о нормальномъ размѣрѣ государства, затронутъ и вопросъ о наилучшемъ мѣстоположеніи города. При этомъ Аристотель имѣетъ въ виду именно два условія — стратегическое и коммерческое, для чего и требуетъ, чтобы городъ съ одной стороны прилегалъ къ морю, а съ другой—къ сушѣ. Одно изъ благопріятныхъ условій такого положенія города, говоритъ Аристотель, состоитъ въ томъ, что городъ въ такомъ случаѣ открытъ для помощи со всѣхъ пунктовъ. Затѣмъ другое благопріятное условіе—то, что „такое положеніе города способствуетъ привозу въ него разныхъ плодовъ, земли, лѣсного матеріала и другихъ продуктовъ, которыми изобилуетъ цѣлая страна“ [1]). Вотъ такіе-то стратегическіе и коммерческіе пункты и сдѣлались въ античномъ мірѣ центрами маленькихъ городовыхъ государствъ.

---

[1]) Стр. 187.

ГЛАВА II.

Составныя части государства-города и его образованіе.

Древнее раздѣленіе государства-города на филы-трибы, фратріи-куріи и роды.—Слѣды родового быта.—Мнѣніе Фримана объ образованіи государствъ у грековъ, римлянъ и германцевъ.—Гомеровское общество.—Что такое синойкизмъ.—Размѣры государственныхъ территорій античныхъ гражданскихъ общинъ.

Разсматривая устройство государства-города въ болѣе раннія эпохи его существованія, мы встрѣчаемся прежде всего съ весьма своеобразнымъ расчлененіемъ его на меньшія группы съ характеромъ особыхъ общественныхъ союзовъ. Возьмемъ для примѣра лучше другихъ извѣстные намъ случаи, именно дѣленіе населенія Аѳинъ и Рима на такія, болѣе мелкія группы. Аѳинское гражданство, охватывавшее населеніе всей Аттики, дѣлилось на четыре *филы* (φυλή) съ именами гелеонтовъ, гоплетовъ, аргадовъ и эгинореевъ и съ подраздѣленіемъ каждой филы на три *фратріи* (φρατρεία) съ тридцатью *родами* (γένος) въ каждой. Въ Римѣ аѳинскимъ филамъ соотвѣтствовали *трибы* (tribus), которыхъ было три съ названіями рамновъ, тиціевъ и луцеровъ, причемъ въ каждой трибѣ было по десяти *курій* (curia), а въ каждой куріи по десяти *родовъ* (gens). Такимъ образомъ древнія Аѳины и древній Римъ представляются намъ союзами отдѣльныхъ родовъ, которыхъ въ одномъ городѣ было 360, въ другомъ — 300, и которые входили въ составъ промежуточныхъ союзовъ, называвшихся филами-трибами и фратріями-куріями. Симметричность этого расчлененія гражданства указываетъ, повидимому, на его чисто искусственное установленіе, но на самомъ дѣлѣ, нужно думать, искусственное происхожденіе имѣетъ именно только эта симметричность, а не самые эти союзы, образованіе которыхъ слѣдуетъ относить ко временамъ, предшествовавшимъ возникновенію государствъ городского типа. Прежде, напр., чѣмъ возникло еврейское государство, народъ, создавшій это государство, дѣлился

на двѣнадцать колѣнъ, которыя вели свое происхожденіе отъ отдѣльныхъ сыновей Израиля, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельными племенными общинами. Приблизительно такимъ же образомъ должны мы понимать и древнѣйшій составъ аѳинской и римской гражданскихъ общинъ.

Филы, которыя существовали не въ однихъ Аѳинахъ, но и въ другихъ государствахъ Греціи, и трибы, это—именно то же самое, чѣмъ у евреевъ были колѣна; этимъ послѣднимъ словомъ иногда даже переводятъ оба классическіе термина. Сами филы-трибы состояли изъ отдѣльныхъ, болѣе мелкихъ союзовъ, носящихъ характерныя названія фратрій и курій. Греческій языкъ не сохранилъ обще-арійскаго слова для обозначенія брата (санскр. б'ратаръ, лат. фратеръ, слав. братъ, нѣм. брудеръ и т. п.), замѣнивъ его другимъ, но корень слова сохранился въ названіи фратріи, которое такимъ образомъ должно имѣть значеніе братства. Римское названіе куріи имѣло, повидимому, аналогичное значеніе: по крайней мѣрѣ, въ этомъ словѣ видятъ стяженіе болѣе древней формы *конвирія*, что̀ въ буквальномъ переводѣ значитъ соединеніе мужей, такъ сказать, сомужіе. Такимъ образомъ фратріи-куріи представляются намъ особыми товариществами отдѣльныхъ родовъ, носившихъ въ Греціи и Римѣ родственныя названія *генось* и *генсъ*, которыя происходятъ отъ одного и того же корня *ген* съ значеніемъ *рождать*.

Всѣ эти филы-трибы, фратріи-куріи и роды имѣли общихъ начальниковъ или старѣйшинъ, общія учрежденія и общій религіозный культъ. Такіе начальники назывались въ Греціи *филобасилевсами* и *фратріархами*, въ Римѣ — *трибунами* и *куріонами*, и каждая изъ такихъ составныхъ частей государства-города представляла изъ себя до извѣстной степени замкнутую общину или корпорацію, жившую своею особою жизнью. Вопросъ заключается въ томъ должны ли мы понимать это дѣленіе по аналогіи съ нашимъ, что-ли, дѣленіемъ государственной территоріи на губерніи и губерній на уѣзды или по аналогіи съ дѣленіемъ еврейскаго народа на колѣна, т.-е. было ли оно результатомъ искусственнаго расчлененія единаго политическаго цѣлаго на отдѣльныя части, или, наоборотъ, это цѣлое было результатомъ соединенія между собою болѣе мелкихъ общественныхъ организмовъ, ведшихъ раньше самостоятельную жизнь.

Наука рѣшаетъ этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ, сколько бы

ни было искусственности въ тѣхъ передѣлкахъ, благодаря которымъ получилась указанная симметричность въ строеніи древняго государства-города. Если даже и допустить большую искусственность образованія фратрій-курій, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, во всякомъ случаѣ родъ древнѣе филы-трибы, а фила-триба древнѣе государства-города.

Наука давно уже пользуется понятіемъ родового быта для обозначенія такой стадіи соціальной эволюціи, когда люди жили отдѣльными группами, члены которыхъ считали себя связанными узами кровнаго родства, подчинялись власти одного и того же старѣйшины, сообща владѣли землею и не входили въ составъ болѣе крупной организаціи. Прежде думали, что каждый такой родъ былъ дѣйствительно результатомъ разрастанія индивидуальной семьи, состоявшей изъ одного супружества, но теперь на дѣло смотрятъ иначе и въ индивидуальной семьѣ, образующейся изъ мужа, жены и ихъ дѣтей, видятъ результатъ разложенія болѣе ранней формы—именно семьи патріархальной, которая состояла изъ нѣсколькихъ супружествъ подъ управленіемъ одного домовладыки и сама лишь позднѣе выдѣлилась изъ рода, бывшаго въ свою очередь только поздпѣйшею стадіею въ развитіи общества изъ первобытной орды. Впрочемъ, каково бы ни было происхожденіе рода и его отношеніе къ индивидуальной семьѣ, онъ былъ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ образованій, которыя называются племенами и государствами, и даже въ ту эпоху, когда произошло сліяніе родовъ въ болѣе крупныя единицы, эти роды продолжали еще существовать съ остатками своихъ старыхъ, догосударственныхъ порядковъ.

Аристотель въ своей „Политикѣ“ объясняетъ происхожденіе государства именно изъ соединенія вмѣстѣ отдѣльныхъ семей черезъ промежуточную степень поселковъ или *комъ*. „Первая, говоритъ онъ, естественная форма общежитія, не измѣняющаяся во все время человѣческаго существованія, есть семья; членовъ семьи Харондъ [1]) называетъ однокашниками, а Эпименидъ Критянинъ [2]) — одноочажниками. Затѣмъ слѣдуетъ другая форма общежитія—поселокъ (κώμη);

[1]) Харондъ—законодатель Катаны въ Сициліи за 400 л. до Р. Х.

[2]) Жилъ за 500 л. до Р. Х. и, можетъ быть, писалъ объ общественномъ устройствѣ критянъ.

онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, и интересы его не ограничиваются уже предѣлами обыденныхъ нуждъ. Всего естественнѣе, думаетъ Аристотель, смотрѣть на поселокъ, какъ на разселеніе семьи; членовъ одного поселка нѣкоторые называютъ одномолочниками, таковы дѣти и внуки... Подобно тому, читаемъ мы далѣе, какъ всякою семьею управляетъ старѣйшій въ родѣ, въ качествѣ царя, такъ и дальнѣйшее разселеніе семьи, вслѣдствіе родства ея членовъ между собою находится также подъ управленіемъ царя. Изреченіе Гомера: „каждый властвуетъ надъ дѣтьми и женами — *относится именно къ эпохѣ спорадическаго образа жизни*, а такъ дѣйствительно жили люди въ древности“ [1]). Мѣсто изъ Гомера, на которое ссылается Аристотель, находится въ Одиссеѣ и касается киклоповъ, о которыхъ говорится именно, что

„надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь“.

Какъ это мѣсто напоминаетъ намъ слова несторовой лѣтописи о нашихъ предкахъ въ тѣ времена, когда „каждый жилъ съ родомъ своимъ“ и когда, съ другой стороны также, „родъ возставалъ на родъ“.

О родовомъ бытѣ грековъ и римлянъ мы не имѣемъ непосредственныхъ свидѣтельствъ: древнѣйшія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о греческомъ общественномъ бытѣ, относятся всѣ къ тѣмъ временамъ, когда существовали уже маленькія племенныя организаціи, эти зачаточныя формы позднѣйшихъ государствъ-городовъ. Но и тогда, впрочемъ, когда послѣдніе уже сложились, во внутреннемъ быту ихъ гражданъ все-таки продолжали еще существовать многіе порядки, сохранившіеся изъ временъ родового быта.

Во-первыхъ, это — само распредѣленіе всѣхъ гражданъ между отдѣльными родами, такъ что все государство являлось какъ-бы союзомъ родовъ, а не отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Каждый родъ велъ свое происхожденіе отъ общаго предка, по имени котораго и назывался: аѳинскіе Алкмеониды были потомками Алкмеона, римскіе Клавдіи вели свое происхожденіе отъ Клавза, т.-е. это были, упо-

[1]) Пер. Скворцова, стр. 6 и 7.

требляя наши патронимическія окончанія, Алкмеоновичи или Клавзовичи. Отдѣльныя семьи, составлявшія одинъ и тотъ же родъ, разсматривали себя, какъ состоящія изъ сродичей (gentiles, γεννῆται), связанныхъ узами общаго происхожденія, что̀ сообщало имъ по отношенію другъ къ другу разныя права и налагало также на нихъ взаимныя обязанности. Во-вторыхъ, важно именно существованіе этихъ родовыхъ правъ и обязанностей. У каждаго рода были свои боги, свой культъ, свои праздники, свое кладбище исключительно для членовъ рода, и это создавало между ними извѣстную религіозно-нравственную солидарность, которая должна была проявляться въ разныхъ сторонахъ общей жизни. Въ былыя времена каждый родъ являлся вооруженнымъ союзомъ, оберегавшимъ каждаго своего члена отъ обидъ и насилій, и такое значеніе сохранялось за греко-римскимъ родомъ даже въ эпоху развитого государственнаго быта. У насъ эта функція давнымъ давно перешла къ государству, но было время, когда родъ былъ единственной общественной силой, защищавшей личность. Сродичи были мстителями за убійство, и обычай кровавой мести, съ теченіемъ времени замѣнявшейся выкупомъ или вирой, — одно изъ самыхъ распространенныхъ установленій глубокой старины. Въ Аѳинахъ уже въ очень позднюю эпоху само государство не вчинало дѣлъ объ убійствѣ, оставивъ починъ преслѣдованія и обвиненія убійцы людямъ, близкимъ къ убитому, которые сами, правда, уже не могли мстить, но обязаны были обращаться къ суду въ порядкѣ частнаго обвиненія. Этими близкими людьми могли быть братья, родные, двоюродные, троюродные, или племянники, т.-е. родственники, имѣвшіе общихъ прадѣдовъ и прабабокъ, а если такой родни у убитаго не было, то обязанность возбужденія дѣла объ убійствѣ падала на весь родъ убитаго, когда же стали разлагаться родовыя связи, то въ случаѣ отсутствія у убитаго сродичей обязанности рода переходили къ фратріи. Таковы были слѣды родового быта въ аѳинскомъ уголовномъ правѣ, но они были и въ гражданскомъ правѣ. Когда-то роды владѣли землею сообща, т.-е. частной собственности не существовало, но по отношенію къ Греціи и Риму мы знаемъ вообще лишь тотъ уже порядокъ, когда земля была распредѣлена между отдѣльными семьями. Тѣмъ не менѣе въ наслѣдственномъ правѣ сохранились слѣды старой родовой солидарности въ имущественномъ отношеніи. Таковъ, напр.,

одинъ изъ законовъ римскихъ XII таблицъ, по которому въ случаѣ отсутствія у умершаго сыновей и агнатовъ, т.-е. родственниковъ по мужской линіи естественнымъ наслѣдникомъ долженъ быть признанъ сродичъ (gentilis).

Таковы слѣды родового быта въ греческихъ и римскомъ государствахъ-городахъ. Каждый родъ, — между прочимъ, имѣвшій право пополнять себя принятіемъ новыхъ членовъ извнѣ посредствомъ адоптаціи, — былъ нѣкоторымъ образомъ особымъ религіозно-политическимъ союзомъ, хранившимъ въ себѣ кое-что изъ тѣхъ временъ, когда выше рода не существовало никакой болѣе крупной политической организаціи. Такими же религіозно-политическими союзами были фратріи и куріи, филы и трибы, внутренніе распорядки которыхъ даже прямо сложились по образцу родовыхъ учрежденій. Во всемъ этомъ, благодаря скудности и отрывочности достовѣрныхъ свидѣтельствъ, много для насъ неяснаго, такъ что разныя объясненія отдѣльныхъ явленій отличаются спорностью, но несомнѣнно, что въ составѣ городскихъ общинъ античнаго міра не только роды, но и болѣе крупныя группы, складывавшіяся изъ отдѣльныхъ родовъ, были остатками пережитыхъ общественныхъ формъ, сохранившихъ нѣкоторыя черты болѣе древняго быта, чѣмъ бытъ городовыхъ государствъ уже болѣе поздней, исторической эпохи.

Для разсѣянія того мрака неизвѣстности, которымъ покрыта исторія образованія античныхъ гражданскихъ общинъ, для внесенія нѣкотораго свѣта въ эти доисторическія потемки кое-что даетъ намъ примѣненіе такъ называемаго сравнительнаго метода. Сходство отдѣльныхъ явленій, наблюдаемыхъ у разныхъ народовъ, можетъ объясняться троякимъ образомъ, а именно или общностью происхожденія, или прямымъ заимствованіемъ, или же, наконецъ, тѣмъ, что одинаковыя причины, коротко говоря, порождаютъ одинаковыя слѣдствія. Когда мы узнаемъ, наприм., что у разныхъ арійскихъ народовъ названія членовъ семьи, т.-е. отца и матери, сына и дочери, брата и сестры сходны между собою, мы ищемъ объясненія этому явленію въ томъ, что эти названія уже существовали у общихъ предковъ индійцевъ, иранцевъ, грековъ, римлянъ, германцевъ, славянъ и литовцевъ. Случай уже совсѣмъ другой категоріи наблюдается нами тогда, когда мы встрѣчаемъ, напр., одинъ и тотъ же сюжетъ въ литературныхъ произведеніяхъ нѣсколькихъ народовъ, и

самымъ естественнымъ предположеніемъ является здѣсь то, что этотъ сюжетъ переходилъ отъ одного народа къ другому, т.-е. то, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованіями, дѣлавшимися одними у другихъ. Но бываютъ случаи поразительнаго сходства въ исторіи учрежденій отдѣльныхъ народовъ, когда не можетъ быть рѣчи ни объ общемъ происхожденіи, ни о заимствованіи. Мы только-что видѣли подобное сходство между Аѳинами и Римомъ, причемъ у насъ нѣтъ основаній думать, чтобы кто-либо у кого-либо заимствовалъ всѣ эти фратріи и куріи, филы и трибы или чтобы аѳиняне и римляне пользовались государственнымъ устройствомъ, сложившимся еще въ эпоху, когда эллины и италики не выдѣлились изъ общаго арійскаго корня, унаслѣдованнымъ именно изъ этой глубокой старины. Все, наоборотъ, заставляетъ думать, что аѳинское и римское государства сложились каждое самостоятельно и независимо другъ отъ друга, такъ какъ и въ Греціи, и въ Италіи государства-города явились уже въ сравнительно позднюю эпоху и каждое изъ нихъ приняло ту или другую форму въ зависимости отъ условій чисто мѣстнаго характера. Если, однако, при всемъ томъ мы находимъ столь поразительное сходство въ ихъ строѣ, то объясняется оно тѣмъ, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, что одинаковыя условія порождаютъ и одинаковыя явленія. Вотъ эта послѣдняя мысль и лежитъ въ основѣ сравнительнаго метода, широко въ настоящее время прилагаемаго къ обработкѣ историческаго и этнографическаго матеріала для рѣшенія разнаго рода научныхъ вопросовъ, а между ними и вопросовъ, касающихся общихъ законовъ соціальной эволюціи, съ одной стороны, а съ другой, и вопросовъ, касающихся частныхъ явленій, когда они требуютъ объясненія по аналогіи съ однородными имъ явленіями, по тѣмъ или другимъ причинамъ лучше намъ извѣстными, нежели тѣ, которыя мы хотимъ объяснить.

Одинъ изъ извѣстныхъ англійскихъ историковъ, умершій лѣтъ десять тому назадъ (1892), Эдуардъ Фриманъ, написалъ въ семидесятыхъ годахъ XIX в. небольшую книгу подъ названіемъ „Сравнительная политика“, въ основу которой положена только-что указанная мысль [1]). Фриманъ

[1]) Есть въ русск. пер. Коркунова (Спб. 1880).

вовсе не былъ изобрѣтателемъ сравнительнаго метода или его приложенія къ исторіи политическихъ учрежденій, и если я здѣсь указываю на эту книгу, то потому лишь, что въ ней сдѣлана попытка освѣтить происхожденіе государства у грековъ, римлянъ и германцевъ путемъ нахожденія извѣстныхъ чертъ сходства и извѣстныхъ чертъ различія между ними.

Фриманъ указываетъ на то, что у классическихъ народовъ образовались государства-города, тогда какъ новые народы положили основаніе государствамъ-націямъ, т.-е. разница заключается въ томъ, что древніе и особенно греки достигли городского быта очень рано, и что онъ получилъ у нихъ такое развитіе, какого у нихъ никогда, наоборотъ, не имѣло національное единство, германцы же прямо перешли отъ племенного быта къ національному единству, минуя посредствующую стадію городского быта. Другими словами, у грековъ процессъ образованія государства опередилъ процессъ національнаго объединенія, который у германцевъ шелъ, такъ сказать, рука объ руку съ первымъ процессомъ. Для насъ, однако, здѣсь важна не эта разница, а тотъ общій путь политической интеграціи, который прошли и греки, и римляне, и германцы отъ родового быта до эпохи возникновенія государствъ-городовъ и государствъ-націй.

Исторія, по мнѣнію Фримана, знакомится съ германцами на болѣе раннихъ ступеняхъ соціальной эволюціи, чѣмъ тѣ, на которыхъ стояли греки и римляне, какими они дѣлаются извѣстными въ исторіи, и поэтому легче прослѣдить образованіе государства у германцевъ, чѣмъ у обоихъ народовъ классическаго міра. Простѣйшую и первичную политическую единицу у германцевъ составляла земледѣльческая сельская община, или *марка*, наиболѣе близко стоящая къ простому домашнему, семейному общенію. Это, конечно, не то же самое, что аѳинскій или римскій родъ, но нѣчто все-таки очень еще близкое къ роду или *клану*, какъ называются кельтскія родовыя общины. Между прочимъ, Фриманъ отмѣчаетъ и то, что часто такія сельскія общины носили названія, несомнѣнно, родового происхожденія, указывавшія на то, что вся община вела свое происхожденіе отъ одного предполагаемаго предка. Совокупность такихъ *маркъ* составляла *племя*,

которое Фриманъ сопоставляетъ съ аѳинской филой и съ римской трибой. Подобно тому, однако, какъ между филами-трибами, съ одной стороны, и родами, съ другой, существовало посредствующее общеніе фратрій-курій, такъ и у германцевъ марка была не непосредственною частью племенной территоріи, а съ другими сосѣдними марками составляла такъ называемую *сотню*, которая именовалась въ латинскихъ памятникахъ *центеной* (centena), а по-германски *гундредъ*. Но значеніе этого посредствующаго общенія въ сравненіи съ преобладающимъ значеніемъ рода, съ одной стороны, и племени, съ другой, было очень невелико, и можно сказать, что какъ изъ отдѣльныхъ сельскихъ общинъ составлялось племя, такъ изъ отдѣльныхъ племенъ составлялось государство. Такимъ именно племенамъ соотвѣтствуютъ названія отдѣльныхъ округовъ, на которые дѣлились государства, т.-е. названія — *гау*, *шэйры* (shire въ Англіи), по-латыни *паги* (pagus): это не были подраздѣленія королевствъ, а сами королевства составились изъ подобныхъ паговъ. Долгое время высшими политическими единицами были у германцевъ племена, и притомъ такъ, что племена одного и того же народа не сливались вмѣстѣ, а, дѣйствуя лишь по временамъ сообща, каждое племя сохраняло свою независимость. У каждаго племени былъ свой князь или воевода (герцогъ), и только въ исключительныхъ случаяхъ отдѣльныя племена одной и той же народности выбирали временнаго общаго вождя. Какъ ни отрывочны римскія извѣстія о бытѣ германцевъ, мы можемъ различить въ этомъ быту болѣе ранній періодъ устройства племеннаго и болѣе поздній періодъ, когда отдѣльныя племена оказываются уже соединенными въ цѣлыя народности съ королями во главѣ.

Германцы, какъ ихъ описалъ въ I в. по Р. Х. римскій историкъ Тацитъ, представляются Фриману „стоящими на болѣе низкомъ уровнѣ общественнаго развитія, нежели сродные имъ народы на двухъ южныхъ полуостровахъ, какъ они изображены въ поэмахъ Гомера и въ древнѣйшихъ преданіяхъ Рима“. „Первыя свѣдѣнія о германцахъ, какія мы находимъ у Тацита, говоритъ Фриманъ, рисуютъ намъ картину общественнаго быта, который значительно ниже состоянія ахейцевъ Гомера. Ихъ состояніе скорѣе соотвѣтствуетъ тому состоянію, въ какомъ находились другія племена, на которыя ахейцы Гомера смотрѣли, какъ на ниже ихъ стоя-

щія по общественному развитію“ [1]). Мы сейчасъ и перейдемъ къ вопросу о бытѣ грековъ въ гомеровскую эпоху, отмѣтивъ только, что и въ древней Греціи не вездѣ изъ сліянія болѣе мелкихъ группъ возникало городовое государство, и что, напр., Македонія является страною, въ которой образовалось государство-нація, напоминающее намъ первоначальныя королевства германцевъ эпохи переселенія народовъ. Дѣло въ томъ, что о бытѣ грековъ многое мы узнаемъ еще изъ той поры, которая предшествовала развитію городского быта. Свѣдѣнія объ этомъ намъ даютъ извѣстныя поэмы Гомера „Иліада“ и „Одиссея“.

Здѣсь не мѣсто разбирать такъ называемый „гомеровскій вопросъ“, т.-е. вопросъ, кто такой былъ Гомеръ, да и существовалъ ли онъ еще на самомъ дѣлѣ, а также когда и какъ сложились поэмы, носящія его имя. Ученые, занимавшіеся „гомеровскимъ вопросомъ“, пришли къ той мысли, что поэмы возникли не въ одно и то же время, что „Одиссея“ моложе „Иліады“ и что вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ онѣ составлены изъ частей неодинаковаго происхожденія и въ смыслѣ времени, и въ смыслѣ мѣста. „Иліада“ и „Одиссея“, это—искусственныя соединенія отдѣльныхъ былинъ, пѣвшихся странствующими рапсодами при дворахъ князей и знати,—соединенія, въ которыхъ обнаруживаются вдобавокъ и разныя позднѣйшія вставки. Можно думать, что самыя старыя мѣста „Иліады“ относятся къ XII в. до Р. Х., между тѣмъ какъ свою редакцію обѣ поэмы получили лишь въ Аѳинахъ VI вѣка,—время, достаточное, чтобы предположить въ нихъ существованіе цѣлаго ряда наслоеній, рисующихъ намъ разныя эпохи и разныя мѣста, хотя бы и въ окраскѣ одной и той же общественной среды, древней греческой знати, воспѣвавшейся странствующими рапсодами. Сколько бы ни было, однако, позднѣйшихъ вставокъ и разныхъ наслоеній въ гомеровскихъ поэмахъ, и какія поэтическія вольности ни заключались бы въ древнѣйшихъ частяхъ этихъ поэмъ, въ общемъ онѣ рисуютъ намъ бытъ достаточно архаичный, т.-е. очень раннія экономическія и политическія формы, и во всякомъ случаѣ мы можемъ пользоваться данными греческаго эпоса для характеристики степени общественнаго развитія, на какой на-

---

[1]) *Фриманъ*, стр. 75.

ходились греки до возникновенія государствъ-городовъ болѣе поздней эпохи.

Гомеровское общество является передъ нами государствомъ лишь въ особыхъ случаяхъ, когда мелкія группы, изъ которыхъ оно состояло, соединялись вмѣстѣ только на время ради какихъ-либо общихъ предпріятій. Когда это нужно, на сценѣ является цѣлая организація, существенными частями которой слѣдуетъ признать царскую власть, совѣтъ старѣйшинъ и народное вѣче, но въ обыкновенное время мелкія группы существуютъ совершенно самостоятельно, и все въ нихъ дѣлается своими собственными силами и средствами. Разъ не было какого-либо общаго предпріятія, царь, старѣйшины, т.-е. главы мелкихъ группъ и народъ не собирались вмѣстѣ, и государства, такъ сказать, не было тогда налицо. Когда божественный Одиссей находился подъ Троей и потомъ странствовалъ по морямъ и землямъ, въ его царствѣ на островѣ Иѳакѣ двадцать лѣтъ не собирались вмѣстѣ старѣйшины и народъ, пока сынъ царя, Телемакъ, не созвалъ ихъ для борьбы съ наглыми женихами его матери Пенелопы. Но и самъ Одиссей былъ лишь однимъ изъ многихъ царей, существовавшихъ на островѣ Иѳакѣ въ то время: онъ, очевидно, былъ только княземъ одного изъ племенъ, выдвинувшимся изъ среды другихъ племенныхъ князей острова и получившимъ значеніе главы всего этого соединенія племенныхъ группъ. Двадцать лѣтъ прожили иѳакійцы безъ такого царя, безъ собраній, на которыхъ сходились вмѣстѣ другіе племенные князья и свободные простолюдины.

Мы знаемъ, далѣе, изъ гомеровскихъ же поэмъ, что греки „героическихъ временъ“ представляли собою общество, главнымъ занятіемъ котораго было скотоводство и земледѣліе. Гомеръ рисуетъ намъ жизнь небольшихъ соціальныхъ группъ уже съ установившеюся частною собственностью на землю и съ неравенствомъ состояній, но еще пребывающихъ въ періодѣ натуральнаго хозяйства. Торговый обмѣнъ развитъ еще очень мало, каждая группа представляетъ изъ себя замкнутое, самодовлѣющее цѣлое, находящее въ себѣ самомъ удовлетвореніе своихъ несложныхъ экономическихъ потребностей. Эти группы образовывали изъ себя по тѣмъ или инымъ причинамъ временные союзы, но это были только случайныя комбинаціи, которыя тотчасъ же разстраивались по минованіи въ нихъ надобности, да и впослѣдствіи, когда эти комбинаціи

съ теченіемъ времени дѣлались болѣе постоянными, мелкія группы долго еще сохраняли въ нихъ свою индивидуальность. Однимъ словомъ, въ гомеровскую эпоху будущее государство только намѣчается, какъ высшая организація, выростающая надъ племенными группами, но еще весьма непрочная, не имѣющая ни постоянныхъ орудій, ни постоянныхъ способовъ и независимыхъ средствъ какого-либо воздѣйствія на свои составныя части, никоимъ образомъ не могущая подойти подъ понятіе государства съ его монополизаціей принудительнаго властвованія. Защиту отдѣльной личности давала не эта организація, а родовыя связи, и если въ племенныхъ группахъ существовалъ какой-либо порядокъ, то поддерживался онъ не государственнымъ законодательствомъ и стоящею за нимъ матеріальною силою правительства, а обычаемъ съ его санкціей въ религіозныхъ вѣрованіяхъ группы и въ томъ, что̀ можно назвать ея нравственнымъ и правовымъ самосознаніемъ или ея общественнымъ мнѣніемъ. У государства не было еще ни органовъ, ни матеріальныхъ средствъ для поддерживанія общественнаго порядка, да и самой идеи о необходимости такой организаціи ни у кого не существовало: то, что̀ впослѣдствіи дѣлало государство, хорошо ли, дурно ли, но все-таки исполнялось самими родовыми и племенными группами съ ихъ несложнымъ устройствомъ, съ ихъ мѣстными властями, не зависѣвшими отъ какихъ-либо постоянныхъ, надъ ними еще господствовавшихъ властей.

Намъ трудно судить о томъ, кто выше стоялъ на лѣстницѣ общественнаго развитія, греки гомеровскихъ поэмъ или германцы, какими ихъ описываютъ римскіе писатели первыхъ вѣковъ нашей эры, такъ какъ и въ первомъ, и во-второмъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ разными ступенями быта въ разные періоды и въ отдѣльныхъ частяхъ греческаго или германскаго быта, но во всякомъ случаѣ и здѣсь, и тамъ мы наблюдаемъ процессъ возникновенія государствъ, какъ болѣе сложныхъ политическихъ организацій, путемъ сростанія болѣе мелкихъ общественныхъ группъ, которыя мы условно называемъ племенами, предполагая, что эти группы сами уже были результатомъ интеграціи еще болѣе простыхъ группъ— отдѣльныхъ родовъ или сельскихъ общинъ.

Однимъ изъ факторовъ, который сплачивалъ болѣе мелкія общественныя группы въ болѣе крупныя, была война въ ея двухъ видахъ нападенія и обороны. Нѣкоторыя государства

возникли путемъ завоеванія нѣсколькихъ такихъ группъ пришельцами, которые потомъ и основывались въ покоренной странѣ въ видѣ постояннаго военнаго лагеря, какимъ была, напр., Спарта, обязанная своимъ происхожденіемъ дорійской военной дружинѣ, занявшей съ оружіемъ въ рукахъ долину Эврота. На другой, уже болѣе мирный путь образованія государства указываетъ, повидимому, исторія Аѳинъ. Аѳиняне всегда настаивали, что ихъ страна никогда не подвергалась завоеванію, и объясняли происхожденіе своего города изъ добровольнаго сліянія въ одну большую общину нѣсколькихъ общинъ меньшихъ размѣровъ. Такое сліяніе отдѣльныхъ поселеній въ одинъ общій городъ получило названіе *синойкизма*, что̀ значитъ приблизительно „сживаніе вмѣстѣ“. Нѣкоторые греческіе писатели свидѣтельствуютъ о томъ, что въ прежнія времена эллины жили отдѣльными поселками, комами (κατὰ κώμας), что̀ сохранялось въ нѣкоторыхъ частяхъ страны и въ болѣе позднюю эпоху. Такія селенія вступали между собою въ союзы, напр., для взаимной защиты, для общаго чествованія мѣстныхъ боговъ и т. п., причемъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ совершалось и сліяніе отдѣльныхъ поселеній въ одинъ общій городъ. Когда доряне напали на Аркадію, жители одной мѣстности, имѣвшіе девять отдѣльныхъ, скажемъ такъ, что ли, деревень, перебрались въ такой пунктъ, который удобно было защищать, и тѣмъ положили начало маленькому городовому государству Тегеѣ. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько. Особенно любопытно возникновеніе города путемъ синойкизма уже совсѣмъ на глазахъ исторіи, когда въ 369 г. до Р. Х. Эпаминондъ для противовѣса Спартѣ создалъ въ Аркадіи Мегалополь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстечекъ, занимавшихъ довольно значительную территорію. До образованія городовъ деревенскія общины очень часто составляли уже изъ себя отдѣльные союзы, даже вступавшіе между собою въ договорныя отношенія. Таковы были, наприм., федераціи элейскихъ и геройскихъ комъ, оставившихъ послѣ себя письменный союзный договоръ, который ученые относятъ къ серединѣ VI в. до Р. Х. Впослѣдствіи каждая изъ этихъ сельскихъ федерацій сплотилась въ отдѣльную городскую общину.

Въ процессѣ синойкизма, дававшаго въ результатѣ государство-городъ, слѣдуетъ различать два особые процесса, которые могли въ отдѣльныхъ случаяхъ и сливаться между

собою: однимъ процессомъ было превращеніе федераціи селъ въ городъ, другимъ — образованіе союза между городомъ и окрестными поселками. Городъ вообще дѣлался центромъ притяженія для мелкихъ разбросанныхъ поселковъ въ естественныхъ границахъ области, если не встрѣчалъ на пути расширенія своего вліянія—противодѣйствія со стороны другого подобнаго же центра.

Аѳины, по представленію самихъ древнихъ, были обязаны своимъ происхожденіемъ такому синойкизму, положившему начало городу, который потомъ сталъ во главѣ всѣхъ остальныхъ селеній Аттики. До аѳинскаго объединенія Аттика состояла изъ нѣсколькихъ племенныхъ общинъ подъ властью своихъ князей, и верстахъ въ девяти отъ того мѣста, гдѣ потомъ былъ главный городъ, уже находилось владѣніе элевсинской общины, имѣвшей совершенно самостоятельное существованіе. Нѣкоторые изъ аттическихъ поселковъ составляли особые союзы, по три-четыре населенныхъ мѣстъ въ каждомъ. По преданію, отдѣльныхъ самостоятельныхъ общинъ и союзовъ въ Аттикѣ было двѣнадцать—число, совпадающее съ числомъ позднѣйшихъ аѳинскихъ фратрій. Изъ этихъ 12 общинъ особенно возвысилась одна, которая постепенно объединила вокругъ себя всѣ остальныя (позже другихъ элевсинскую), и здѣсь-то именно возникъ городъ Аѳины. Въ эпоху своего процвѣтанія онъ занималъ группу холмовъ, на которыхъ раньше было три отдѣльныхъ поселенія, собственно говоря, и слившихся въ одинъ городъ.

Самое его названіе, имѣющее форму множественнаго числа (Ἀθῆναι), указываетъ, повидимому, на образованіе города изъ нѣсколькихъ селеній. Вѣроятно, первоначальныя Аѳины не были настолько сильны, чтобы подчинить себѣ остальныя аттическія общины, превратить ихъ жителей въ своихъ подданныхъ, но все-таки имѣли настолько притягательной силы, что мало-по-малу мѣстныя власти и правящіе классы остальныхъ общинъ перебрались въ общій для всѣхъ центръ. Этимъ указанныя общины не были уничтожены, а утратили только вслѣдствіе этого свою самостоятельность и сдѣлались простыми *демами* общаго городового государства.

Путемъ такого же синойкизма возникъ и древній Римъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ первоначально отдѣльныхъ общинъ, изъ которыхъ одна была на Палатинѣ, другая—на

Квириналѣ и около которыхъ, можетъ быть, была еще третья община, то же вошедшая потомъ въ составъ Рима.

Аѳины и Римъ были особыми, исключительными городами, которымъ очень рано удалось пріобрѣсти значеніе политическихъ центровъ для довольно обширныхъ территорій. Бо̀льшая часть государствъ-городовъ древности довольствовалась меньшими размѣрами своихъ территорій: не нужно забывать, что такихъ политически-самостоятельныхъ единицъ на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря были сотни, а потому намъ и будутъ понятны очень малые размѣры ихъ территорій, среди которыхъ аѳинская въ 2527 кв. километровъ или спартанская въ 4700 были уже очень крупными величинами. 2527 кв. клм. составляютъ около 2200 кв. верстъ, а такую площадь образуетъ правильный четыреугольникъ верстъ въ 50 длины и въ 44 ширины.

ГЛАВА III.

Происхожденіе общественныхъ неравенствъ въ населеніи государства-города.

Аристократія и демократія въ античномъ мірѣ. — Общественныя неравенства въ гомеровскую эпоху. — Эвпатриды въ Греціи и патриціи въ Римѣ. — Вліяніе военнаго быта. — Крѣпостные крестьяне въ сельскомъ быту Греціи. — Свободная аренда земель. — Классы населенія, не входившіе въ составъ общинъ. — Римскій плебсъ. — Аристократическій характеръ родовъ, курій-фратрій и трибъ-филъ. — Историческое значеніе отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ. — Царственныя фамиліи въ древней Греціи. — Сословная борьба въ античномъ мірѣ.

Внутренняя исторія наиболѣе значительныхъ государствъ-городовъ античнаго міра рисуется намъ, какъ борьба сословій и соціальныхъ классовъ. Уже въ самомъ началѣ исторіи Аѳинъ мы наталкиваемся на рѣзкое раздѣленіе населенія Аттики на *эвпатридовъ* и *ѳетовъ*, подобно тому, какъ въ Римѣ находимъ *патриціевъ* и *плебеевъ*, какъ вообще вездѣ встрѣчаемъ знать и простой народъ, которые потомъ вступаютъ между собою въ ожесточенную борьбу. Исторія этой

борьбы, т.-е. борьбы аристократіи и демократіи, наполняетъ собою, какъ извѣстно, всѣ лѣтописи внутренней жизни античныхъ государствъ-городовъ.

Это дѣленіе членовъ гражданскихъ общинъ на знать и простонародье древнѣе самихъ этихъ общинъ, потому что мы находимъ его еще въ гомеровскомъ обществѣ съ его болѣе простыми формами быта. Въ наиболѣе раннія эпохи родового быта частной собственности на землю не было, и лишь на болѣе позднихъ ступеняхъ, когда роды стали расчленяться на патріархальныя семьи, послѣднимъ стали выдѣляться особые участки, которые сдѣлались наслѣдственными въ каждой семьѣ. Мы не въ состояніи прослѣдить бытовую исторію классическихъ народовъ до той поры, когда ихъ предки не знали еще частной собственности отдѣльныхъ семей: уже въ гомеровскую эпоху земля не только была въ частной собственности, но и распредѣленіе ея было уже весьма неравномѣрно. Участки земли, находившіеся въ обладаніи отдѣльныхъ семействъ, назывались *клерами*, т.-е. словомъ (клеросъ, κλῆρος), обозначающимъ жребій. Нѣкоторые въ этомъ обстоятельствѣ видѣли указаніе на существованіе у грековъ передѣловъ общинной земли по жребію, но это—совершенно произвольное толкованіе, которому можно притомъ противопоставить другое, хотя тоже не вполнѣ достовѣрное: по жребію греки получали разъ навсегда свои участки, когда занимали ту или другую территорію для своего поселенія. Гомеровское общество уже состояло изъ людей и многоземельныхъ и имѣвшихъ только маленькіе участки и совсѣмъ безземельныхъ, работавшихъ на чужихъ клерахъ. Какъ велось хозяйство на болѣе крупныхъ участкахъ, мы, конечно, теперь не знаемъ, но есть указанія на то, что, кромѣ рабовъ, въ то время неособенно многочисленныхъ, эти участки обрабатывались батраками за полное содержаніе въ теченіе всего срока найма съ прибавкою кое-чего по окончаніи договорнаго срока. Такіе батраки назывались *θетами* (θῆτες при ед. ч. θής). При господствѣ земледѣлія и скотоводства и вообще при натуральномъ хозяйствѣ классы ремесленные и торговый не играли еще роли въ жизни общества, и соціальная дифференціація выражалась главнымъ образомъ въ указанномъ расчлененіи общества на классы многоземельный и безземельный и, такъ сказать, стоящій между ними классъ болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ.

Итакъ, одни были богаче, другіе бѣднѣе или совсѣмъ бѣдняками, но и на этомъ соціальная дифференціація еще не останавливалась, потому что болѣе богатые были вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе знатными или, по тогдашнему выраженію, лучшими, *аристеями* (ἀριστῆες или ἄριστοι), что̀ сообщало имъ особое положеніе въ политическомъ строѣ общества и служило основаніемъ для особыхъ правъ, отличавшихъ ихъ отъ простолюдиновъ. Это были люди, такъ сказать, родовитые, которые вели свое происхожденіе отъ славныхъ предковъ, отъ героевъ или завоевателей, и они же стояли во главѣ мелкихъ группъ, на какія распадались „государства“ гомеровской эпохи. Богатство и знатность при этомъ взаимно обусловливались и служили основаніемъ привилегированнаго положенія. Все остальное населеніе, кромѣ рабовъ и чужеземцевъ, поселившихся въ странѣ, но не входившихъ въ составъ ея политической организаціи, составляло сословіе свободныхъ простолюдиновъ, среди которыхъ были и самостоятельные хозяева крестьянскаго типа, и наемные ѳеты, и представители зарождавшагося ремесла, *деміурги*.

Такимъ образомъ, сословіе знатныхъ, бывшихъ въ то же время болѣе крупными землевладѣльцами, образовалось еще въ эпоху жизни эллиновъ отдѣльными комами. Это было результатомъ весьма естественнаго разложенія древнѣйшихъ родовыхъ или сельскихъ общинъ съ ихъ первоначальнымъ равенствомъ всѣхъ членовъ. Тотъ самый процессъ, который въ нашихъ деревняхъ создаетъ такъ называемыхъ кулаковъ, происходилъ и въ древнихъ греческихъ комахъ, а всякій многоземельный человѣкъ становился чѣмъ-то въ родѣ помѣщика, т.-е. барина, держащаго въ экономической и юридической отъ себя зависимости всѣхъ своихъ односельчанъ, работавшихъ на его землѣ въ качествѣ батраковъ или арендаторовъ. Мы еще увидимъ, какое положеніе должны были занять знатные и многоземельные люди въ политической организаціи сельскихъ и племенныхъ группъ, но и каждый изъ нихъ въ отдѣльности являлся главою маленькой хозяйственной группы, связанной такъ называемыми патріархальными отношеніями. Среди многочисленныхъ теорій, которыя создавались для объясненія средневѣкового западноевропейскаго феодализма, есть одна, которая видитъ его источникъ въ разложеніи сельской общины, въ выдѣленіи изъ нея, такъ сказать, барина, мало-по-малу дѣлающагося

ея владыкою. Нѣчто подобное происходило и въ греческомъ быту гомеровской эпохи, и Грецiя разбилась бы на нѣкоторое подобiе феодальныхъ сеньёрiй, т.-е. государствъ-помѣстiй, если бы этому не препятствовали, съ одной стороны, старыя общинныя учрежденiя и связи, а съ другой, новыя условiя жизни, которыя заставляли мелкiя соцiальныя группы срастаться въ болѣе крупные политическiе организмы. Какъ бы ни совершалось объединенiе сельскихъ группъ въ государства-города, во всякомъ случаѣ поземельная знать этихъ группъ не могла также не сливаться въ отдѣльное сословiе и, сливаясь въ такое сословiе, вмѣстѣ съ тѣмъ не организоваться. Понятное дѣло, что тѣ общественные элементы, которые играли главную роль въ мелкихъ сельскихъ или племенныхъ организацiяхъ, должны были сохранить свое прежнее значенiе и пріобрѣсти новую власть въ болѣе крупныхъ организацiяхъ городовыхъ государствъ. Мало того, въ то самое время, какъ простолюдины, занятые работою на чужихъ или своихъ поляхъ, волей-неволей должны были оставаться жить въ деревняхъ, знатные переселялись въ городъ, дѣлавшiйся центромъ политической жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сосредоточивались всѣ сословные интересы знати и гдѣ ея господство надъ остальными общественными элементами получало новую организацiю. Сельское населенiе остается разрозненнымъ, ремесленный и торговый классы усиливаются въ городахъ только позднѣе, и у городской знати, владѣющей большимъ количествомъ земли, нѣтъ пока соперниковъ. Здѣсь развиваются окончательно сословная исключительность и замкнутость благородныхъ или имѣющихъ хорошихъ отцовъ гражданъ: таково именно значенiе названiя *эвпатриды*, которымъ отличали себя отъ остального народа знатные и богатые люди въ Аѳинахъ.

Мы не знаемъ римскаго быта въ такую раннюю эпоху, какою по отношенiю къ грекамъ является время, изображенное въ поэмахъ Гомера. Предположенiе, что патрицiи были потомками первоначальныхъ жителей Рима, относится къ спорнымъ, но несомнѣнно, что это была родовая знать, ведшая свое происхожденiе отъ именитыхъ родоначальниковъ, и въ самомъ названiи *патрицiевъ*, стоящемъ въ связи со словомъ *патеръ*, т.-е. отецъ, чувствуется нѣкоторое родство съ понятiемъ, заключающимся въ греческомъ терминѣ —

эвпатриды. Мы знаемъ, далѣе, что у римскихъ патриціевъ были свои подневольные люди, которые были расписаны по патриціанскимъ родамъ, участвовали въ ихъ религіозномъ культѣ и т. п. Это были такъ называемые *кліенты*,—слово, приблизительно обозначающее *послушные*: они получали отъ своихъ патроновъ участки земли для обработки и должны были оказывать имъ всякую помощь—опять указаніе на патріархально-помѣщичьи отношенія, на экономическую и юридическую зависимость простолюдина отъ знатнаго господина. Рядомъ съ патриціями стоитъ въ Римѣ плебсъ внѣ всякихъ родовыхъ связей (plebes gentem non habet), сословіе, составившееся, вѣроятно, изъ разныхъ элементовъ, изъ добровольныхъ переселенцовъ и насильно переселенныхъ, изъ бывшихъ царскихъ кліентовъ и кліентовъ вымершихъ патриціанскихъ родовъ и т. п. Откуда бы ни происходили плебеи, они въ первоначальномъ Римѣ—подчиненные, господами же положенія являются патриціи.

Итакъ, элементы высшаго сословія античныхъ государствъ-городовъ создались еще въ сельскомъ быту, на почвѣ сосредоточенія поземельной собственности въ рукахъ однихъ и обезземеленія другихъ, путемъ соціальнаго процесса, который напоминаетъ намъ позднѣйшую западно-европейскую феодализацію. Военный бытъ эпохи много содѣйствовалъ развитію этого процесса. Богатѣли не только тѣ, которые примышляли одинъ земельный участокъ къ другому и хорошо умѣли вести свое домашнее хозяйство, но и тѣ, которые вслѣдствіе своей храбрости или хитрости особенно отличались на войнѣ, преимущественно въ качествѣ вождей, умѣвшихъ собирать около себя цѣлыя дружины искателей добычи и приключеній. Прежде чѣмъ греки усѣлись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ ихъ застаетъ исторія, они много передвигались, племена нападали на племена, завоевывались цѣлыя территоріи, и ихъ населеніе порабощалось. Современные историки Греціи все болѣе и болѣе начинаютъ склоняться къ той мысли, что въ до-городскую эпоху жизни эллиновъ ихъ бытъ во многомъ напоминалъ времена западнаго феодализма съ его раздѣленіемъ сельскаго населенія на земледѣльческую знать и закрѣпощенное крестьянство. Быть можетъ, иногда сословный бытъ гомеровской эпохи въ Греціи рисуется нѣкоторыми новѣйшими историками слишкомъ уже ярко въ образахъ, подсказанныхъ средневѣковою жизнью,

но въ основѣ такихъ изображеній лежитъ мысль, которую нельзя не назвать вѣрной.

Однимъ изъ признаковъ феодальнаго устройства считается закрѣпощеніе за крупными землевладѣльцами сельской народной массы. Было время, когда думали, что крѣпостничество, въ смыслѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ съ обязанностью ея обработки за извѣстные повинности и оброки въ пользу господъ, есть чисто средневѣковая форма, смѣнившая собою античное рабство, которое было простою властью одного человѣка надъ другимъ безъ всякаго отношенія къ землевладѣнію. При этомъ въ крѣпостничествѣ видѣли простое смягченіе рабства, т.-е. обращали вниманіе на одну юридическую сторону отношенія, тогда какъ здѣсь была и экономическая сторона. Болѣе суровымъ и болѣе мягкимъ можетъ быть одинаково положеніе и раба, и крѣпостного, смотря по тому, насколько они пользуются юридической защитой со стороны государства, основа же различія между положеніемъ раба и положеніемъ крѣпостного заключается не въ этой сферѣ, а въ сферѣ отношеній экономическаго характера. Рабъ, это—подневольный рабочій, платою которому за его трудъ служитъ хозяйское содержаніе, тогда какъ крѣпостной, это—подневольный арендаторъ, сидящій на господской землѣ, ведущій на ней свое хозяйство и за это платящій господину извѣстный оброкъ. Въ состояніи свободы этимъ двумъ категоріямъ соотвѣтствуютъ такимъ образомъ нанимающійся у хозяина рабочій, съ одной стороны, и фермеръ, нанимающій землю у собственника, съ другой. Когда Тацитъ описывалъ бытъ германцевъ своего времени, онъ отмѣтилъ ту его особенность, что въ Германіи рабы работали не въ господскомъ хозяйствѣ, исполняя въ немъ разныя должности, какъ это было у тогдашнихъ римлянъ, а каждый велъ свое маленькое хозяйство, платя только оброкъ своему господину. Тацитъ писалъ въ послѣднюю эпоху римской жизни, когда было въ ходу, можно сказать, плантаціонное хозяйство въ крупныхъ помѣстьяхъ съ множествомъ рабовъ въ качествѣ рабочей силы, но болѣе раннимъ временамъ эта форма была неизвѣстна. Позднѣе и въ самой Римской имперіи развилось, подъ названіемъ колоната, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, сочетавшее крупное землевладѣніе съ мелкимъ хозяйствомъ, но эта форма не была совершенною новостью въ античномъ мірѣ, потому что крѣпостныхъ мы находимъ

уже въ древней Греціи, а именно въ Θессаліи и въ дорическихъ государствахъ. Они носили здѣсь разныя названія: пенестовъ въ Θессаліи, илотовъ въ Лаконіи, гимнесіевъ въ Аргосѣ, коринефоровъ въ Сикіонѣ, мноитовъ и афаміотовъ на островѣ Критѣ, биθиновъ въ Византіи, киллировъ или калликировъ въ Сиракузахъ. Иногда господа сами выдѣляли нѣкоторымъ своимъ рабамъ особые участки для хозяйства, иногда въ положеніе закабаленныхъ попадали мелкіе землевладѣльцы за долги, но всѣ только-что перечисленные крѣпостные попали въ свое подневольное положеніе, благодаря непріятельскимъ пашествіямъ, которыя оканчивались завоеваніями. Новые господа страны оставляли ея кореннымъ жителямъ ихъ земли, но уже въ видѣ крестьянскихъ надѣловъ обложеннымъ оброкомъ въ пользу господъ.

Тамъ, гдѣ не было завоеванія, все-таки развивалась крупная собственность знати на счетъ самостоятельныхъ крестьянскихъ участковъ, а съ нею и свободная аренда. Такъ на земляхъ аѳинской поземельной знати сидѣли такъ называемые *гектеморіи* (ἑκτημόριοι), обрабатывавшіе свои участки за шестую часть дохода. Мы еще увидимъ въ другой связи, какъ простой народъ терялъ въ Аттикѣ свою землю и свою свободу вслѣдствіе того, что впадалъ въ неоплатные долги у эвпатридовъ—черта, съ которою мы встрѣтимся и въ древнемъ Римѣ, съ которою, впрочемъ, встрѣчаемся и въ другихъ мѣстахъ, и въ другія времена.

Въ составѣ населенія отдѣльныхъ территорій въ Греціи, кромѣ знати, простонародья и рабовъ, была еще одна категорія людей, которые лично были свободны, но не входили въ число членовъ той или другой общины. Въ гомеровское время ихъ называли *метанастами*, и были это чужеземцы (ξένοι), выходцы изъ другихъ общинъ, которые отъ однихъ, что называется, отстали, но и къ другимъ еще не пристали. Въ эпоху процвѣтанія городовыхъ государствъ мы встрѣчаемъ такой классъ населенія въ разныхъ мѣстахъ подъ названіями *метэковъ* или *метойковъ* (μετοῖκοι) и другими, составленными по тому же образцу, какъ-то: парэки (или паройки), энэки, катэки, синэки и эпэки, что значитъ вообще *сожители*. Въ Аттикѣ подобные свободные обыватели носили именно названіе метэковъ. Они пользовались здѣсь покровительствомъ государства, но лишь при посредствѣ какого-либо покровителя изъ аѳинскихъ гражданъ, т.-е. особаго патрона,

называвшагося простатомъ. Метэки не входили въ составъ филъ и фратрій, не могли владѣть недвижимою собственностью и были лишены права вступать въ браки съ полноправными гражданами, что̀ не освобождало ихъ, однако, ни отъ платежа налоговъ, ни отъ несенія военной службы. Въ нѣсколько аналогичномъ положеніи находились въ Лаконіи *періэки* (или *періойки*), т.-е. окружные жители, но только здѣсь это были не пришельцы, а коренные жители завоеванной дорянами страны, сохранившіе личную свободу и даже иногда земельные участки. Они тоже не входили въ составъ филъ и фратрій, на которыя дѣлились спартіаты. Первоначальный римскій плебсъ занималъ въ государствѣ положеніе близкое къ тому, въ какомъ находились аѳинскіе метэки и спартанскіе періэки. Это была часть населенія римскаго городского округа, стоявшая внѣ государственной организаціи, составлявшая просто „толпу“, каково было, повидимому, первоначальное значеніе слова *плебсъ*. Это были тоже частью коренные жители страны, напр., освободившіеся кліенты, частью переселенцы, и они также пользовались личною свободою и даже могли имѣть поземельную собственность, но въ составъ родовъ, курій и трибъ не входили и прямо считались не имѣющими родовыхъ связей. Только одни патриціи первоначально составляли народъ римскій въ политическомъ значеніи слова и были распредѣлены по родамъ, куріямъ и трибамъ, совокупность коихъ составляло римское гражданство.

Изъ всего изложеннаго видно, что право числиться во фратріяхъ и куріяхъ, въ филахъ и трибахъ, равно какъ и въ родахъ, изъ которыхъ онѣ состояли, было привилегіей только части населенія маленькихъ государственныхъ территорій первоначальныхъ античныхъ городовъ. Метэки, періэки и плебеи стояли совсѣмъ внѣ этой родовой организаціи, въ которой, съ другой стороны, первенствующее положеніе занимали только знатные. Они уже господствовали въ отдѣльныхъ комахъ до-городской эпохи, а слѣдовательно были настоящими господами тѣхъ болѣе раннихъ общественныхъ союзовъ, изъ которыхъ или по образцу которыхъ возникли фратріи и филы. Городскія общины въ эпоху своего образованія были союзами землевладѣльческой знати, которая давала себѣ правильную и даже симметричную организацію, стремясь къ тому, чтобы каждая составная часть,

бывшая когда-то самостоятельнымъ цѣлымъ, была равносильна другой по числу своихъ родовъ. Всѣ эти роды, сила которыхъ заключалась въ богатствѣ, въ крѣпкой связи между составлявшими ихъ семьями, въ большомъ количествѣ кліентовъ, вели свое происхожденіе отъ героевъ по старшей линіи и все болѣе и болѣе укрѣплялись въ той мысли, что только знатное происхожденіе сообщаетъ человѣку настоящую доблесть на войнѣ и истинную мудрость въ веденіи государственныхъ дѣлъ. Мегарскій поэтъ Ѳеогнидъ въ своихъ стихотворныхъ разсужденіяхъ развилъ на этотъ счетъ цѣлую теорію, въ которой говорилось, что легче сдѣлать благороднаго дурнымъ человѣкомъ, чѣмъ худороднаго хорошимъ, и что какъ изъ луковицы не можетъ вырости роза, такъ отъ рабыни не можетъ родиться свободное дитя. Поэмы Гомера проникнуты тѣмъ же аристократическимъ, сословнымъ духомъ: въ нихъ дѣйствуютъ знатные и князья, они пѣлись при дворахъ князей и знати. Среди самой этой знати были, однако, болѣе важные и менѣе важные роды.

Нѣкоторые аристократическіе роды особенно прославились въ исторіи античныхъ городовъ. Таковъ былъ, напр., въ VII—VI в. до Р. Х. аѳинскій родъ Алкмеонидовъ, имена героическихъ предковъ котораго встрѣчаются въ греческой миѳологіи. Алкмеониды играли видную политическую роль въ исторіи родного города. Какъ велики были ихъ матеріальныя средства, видно изъ того, что только благодаря имъ оказалось возможнымъ отстроить въ Дельфахъ великолѣпный храмъ Аполлона послѣ пожара, разрушившаго прежній храмъ. Или вотъ римскій родъ Фабіевъ, происхожденіе котораго вели отъ Геркулеса: въ началѣ V в. они, напр., взяли на себя однихъ веденіе войны съ сосѣднимъ городомъ Вейями, жители котораго дѣлали нападенія на римскія границы и, вѣроятно, на пограничныя земли самихъ Фабіевъ. По преданію болѣе трехсотъ членовъ этого рода пало въ одной битвѣ, и въ живыхъ остался лишь одинъ мальчикъ, отъ котораго и происходили всѣ позднѣйшіе Фабіи, давшіе Риму нѣсколькихъ замѣчательныхъ полководцевъ и государственныхъ дѣятелей. О многисленности членовъ одного и того же рода можетъ свидѣтельствовать еще такой фактъ, что когда сабинскій родъ Клавдіевъ переселился въ Римъ, въ немъ числилось три тысячи лицъ подъ властью одного старѣйшины.

Нѣкоторые роды настолько выдѣлялись по своему значенію изъ остальной знати, что только имъ въ лицѣ своихъ старшихъ членовъ принадлежало право стоять во главѣ отдѣльныхъ общинъ. Въ слѣдующей главѣ у насъ будетъ идти рѣчь о древней царской власти въ Греціи и Римѣ, а пока отмѣтимъ только, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта власть находилась въ наслѣдственномъ обладаніи особенно богатыхъ и знатныхъ семействъ, которыя вели свой родъ отъ Зевса или отъ другихъ боговъ. Соединенія мелкихъ группъ въ болѣе крупныя до извѣстной степени были соединеніями стоявшихъ въ ихъ главѣ богатыхъ и знатныхъ родовъ, одинъ изъ которыхъ возвышался надъ другими иногда только временно, но иногда и постоянно: въ послѣднемъ случаѣ онъ и былъ царскимъ родомъ. Въ дѣйствительной жизни, впрочемъ, наслѣдственный скипетръ далеко не всегда сохранялся въ одномъ родѣ, но въ раннія эпохи жизни народовъ историческая память бываетъ очень коротка, что̀ раздвигаетъ границы для воображенія чуть не до безконечности, въ интересахъ же царственныхъ родовъ, заодно съ которымъ работала фантазія рапсодовъ, было созданіе длинныхъ генеалогій царскихъ предковъ, тоже царей, пока онѣ не упирались въ самого Зевса или какого-нибудь другого бога. Исторія государствъ-городовъ античнаго міра открывается эпохой, когда въ каждой такой общинѣ стоялъ царь, бывшій ея высшимъ правителемъ и судьею, ея военачальникомъ и ея верховнымъ жрецомъ, предстателемъ передъ богами.

Мы еще увидимъ, что вездѣ знатные мало-по-малу уничтожили эту должность, послѣ чего повсемѣстно установились правленія самой знати. Другими словами, монархія уступила мѣсто аристократіи, которая и стала править городами съ ихъ округами, гдѣ у отдѣльныхъ богатѣевъ были земли и подвластный имъ сельскій людъ. Но въ нѣдрахъ населенія многихъ изъ этихъ государствъ-городовъ возникали новыя общественныя силы, которыя вступали въ борьбу со знатью за равноправность. Въ иныхъ случаяхъ эта борьба оканчивается бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ демократіи, и знатность происхожденія теряетъ свою силу. Но и въ безсословномъ гражданствѣ позднѣйшихъ демократическихъ общинъ остается въ силѣ дѣленіе членовъ общины на богатыхъ и бѣдныхъ. На нѣкоторое время имущественный

цензъ дѣлается основою политическихъ привилегій, но и помимо этого на почвѣ чисто экономическаго неравенства возникаетъ въ отдѣльныхъ городахъ борьба богатыхъ и бѣдныхъ. Когда, напр., въ Римѣ произошло уравненіе правъ патриціевъ и плебеевъ, изъ болѣе зажиточныхъ элементовъ патриціата и плебса выработалась новая знать, *нобилитетъ*, противъ которой стоялъ теперь многочисленный и сильный своею массою *пролетаріатъ*. Мы еще разсмотримъ разные фазисы этой сословной и классовой борьбы въ отдѣльныхъ государствахъ-городахъ, теперь же намъ слѣдуетъ познакомиться съ самой ранней организаціей въ нихъ государственной власти.

ГЛАВА IV.

Организація государственной власти въ начальномъ періодѣ исторіи грековъ и римлянъ.

Князь, дума и вѣче.—Изъ исторіи политическихъ терминовъ.—Этимологія разныхъ обозначеній княжеской (царской) власти. — Царская власть въ гомеровскомъ обществѣ.—Совѣтъ старѣйшинъ.—Народное собраніе.—Развитіе аристократическаго начала въ организаціи государства.—Что такое отмѣна царской власти у грековъ и римлянъ? — Расчлененіе царской власти въ Аѳинахъ и въ Римѣ. — Раздвоеніе царской власти въ Спартѣ.

Разсматривая организацію государственной власти въ первомъ періодѣ исторіи грековъ и римлянъ до установленія аристократическихъ правленій, мы вездѣ находимъ три отдѣльныя политическія силы, дѣйствующія всегда вмѣстѣ во всѣхъ важныхъ вопросахъ народной жизни. Эти три политическія силы — единый глава государства, совѣтъ старѣйшинъ и общее собраніе всего народа. Подобнаго рода устройство раннихъ государствъ мы наблюдаемъ также и у древнихъ германцевъ, какъ ихъ описываетъ Тацитъ, и у древнихъ славянъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многія извѣстія, касающіяся отдѣльныхъ народовъ. И наша начальная лѣтопись, и другіе памятники старины говорятъ, наприм., о князѣ, какъ единомъ главѣ земли, о боярахъ и старцахъ градскихъ,

съ которыми князь думалъ, и, наконецъ, о вѣчѣ или собраніи народа въ смыслѣ полноправныхъ членовъ государства. Говоря о политической организаціи германцевъ, Тацитъ замѣчаетъ, что у нихъ о дѣлахъ менѣе важныхъ совѣщаются начальники, а о дѣлахъ болѣе важныхъ—всѣ, т.-е. и здѣсь были, съ одной стороны, болѣе тѣсный совѣтъ, съ другой—общее народное собраніе.

Единый глава государства назывался у эллиновъ *басилевсомъ* (βασιλεύς), у римлянъ *рексомъ* (rex),—два слова, которыя переводятся одно другимъ и которыя у насъ передаются одинаково словомъ *царь*. Въ русскомъ языкѣ для того же самаго понятія существуетъ еще другое слово *король*, которое примѣняется главнымъ образомъ къ обозначенію главъ государствъ на Западѣ въ средніе вѣка и въ новое время, но, напр., французы и нѣмцы не дѣлаютъ, какъ мы, различія между царями у народовъ древняго Востока, въ числѣ ихъ у евреевъ, и царями въ ранніе періоды исторіи Греціи и Рима, съ одной стороны, и королями у западно-европейскихъ націй, съ другой, ко всѣмъ одинаково примѣняя одинъ и тотъ же терминъ *roi* и *König*. Оба русскія слова, т.-е. и царь, и король—иноземнаго происхожденія и съ самаго начала обозначали власть гораздо болѣе высокаго значенія, чѣмъ та, какою пользовались греческіе басилевсы и римскіе рексы. Слово *царь* есть стяженная форма слова *цесарь*, какъ звали римскихъ императоровъ; въ произношеніи, взятомъ съ греческаго, это—*кесарь* или *кайсаръ* (καῖσαρ), откуда и нѣмецкое *кайзеръ* (Kaiser), т.-е. императоръ. Равнымъ образомъ и *король* есть не что иное, какъ имя Карла Великаго въ латинской формѣ *Каролусъ* (Carolus), которое тоже стало обозначать власть, равную царской въ болѣе высокомъ ея пониманіи. Не забудемъ, что у насъ называли царемъ византійскаго императора, который тоже титуловался василевсомъ, когда, однако, этотъ титулъ считался равносильнымъ императорскому и римскій терминъ *рексъ*, вошедшій въ греческій словарь (ῥήξ), обозначалъ лишь государя второго ранга въ родѣ тѣхъ провинціальныхъ царей, которые были вассалами Римской имперіи. Мы совершенно безъ всякихъ логическихъ основаній называемъ то царями, то королями государей, такъ сказать, одного и того же ранга, а таковыми мы должны считать и греческихъ басилевсовъ, и римскихъ рексовъ, и германскихъ конунговъ эпохи великаго переселенія наро-

довъ. Совершенно такихъ же, какъ они, правителей и вождей, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ земель, наши предки называли *князьями*, и самое это слово заимствовано было у германцевъ: князь (или въ славянскомъ начертаніи кѫнѧзь съ глухимъ гласнымъ звукомъ между согласными к и н, съ носовымъ произношеніемъ ѧ, какъ *ин*, при переходѣ еще въ з звука г, сохранившагося въ женской формѣ *княгиня*),— это самое слово *князь* есть не что иное, какъ германское *конунгъ*, которое и теперь живетъ въ нѣмецкомъ и англійскомъ словахъ, обозначающихъ короля—*кёнигъ* и *кингъ*. Итакъ, вотъ равносильный русскій терминъ для передачи понятій—*басилевсъ*, *рексъ* и *конунгъ*, но мы привыкли называть этихъ главъ государствъ царями и королями и пользуемся словомъ *князь* только для обозначенія главъ второстепенныхъ группъ, изъ которыхъ складывались древнія государства басилевсовъ, рексовъ и конунговъ.

Займемся еще немного этою политической терминологіей, съ которою слѣдуетъ освоиться получше для того, чтобы понять существо самой ранней царской-княжеской власти. Отъ латинскаго *рексъ*, съ основой въ косвенныхъ падежахъ *рег*, произошли названія королей въ романскихъ языкахъ, французское *руа* (roi) и итальянское *ре* (re). Едва ли при этомъ совсѣмъ случайно весьма сходнымъ же звуковымъ сочетаніемъ *раджа* обозначаются и въ Индіи владѣтельные князья и цари: оба слова въ родственныхъ между собою языкахъ, кажется,—одного и того же корня, обозначающаго блистать, сіять. Иное представленіе лежитъ въ основѣ греческаго термина *басилевсъ*, который толкуется въ смыслѣ *воеводы*, т.-е. находится по своему значенію въ родствѣ съ германскимъ обозначеніемъ временныхъ вождей вооруженнаго народа, именно *геретога*, позднѣе *герцога*, съ терминомъ, который римляне переводили словомъ *дуксъ* (*dux*), т.-е. вождь, полководецъ. Тацитъ различаетъ среди германцевъ народности, которыя управлялись королями (nationes quae regnantur), и такія, у которыхъ были только мелкіе князья, но которые во время войны объединялись подъ властью одного такого *дукса*. Этотъ, скажемъ, воевода, геретога, и есть по своему этимологическому значенію греческій басилевсъ. Герцогъ и конунгъ у германцевъ—одно и то же, съ тѣмъ только различіемъ, что власть одного была вре-

менная, власть другого — постоянная, и что, по словамъ Тацита, герцоги получали власть въ силу храбрости, а конунги—по благородству происхожденія.

Царская власть у грековъ развилась, слѣдовательно, изъ предводительства на войнѣ. Когда жившія въ сосѣдствѣ одна съ другою и часто объединенныя общимъ культомъ племенныя общины, во главѣ которыхъ стояли свои главари или князья, *анакты* (ἄναχτες), — нуждались въ общемъ вождѣ для того, чтобы отразить вражеское нашествіе, или когда онѣ сами собирались сдѣлать нападеніе, изъ этихъ мѣстныхъ начальниковъ и выбирался одинъ, наиболѣе опытный и храбрый или знатный и вліятельный. Въ Аркадіи и въ Θессаліи, которыя въ своемъ политическомъ развитіи очень отставали отъ остальныхъ частей Греціи, еще въ историческія времена отдѣльныя племена, жившія каждое самостоятельною жизнью, по временамъ соединялись для оборонительной или наступательной войны, и тогда изъ племенныхъ начальниковъ выбирался общій вождь надъ всѣмъ союзнымъ ополченіемъ: въ Θессаліи онъ назывался *тагомъ* (ταγὸς), въ Аркадіи — басилевсомъ. Эта военная власть не была ни постоянной, ни непрерывной, но всегда доставалась кому-либо изъ племенныхъ главарей. Чѣмъ болѣе упрочивался союзъ, тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣплялась царская въ немъ власть, и въ гомеровскую эпоху мы находимъ царей у всѣхъ тѣхъ народцевъ, о которыхъ говорится въ Иліадѣ и Одиссеѣ.

Гомеровскій басилевсъ — народный вождь или, какъ выражается та же мысль въ поэтическомъ образѣ, пастырь народа, вмѣстѣ съ тѣмъ его судья и его представитель передъ богами, верховный жрецъ всей общины. Это тройное значеніе предводителя на войнѣ, высшаго стража правосудія и посредника между людьми и богами принадлежало и царямъ въ Римѣ. Такъ опредѣляли функціи царской власти героическихъ временъ и древніе писатели. „Они, говоритъ Аристотель въ своей „Политикѣ“, предводительствовали на войнѣ и приносили жертвы; кромѣ того, рѣшали также и тяжебныя дѣла“. — „У спартанскихъ царей, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, троякая обязанность: они совершаютъ жертвоприношенія, начальствуютъ на войнѣ и творятъ судъ и расправу“. Совершенно такъ же говоритъ о царяхъ римскихъ греческій историкъ Діонисій Галикарнасскій. Такая тройная власть уже существовала раньше, т.-е. въ родахъ

и въ патріархальныхъ семьяхъ, гдѣ старѣйшина или отецъ былъ и свѣтскимъ, и духовнымъ главою группы, а равно и въ болѣе крупныхъ племенныхъ группахъ, имѣвшихъ своихъ князей. Во власти царя воспроизводилась, но только по отношенію къ цѣлому народцу, патріархальная власть родовладыки. Значеніе верховнаго жреца и происхожденіе изъ знатнаго рода, предкомъ котораго былъ какой-нибудь богъ, ставили царя подъ особую охрану религіозной вѣры, а предводительство на войнѣ, требующее сосредоточенія власти и повиновенія ея велѣніямъ, стало основою всѣхъ другихъ правъ басилевса. Но это отнюдь не абсолютный владыка своего маленькаго царства: рядомъ съ нимъ существуютъ въ обществѣ еще другіе „цари“, другіе князья, старшины народа, съ которыми онъ долженъ принимать рѣшенія сообща, да и этимъ рѣшеніямъ, чтобы быть приведенными въ исполненіе, нужно еще подвергнуться одобренію всего народа. Такъ велось дѣло не только въ мирное время, но и на войнѣ, когда особенно нужна бываетъ единая и сильная власть, и что на народномъ вѣчѣ царямъ подчасъ приходилось встрѣчать оппозицію, объ этомъ свидѣтельствуетъ извѣстный эпизодъ Иліады, гдѣ повѣствуется, при явномъ несочувствіи поэта, о томъ, какъ дерзкій Θерситъ, вѣчно искавшій случаевъ оскорблять царей, съ пронзительнымъ крикомъ поносилъ пастыря народовъ Агамемнона, упрекая его въ жадности и высокомѣріи. Одиссею, стоявшему на той точкѣ зрѣнія, что „нехорошо многовластіе“ и что „одинъ долженъ быть владыкой, одинъ царемъ, тотъ, кому сынъ храбраго Кроноса даровалъ скипетръ и законы, чтобы онъ царствовалъ“, — пришлось вразумлять расходившагося Θерсита ударами своего собственнаго скипетра. Царь не только военный вождь, но и высшій судья. Однако, къ нему идутъ судиться лишь тогда, когда приходится разбирать распри членовъ разныхъ родовыхъ и племенныхъ группъ, да и тутъ онъ выступаетъ не одинъ, а со старѣйшинами и въ присутствіи народа. Такой басилевсъ только первый между равными — среди другихъ владыкъ и старѣйшихъ народа. Кромѣ почета и власти, онъ пользовался, конечно, и бо̀льшимъ матеріальнымъ достаткомъ: ему выдѣляется въ пользованіе крупное помѣстье, называемое *те́меномъ* (τέμενος), откуда идутъ не малые доходы; онъ получаетъ и львиную долю въ общей военной добычѣ; время отъ времени ему подносятся добровольные по-

дарки. Сынъ Одиссея высказывается у Гомера прямо въ томъ смыслѣ, что царствовать довольно выгодно: „тотчасъ же разбогатѣетъ домъ, да и самъ человѣкъ, которому Зевсъ даровалъ власть, дѣлается болѣе уважаемымъ людьми". Впрочемъ, кромѣ уваженія, гомеровскіе цари дѣлались предметомъ и другихъ чувствъ. Мы уже знакомы съ бранными рѣчами Ѳерсита, направленными противъ Агамемнона, но и Ахиллъ называетъ пастыря народовъ міроѣдомъ (δημοβόρος). Своими средствами цари героической эпохи пользовались, чтобы имѣть около себя дружину и угощать обильными яствами и питьями своихъ военныхъ товарищей и совѣтниковъ, которые даже и именовались царскими сотрапезниками,—бытовая черта, повторяющаяся въ жизни германскихъ конунговъ и славянскихъ князей.

Переходимъ теперь къ другому политическому учрежденію раннихъ античныхъ государствъ, т.-е. къ совѣту старѣйшинъ. Старѣйшины или *геронты* (γέροντες), это въ сущности владыки болѣе мелкихъ группъ, которые часто тоже называются басилевсами. Царь долженъ былъ съ ними совѣщаться и принимать рѣшенія лишь съ ихъ согласія, потому что иначе онъ рисковалъ вызвать противъ себя неудовольствіе. Для этого онъ собиралъ геронтовъ на совѣтъ, и, собравшись, они составляли его думу, или *буле* (βουλὴ), въ засѣданіяхъ которой и подавали свое мнѣніе. Собранія происходили въ царскихъ палатахъ или на площади, гдѣ стояли, образовывая собою кругъ, каменныя сидѣнія, такъ называемый ὀδοκ (θόωκος), священный кругъ. Въ Римѣ мы тоже знаемъ такое собраніе старѣйшинъ, *сенатъ* (senatus) отъ слова senex, старецъ. Въ началѣ римской исторіи онъ состоялъ изъ родовладыкъ (patres).

Когда къ совѣщанію призывался весь народъ, то изъ соединенія басилевса, геронтовъ и народа получалась *агора* (ἀγορὰ), или народное собраніе, вѣче. Царь, которому принадлежало право созыва, и старѣйшины, составлявшіе его думу, занимали въ народномъ собраніи особое мѣсто, въ упомянутомъ кругу, и руководили дѣйствіями собранія, только одобрявшаго криками дѣлавшіяся ему предложенія или бывшаго нѣмымъ свидѣтелемъ царскаго суда. Во второй пѣснѣ Иліады есть превосходное по своей реальности и живости описаніе такого вѣча, созваннаго Агамемнономъ, но основная черта этого описанія—пассивность народной толпы, которую

поэтъ сравниваетъ съ пчелинымъ роемъ: главная роль принадлежитъ царямъ, и оппозиція Θерсита быстро подавляется Одиссеемъ къ немалому удовольствію всей толпы (если только не видѣть въ послѣднемъ указаніи аристократической тенденціи рапсода). Но и при такой пассивности народа царь дѣйствовалъ на него не путемъ приказанія, а путемъ убѣжденія. Собранія народа происходили и въ Римѣ, гдѣ они назывались сходками, *комиціями* (*comitia*), но такъ какъ въ составъ гражданской общины входили только патриціи, раздѣлявшіеся на куріи, то и собранія эти происходили по куріямъ, откуда — и самое ихъ названіе *куріатныхъ комицій* (*comitia curiata*).

Конечно, римскіе сенатъ и комиціи соотвѣтствуютъ уже тѣмъ греческимъ учрежденіямъ, которыя мы находимъ въ городскихъ общинахъ, но всѣ они развились изъ болѣе раннихъ, какія мы находимъ въ гомеровскихъ описаніяхъ. Аналогію тому изображенію вѣча, какое даетъ намъ Иліада, представляетъ собою описаніе германскаго вѣча у Тацита, гдѣ мы встрѣчаемъ тѣ же черты: руководятъ всѣмъ дѣломъ старѣйшины, или князья съ королемъ во главѣ, если таковой уже есть, а народъ одобряетъ сдѣланныя ему предложенія крикомъ и бряцаніемъ оружія.

Подводя итоги, можно сказать, что въ древнѣйшемъ греческомъ, а вѣроятно, и римскомъ устройствѣ мы находимъ сочетаніе монархическаго, аристократическаго и демократическаго началъ. Изъ этихъ трехъ началъ первое, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ началѣ городской политической общины, исчезаетъ изъ организаціи государственной власти, и остаются два другія начала: аристократическое и демократическое. Мы только-что сейчасъ видѣли, что народное вѣче играло очень жалкую роль, и что все дѣлалось совѣтомъ старѣйшинъ съ царемъ во главѣ. Такъ шло дѣло и послѣ того, какъ знать мало-по-малу устранила царскую власть и дала себѣ новую организацію въ коллегіяхъ, какія мы находимъ повсемѣстно въ значеніи правительствующихъ аристократическихъ совѣтовъ и въ то же время органовъ господства землевладѣльческой знати. Въ другихъ мѣстахъ родовая и землевладѣльческая знать, окружавшая государей, составлявшая верхніе слои его дружины, превращалась въ знать служилую, которая была лучшею опорою власти, какъ источника перепадавшихъ и на долю знати милостей и почестей, — такъ

это было, напр., въ германскихъ королевствахъ,—но въ Греціи быстрое развитіе городского быта направило аристократическую политику въ сторону прямого захвата власти самою знатью. Къ сожалѣнію, изъ эпохи аристократическаго правленія въ греческихъ государствахъ у насъ нѣтъ почти никакихъ извѣстій, потому что это, очевидно, было время своего рода политическаго прозябанія, весьма понятнаго при существованіи разрозненныхъ общинъ, въ которыхъ были только крестьяне да управлявшіе ими помѣщики. Правительственныя коллегіи носили названіе сенатовъ, т.-е. герусій, какія мы находимъ въ Спартѣ, Элидѣ, Книдѣ, или думъ, буле, какъ назывался сенатъ въ Аѳинахъ, гдѣ, кромѣ того, существовалъ еще другой, болѣе тѣсный совѣтъ, извѣстный подъ названіемъ *ареопага* (Ἄρειος πάγος). Эти совѣты избирали и представителей исполнительной власти, поручая ее особымъ сановникамъ. Собственно говоря, тенденція аристократическихъ совѣтовъ была дробить власть, бывшую прежде въ рукахъ одного, между многими, да и то по возможности на кратчайшій срокъ. При такой организаціи высшей власти она превращалась въ простой органъ аристократическаго господства и въ достояніе всей знати, болѣе или менѣе всѣмъ одинаково доступное. Въ такой перемѣнѣ были и свои выгоды общаго характера: происходила спеціализація государственныхъ должностей, что̀ дѣлало веденіе дѣлъ болѣе совершеннымъ. Но зато массѣ простого народа отъ этого не только не сдѣлалось лучше, но положеніе ея прямо-таки ухудшалось, потому что, овладѣвъ всею полнотою власти, знать пользовалась своимъ этимъ положеніемъ для укрѣпленія и расширенія своего соціальнаго преобладанія, унаслѣдованнаго отъ предшествующей эпохи.

Переходъ отъ монархіи къ аристократіи въ государствахъ древней Греціи былъ не революціей, а эволюціей, т.-е. въ явленіяхъ этого рода, происходившихъ въ разныхъ общинахъ, мы имѣемъ дѣло не съ политическими переворотами, приводившими къ формальной отмѣнѣ царской власти, а съ постепенными измѣненіями государственнаго строя, усиливавшими въ немъ аристократическое начало. Объ отмѣнѣ должности царя существовали у древнихъ легендарныя сказанія, имѣвшія своею цѣлью объяснить эти измѣненія, но не заключавшія въ себѣ исторической истины. Таково знаменитое аѳинское преданіе о царѣ Кодрѣ, который своимъ герой-

скимъ проступкомъ спасъ Аѳины отъ завоеванія дорянами и послѣ котораго уже никто не считался достойнымъ быть царемъ. Таковъ же римскій разсказъ о томъ, какъ римляне изгнали изъ своего города послѣдняго царя Тарквинія Гордаго за его деспотическое правленіе. Въ настоящее время трудно со всею точностью воспроизвести политическую эволюцію, приведшую греческіе города и Римъ къ тому, что̀ на современномъ языкѣ можно назвать аристократическимъ режимомъ, но главныя данныя для сужденія объ общемъ характерѣ этого перехода отъ монархіи къ аристократіи у насъ все-таки существуютъ.

Вотъ какъ приблизительно происходило дѣло. Въ греческихъ городахъ, образовавшихся преимущественно въ X и IX столѣтіяхъ, существовала царская власть, которая была ими унаслѣдована отъ предыдущаго періода или, какъ это слѣдуетъ думать относительно колоній, вводилась вновь по существовавшему уже образцу. Колоніи основывались своего рода дружинами, вожди которыхъ естественно дѣлались царями новыхъ городскихъ общинъ, сохранявшихъ устройство своихъ метрополій, но и въ самой Греціи былъ періодъ усиленнаго передвиженія племенъ въ поискахъ за землями, и именно въ этотъ періодъ сложилась та царская власть, которую мы находимъ въ метрополіяхъ: одинаковыя условія приводили къ одинаковымъ явленіямъ, и новыя общины организовались по образцу старыхъ. Когда отдѣльныя племена окончательно усѣлись на своихъ мѣстахъ въ самой Греціи, а колоніи окончательно утвердили свою власть среди враждебно встрѣтившихъ ихъ туземцевъ, когда начался такимъ образомъ періодъ мирнаго существованія, надобность въ концентраціи власти въ однѣхъ рукахъ миновала, и знать стала пользоваться всѣми удобными случаями для постепеннаго ограниченія власти царей. При отсутствіи правильнаго порядка престолонаслѣдія между отдѣльными членами правящихъ фамилій происходили раздоры, вносившіе смуты въ жизнь города и дававшіе поводъ къ вмѣшательству въ эти фамильныя распри со стороны другихъ знатныхъ родовъ. Такая распря, напр., произошла въ коринѳской династіи Бакхіадовъ, когда у несовершеннолѣтняго наслѣдника отнялъ власть его дядя, что̀ подало поводъ къ борьбѣ между двумя линіями этой фамиліи. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ серединѣ VII в., вмѣсто царя,—притомъ, если вѣрить преданію,

сразу, — правителемъ государства сдѣлался избираемый изъ всѣхъ членовъ рода Бакхіадовъ *пританъ* (πρύτανις), которому власть давалась только на одинъ годъ. Такимъ образомъ въ Коринѳѣ установилась олигархія съ династическимъ характеромъ, т-е. власть царя, ограниченная годичнымъ срокомъ, стала доступною всѣмъ членамъ царскаго рода, и это была скорѣе фамильная сдѣлка, чѣмъ политическій переворотъ. Правителей съ титуломъ притана мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (напр., въ Милетѣ), причемъ иногда члены состоявшей при пританѣ аристократической думы сохраняли титулъ басилевсовъ. Кромѣ того, извѣстны и другіе случаи перехода власти отъ одного царя къ цѣлому царскому роду, который и составлялъ правящую олигархію города. Таковы Пентилиды въ Митиленѣ, Басилиды въ Эфесѣ и т. п. Вмѣшательство знати въ династическіе споры давало ей возможность налагать на правителей, какіе бы титулы они ни носили, разнаго рода ограниченія въ смыслѣ прежде всего обязанности слѣдовать указаніямъ своихъ аристократическихъ думъ. Раньше цари должны были только спрашивать совѣта у старѣйшинъ народа, но не были обязаны подчиняться ихъ мнѣнію, теперь уже стала вводиться обязанность слѣдовать мнѣнію большинства думы. Постепенно совѣтъ знати все болѣе и болѣе сталъ замѣнять собою царя, пока должность его не растворилась, такъ сказать, въ выборной республиканской магистратурѣ. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить одинъ любопытный и притомъ довольно распространенный фактъ: съ отмѣной царской *власти* собственно *званіе* царя не отмѣнялось, и его носилъ одинъ изъ выборныхъ сановниковъ республики, на которомъ лежали прежнія жреческія обязанности басилевса.

Лучше другихъ случаевъ замѣны монархіи аристократіей въ Греціи намъ извѣстенъ тотъ, который представляется исторіей Аѳинъ, особенно благодаря свѣдѣніямъ, какія мы находимъ въ недавно (1891 г.) найденной рукописи „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, сочиненія, которое считалось безвозвратно потерянным. Въ Аѳинахъ произошло постепенное расчлененіе царской власти приблизительно слѣдующимъ образомъ. Раньше всего здѣсь стали избирать въ помощники царю на войнѣ особаго военачальника, *полемарха* (πολέμαρχος), а потомъ и часть другихъ дѣлъ административнаго и судебнаго характера стали поручать особому пра-

вителю, *архонту* (ἄρχων), власть котораго постепенно и сдѣлалась главною въ государствѣ, такъ что именемъ правящаго архонта сталъ обозначаться самый годъ его нахожденія въ должности, откуда его названіе *эпонима* (ἐπώνυμος), т.-е. поименника. Такимъ образомъ аѳинскій басилевсъ имѣлъ сначала въ лицѣ полемарха и архонта только помощниковъ или совѣтниковъ, изъ которыхъ одинъ мало-по-малу сдѣлался настоящимъ главою государства, послѣ чего прежній глава, басилевсъ, занялъ лишь второе мѣсто, превратившись въ высшаго жреца аѳинской государственной общины. Первоначально должность этихъ трехъ архонтовъ, какъ вообще называютъ всѣхъ трехъ сановниковъ, была пожизненною, потомъ, именно въ серединѣ VIII в. ихъ стали избирать на десять лѣтъ, а еще позднѣе, въ началѣ VII в.—только на одинъ годъ, и уже въ этотъ періодъ исторіи аѳинскаго архонтата стали выбирать еще шесть *ѳесмоѳетовъ* съ исключительно судебными функціями; они тоже стали именоваться архонтами. Такимъ образомъ власть, бывшая сначала въ рукахъ одного царя, перешла къ девяти сановникамъ, изъ которыхъ, впрочемъ, ѳесмоѳеты составляли одну общую коллегію. И первые три архонта, и эта коллегія имѣли различное мѣстопребываніе и пользовались властью независимо другъ отъ друга, т.-е. не составляли въ совокупности своей никакого общаго учрежденія. Право избранія архонтовъ принадлежало ареопагу, совѣту знати, который наблюдалъ за исполненіемъ законовъ, вѣдая въ то же время бо̀льшую часть — и притомъ важнѣйшихъ — государственныхъ дѣлъ и собственною властью карая за нарушеніе порядка. Члены ареопага были пожизненными, и въ составъ его входили отбывшіе свой срокъ архонты. Судя по тому, что̀ говорится объ ареопагѣ во вновь открытомъ трактатѣ Аристотеля, именно этому аристократическому учрежденію принадлежала первенствующая роль въ государствѣ, какъ сенату въ Римѣ, и архонты, выбиравшіеся ареопагомъ и затѣмъ входившіе въ его составъ, были, слѣдовательно, лишь исполнителями воли этого органа политическаго могущества эвпатридовъ. Царская власть—и замѣнившій ее архонтатъ—сдѣлалась изъ наслѣдія только одного рода достояніемъ всѣхъ знатныхъ фамилій аѳинскаго гражданства, и ареопагъ ограничивалъ свой выборъ именно однимъ кругомъ знатныхъ и богатыхъ, отдавая предпочтеніе среди знатныхъ вообще наиболѣе бога-

тымъ, но, конечно, принимая въ расчетъ и личныя способности выбираемыхъ исполнять тѣ или другія функціи архонтства. Было ли въ Аѳинахъ въ эпоху правленія ареопага народное собраніе, мы не знаемъ, но если даже и допустить, что оно собиралось, то, конечно, очень рѣдко и значенія никакого не имѣло.

Извѣстную аналогію съ этимъ расчлененіемъ царской власти въ Аѳинахъ на нѣсколько аристократическихъ сановниковъ представляетъ собою исторія римской магистратуры, выработавшейся также путемъ выдѣленія изъ первоначальной единой должности рекса нѣсколькихъ новыхъ должностей. Я не затрогиваю здѣсь вопроса о достовѣрности древнѣйшей исторіи Рима, когда имъ управляли цари, и напомню только, что въ настоящее время весь царскій періодъ жизни древняго Рима относятъ къ доисторическимъ временамъ, о которыхъ у насъ есть только легенды. Несомнѣнно только, что въ древнѣйшую эпоху и въ Римѣ были цари: отголосокъ царскаго званія сохранялся и въ историческую эпоху въ двухъ должностяхъ, именно царя-жреца (rex sacrificulus), подобнаго аѳинскому архонту-басилевсу, и такъ называемаго *интеррекса*, т.-е. междуцаря (interrex), котораго выбирали въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе какихъ-либо случайностей прерывалась преемственность власти и не было такихъ сановниковъ, подъ предсѣдательствомъ которыхъ совершалось обыкновенно избраніе магистратовъ. Самыя названія обѣихъ должностей указываютъ на то, что одна была остаткомъ царской власти, другая—ея современной замѣной. Царская власть была пожизненной и была гораздо обширнѣе, чѣмъ власть царей въ Греціи, но и римскій рексъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ долженъ былъ совѣщаться съ *сенатомъ* (senatus), т.-е. собраніемъ родовыхъ старѣйшинъ, которое впослѣдствіи, подобно аѳинскому ареопагу, тоже сдѣлалось настоящимъ правительствующимъ учрежденіемъ Рима. Сначала царя стали замѣнять два сановника, называвшихся *консулами* (consules). Этимологія этого слова неясна, болѣе же раннее ихъ обозначеніе названіемъ *преторовъ* (praetores), т.-е. „идущихъ впереди“ указываетъ на ихъ военное значеніе, напоминающее аѳинскаго полемарха. Въ раздвоеніи должности царя, т.-е. въ раздѣленіи царской власти между двумя магистратами, притомъ выбиравшимися только на годъ и подлежавшими отвѣтственности, нельзя не видѣть стремленія

римскаго патриціата и его органа, сената, ограничить прежнюю единую, пожизненную и безотвѣтственную власть царя, но послѣднее званіе и въ Римѣ, какъ было уже упомянуто, не исчезло, такъ какъ исполненіе прежнихъ религіозныхъ обязанностей царя было поручено особому царю-жертвоприносителю (rex sacrificulus). Эти двѣ должности, т.-е. консульство и царственное жречество были первоначально доступны только патриціямъ, и вся дальнѣйшая исторія консульства заключалась въ выдѣленіи изъ него новыхъ должностей, которыя патриціатъ оставлялъ за собою, когда, уступая натиску плебеевъ, ему приходилось соглашаться на то, чтобы и плебеи могли выбираться на должность высшихъ сановниковъ государства. Ранѣе всего, въ серединѣ V в. отъ консульства были отдѣлены должности сначала двухъ *квесторовъ* (quaestores), завѣдовавшихъ государственной казной, а вскорѣ затѣмъ и двухъ *цензоровъ* (censores) для оцѣнки имущества гражданъ, отъ количества котораго въ то время зависѣла степень ихъ участія въ политическихъ правахъ, какъ членовъ всей государственной общины. Когда лѣтъ черезъ двадцать патриціи были вынуждены уступить плебеямъ право выбираться и въ квесторы, они все еще крѣпко держались за исключительное обладаніе цензурой, но лѣтъ черезъ сто должны были и ее уступить. Собственно говоря, эта должность была выдѣлена изъ консульства, когда патриціи согласились на то, чтобы сенатъ, вмѣсто консуловъ, могъ выбирать *военныхъ трибуновъ съ консульскою властью*, къ занятію каковой должности были допущены и плебеи, но когда рѣшено было допускать плебеевъ и къ самому консульству, что́ произошло въ серединѣ IV в., то у консуловъ было отнято ихъ судейское значеніе, и судебныя обязанности консуловъ были поручены *претору*, который былъ какъ бы третьимъ товарищемъ консуловъ, выбирался вмѣстѣ съ ними и однимъ съ ними порядкомъ и даже заступалъ ихъ мѣсто во время ихъ отсутствія; около тридцати лѣтъ эта должность оставалась исключительно патриціанскою. Одновременно съ претурой была выдѣлена—тоже для исключительнаго обладанія патриціями—должность *курульныхъ эдиловъ* (aediles curules), наблюдавшихъ за общественными зданіями и за торговлею и распоряжавшихся публичными играми. Послѣ цензуры и претуры и эта должность сдѣлалась доступною плебеямъ. Только жреческія должности особенно долго сохранялись за

одними патриціями, въ особенности должность царя священныхъ дѣлъ; она даже такъ-таки и осталась чисто патриціанскою привилегіей. Впрочемъ, гораздо раньше настоящимъ верховнымъ жрецомъ Рима сдѣлался *главный понтификъ* (pontifex maximus), и званіе это стало тоже доступнымъ плебеямъ.

Въ этой исторіи римской магистратуры обращаютъ на себя вниманіе не только упорство, съ какимъ патриціи удерживали за собою нѣкоторыя привилегіи, но и та постепенность, съ какою совершалось расчлененіе прежней единой власти царя. Аналогичное явленіе мы наблюдаемъ и въ Аѳинахъ, но какъ въ аѳинскомъ, такъ и въ римскомъ случаѣ необходимо обратить вниманіе на постепенную спеціализацію правительственныхъ должностей, т.-е. на дифференціацію органовъ государственной власти, указывающую и на усложненіе самой жизни. Съ фактомъ раздвоенія царской власти, имѣвшаго своимъ результатомъ ея ослабленіе, мы встрѣчаемся и въ Спартѣ. Какъ произошло это раздвоеніе, т.-е. какимъ образомъ въ Спартѣ одновременно стали править два царя изъ двухъ династій Эврипонтидовъ и Агидовъ, мы не знаемъ; трудно даже остановиться на какомъ-либо изъ дававшихся этому явленію объясненій, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что должность второго царя была создана для ограниченія власти перваго. Соперничество между царями дало возможность въ Спартѣ усилиться до весьма большого значенія должности эфоровъ, которые, какъ мы еще увидимъ, впослѣдствіи и сдѣлались представителями высшей государственной власти въ Спартѣ, возвысившись до этого значенія тоже, повидимому, изъ болѣе скромныхъ помощниковъ царей.

ГЛАВА V.

Обычное право и религіозная санкція общественнаго порядка.

Политическое законодательство и обычное право.—Сакральный характеръ древнѣйшаго права.—Мнѣніе Фюстель де Куланжа о значеніи религіи въ жизни античной гражданской общины.—Параллелизмъ политической и религіозной интеграціи и установленіе гражданской религіи.—Аристократическій характеръ древняго государственнаго культа.—Религіозное значеніе царской власти.

Взаимныя отношенія царя, старѣйшинъ и народа въ Греціи и Римѣ, конечно, не были основаны на какомъ-либо политическомъ законодательствѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть еще не мало случаевъ установленія тѣхъ или другихъ государственныхъ властей или опредѣленія взаимныхъ между ними отношеній путемъ прямого изданія соотвѣтственныхъ законовъ, но въ началѣ государственной жизни вездѣ и всегда организація власти возникаетъ путемъ развитія фактическихъ отношеній, и если послѣднія мыслятся не только какъ существующія, но и какъ правомѣрныя, т.-е. имѣющія право на существованіе и на всеобщее признаніе, то освящаются эти фактическія и болѣе или менѣе общепризнанныя отношенія не закономъ въ смыслѣ изъявленія воли тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть, а обычаемъ и притомъ обычаемъ съ религіозной санкціей.

Во всѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ дѣло со взаимными отношеніями людей, живущихъ въ обществѣ, мы должны различать, съ одной стороны, вопросы факта, съ другой — вопросы права, иными словами, сами эти фактическія отношенія и тѣ нормы, подъ которыя эти отношенія подводятся, въ значеніи правилъ поведенія, необходимыхъ для поддержанія извѣстнаго порядка жизни. Когда эти нормы поддерживаются принудительнымъ воздѣйствіемъ со стороны существующей въ обществѣ власти, совокупность ихъ составляетъ то, что̀ носитъ названіе права, и понятіе права играетъ такую же роль въ сферѣ юридической, какую играютъ

въ сферѣ политической понятіе государства, въ экономической—понятіе хозяйства. Мы въ общихъ чертахъ уже знаемъ, какой характеръ имѣли политическія и отчасти экономическія отношенія грековъ и римлянъ, въ началѣ ихъ исторіи. Взглянемъ теперь на юридическую сторону ихъ соціальной эволюціи, чтобы отвѣтить на вопросъ, каковъ былъ основной характеръ раннихъ юридическихъ нормъ Греціи и Рима.

Даже въ болѣе позднюю эпоху жизни, когда общественную жизнь начинаютъ регулировать издаваемые государственною властью законы и распоряженія, многое въ этой жизни упорядочивается обычаемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда обычаи получаютъ значеніе правилъ, которыя столь же обязательны для исполненія, какъ и законъ, и нарушеніе которыхъ, какъ и нарушеніе закона, вызываетъ принудительное воздѣйствіе со стороны власти, — во всѣхъ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ настоящими юридическими, а не моральными только нормами, и вся ихъ совокупность носитъ названіе обычнаго права [1]). Было время и время еще сравнительно недавнее, когда въ обычномъ правѣ видѣли чистѣйшее выраженіе народнаго убѣжденія о томъ, что̀ справедливо и что̀ несправедливо, и называли это право прямымъ продуктомъ правосознанія народа, самого народнаго духа. Такой взглядъ былъ выраженіемъ крайней идеализаціи жизненныхъ процессовъ, происходящихъ въ обществѣ, и прежде всего совершенно нереальнаго представленія о народѣ. Каждый историческій народъ является передъ нами расчлененнымъ на отдѣльные классы и сословія съ разными формулами жизни, не говоря уже о томъ, что и въ каждомъ такомъ классѣ и сословіи мы различаемъ еще индивидуальныя особенности характера, темперамента и т. п.: вѣдь и онѣ отражаются различнымъ образомъ на побужденіяхъ и интересахъ, руководящихъ людьми въ ихъ поступкахъ, изъ которыхъ складываются всѣ общественныя отношенія. Думать, что эти отношенія строятся на основахъ внутренняго народнаго убѣжденія, для всѣхъ одинаковаго, всѣмъ членамъ общества присущаго, теперь совершенно не приходится, потому что ничто существованія такого общаго правосознанія не доказываетъ, и какъ бы ни сходились между собою члены

[1]) Обычное право, касающееся вопросовъ политической жизни, и теперь является дѣйствующимъ государственнымъ правомъ Англіи.

одного и того же общества на признаніи тѣхъ или другихъ нормъ, всегда слѣдуетъ предполагать, что послѣднія возникаютъ на почвѣ индивидуальныхъ дѣйствій, часто повторявшихся и становившихся предметомъ подражанія. Изъ повторяемости однихъ и тѣхъ же поступковъ рождается привычка дѣйствовать въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстнымъ образомъ, а отсюда уже недалеко и до общаго представленія о необходимости въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ поступать такимъ-то и такимъ-то образомъ. Примѣру лицъ, которыя по той или другой причинѣ пользуются въ данной общественной средѣ авторитетомъ и вліяніемъ, начинаютъ слѣдовать другіе, и великая сила подражанія вмѣстѣ съ не менѣе великою силою привычки мало-по-малу создаетъ обычаи, изъ которыхъ потомъ и извлекаются нормы поведенія и отношеній, составляющія въ своей совокупности обычное право народа. Въ виду такого происхожденія этой формы права въ немъ нечего, конечно, искать какой-то высшей правды, изначала вложенной въ народное сознаніе, разъ создается оно путемъ долговременнаго, непрерывнаго и безконечно частаго повторенія поступковъ, въ основѣ которыхъ лежатъ разные идивидуальные интересы, страсти и воззрѣнія, и разъ, съ другой стороны, чаще всего общій тонъ жизни задаютъ люди сильные духомъ и тѣломъ, знатностью рода и богатствомъ, сознаніемъ своего превосходства и своей организаціей на счетъ слабыхъ, приниженныхъ и разрозненныхъ. Имъ, конечно, нужно было и оправдывать свое господство ссылками на какіе-либо общіе и идеальные принципы, которые были бы понятны и имѣли силу и для подвластныхъ. Какъ ни расходились между собою члены первоначальныхъ государственныхъ общинъ въ своихъ практическихъ принципахъ, теоретически въ міросозерцаніи ихъ не могло быть никакихъ различій, и какъ господа, такъ и рабы, какъ знатные, такъ и простолюдины, въ сущности, стояли на одной почвѣ миѳическаго міросозерцанія, заключавшаго въ себѣ и религію, и философію, и мораль, и право раннихъ ступеней культурной эволюціи,

Отсюда сакральный характеръ древнѣйшаго права. Умственное состояніе всѣхъ членовъ наиболѣе раннихъ обществъ таково, что все какъ въ природѣ, такъ и въ жизни человѣка приписывается непосредственному вмѣшательству боговъ, сопротивляться волѣ которыхъ — дѣло совершенно напрасное

и не только безсмысленное, но и опасное. При такомъ умственномъ состояніи и такомъ настроеніи чувства и воли и общепринятый обычай естественно разсматривался, какъ установленный богами, какъ соотвѣтствующій высшей волѣ, какъ заключающій въ себѣ самую настоящую правду. Боги карають за нарушеніе ихъ повелѣній, и въ поэмѣ Гесіода „Труды и дни“ есть одно мѣсто, въ которомъ олицетворенная Правда, Дике (Δίκη, слово, первое значеніе котораго есть „обычай“) проситъ Зевса защитить ее отъ обидъ, чинимыхъ ей смертными. Обязанность защищать ее среди смертныхъ Зевсъ передалъ вмѣстѣ со скипетромъ, какъ символомъ власти, царямъ, и они являются такимъ образомъ высшими блюстителями обычаевъ и всего основаннаго на нихъ порядка жизни. Боги, дѣйствительно, регулируютъ общественную жизнь, потому что всякая власть въ концѣ концовъ покоится на общемъ ея признаніи надъ собою со стороны людей, а люди въ политеистическомъ обществѣ именно и признавали надъ собою такую власть боговъ. Въ обществѣ довольно рано должны были выдѣлиться особые знатоки обычаевъ и велѣній боговъ, и въ самомъ дѣлѣ первыми юристами въ Римѣ были жрецы, извѣстные подъ названіемъ понтификовъ. Недаромъ и первую попытку собрать и изложить обычное право Рима сдѣлалъ, въ серединѣ III в. до Р. Х., главный понтификъ Тиберій Корунканій. Въ такомъ пониманіи право было частью религіи, и римскіе понтифики охраняли священную тайну своихъ юридическихъ познаній отъ глазъ непосвященной толпы. Это сакральное право (jus sacrum) было страшно консервативно и отличалось крайнимъ формализмомъ, что̀ объясняется его связью съ религіей, но съ другой стороны, понтифики выступали и въ роли защитниковъ патриціанскихъ интересовъ, такъ какъ сами первоначально принадлежали къ высшему сословію гражданъ. Другими словами, обычное право, искавшее свою санкцію въ религіи, въ свою очередь само брало подъ охрану тотъ аристократическій укладъ жизни, который характеризуетъ ранніе періоды греческой и римской исторіи.

Итакъ, обычное право ставило данный общественный порядокъ подъ охрану религіи, и въ этомъ заключалась исконная связь религіи съ политикой и правомъ древнѣйшаго періода греческой и римской исторіи. Связь эта была такъ велика, такъ всеобъемлюща и сильна, что несомнѣнное су-

ществованіе ея дало поводъ къ возникновенію теоріи, по которой всѣ политическія учрежденія и все частное право древнихъ основываются только на ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ. Такую именно теорію развилъ въ своемъ сочиненіи „Гражданская община античнаго міра“ (La cité antique) замѣчательный французскій историкъ второй половины XIX в. Фюстель де Куланжъ (1830—1889). Точка зрѣнія Фюстель де Куланжа— частное примѣненіе общаго положенія, по которому общественный бытъ народа покоится на понятіяхъ человѣческаго ума, т.-е. это — идеологическая точка зрѣнія, діаметральную противоположность которой составляетъ ученіе экономическаго матеріализма, стремящееся выводить даже всю духовную культуру народа вмѣстѣ съ другими „надстройками“ изъ экономическаго „фундамента“ общественной жизни. Обѣ точки зрѣнія односторонни, но всякая односторонность есть лишь преувеличеніе вѣрной мысли, распространеніе ея на всѣ факты, когда ею объясняются лишь нѣкоторые, стремленіе подогнать подъ одинъ принципъ то, что, требуетъ для своего объясненія принятія въ расчетъ и другихъ началъ. Въ предыдущемъ изложеніи мы держались только фактическихъ отношеній, стараясь указать и на ихъ экономическую основу въ натуральномъ хозяйствѣ древнѣйшей эпохи, въ образованіи на его почвѣ и въ его формахъ землевладѣльческой знати, въ экономическомъ закрѣпощеніи ею безземельнаго или малоземельнаго люда, но обычное право той эпохи выросло не только изъ этихъ фактическихъ отношеній съ ихъ экономической (впрочемъ, не одной экономической) основой, но и изъ міросозерцанія эпохи, освѣщавшаго съ своеобразной точки зрѣнія вопросы идивидуальной и соціальной жизни, вопросы о загробномъ существованіи людей, о связи живущихъ на землѣ людей съ ихъ отошедшими въ иной міръ предками, о вытекающихъ отсюда обязанностяхъ живыхъ по отношенію къ умершимъ и т. п., наконецъ, вопросы, касающіеся того, что̀ требуется богами отъ людей во взаимныхъ отношеніяхъ между послѣдними и ими, богами. Фюстель де Куланжъ необычайно ярко освѣтилъ эту сторону исторіи античнаго міра, и въ этомъ заключается его немаловажная заслуга передъ наукой, но онъ увлекся и сталъ объяснять исключительно религіозными представленіями древнихъ *всѣ* ихъ порядки, *весь* ихъ гражданскій бытъ. Онъ именно выводитъ изъ культа предковъ и домашняго очага возникновеніе собствен-

ности и семьи, сословныхъ различій и организаціи государственной власти, выводитъ изъ одного принципа и мелкія подробности обыденной жизни, и крупныя событія въ исторіи цѣлыхъ общинъ, т.-е. объясняетъ прямо изъ религіозныхъ вѣрованій то, что, имѣя самостоятельное происхожденіе внѣ какихъ бы то ни было представленій о загробномъ мірѣ и о богахъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительно получило религіозную окраску, а въ иныхъ случаяхъ не только съ внѣшней стороны пріобрѣло характеръ религіознаго учрежденія, но и внутри глубоко проникло религіозными началами и срослось съ извѣстными вѣрованіями въ одно неразрывное цѣлое. И частное, и публичное право древнихъ, всѣ ихъ обычаи и ранніе законы, какъ гражданскіе, такъ и уголовные, весь повседневный бытъ семьи со всѣми важными событіями, въ ней происходившими, а также и вся жизнь гражданской общины,—все это было тѣсно связано съ религіей, которая санкціонировала не только фактическія отношенія, существовавшія въ обществѣ, но и притязанія тѣхъ, которымъ хотѣлось закрѣпить эти отношенія, какъ порядокъ, установленный самими богами.

Особаго вниманія въ интересахъ надлежащаго пониманія разсмотрѣнныхъ нами отношеній заслуживаютъ мысли Фюстель де Куланжа, во-первыхъ, о религіозной сторонѣ жизни родовъ, фратрій или курій, филъ или трибъ, изъ которыхъ сложились государства-города, и самихъ этихъ государствъ-городовъ; во-вторыхъ, объ аристократическомъ характерѣ первоначальныхъ религіозныхъ культовъ въ такихъ гражданскихъ общинахъ и, наконецъ, о религіозномъ характерѣ царской власти, въ нихъ существовавшей до установленія аристократическихъ правленій.

Какъ у разныхъ другихъ народовъ, такъ и у грековъ съ римлянами было развито почитаніе душъ умершихъ, или культъ предковъ. Отдѣльныя семьи и цѣлые роды, ведшіе свое происхожденіе отъ одного предка, должны были поминать своихъ покойниковъ, приносить имъ жертвы и дѣлать имъ возліянія, такъ какъ и въ загробной жизни люди нуждались, по грубымъ вѣрованіямъ первобытной эпохи, въ пищѣ и питьѣ. Умершіе предки являлись богами-покровителями того или другого дома, той или другой семьи. Эти обожествленныя человѣческія души, называвшіяся у грековъ *демонами* или *героями*, у римлянъ *ларами*, *манами*, *геніями*, были

богами чисто домашней религіи, въ обрядахъ которой могли участвовать только члены семьи или сродичи, а средоточіемъ этого культа предковъ былъ домашній очагъ, на которомъ долженъ былъ постоянно горѣть огонь и который самъ былъ предметомъ религіознаго почитанія, такъ что культъ предковъ былъ тѣсно связанъ съ культомъ священнаго огня на домашнемъ очагѣ. Обычай поддерживать этотъ огонь, конечно, ведетъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда добываніе огня было крайне затруднительно, и потому существовала прямая необходимость сохранять на очагѣ, по крайней мѣрѣ, горячіе уголья, такъ называемый „жаръ“, отъ котораго можно было посредствомъ вздуванія получить и пламя. Самый очагъ въ возжженнымъ на немъ огнемъ былъ тоже обоготворенъ подъ именемъ *Гестіи* у грековъ и *Весты* у римлянъ (это—одно и то же слово), и сами домашніе боги по имени этого огнища назывались *эфестіями* (отъ ἐπὶ и ἑστία). Поклоненіе домашнимъ богамъ греки передавали глаголомъ πατριάξειν, что́ значитъ отечить; римляне—глаголомъ parentare, родительничать, и сами эти боги считались сродичами тѣхъ, которые совершали передъ домашнимъ очагомъ религіозные обряды. Поэтому каждая семья и каждый родъ представляли изъ себя небольшія религіозныя общины, т.-е. маленькія общества людей, связанныхъ между собою не только кровными узами родства, но и духовными узами общей вѣры, общаго богослуженія. Всѣ важныя событія въ семейной жизни, рожденіе новаго ребенка или усыновленіе чужого человѣка, выдѣленіе изъ семьи кого-либо изъ ея членовъ, вступленіе ея членовъ въ бракъ, смертные случаи и т. п.,— все это сопровождалось религіозными обрядами, которые, какъ жрецомъ, отправлялись отцомъ семьи, вообще хозяиномъ дома, заступавшимъ отца, старшимъ членомъ семьи. Отцовская власть (patria potestas), получившая особое развитіе въ Римѣ, имѣла религіозное значеніе: домовладыка, онъ же и семейный жрецъ, былъ посредникомъ между живыми и умершими, между людьми и богами, блюстителемъ священныхъ обрядовъ и юридическихъ обычаевъ, исполнителемъ воли отошедшихъ въ другую жизнь „отцовъ“, отъ нихъ получавшимъ и свое право властвовать надъ другими членами семьи. Такая же религія со своими особыми обрядами и своими жрецами существовала и у отдѣльныхъ родовъ, а затѣмъ и тѣ союзы, которые носили названія фратрій-курій и филъ-трибъ,

тоже имѣли своихъ боговъ-покровителей, въ честь которыхъ совершенно такъ же устраивались празднества и совершались разные обряды.

Подобнымъ образомъ и каждая гражданская община имѣла свою религію, т.-е. была не только политическимъ, но и религіознымъ цѣлымъ, въ одно и то же время и государствомъ, и церковью, употребляя христіанскій терминъ. У каждаго государства-города были свои городскіе боги (θεοὶ πολιεῖς), свои общественные пенаты (penates publici): это были боги-покровители, герои-основатели, т.-е. какъ бы родоначальники гражданскихъ общинъ, и въ каждомъ городѣ у нихъ былъ алтарь, помѣщавшійся въ особомъ зданіи, которое греки называли *пританеемъ* (πρυτανεῖον), а римляне—храмомъ Весты. Этотъ городской очагъ со священнымъ огнемъ на немъ былъ лишь воспроизведеніемъ очага домашняго: какъ отдѣльныя семьи, такъ и отдѣльные государства-города выбирали себѣ боговъ-покровителей среди боговъ природы, и хотя божества, носившія одно и то же имя, встрѣчались у разныхъ семействъ и въ разныхъ городахъ, въ нихъ видѣли, однако, только соименныя, на дѣлѣ разныя существа, не одного и того же бога, не одну и ту же богиню. Аѳинская Аѳина и Аѳина спартанская были двѣ разныя Аѳины, и римская Юнона не была Юноной вейентинской, такъ что когда римскій диктаторъ Камиллъ осаждалъ Вейи, то просилъ жившую въ этомъ городѣ Юнону перейти на сторону римлянъ, а когда городъ былъ взятъ, то его Юнона была переселена въ Римъ, и въ немъ было послѣ того двѣ Юноны. Гражданская религія была столь же исключительна, какъ и домашняя, т.-е. и покровительство боговъ, и участіе въ культѣ существовали лишь для своихъ, для членовъ семьи или общины, посторонніе же своимъ присутствіемъ могли только осквернить святое мѣсто. Однимъ изъ обрядовъ этой религіи были священныя трапезы, имѣющія свой первообразъ въ священныхъ трапезахъ членовъ семьи, къ которымъ привлекались и покойные предки. Кромѣ общихъ, такъ сказать, всенародныхъ пировъ въ извѣстные дни, въ иныхъ мѣстахъ Греціи особые, избранные люди отъ лица цѣлой общины ежедневно столовались въ пританеѣ, гдѣ стоялъ городской алтарь и поддерживался на немъ священный огонь. При всѣхъ важныхъ случаяхъ въ жизни гражданской общины совершались религіозные обряды, была ли то перепись населенія, или народное

собраніе, засѣданіе старѣйшинъ, или судебное разбирательство, а также, наконецъ, отправленіе въ походъ или возвращеніе съ войны.

Сравнивая гражданскую религію съ домашней, мы видимъ, что первая сформировалась по образцу второй. Это—разъ. Во-вторыхъ, мы видимъ еще, что политическая интеграція сопровождалась также интеграціей религіозной, которая продолжалась и впослѣдствіи, когда, напр., два государства-города вступали между собою въ союзъ, въ число условій котораго ставилось и религіозное общеніе въ формѣ взаимнаго участія въ религіозныхъ праздникахъ чужого города. Религіозные союзы иногда даже предшествовали политическимъ еще въ догородскую эпоху, о чемъ свидѣтельствуютъ случаи содержанія сосѣдними поселеніями общихъ храмовъ и устройства общихъ празднествъ. Очень можетъ быть, что въ иныхъ случаяхъ религіозное общеніе вело къ общенію политическому, а въ иныхъ случаяхъ дѣло происходило наоборотъ, но общее правило—то, что политическая интеграція шла рука объ руку съ интеграціей религіозной. Государство-городъ, это—не только политическое, но и религіозное цѣлое, такое цѣлое, въ которомъ воедино сливаются между собою учрежденія государственнаго и церковнаго характера, и принудительное властвованіе, дающее государственную санкцію обычному праву, само получаетъ санкцію въ религіи.

Нераздѣльность политическаго и религіознаго началъ въ жизни государства-города въ эпоху его возникновенія, при соціальномъ и политическомъ господствѣ знати, не могло не отразиться и на гражданской религіи, которая сама принимаетъ аристократическій оттѣнокъ. Господство знати само имѣло религіозную санкцію, или, говоря вѣрнѣе, знать стремилась оправдать свое господство религіей и сдѣлать изъ религіи орудіе своего преобладанія и въ дальнѣйшемъ. Родовладыки, старѣйшины, князья были не только распорядителями въ дѣлахъ войны и мира, но и въ священнодѣйственныхъ обрядахъ, сопровождавшихъ всѣ важныя событія въ жизни подвластныхъ общинъ. Съ распаденіемъ соціальнаго равенства распалось и равенство религіозное, и правильно организованная домашняя религія съ выработаннымъ традиціоннымъ культомъ сдѣлалась привилегіей болѣе знатныхъ семействъ, около которыхъ группировались ѳеты и кліенты и

весь другой подобный людъ. Въ первоначальномъ Римѣ лишь одни патриціи со своими кліентами входили въ составъ родовъ, курій, трибъ и наконецъ государственной общины, и одни они имѣли семейную организацію, предписанную, такъ сказать, религіознымъ обычнымъ правомъ. Съ точки зрѣнія патриціевъ плебеи были людьми безродными, безъ правильнаго брака, безъ семейнаго культа, и между патриціатомъ и плебсомъ не было ни религіознаго общенія, ни установленія родственныхъ отношеній посредствомъ браковъ. Мы видили, какъ складывалась чисто аристократическая идеологія, доказывавшая превосходство благороднаго происхожденія надъ подлымъ. Знатные были ближе къ богамъ, къ героямъ-родоначальникамъ и лучше знали тайны религіи и обрядовую сторону культа, и между знатными были еще особыя, такъ сказать, чисто жреческія фамиліи, которыя обладали на наслѣдственномъ правѣ привилегіей отправленія извѣстныхъ культовъ, не говоря уже о томъ, что, занимая разныя общественныя должности, они одни являлись и въ роли публичныхъ жрецовъ. Все это отдавало общественное богослуженіе въ руки знати, такъ что къ экономическимъ и политическимъ основамъ ихъ власти, къ ихъ богатству и къ ихъ организаціи присоединялась еще основа морально-религіозная, дававшая знати возможность властвовать и надъ умами. Къ домашней религіи эвпатридовъ-патриціевъ были пріобщены въ качествѣ слугъ и кліентовъ незаконно-рожденные, вольноотпущенники, пришельцы и всякій иной бездомный и безродный людъ, и всѣ они, пользуясь покровительствомъ религіознаго обычнаго права, находились подъ опекою той или другой знатной семьи, которая въ ихъ глазахъ и была истинною собственницей культа. Съ другой стороны, нѣкоторыя семьи обладали культами, выходившими за предѣлы домашней религіи. Напр., элевсинская Деметра была частнымъ божествомъ рода Эвмолпидовъ, и сама Аѳина, богиня аѳинскаго акрополя, принадлежала роду Бутадовъ. Подобные случаи извѣстны и изъ римской исторіи. Быть можетъ, тотъ или другой домашній культъ пріобрѣталъ и публичное значеніе, когда люди видѣли, какъ пріумножается достатокъ какой-либо семьи, которая чтила извѣстное божество. Въ концѣ концовъ религія срасталась съ сословнымъ строемъ общества, освящая привилегіи знати и служа ей въ дѣлѣ сохраненія этихъ привилегій. Знатные роды по той же причинѣ были хранителями

обычнаго права, державшагося въ сознаніи общества тоже на религіи. Религіозные обряды и юридическіе обычаи переплетались и сливались между собою, и знатоками тѣхъ и другихъ были только эвпатриды и патриціи, что̀ въ свою очередь не могло не отразиться на содержаніи обычнаго права и всего моральнаго міросозерцанія общины.

Какъ въ семьѣ должность жреца домашней религіи исполнялъ отецъ, такъ въ государственной общинѣ верховнымъ жрецомъ былъ царь. О томъ, что цари были и жрецами, вѣдавшими всенародныя жертвоприношенія гражданъ общины, существуетъ масса свидѣтельствъ у древнихъ писателей, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы, какъ это думаетъ Фюстель де Куланжъ, культъ всенароднаго огнища былъ въ самомъ дѣлѣ источникомъ сана и власти царя, и чтобы важнѣйшею обязанностью царя было совершать религіозные обряды. Выводить царскую власть изъ жречества едва ли есть основанія, но несомнѣнно одно, а именно то, что въ лицѣ царя соединялось главенство свѣтское и духовное. Царская власть во всемъ ея составѣ была богоустановленной. Въ „Иліадѣ“ Зевсъ передаетъ царю со скипетромъ, какъ символомъ его власти, и самое право (τιμὴ) требовать по отношенію къ себѣ повиновенія и почтенія. Цари пользуются особымъ покровительствомъ Зевса. Они διοτρεφέες и διογενές, что значитъ вскормленные, рожденные Зевсомъ. Это религіозное значеніе царской власти было такъ велико, что когда знать превратила ее въ избирательную республиканскую магистратуру, то все-таки считалось невозможнымъ обходиться безъ царя, какъ привычнаго посредника между общиной и богами. Таково значеніе аѳинскаго архонта-басилевса, римскаго царя священныхъ дѣлъ и т. п. Интересно, что въ нѣкоторыхъ городахъ право на занятіе такой должности хранилось въ теченіе вѣковъ въ одномъ и томъ же родѣ, ведшемъ происхожденіе отъ прежнихъ царей. Такъ было даже во времена Римской имперіи, т.-е. черезъ семь-восемь столѣтій, въ Эфесѣ, въ Массиліи, въ Ѳеспіяхъ.

Итакъ, въ началѣ греческой и римской исторіи весь гражданскій оборотъ и весь политическій бытъ держались на обычномъ правѣ и религіи. Мы еще увидимъ, какъ въ эти сложившіяся въ глубокой древности отношенія стали проникать новыя начала и между прочимъ эти отношенія стало регу-

лировать законодательство, имѣвшее свой источникъ не въ велѣніи боговъ, а въ волѣ самихъ людей.

ГЛАВА VI.

Начало торгово-промышленнаго развитія античныхъ народовъ.

Переходъ грековъ къ торговлѣ, промышленности и денежному хозяйству.— Вопросъ о примѣненіи формулъ развитія къ дѣйствительной исторіи.— Противоположные взгляды Бюхера и Эдуарда Мейера на экономическое развитіе древняго міра.—Рѣчныя и морскія цивилизаціи.—Образованіе новыхъ общественныхъ классовъ въ Греціи. — Торговые и промышленные центры грековъ.—Начало денежнаго хозяйства.—Замѣчаніе объ экономической исторіи Рима.

Въ ряду новыхъ началъ, которыя стали проникать въ жизнь античныхъ государствъ-городовъ и измѣнять въ нихъ внутреннія, соціально-политическія отношенія, первое мѣсто принадлежитъ торговлѣ и обрабатывающей промышленности, находившихся у грековъ въ зачаточномъ состояніи въ эпоху гомеровскихъ поэмъ. Мы видѣли, что въ эту эпоху экономическій бытъ Греціи можетъ быть опредѣленъ понятіями земледѣлія, соединеннаго со скотоводствомъ, и патуральнаго хозяйства, при которомъ продукты земледѣлія и скотоводства на мѣстѣ своего производства и потреблялись. Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію того періода, когда греческіе города сдѣлались центрами торговли и обрабатывающей промышленности и въ нихъ стало развиваться денежное хозяйство. Прежде нежели, однако, мы остановимся на относящихся къ этому явленію фактахъ, намъ необходимо коснуться болѣе общихъ вопросовъ о сущности экономическаго развитія, отвлеченно взятаго, и о характерѣ экономическаго развитія древнаго міра, взятаго въ его цѣломъ.

Въ послѣдніе годы по вопросу объ экономическомъ развитіи античнаго міра были высказаны два различныхъ взгляда, изъ которыхъ у каждаго нашлись солидные защитники, хорошо знакомые съ классическою древностью. Все различіе

между этими взглядами сводится къ тому, какъ смотрѣть на историческое отношеніе, существующее между такъ называемою древностью и такъ называемыми средними вѣками, а именно слѣдуетъ ли видѣть въ древности и среднихъ вѣкахъ двѣ стадіи одного и того же, единаго развитія, или же нужно дѣло представлять такимъ образомъ, что древность прошла разныя стадіи развитія, которыя потомъ снова съ самаго начала были пережиты средними вѣками и послѣдовавшимъ за ними новымъ временемъ. Первая изъ этихъ точекъ зрѣнія требуетъ признанія за средними вѣками (и новымъ временемъ, ихъ продолжающимъ) значенія лишь простого *продолженія* древности, вторая точка зрѣнія, наоборотъ, приводитъ къ той мысли, что въ средневѣковой (и новой) исторіи мы видимъ передъ собою не что иное, какъ *повтореніе* того же самаго процесса, какой совершался уже въ древности. Выражаясь еще общѣе, мы можемъ сказать, что въ первомъ случаѣ извѣстная формула развитія,—въ данномъ случаѣ экономическаго, но вообще и всякаго другого,—прилагается къ всемірно-историческому процессу, взятому въ его цѣломъ, во второмъ — только къ исторіи отдѣльныхъ обществъ.

Чтобы яснѣе представить разницу, существующую между обоими взглядами, я приведу примѣръ изъ неэкономической области, тѣмъ болѣе, что онъ намъ пригодится впослѣдствіи, когда намъ придется коснуться развитія въ древнемъ мірѣ философской мысли въ вопросахъ морали, права и политики.

Французскій мыслитель первой половины XIX в. Огюстъ Контъ (1798—1857), родоначальникъ позитивной философіи и соціологіи, видѣлъ основной законъ исторіи въ созданной имъ формулѣ умственнаго развитія человѣчества. По этой формулѣ, человѣческій умъ сначала объясняетъ себѣ явленія природы непосредственнымъ дѣйствіемъ въ нихъ особыхъ сверхъестественныхъ дѣятелей, потомъ замѣняетъ представленія объ этихъ дѣятеляхъ отвлеченными понятіями о нѣкоторыхъ общихъ сущностяхъ, лежащихъ въ основѣ явленій, и только впослѣдствіи, оставляя оба эти способа объясненія явленій природы, приходитъ къ познанію дѣйствительныхъ законовъ природы, т.-е. постоянной фактической связи наблюдаемыхъ явленій. Этимъ тремъ способамъ, имѣющимъ значеніе трехъ стадій или фазисовъ въ развитіи міросозерцанія, Контъ даетъ названія теологическаго, метафизиче-

скаго и позитивнаго, въ свою очередь подраздѣляя теологическую стадію на стадіи фетишизма, политеизма и монотеизма: фетишизмъ заключался въ признаніи всѣхъ предметовъ одушевленными, въ политеизмѣ мы имѣемъ дѣло съ опредѣленнымъ количествомъ боговъ, заправляющихъ извѣстными категоріями явленій, и наконецъ монотеизмъ устраняетъ это множество для подчиненія міра единому Божеству. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе этой формулы для установленія оговорокъ, съ которыми она можетъ быть вообще принята, и весь вопросъ въ томъ, какъ это замѣчательное обобщеніе Огюста Конта должно быть прилагаемо къ дѣйствительной исторіи міросозерцаній. Самъ Контъ примѣнилъ ее къ цѣлому всемірно-историческаго развитія, записавъ, такъ сказать, всю древность въ теологическій и притомъ спеціально политеистическій фазисъ развитія, какъ будто въ ней не было метафизики, да и какой еще метафизики, и какъ будто не древніе же положили начало и чисто научному знанію. Вотъ и возникаетъ вопросъ, не слѣдовало ли бы прилагать эту формулу Конта не къ цѣлому всемірно-историческаго процесса, а къ исторіи отдѣльныхъ народовъ. Тогда мы и увидѣли бы, что прослѣдить переходы отъ теологическаго міросозерцанія къ метафизическому и отъ этого послѣдняго къ позитивному есть полная возможность въ одной древности, цѣликомъ занесенной Контомъ въ политеистическій фазисъ, и что въ средніе вѣка и новое время этотъ процессъ движенія человѣческой мысли по тремъ стадіямъ опять повторился въ наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ. Конечно, въ средніе вѣка и новое время мысль европейскихъ народовъ развивалась на основахъ, созданныхъ греками и римлянами, и въ этомъ отношеніи была какъ бы только продолженіемъ начатаго раньше, но въ началѣ своего развитія новые народы стояли вѣдь на той же ступени, на какой были и древніе въ началѣ своей исторіи, и новымъ народамъ поэтому въ сущности приходилось повторить то, что древними въ свое время было продѣлано, хотя повтореніе это, разумѣется, совершалось уже при новыхъ, болѣе сложныхъ условіяхъ.

То же самое разсужденіе мы имѣемъ право примѣнить и къ экономическому развитію и спросить, продолжаетъ ли только средневѣковая и новая Европа экономическое развитіе древняго міра, или послѣдній уже прошелъ извѣстныя

стадіи, которыя потомъ были повторены,—конечно, въ бо̀льшихъ размѣрахъ и съ болѣе глубокими результатами,—міромъ средневѣковой и новой Европы. По этому-то вопросу, какъ сказано было выше, и возникъ въ послѣдніе годы ученый споръ въ исторической литературѣ.

Главными представителями двухъ противоположныхъ отвѣтовъ на только-что поставленный вопросъ о томъ, продолжаетъ или повторяетъ средневѣковая и новая Европа классическую древность въ своемъ экономическомъ развитіи, являются два современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, экономистъ Карлъ Бюхеръ и историкъ Эдуардъ Мейеръ. Первый изъ нихъ создалъ новую формулу экономическаго развитія, которую самъ и примѣнилъ къ древности, среднимъ вѣкамъ и новому времени, какъ къ отдѣльнымъ моментамъ этого развитія; но его историческое построеніе, основанное на этой формулѣ, было встрѣчено цѣлымъ рядомъ возраженій со стороны другихъ ученыхъ и особенно со стороны Эдуарда Мейера, автора одной изъ лучшихъ въ настоящее время общихъ исторій древняго міра. Бюхеръ высказалъ свои взгляды въ сочиненіи „Происхожденіе народнаго хозяйства“, Э. Мейеръ разобралъ ихъ въ брошюрѣ „Экономическое развитіе древняго міра“; оба эти сочиненія существуютъ въ русскомъ переводѣ. У насъ на сторону Бюхера сталъ проф. Гревсъ въ своихъ „Очеркахъ исторіи римскаго землевладѣнія“, впрочемъ, съ цѣлымъ рядомъ оговорокъ и между ними съ указаніемъ на то, что своей защиты взглядовъ Бюхера онъ не распространяетъ на древній Востокъ и Грецію [1]).

Въ чемъ же заключается теоретическая формула Бюхера, правильности которой, какъ именно отвлеченной схемы, не отрицаютъ и тѣ, которые нападаютъ на историческое построеніе этого ученаго, т.-е. на примѣненіе его основной идеи къ истолкованію конкретной дѣйствительности?

Бюхеръ исходитъ изъ самыхъ основныхъ понятій политической экономіи, изъ понятій производства и потребленія, ставя эти два понятія въ извѣстное отношеніе между собою, какъ начальнаго и конечнаго моментовъ, между которыми путь, проходимый хозяйственными благами, можетъ имѣть

[1]) Наше отношеніе ко всему этому спору и въ частности къ защитѣ проф. Гревсомъ взглядовъ Бюхера см. въ статьѣ нашей о книгѣ проф. Гревса въ №№ 11 и 12 „Русскаго Богатства“ за 1900 г.

разную длину и быть менѣе или болѣе сложнымъ. Экономическое развитіе именно и состоитъ въ постепенномъ удлиненіи пути, который проходится хозяйственными благами отъ ихъ производителей къ ихъ потребителямъ. Сначала продукты производства потреблялись самими же производителями, т.-е. въ сущности никакого путешествія хозяйственныя блага не совершали, но съ развитіемъ экономическаго быта продукты стали потребляться не тѣми людьми, которые ихъ произвели, и между производителями и потребителями образовался болѣе или менѣе длинный путь, которому соотвѣтствуетъ экономическое понятіе обмѣна. По мѣрѣ развитія экономическаго быта длина пути, проходимаго хозяйственными благами отъ исходнаго момента (производства) до конечнаго (потребленія), должна была постепенно увеличиваться, и самый характеръ движенія по этому пути (т.-е. обмѣна)—усложняться, начиная съ простѣйшей формы обмѣна (вещи на вещь) и кончая очень сложнымъ торговымъ обращеніемъ товаровъ и чисто денежными операціями. Съ этой точки зрѣнія Бюхеръ и различаетъ три стадіи экономической эволюціи: ступень замкнутаго, самодовлѣющаго домашняго хозяйства, ступень городского хозяйства и ступень хозяйства народнаго. Эту формулу Бюхера очень удобно примѣнять къ экономическому развитію отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ сначала дѣйствительно въ каждомъ „домѣ“ производится то, что̀ имъ же и потребляется, потомъ возникаетъ болѣе сложная система мѣстныхъ обмѣновъ съ „городскими“ центрами, пока въ общую хозяйственную жизнь путемъ развитія внутренней торговли въ цѣлой странѣ не втягивается весь „народъ“. Дѣло, однако, въ томъ, что эту свою общую формулу, имѣющую, въ сущности, значеніе соціологическаго закона, по которому экономическое развитіе совершается въ каждой отдѣльной странѣ, Бюхеръ приложилъ ко всему ходу исторіи передовой части человѣчества, т.-е. изъ *закона повторяющихся явленій* онъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ *плана однажды только совершившагося развитія*. Въ самомъ дѣлѣ, Бюхеръ примѣнилъ свой законъ экономическаго развитія совершенно такъ же, какъ это сдѣлалъ Контъ по отношенію къ своему закону трехъ фазисовъ умственной эволюціи. Именно у него вся древняя и значительная часть средневѣковой исторіи (до конца перваго тысячелѣтія по Р. Х.) зачислены въ періодъ домашняго хозяйства, ко-

нецъ среднихъ вѣковъ и отчасти начало новаго времени отнесены къ фазису хозяйства городского, и только послѣднія столѣтія признаны находящимися на ступени народнаго хозяйства, словно въ древности существовалъ только „домъ“, смѣнившійся въ средніе вѣка „городомъ“, который въ новое время уступилъ мѣсто „націи-государству“. Прибавлю, что подъ понятіе „дома“ или „ойкоса“ (греческое οἶκος и значитъ „домъ“) подводится въ данномъ случаѣ и большое барское хозяйство, а также феодальное помѣстье, о чемъ у насъ рѣчь будетъ идти въ своемъ мѣстѣ. Вотъ эту-то историческую конструкцію и подвергли своей критикѣ въ послѣдніе годы нѣкоторые ученые и въ ихъ числѣ Эдуардъ Мейеръ.

Съ точки зрѣнія Бюхера, говоритъ этотъ ученый, „существованіе правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, существованіе постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ, совершенно отрицается для всей древности большей части средневѣковья“. Дѣйствительно, Бюхеръ принимаетъ „замкнутое домашнее хозяйство“, какъ „чистое производство на себя“, какъ „хозяйство безъ обмѣна“, потому что здѣсь „весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)“, и „каждый продуктъ проходитъ весь путь своего образованія—отъ полученія сырого матеріала до того момента, когда онъ дѣлается годнымъ для употребленія,—въ одномъ и томъ же хозяйствѣ и безъ промежуточныхъ ступеней поступаетъ въ потребленіе“. Правда, Бюхеръ находитъ въ древности зачатки и второй ступени, т.-е. хозяйства городского, которое характеризуется, какъ „прямой обмѣнъ“, или „непосредственное поступленіе продуктовъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее“, но, по его мнѣнію, дальше зачатковъ городского хозяйства древность и не пошла, о народномъ же хозяйствѣ въ бюхеровскомъ пониманіи термина и рѣчи для древней исторіи быть не можетъ.

Возражая Бюхеру и его сторонникамъ, Э. Мейеръ указываетъ на то, что „исторія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается съиз-

нова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены". Западно-европейскому, т.-е. позднѣйшему средневѣковью у Э. Мейера соотвѣтствуетъ средневѣковье греческое, причемъ этому слову придается не хронологическое, а бытовое значеніе: греческое средневѣковье, это — „эпоха владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни, когда землевладѣніе со скотоводствомъ и земледѣліемъ достигло полнаго развитія". Съ этимъ бытомъ мы уже познакомились, и для данной эпохи дѣйствительно можетъ идти рѣчь о замкнутыхъ хозяйствахъ маленькихъ общественныхъ группъ, хотя и тогда дѣло, само собою разумѣется, безъ обмѣна, безъ торговли вполнѣ не обходилось.

Съ VIII в. до Р. Х. начинается быстрое развитіе греческой торговли на берегахъ Средиземнаго моря съ Мраморнымъ, Чернымъ и Азовскимъ, когда греки приступаютъ къ колонизаціи этихъ береговъ и основываютъ на нихъ множество новыхъ государствъ городового типа. Предшественниками грековъ на этомъ обширномъ пространствѣ были финикійцы, которые явились торговыми посредниками между народами, жившими вокругъ Средиземнаго моря. Первыя цивилизаціи зародились въ долинахъ большихъ рѣкъ, каковы, напримѣръ, Нилъ и Тигръ съ Евфратомъ, и финикійцы ранѣе другихъ народовъ стали пользоваться морскими сообщеніями для отдаленныхъ путешествій съ завоевательными, колонизаціонными и торговыми цѣлями. Положеніе Греціи съ ея развитою береговою линіею,—особенно въ восточной части, обращенной къ странамъ древнѣйшей культуры на земномъ морѣ,—было необычайно благопріятно для развитія морскихъ сношеній, и мало-по-малу греки пошли по слѣдамъ финикійцевъ, всесвѣтныхъ торговцевъ древнѣйшаго періода, которые понемногу изъ посредниковъ между самыми отдаленными странами превратились и въ самостоятельныхъ производителей разнаго рода товаровъ, находившихъ сбытъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. По образцамъ, заимствованнымъ у другихъ народовъ, финикійцы завели у себя довольно разнообразную промышленность для вывоза, приспособляясь при этомъ ко вкусамъ тѣхъ народовъ, для которыхъ они производили тѣ или другіе продукты. Издѣлія изъ глины, стекла, бронзы и драгоцѣнныхъ металловъ, окрашенныя въ яркіе цвѣта ткани, даже идолы,—вотъ

чѣмъ нагружали финикійскіе купцы свои корабли, развозившіе эти товары по берегамъ Азіи, Африки и Европы, гдѣ у финикійцевъ были свои факторіи и откуда эти товары по воднымъ и сухимъ путямъ распространялись и вглубь всѣхъ трехъ материковъ. У финикійцевъ, какъ въ ихъ странѣ на сирійскомъ берегу Средиземнаго моря, такъ и въ главной ихъ колоніи на сѣверномъ берегу Африки, развились государства-города въ родѣ Сидона, Тира, Карѳагена, все значеніе которыхъ основывалось на торговлѣ и промышленности.

Греки, страна которыхъ во многихъ отношеніяхъ напоминала Финикію, пошли по слѣдамъ финикійцевъ и покрыли своими колоніями еще болѣе длинную береговую линію. Достаточно сказать, что греческія колоніи были и въ теперешнемъ Закавказьѣ, у устьевъ Дона, въ Крыму, и въ Сѣверной Африкѣ между Египтомъ и владѣніями Карѳагена, и на югѣ Италіи съ Сициліей, и на юго-восточномъ берегу Испаніи. Въ серединѣ VII в. греки появились и въ Египтѣ, гдѣ во второй половинѣ слѣдующаго столѣтія они даже основали свой собственный торговый городъ Навкратисъ. Въ торговый оборотъ грековъ были такимъ образомъ втянуты и старыя культурныя страны на Востокѣ, и италійскіе народы, которымъ суждено было объединиться подъ властью Рима, и разныя другія племена, продолжавшія оставаться на сравнительно низкихъ ступеняхъ развитія, каковы скиѳы, жившіе въ теперешней Южной Россіи, или ѳракійцы, занимавшіе обширную страну на сѣверѣ Балканскаго полуострова. Между городами самой Греціи и колоніями поддерживались постоянныя сношенія — политическія и торговыя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и культурныя, и подобно финикійцамъ греки сдѣлались торговыми посредниками между всѣми странами, окружавшими Средиземное море съ его развѣтвленіями, и сами стали готовить товары на весь этотъ огромный рынокъ. Тѣснота страны, скудность почвы, близость моря при увеличеніи народонаселенія толкали грековъ на эти новые пути, и мало-по-малу настоящимъ историческимъ поприщемъ грековъ сдѣлались берега и острова той части Средиземнаго моря, которая заключена между восточными берегами Греціи и западными Малой Азіи въ одномъ направленіи, а въ другомъ — между берегами Македоніи и Ѳракіи и островомъ Критомъ. Что у грековъ очень рано начались торговыя сношенія съ Востокомъ, это доказывается, между прочимъ, но-

вѣйшими изслѣдованіями и археологическими раскопками, пока сами греки не превратились во вторую послѣ финикійцевъ торговую и промышленную націю древняго міра. Образованіе въ VI в. до Р. Х. громадной Персидской монархіи, простиравшейся отъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря до бассейна Инда, содѣйствовало развитію караванной торговли въ Азіи, и такъ какъ въ составъ этой державы входили греческія колоніи въ Малой Азіи, то и это объединеніе многихъ странъ и народовъ подъ властью персидскаго царя не мало способствовало оживленію греческой торговли. Мало-азіатскія колоніи поддерживали дѣятельныя торговыя сношенія съ ближайшими своими сосѣдями: лидійцами, ликійцами, карійцами.

Разъ часть греческой націи, именно прибрежные греки были втянуты въ торговый оборотъ между разными странами, начатый въ тѣ еще времена, когда сами греки жили исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, — въ прежнемъ соціальномъ быту Греціи должны были произойти важныя перемѣны. Богатство стало теперь заключаться не въ однихъ земляхъ да стадахъ, но и въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, и въ греческомъ простонародьѣ образовались новые рабочіе классы, занятые выдѣлкою и перевозкою товаровъ, ремесленники и матросы. Города весьма естественно сдѣлались центрами торговой и промышленной дѣятельности, которая стала вносить элементы разложенія въ старый исключительно сельско-хозяйственный бытъ. Рядомъ съ землевладѣльцами и земледѣльцами образовались классы промышленныхъ и торговыхъ предпринимателей и рабочихъ, которые по самому роду своихъ занятій были, такъ сказать, спеціально городскими классами. Греція тоже послѣ своихъ „помѣщиковъ“ и „крестьянъ“ имѣла свою крупную и мелкую „буржуазію“, свой рабочій „пролетаріатъ“. Какъ и въ средневѣковой и новой Европѣ, такъ и въ Греціи на этотъ процессъ соціальной дифференціаціи потребовалось не мало времени: процессъ былъ, конечно, медленный, постепенный, неповсемѣстный, не одинаково глубоко захватывавшій всѣ мѣстности и неодинаково разрушавшій въ разныхъ мѣстахъ старые устои прежняго натуральнаго хозяйства. Политическіе и культурные результаты этого возникновенія и развитія новыхъ торгово-промышленныхъ классовъ стали также сказываться лишь исподволь, но во всякомъ случаѣ для мно-

гихъ частей Греціи началась совершенно новая историческая эпоха. Было бы слишкомъ смѣло говорить о какомъ-либо экономическомъ *переворотѣ*, но что былъ *поворотъ* на новую экономическую дорогу, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, если только мы сравнимъ бытъ Греціи гомеровской съ бытомъ Греціи временъ наибольшаго торговаго и промышленнаго развитія.

Въ гомеровскомъ обществѣ уже существовали ремесленники, которые носили названіе *деміурговъ*, (δημιοεργός), что̀ значитъ приблизительно „работники на народъ“. Это названіе давалось не только ремесленникамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и разнымъ другимъ лицамъ, служившимъ всему народу, былъ ли то, напримѣръ, врачъ или глашатай. Въ раннемъ обществѣ при отсутствіи раздѣленія занятій и спеціализаціи труда въ каждомъ хозяйствѣ могли производиться всѣ необходимыя для домашняго обихода вещи, но были и тогда подобнаго рода ремесла, занятіе которыми было возможно только при извѣстномъ искусствѣ, требовавшемъ если не особаго таланта, то во всякомъ случаѣ особой подготовки. Такіе искусники, знавшіе какое-либо особое ремесло, всегда могли найти себѣ работу въ томъ или другомъ хозяйскомъ домѣ: кому нужно было имѣть какую-нибудь вещь, которую могъ сдѣлать только искусный мастеръ, тотъ звалъ его къ себѣ, давалъ ему матеріалъ для работы и содержалъ его на свой счетъ и сверхъ того дарилъ ему, что̀ могъ, натурой. Могли, впрочемъ, быть ремесленники, у которыхъ были свои собственныя несложныя мастерскія. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ ремеслъ, требовавшихъ спеціальной подготовки и особаго мѣста для производства работъ, было занятіе кузнеца, и въ Греціи, дѣйствительно, появляются очень рано такіе мастера обработки металла, мѣдники (χαλκεῖς), какъ ихъ называли. За ними идутъ горшечники (κεραμεῖς), которые дѣлаютъ разнаго рода сосуды по образцамъ художественныхъ издѣлій изъ металла, плотники и строители храмовъ, домовъ, кораблей (τέκτονες) и т. п.

Разныя рѣдкія, а потому дорогія издѣлія обрабатывающей промышленности первоначально добывались у грековъ грабежомъ, но уже очень рано и въ Греціи стали появляться финикійскіе купцы съ товарами, изготовленными въ ихъ собственной странѣ или вывезенными изъ другихъ культурныхъ странъ Востока. На финикійскихъ корабляхъ приво-

зились металлическія брони, серебряные сосуды, стеклянныя издѣлія, полотняные хитоны и т. п. По примѣру, поданному финикійцами, стали ѣздить въ чужія земли и покупать тамъ разныя издѣлія и сами греки. Морская торговля— явленіе уже вполнѣ обычное въ представленіи авторовъ Одиссеи, и беотіецъ Гесіодъ, уроженецъ чисто земледѣльческой области Средней Греціи, въ своихъ „Трудахъ и дняхъ“ говоритъ о плаваніи на корабляхъ съ товарами, какъ о занятіи весьма прибыльномъ, хотя и рискованномъ въ виду возможности сразу лишиться всего своего состоянія на бурномъ морѣ. Вообще греки пускались въ море только въ извѣстную пору года, когда погода была большею частью тихая, держась какъ только можно ближе къ материковымъ берегамъ или къ островамъ; зимою сначала они и совсѣмъ не рѣшались пускаться въ море.

Греція была страною слишкомъ малою и бѣдною, чтобы быть въ состояніи вывозить много продуктовъ сельскаго хозяйства и добывающей промышленности вообще. Правда, Аттика славилась своимъ оливковымъ масломъ и серебромъ, а нѣкоторые острова, напримѣръ, Хіосъ — своими винами, Киѳера—пурпуромъ, какъ, съ другой стороны, Кипръ—мѣдью, Ѳасосъ — золотомъ, а Лаконія — желѣзомъ, но не эти предметы главнымъ образомъ вывозились изъ Греціи въ эпоху наибольшаго развитія ея торговли, а разнаго рода фабрикаты, которые находили себѣ сбытъ на обширномъ пространствѣ всѣхъ странъ, окружающихъ Средиземное море съ его глубоко врѣзавшимися въ материкъ частями. Хотя нѣкоторыя мѣстности Греціи, какъ, напримѣръ, Беотія, и въ состояніи были вести отпускную торговлю хлѣбомъ, но вся Греція, взятая въ цѣломъ, въ особенности же нѣкоторыя ея области, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимала Аттика, постоянно ощущали нужду въ привозномъ хлѣбѣ. Главными мѣстами, откуда греки получали хлѣбъ, были теперешняя Южная Россія съ Крымомъ, а также Южная Италія съ Сициліей. И тамъ, и здѣсь у грековъ были многочисленныя колоніи, ведшія обширную торговлю хлѣбомъ и даже сами производившія его руками закрѣпощенныхъ туземцевъ. Въ болѣе позднюю эпоху, въ аоинскую гавань Пирей ввозилось около 400 т. гектолитровъ хлѣба ($1^1/_2$ мил. четвертей) въ годъ, и изъ этого количества цѣлая половина приходила черезъ Черное море. Другіе сырые продукты привозились

въ Грецію тоже изъ Скиоіи и Θракіи, кромѣ болѣе культурныхъ Малой Азіи и Сиріи, и отсюда же вывозились рабы, которыми стали пользоваться, какъ рабочей силой на греческихъ мануфактурахъ.

Дѣло въ томъ, что развитіе промышленности привлекало къ занятію ремеслами не однихъ деміурговъ, т.-е. свободныхъ простолюдиновъ, спеціализировавшихся въ тѣхъ или другихъ техническихъ искусствахъ, но и предпринимателей, обращавшихся при этомъ къ рабскому труду. Еще въ гомеровскія времена въ домахъ знати содержались рабыни, спеціально занимавшіяся пряжей и тканьемъ, но въ то время все это дѣлалось для домашняго употребленія, теперь же стали заводиться цѣлыя „фабрики“, на которыхъ работали и невольницы, и свободныя наймитки. Въ гончарномъ дѣлѣ и въ металлическихъ производствахъ тоже употреблялись рабы, и, напр., Хіосъ первый примѣнилъ въ широкихъ размѣрахъ рабочій трудъ къ такой обрабатывающей промышленности. Изъ Іоніи рабовладѣніе для промышленныхъ цѣлей ранѣе всего проникло въ Коринѳъ, а потомъ распространилось и по другимъ городамъ. Благодаря этому, деміурги или оставались безъ заработка, или сами стремились попасть въ положеніе хозяевъ ремесленныхъ мастерскихъ, что̀ многимъ изъ нихъ и удавалось, пока не образовался цѣлый классъ промышленныхъ предпринимателей, которые и сломили могущество землевладѣльческой и торговой аристократіи. Оптовыми коммерсантами были на первыхъ порахъ почти исключительно крупные землевладѣльцы, у которыхъ однихъ было достаточно средствъ для веденія сколько-нибудь значительной торговли, но рядомъ съ этимъ классомъ возникалъ другой, болѣе демократическій купеческій классъ, своего рода мелкая буржуазія античнаго міра. — Первыми значительными центрами торговли и промышленности были береговые и островные города Іоніи и вообще колоніи по западному берегу Малой Азіи, и среди нихъ первое мѣсто занималъ Милетъ до разрушенія его персами за 500 лѣтъ до Р. Х. Въ западной части Эгейскаго моря ранѣе другихъ пріобрѣла торговое значеніе Эгина, маленькій островокъ, лежащій въ глубокомъ Саронической заливѣ, недалеко отъ Истма, какъ въ древности назывался Коринѳскій перешеекъ. Вся эта мѣстность была очень удобна для торговыхъ сношеній; по преданію, сдѣлана была даже попытка прорытія Истма съ цѣлью соединенія кана-

ломъ обоихъ заливовъ—Саронической и Коринѳскаго, но на самомъ дѣлѣ по трудности этого предпріятія ограничились устройствомъ деревяннаго помоста, по которому и перетаскивались суда отъ одного берега къ другому. Лежавшіе недалеко отъ Истма Коринѳъ и на самомъ перешейкѣ Мегара, а также сосѣдніе съ ними Сикіонъ и Аргосъ были тоже (особенно Коринѳъ) важными торгово-промышленными пунктами. Къ ихъ числу нужно отнести еще Халкиду и отчасти Эретрію на островѣ Эвбеѣ, у пролива, отдѣляющаго этотъ островъ отъ Средней Греціи и въ частности отъ Аттики. Но главный городъ послѣдней, Аѳины, лежавшій между названными центрами промышленности и торговли, вступилъ въ ихъ число много позднѣе. Были нѣкоторые важные пункты и въ западныхъ колоніяхъ, въ особенности Сибарисъ въ Южной Италіи, а позднѣе Сиракузы. Всѣ эти торгово-промышленные города привлекали къ себѣ новыхъ и новыхъ жителей, искавшихъ заработка или наживы. Самыми большими и населенными городами передъ персидскими войнами были Милетъ, который, кажется, первенствовалъ среди всѣхъ вообще греческихъ городовъ, а за нимъ Коринѳъ и Сибарисъ.

Мы знаемъ даже что̀ гдѣ фабриковалось въ эту эпоху начала греческой промышленности. Милетъ, Хіосъ и Самосъ изготовляли для вывоза разныя шерстяныя ткани, пурпурное платье, дорогіе ковры, и часть этихъ товаровъ направлялась въ Италію, гдѣ они продавались при посредствѣ Сибариса, причемъ хорошій рынокъ для сбыта перечисленныхъ продуктовъ представляла изъ себя Этрурія. Развитію ткацкой промышленности Милета особенно благопріятствовало обширное овцеводство въ области этого города, а въ морѣ было много улитокъ, дававшихъ превосходную пурпуровую краску. Образцами для этой промышленности послужили лидійскія ткани, изъ которыхъ дѣлались одѣянія. Ткацкая промышленность процвѣтала еще въ Мегарѣ, которая, между прочимъ, приписывала себѣ изобрѣтеніе валянія сукна. Далѣе, Халкида и Коринѳъ выдѣлывали въ большомъ количествѣ глиняные сосуды для вывоза въ Италію и Сицилію, гдѣ обоимъ этимъ городамъ принадлежала, повидимому, совершенная монополія. Однимъ изъ важныхъ посредниковъ въ торговлѣ глиняными сосудами, получавшими весьма нерѣдко значеніе настоящихъ художественныхъ произведеній, была Эгина, и кромѣ Халкиды съ Коринѳомъ, изготовлялись подобнаго

рода вещи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ иногда даже занимались поддѣлкою подъ особенно популярные сорта. Въ обоихъ же названныхъ городахъ, а также въ Аргосѣ шла бойкая фабрикація металлическихъ вещей, начиная оружіемъ и сосудами и кончая разною мелочью въ родѣ всевозможныхъ украшеній. Въ металлургіи греки сдѣлали значительные техническіе успѣхи: наприм., хіосецъ Главкъ открылъ въ VI в. способъ спаивать желѣзо, а вскорѣ послѣ того самосцы Рекъ и Ѳеодоръ познакомили грековъ съ литейнымъ искусствомъ, заимствовавъ начатки его съ Востока.

Сколько-нибудь значительное развитіе торговыхъ сношеній между отдаленными странами влечетъ за собою установленіе нѣкоторыхъ общихъ мѣръ и вѣсовъ. По всему Востоку была распространена вавилонская единица вѣса *талантъ* въ 60 *минъ* съ 60 *секелями* въ каждой минѣ. Греки измѣнили только подраздѣленіе мины, принявъ ее равною ста *драхмамъ*, но при этомъ образовались двѣ разныя системы—эгинская и эвбейская (халкидо-эретрійская), изъ коихъ каждая имѣла свою область распространенія. Этимъ двумъ системамъ вѣса соотвѣтствовали и двѣ разныя монетныя системы.

Въ гомеровскую эпоху стоимость предметовъ опредѣлялась скотомъ. Доспѣхъ Діомеда оцѣнивался, напр., въ девять тельцовъ, а доспѣхъ Главка стоилъ сто тельцовъ. Но уже и въ это время мѣриломъ стоимости начинали дѣлаться металлы: съ одной стороны, рѣдкія золото и серебро, съ другой — чаще встрѣчавшіяся мѣдь и желѣзо. Послѣдніе два металла употреблялись въ формѣ, повидимому, короткихъ и тонкихъ прутьевъ, „вертеловъ“, какъ называлась впослѣдствіи мелкая монета *оболъ* (ὀβολός; ὀβελός значитъ вертелъ), а шесть такихъ вертеловъ составляли „горсть“ или *драхму* (δραχμή), какъ потомъ стали называть тоже одну монету. Золото и серебро ходили кусками опредѣленнаго вѣса и на Востокѣ, и въ Греціи. Впервые чеканка монеты началась въ VII в. гдѣ-то въ западной части Малой Азіи, откуда монета стала распространяться повсемѣстно. Сначала ее изготовляли изъ смѣси золота и серебра (электрона), и только въ VI в. въ Персидской монархіи стали чеканить монету изъ чистаго золота или изъ одного серебра. Въ Греціи первая монета (серебряная) явилась очень рано на островѣ Эгинѣ, и эгинскія деньги не только распространились по разнымъ мѣстамъ, но стали служить образцомъ для Беотіи, Фокиды и Арка-

дiи. Почти одновременно возникла и другая монетная система, эвбейская, которая, благодаря торговымъ сношеніямъ Халкиды и Эретріи, тоже получила широкое распространеніе. Бо́льшая часть городовъ на первыхъ порахъ не чувствовала потребности въ собственной монетѣ, и деньги чеканились только въ тѣхъ городахъ, которые уже успѣли развить у себя торгово-промышленную дѣятельность. Монета вообще была большою рѣдкостью, и натуральное хозяйство лишь постепенно и очень медленно уступало мѣсто денежному. Напр., за работу платили или вносили подати натурой. Понятно, что при рѣдкости благородныхъ металловъ ихъ мѣновая цѣнность была весьма высокою, и въ Аоинахъ, напр., при Солонѣ мѣра ячменя или овца стоила одну драхму. Тѣмъ не менѣе вторженіе денежнаго обращенія въ экономическій бытъ Греціи не могло не отразиться на соціальныхъ отношеніяхъ. Мы еще увидимъ, въ чемъ заключались соціальныя слѣдствія разсмотрѣнныхъ нами измѣненій въ экономическомъ быту грековъ, и какъ все это отразилось на ихъ политической жизни. Отмѣтимъ только, что для Рима аналогичная пора наступила позднѣе—въ V и IV вѣкахъ, такъ какъ и экономическія измѣненія произошли въ Италіи, позднѣе, чѣмъ въ Греціи.

Западная часть Средиземнаго моря вообще позже пріобщилась къ финикійской и греческой торговлѣ, но и здѣсь выросло нѣсколько торговыхъ центровъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутаго Сибариса, особое значеніе получили финикійскій Карѳагенъ и греческія Сиракузы. Римъ былъ втянутъ въ общія торговыя сношенія сравнительно поздно. Долгое время онъ былъ торговымъ центромъ только одного Лаціума, хотя уже очень рано эта область вступила въ сношенія съ этрусками и греками. Изъ Лаціума вывозилось сырье, ввозились въ него мануфактурные товары. Впрочемъ, и въ эпоху своего могущества, какъ мы увидимъ, Римъ никогда не былъ большимъ промышленнымъ центромъ, въ которомъ происходило бы производство товаровъ на вывозъ: правда, Римъ впослѣдствіи очень много ввозилъ продуктовъ со всего свѣта, но расплачивался онъ деньгами, которыя собиралъ съ покоренныхъ странъ, а не какими-либо производившимися въ немъ продуктами. Эту особенность римской экономической исторіи вообще не слѣдуетъ упускать изъ виду при изученіи судьбы вѣчнаго города.

ГЛАВА VII.

Начало борьбы аристократіи и демократіи.

Первоначальный земледѣльческій характеръ греческихъ колоніальныхъ государствъ-городовъ. — Образованіе различія между морскими и сухопутными государствами-городами въ античномъ мірѣ. — Соціальныя и культурныя слѣдствія этого различія.—Вопросъ о вліяніи племенныхъ особенностей на возникновеніе этихъ различій.—Наиболѣе раннія причины сословной борьбы въ Греціи и Римѣ. — Составленіе писанныхъ законовъ.— Строгости долгового права и неудовлетворительность аграрнаго строя.

Мы не должны представлять себѣ раннюю греческую колонизацію на берегахъ и островахъ Средиземнаго моря, какъ вызванную только торгово-промышленными интересами. Такъ дѣло было съ финикійскими колоніями, но не съ греческими, которыя первоначально были общинами чисто земледѣльческими и только впослѣдствіи переходили, въ случаѣ благопріятныхъ условій, къ торгово-промышленной дѣятельности. Первыми переселенцами изъ Греціи на острова Эгейскаго моря и на берегъ Малой Азіи, были люди, искавшіе новыхъ земель для обработки, т.-е. за море пускались въ путь лишніе жители прибрежныхъ земледѣльческихъ областей, убѣгавшіе отъ тѣсноты на родинѣ. Правда, позднѣе исходными пунктами колонизаціи сдѣлались торгово-промышленные города и острова, каковы Халкида и Эретрія, Мегара и Коринѳъ, Родосъ и Лесбосъ, Фокея и Милетъ, но отсюда еще нельзя дѣлать того вывода, что колонизація предпринималась ими въ видахъ созданія новыхъ рынковъ и завоеванія старыхъ. Эти исходные пункты играли такую же роль, какую въ наше время играетъ, напр., Гамбургъ, откуда ежегодно отправляется масса европейскихъ переселенцевъ въ Америку. Конечно, эти эмигранты не гамбургскіе уроженцы, а жители разныхъ странъ Европы: знаменитый ганзейскій городъ имѣетъ для нихъ значеніе лишь сборнаго пункта. Впрочемъ, была и разница, заключавшаяся въ томъ, что греческіе города, бывшіе исходными пунктами колонизаціи, брали на себя и организацію будущихъ колоній, въ которыхъ должны были селиться люди изъ разныхъ мѣстъ, собиравшіеся въ этихъ городахъ для отправки

въ далекія страны. Метрополія, т.-е. материнскій городъ, основывала колонію, устраивала ее по своему образцу, устанавливала политическое и религіозное общеніе съ нею, вступала съ нею въ торговыя сношенія, но за всѣмъ тѣмъ колонія дѣлалась самостоятельнымъ государствомъ-городомъ, независимымъ отъ метрополіи. Это не то, что колоніи Рима, которыя основывались имъ для закрѣпленія за собой завоеванныхъ областей и потому оставались въ подчиненіи у основывавшаго ихъ городового государства. Позднѣе, когда развились торговля и промышленность, особенно обогатившія нѣкоторые города, греки при основаніи новыхъ колоній имѣли въ виду уже коммерческія и политическія цѣли, подобно финикійцамъ и римлянамъ, изъ которыхъ первые хлопотали лишь о томъ, чтобы основать побольше торговыхъ конторъ и факторій, а вторые—о томъ, чтобы имѣть свои гарнизоны среди населенія завоеванныхъ областей. Итакъ, первоначальная греческая колонизація, вызывавшаяся земельной тѣснотой южной части Балканскаго полуострова, имѣла своимъ результатомъ образованіе все новыхъ и новыхъ государствъ-городовъ, въ основѣ экономическаго быта которыхъ лежало занятіе земледѣліемъ. Понятно, что и въ остальныхъ отношеніяхъ колоніальныя государства-города напоминали собою государства-города метрополіи.

Мало-по-малу, однако, въ городахъ, лежавшихъ у моря, началось торгово-промышленное развитіе, и образовалась разница между тѣми областями, въ которыхъ совершилось это развитіе, и тѣми, гдѣ бытъ сохранялъ прежнія черты преимущественнаго занятія земледѣліемъ и господства натуральнаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи въ общей греческой метрополіи, т.-е. въ собственной Греціи выработалась противоположность между торгово-промышленными Аѳинами и военно-земледѣльческой Спартой, позднѣе—между морскимъ союзомъ городовъ, во главѣ котораго стояли Аѳины, и союзомъ сухопутнымъ подъ гегемоніей Спарты и, наконецъ, между двумя разными политиками, охватывавшими разныя стороны жизни, политикой прогрессивно-демократическихъ Аѳинъ съ ихъ союзниками и политикой аристократическо-консервативной Спарты и стоявшаго подъ ея гегемоніей союза. Въ западной части древняго міра та же противоположность повторилась между Карѳагеномъ или Сиракузами, съ одной стороны, и Римомъ, съ другой.

Благодаря тому, что одни государства-города античнаго міра оставались преимущественно земледѣльческими, а другіе сдѣлались торгово-промышленными, соціально-политическія отношенія въ нихъ должны были имѣть различный характеръ. Для сохраненія стараго аристократическаго строя въ земледѣльческихъ гражданскихъ общинахъ было гораздо больше благопріятныхъ условій, нежели въ центрахъ промышленности и торговли. Въ нихъ городъ гораздо менѣе экономически властвовалъ надъ своимъ округомъ, лучше сохранялось крестьянство, а когда и тутъ начались внутреннія смуты, то на первый планъ выступали аграрныя отношенія, какъ это было въ Спартѣ, какъ это было въ Римѣ, какъ это равнымъ образомъ было и въ самихъ Аѳинахъ до развитія въ нихъ торговли и промышленности. Позднѣе въ этихъ же самыхъ Аѳинахъ аграрные вопросы отходятъ на задній планъ, экономическая дѣятельность населенія Аттики цѣликомъ попадаетъ въ зависимость отъ интересовъ ея городского центра, и главную силу демократіи составляютъ не крестьяне, а мелкіе купцы, ремесленники, наемные рабочіе, матросы и т. п. Соціальная забота правительствъ въ торгово-промышленныхъ городахъ заключалась въ томъ, чтобы пропитывать своихъ бѣдныхъ гражданъ, создавая для нихъ новые заработки, выселяя ихъ въ свои колоніи и т. п. Мы еще увидимъ, что и въ духовной культурѣ обѣихъ категорій, на какія можно раздѣлить античныя государства-города, тоже образовалось большое различіе: въ однихъ царили старыя традиціи религіознаго міросозерцанія и обычнаго права, въ другихъ началось развитіе философіи и науки, и исторически установившимся порядкамъ стали противополагаться принципы раціоналистическаго „естественнаго права“.

Собирая общія черты, характеризующія оба типа государствъ-городовъ Греціи, мы можемъ пріурочить полученныя такимъ образомъ характеристики къ двумъ главнымъ этнографическимъ подраздѣленіямъ греческой національности. Въ греческомъ языкѣ существовали діалектическія различія, позволяющія намъ различать въ самой націи нѣсколько племенъ. Традиціонное раздѣленіе грековъ на дорійцевъ, іонійцевъ, эолійцевъ и ахейцевъ въ настоящее время подвергнуто сильному сомнѣнію, и нѣмецкій историкъ Греціи Белохъ находитъ даже, что пора была бы историческимъ атласамъ отказаться отъ раскраски разными цвѣтами картъ древней

Греціи для обозначенія этнографическаго состава ея населенія по областямъ. Какъ бы то ни было, однако, аѳиняне причислялись къ іонійцамъ, спартанцы—къ дорійцамъ, и въ разныхъ научныхъ построеніяхъ XIX в. стали объяснять разницу іонійскаго и дорійскаго характеровъ прирожденными племенными свойствами. Это было примѣненіемъ къ греческой исторіи такъ называемой „теоріи расы", по которой различія въ общемъ психическомъ складѣ отдѣльныхъ націй, въ ихъ образѣ жизни, занятіяхъ и правахъ, даже въ ихъ общественномъ устройствѣ должны объясняться врожденнымъ характеромъ этихъ націй. На эту тему писалось очень много, и исходя изъ такой точки зрѣнія, историки проводили сравнительныя параллели между арійцами и семитами, между греками и римлянами, а среди грековъ между іонійцами и дорійцами. Не касаясь общаго вопроса о расовыхъ особенностяхъ, замѣтимъ, что въ разсматриваемомъ нами случаѣ несходства іоническаго и дорическаго характеровъ слѣдствіе было принято за причину, и, наоборотъ, причина за слѣдствіе. Доряне были консерваторами и сторонниками аристократіи не по прирожденному имъ духу нелюбви къ новизнѣ и уваженія къ установившимся порядкамъ, и совершенно такъ же іоняне стремились къ перемѣнамъ и боролись за торжество демократіи не потому, чтобы имъ какъ-нибудь особенно были врождены вольнолюбивыя стремленія съ предпочтеніемъ ко всему новому передъ старымъ: если и позволительно дѣлать такія аттестаціи доризму и іонизму—на основаніи главнымъ образомъ сравнительной характеристики спартанцевъ и аѳинянъ,—то во всякомъ случаѣ различіе характеровъ было слѣдствіемъ, а не причиною разной исторической судьбы сухопутныхъ и морскихъ государствъ Греціи. Это не значитъ, чтобы вообще расовыя особенности народовъ не играли никакой роли въ исторіи, но ихъ вліяніе большею частью, такъ сказать, неуловимо, трудно выдѣлимо изъ другихъ вліяній, а въ разсматриваемомъ нами случаѣ просто даже недопустимо въ виду того, что, въ сущности, іонійцы и дорійцы были только легкими разновидностями одного и того же національнаго типа. То же замѣчаніе слѣдуетъ отнести къ этнографической противоположности латиновъ и сабинянъ, составлявшихъ первоначальное населеніе Рима: съ положительною достовѣрностью нельзя, конечно, говорить о томъ, какія „начала" въ жизнь Рима были

внесены латинскимъ и какія сабинскимъ элементомъ,—тема, на которую было не мало писано, но которая въ научномъ смыслѣ довольно безнадежна.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ разсмотрѣнію самой борьбы между аристократіей и демократіей.

Обозрѣвая главные факты, относящіеся къ началу этой борьбы, мы можемъ классифицировать ихъ по тѣмъ вопросамъ, въ области которыхъ она велась, по рубрикамъ права, политики и экономіи. Къ первой рубрикѣ мы отнесемъ всѣ случаи требованія народомъ писанныхъ законовъ, которые должны были замѣнить прежніе обычаи и положить конецъ произволу правителей и судей. Вторую категорію домогательствъ демократіи составляютъ отдѣльныя проявленія ея стремленій къ политической полноправности, главнымъ образомъ, въ смыслѣ доступа къ государственнымъ должностямъ и вообще къ участію въ дѣлахъ общины. Наконецъ, третья область, въ которой велась борьба, была областью экономическихъ интересовъ, причемъ главными причинами народнаго неудовольствія были, съ одной стороны, задолженность бѣднаго люда у богатыхъ, а съ другой, неблагопріятныя аграрныя отношенія, въ какія была поставлена простонародная масса. По этимъ рубрикамъ мы и разсмотримъ начало борьбы между аристократіей и демократіей въ государствахъ-городахъ античнаго міра.

Намъ уже извѣстенъ общій характеръ юридическихъ нормъ древнѣйшаго періода въ исторіи Греціи и Рима [1]). Это было эпохой господства обычнаго права, имѣвшаго идеальную санкцію въ религіи, но реально во многихъ отношеніяхъ служившаго интересамъ господствующаго сословія, знати. То, что эвпатриды-патриціи считали правомъ, въ глазахъ демоса-плебса часто было вопіющимъ безправіемъ, и по мѣрѣ того, какъ старыя „патріархальныя“ отношенія стали смѣняться открытой эксплуатаціей, а правители и судьи изъ сословія знатныхъ и богатыхъ людей все болѣе и болѣе вносили въ отправленіе своихъ обязанностей простого своекорыстнаго произвола, прежнее обычное право все больше и больше утрачивало въ глазахъ народа свой нравственный авторитетъ. Отсюда и вытекало требованіе писанныхъ

[1]) См. выше, гл. V.

законовъ, въ сущности, кодификаціи обычнаго права, дабы его постановленія могли быть точно формулированы и были всѣмъ извѣстны. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ того же требовалъ интересъ и самой знати. По мѣрѣ того, какъ компетенція государства расширялась на счетъ старыхъ родовыхъ учрежденій, упорядоченіе судебныхъ отношеній должно было быть важнымъ и для каждаго знатнаго человѣка, которому могло представиться то или другое столкновеніе съ судебною властью государства. Одно отнятіе у родовъ права кровной мести производило цѣлый переворотъ въ юридической жизни всего общества, и имѣть на этотъ счетъ опредѣленный законъ должно было быть важнымъ и для знати. Поэтому желаніе получить писанные законы отмѣчаетъ не только начало борьбы народа противъ знати, но и извѣстный моментъ въ юридической эволюціи государства-города. Въ послѣднемъ отношеніи первые писанные законы Греціи и Рима напоминаютъ намъ тѣ „варварскія правды“ (leges barbarorum), которыя были составлены въ начальномъ періодѣ германскихъ государствъ, и аналогичную съ ними „Русскую „Правду“, этотъ древній памятникъ русскаго законодательства. Общая отличительная черта древнѣйшихъ законодательствъ Греціи и Рима и средневѣковыхъ „правдъ“—примитивность ихъ содержанія, указывающая на то, что въ ихъ основѣ лежало все-таки старое обычное право, и заставляющая насъ видѣть въ работѣ надъ этими законами не столько придумываніе новыхъ юридическихъ нормъ, сколько записываніе старыхъ. Уже совершенно особую черту греческихъ и римскихъ законовъ древнѣйшаго періода составляетъ то, что неудобство стараго обычнаго права сознано было впервые не самими властями, а народомъ; именно это обстоятельство и позволяетъ намъ говорить о появленіи въ Греціи и Римѣ первыхъ писанныхъ законовъ въ связи съ исторіей борьбы между аристократіей и демократіей.

Имена главнѣйшихъ греческихъ „законодателей“ съ давнихъ поръ окружены великой славой. Въ былыя времена на нихъ смотрѣли, какъ на творцовъ учрежденій и порядковъ отдѣльныхъ государствъ, и сами эти учрежденія и порядки казались только осуществленіемъ ихъ геніальныхъ личныхъ замысловъ. Теперь историческая наука смотритъ на дѣло иначе, вообще не допуская преувеличеннаго пониманія роли отдѣльныхъ личностей въ исторіи, такъ что по

нынѣшнему взгляду на вещи греческіе законодатели перестали быть какими-то необычайными мудрецами, одаренными способностью по личному произволу такъ или иначе создавать совершенно новыя государственныя и общественныя формы. Мало того, оказалось, что нѣкоторые изъ этихъ прославленныхъ законодателей никогда не существовали. Таковы именно Ликургъ и Миносъ, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, равнымъ образомъ и Залевкъ,—одинъ въ Спартѣ, другой на островѣ Критѣ, третій у италійскихъ локровъ. Современные историки стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что вся исторія ликургова законодательства—позднѣйшая легенда и что Ликургъ есть имя не дѣйствительно когда-то жившаго въ Спартѣ лица, а мѣстнаго божества („Ликургъ" значитъ святоносный), мало-по-малу превратившагося, какъ это бывало и съ другими богами, въ миѳическаго царя. Любопытно и самое это превращеніе бога, именемъ котораго освящены были внутреннія порядки Спарты, въ человѣка, давшаго ей законы, ибо такое превращеніе могло совершиться только послѣ того, какъ и въ самой жизни законодательствомъ стали заниматься люди. Оставляя въ сторонѣ Ликурга, Миноса и, пожалуй, вмѣстѣ съ ними и Залевка, мы имѣемъ въ исторіи Греціи цѣлый рядъ дѣйствительно существовавшихъ законодателей, о которыхъ есть въ нашихъ источникахъ этой исторіи и достовѣрныя свѣдѣнія.

Эти дѣйствительно существовавшіе законодатели—Драконтъ и Солонъ въ Аѳинахъ, Фидонъ въ Коринѳѣ, Филолай въ Ѳивахъ, Харондъ въ Катанѣ, Діоклъ въ Сиракузахъ, Питтакъ въ Митиленѣ,—цѣлый рядъ людей, прославившихъ свои имена и въ родныхъ городахъ, и далеко за ихъ предѣлами. Для обозначенія такихъ законодателей, бывшихъ въ то же время и правителями своихъ городовъ, въ греческомъ языкѣ было особое слово *эсимнетъ* (αἰσυμνήτης). Эсимнеты избирались пожизненно, на опредѣленный срокъ, на время исполненія дававшагося имъ порученія, а кое-гдѣ эсимнетія была, повидимому, и своего рода постояннымъ учрежденіемъ, какъ бы выборной тиранніей (Аристотель). Главною задачею эсимнетовъ было высшее посредничество между спорившими одно съ другимъ сословіями со спеціальнымъ порученіемъ составленія писанныхъ законовъ и даже введенія государственныхъ реформъ.

Изъ всѣхъ такихъ законодателей отдѣльныхъ городовъ

Греціи мы знаемъ лучше другихъ аѳинскаго архонта начала VI в. до Р. Х., Солона, самаго, пожалуй, знаменитаго среди нихъ еще въ древности, съ которымъ могъ соперничать только одинъ миѳическій Ликургъ.

Законодательство Солона, какъ извѣстно, было вызвано долговременными внутренними смутами, происходившими въ Аѳинахъ второй половины VII в. до Р. Х. Основная ихъ причина заключалась въ бѣдственномъ положеніи народной массы, угнетавшейся знатью. Когда одинъ честолюбивый эвпатридъ, по имени Килонъ, сдѣлалъ попытку, опираясь на народъ, захватить въ свои руки власть надъ городомъ, встревоженные этою попыткою эвпатриды рѣшились пойти на уступки, чтобы сохранить за собою власть, и въ виду требованія народовъ писанныхъ законовъ поручили одному изъ ѳесмоѳетовъ, Драконту, закрѣпить на письмѣ судебные обычаи, хотя въ то же время по существу эти обычаи должны были оставаться въ прежней силѣ. Никакой реформы Драконтомъ не было совершено ни въ области гражданскаго права, ни въ области права уголовнаго; политическихъ же отношеній и соціальнаго быта его законодательство и совсѣмъ не затронуло. Народъ былъ недоволенъ такимъ исходомъ дѣла, и внутреннія смуты только еще болѣе обострились, пока сами эвпатриды не увидѣли необходимости положить конецъ распрямъ дѣйствительными уступками демосу.

„Волненіе было сильное, разсказываетъ Аристотель въ своей „Аѳинской политіи“, и долгое время продолжалась распря между сословіями, пока наконецъ сообща они не выбрали примирителемъ и архонтомъ (διαλλακτὴν καὶ ἄρχοντα) Солона и предоставили ему привести въ порядокъ дѣла государства“ [1]). Аристотель къ этому прибавляетъ, что „Солонъ по происхожденію и знатности своей въ городѣ былъ однимъ изъ первыхъ, по имуществу же и роду занятій принадлежалъ къ среднему классу населенія“ [2]). Это — очень важное указаніе: „примирителя“ выбираютъ среди эвпатридовъ, т.-е. изъ правящаго класса, но въ то же время онъ не принадлежалъ къ тѣмъ богачамъ, которые держали въ тяжелой экономической отъ себя зависимости народную массу. Выборъ

[1]) Аристотеля Исторія и обзоръ аѳинскаго государственнаго устройства. Переводъ А. Ловягина. Спб., 1895. Стр. 7.

[2]) Стр. 9.

свой обѣ стороны остановили на Солонѣ, очевидно, потому, что онъ уже успѣлъ обратить на себя вниманіе своими политическими стихотвореніями, „элегіями“, отрывки которыхъ дошли и до нашего времени. Политическіе поэты — явленіе въ ту эпоху довольно заурядное: это былъ одинъ изъ обычныхъ способовъ обращенія къ общественному мнѣнію, своего рода начало публицистики. Аристотель прямо объясняетъ избраніе Солона тѣмъ, что онъ сочинилъ элегію, „въ которой онъ съ обѣими партіями борется за обѣихъ, обсуждаетъ спорные вопросы и наконецъ тѣмъ и другимъ сообща совѣтуетъ прекратить свое соперничество“. Кромѣ того, Аристотель ссылается и на другое стихотвореніе Солона, въ которомъ тотъ „убѣждалъ богатыхъ оставить свои неумѣренныя притязанія“. Солонъ былъ выбранъ въ архонты, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ и „діаллактомъ“, т.-е. примирителемъ, посредникомъ, что̀ представляетъ собою только другое названіе эсимнета. Аристотель опредѣляетъ эсимнетію, какъ выборную тираннію, а тираннія, какъ мы увидимъ, была своего рода диктатурой, въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ передъ собою нѣчто подобное диктатурѣ съ порученіемъ устроенія государства (dictatura rei publicae constituendae). Въ чемъ заключалось Солоново законодательство, объ этомъ рѣчь впереди, здѣсь же отмѣтимъ, что законы, данные Солономъ родному городу, были начертаны на четыреугольныхъ вертящихся деревянныхъ столбахъ (аксонахъ), которые первоначально находились въ аѳинскомъ кремлѣ (Акрополѣ), а впослѣдствіи хранились въ пританеѣ.

Законы Драконта и Солона относятся къ 621 и 594 гг. Черезъ полтораста лѣтъ послѣ второй изъ этихъ датъ писанные законы явились и въ Римѣ, но только составлены они были не однимъ лицомъ, какъ то дѣлалось въ Греціи, а коллегіей изъ десяти лицъ или децемвирами. Еще раньше въ Римѣ существовали такіе „децемвиры для разбора тяжебныхъ дѣлъ“ (decemviri litibus judicandis) и по этому образцу создана была (451 г. до Р. Х.) коллегія „десяти мужей для написанія законовъ“ (decemviri legibus scribundis), которой было поручено и управлять государствомъ, вмѣсто консуловъ. Поводомъ къ назначенію такой, такъ сказать, коллективной эсимнетіи былъ произволъ консуловъ въ судебныхъ дѣлахъ, и, по преданію, патриціи въ теченіе десяти лѣтъ не соглашались на требованіе плебеевъ въ лицѣ ихъ вождя, трибуна

Терентилія Арсы, получить писанные законы. Первоначальною мыслью было, повидимому, составить законодательную комиссію на половину изъ патриціевъ, на половину изъ плебеевъ, но господствующее сословіе, сдѣлавъ общую уступку, въ частности удержало за собою весь составъ этой коллегіи. Было даже снаряжено посольство въ греческіе города Южной Италіи („Великой Греціи“) и въ Аѳины съ цѣлью ознакомленія съ тамошними законами. Когда децемвиры сдѣлали бо̀льшую часть своей работы и составили десять „досокъ“ законовъ, полномочія коммисіи были продолжены еще на годъ, и въ составъ ея вошло нѣсколько плебеевъ. Затѣмъ было изготовлено еще двѣ „доски“ законовъ, такъ что въ общемъ счетѣ получилось двѣнадцать досокъ, откуда и названіе—„законы XII таблицъ“ (leges duodecim tabularum). Вырѣзанные на бронзовыхъ доскахъ,—сгорѣвшихъ, какъ извѣстно, во время галльскаго нашествія на Римъ,—эти законы легли въ основу всего дальнѣйшаго развитія римскаго права. Отдѣльные параграфы этого законодательства сохранились въ видѣ цитатъ у многихъ римскихъ писателей, и еще въ серединѣ I в. до Р. Х., т.-е. черезъ четыреста лѣтъ послѣ своего написанія, они, по свидѣтельству Цицерона, заучивались наизусть мальчиками школьнаго возраста. Не касаясь содержанія законовъ XII таблицъ, замѣтимъ только, что по напряженности борьбы, которая предшествовала ихъ составленію, слѣдовало бы ожидать отъ нихъ гораздо бо̀льшаго, чѣмъ они въ себѣ заключали, и въ этомъ отношеніи они напоминаютъ скорѣе законодательство Драконта, закрѣплявшее старое обычное право, чѣмъ законодательство Солона, въ которомъ старыя отношенія уже подвергались реформированію. Даже браки между патриціями и плебеями законами XII таблицъ попрежнему были запрещены, и только послѣ новой борьбы это запрещеніе было отмѣнено (по закону Канулея въ 445 г.).

Собирая воедино отмѣченныя черты первыхъ писанныхъ законовъ въ Греціи и Римѣ, мы можемъ сказать, что вызваны они были разложеніемъ стараго обычнаго права, сдѣлавшагося простымъ орудіемъ господства знати, и что вмѣстѣ съ тѣмъ новое право основывается уже не на волѣ боговъ, а на волѣ людей.

Цѣлью стремленій демоса и плебса было не только получить писанные законы, но и добиться равноправности. Учрежденія государствъ-городовъ послѣ отмѣны въ нихъ царской вла-

сти, какъ мы уже видѣли, имѣли строго аристократическій характеръ: высшія государственныя должности были доступны только эвпатридамъ и патриціямъ, и средоточіемъ верховной власти были аристократическіе совѣты. Борьба между знатью и народомъ велась и за обладаніе государственными должностями, и за вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ государствѣ. На исторіи расчлененія римской царской власти на отдѣльныя республиканскія магистратуры,—о чемъ у насъ уже говорилось въ концѣ главы IV,—мы можемъ прослѣдить, съ какимъ упорствомъ плебеи добивались доступа къ занятію этихъ магистратуръ, и съ какимъ упорствомъ патриціи отстаивали занятыя позиціи, уступая свои права только по частямъ. Что касается до участія народа въ политическихъ собраніяхъ, то объ этомъ рѣчь будетъ идти впереди [1]), теперь же мы разсмотримъ экономическую сторону борьбы знати съ народомъ.

Въ писанныхъ законахъ самаго ранняго періода видное мѣсто принадлежитъ вопросу о долговыхъ обязательствахъ. Древнее право вездѣ на этотъ счетъ было очень сурово и даже жестоко. При слабомъ развитіи кредита и дороговизнѣ денегъ проценты, взимавшіеся заимодавцами съ должниковъ, были непомѣрными, и, напр., въ Аттикѣ при Солонѣ 18% годовыхъ были еще сравнительно умѣренной платой, такъ что очутиться запутавшимся въ неоплатные долги ничего не стоило. Обезпеченіемъ уплаты долга служило не только имущество, но и самое „тѣло“ должника, т.-е. его личность, такъ что, занимая деньги, мелкій землевладѣлецъ рисковалъ и своею землею, и своею свободою, если земля не стоила того, что̀ нужно было заплатить. Личное задержаніе за долги въ Россіи исчезло лишь во второй половинѣ XIX в., и еще недавно существовали у насъ долговыя тюрьмы, напр., знаменитая московская „Яма“ у Иверскихъ воротъ. Теперь подвергаются тюремному заключенію лишь такіе должники, въ дѣйствіяхъ которыхъ усматривается какое-либо надувательство, раньше же кредиторъ могъ засадить каждаго неисправнаго должника въ такую „яму“ съ обязательствомъ кормить его на свой счетъ, пока заключеннаго кто-нибудь не выкупитъ. Очень часто, сажая человѣка въ долговую тюрьму, заимодавецъ только срывалъ на этомъ свою досаду, но древнее право отдавало неисправ-

[1]) См. гл. X.

наго должника въ распоряженіе кредитора, чтобы онъ личнымъ трудомъ отработалъ взятую въ долгъ сумму или даже чтобы его можно было продать въ рабство. Другими словами, по древнему праву неоплатный должникъ попадалъ къ кабалу, становился несвободнымъ человѣкомъ. — Въ развитіи экономическаго утѣсненія знатью народной массы путемъ ростовщичества можно видѣть одинъ изъ результатовъ внѣдренія въ экономическую жизнь государствъ-городовъ древняго міра денегъ и торговли. Конечно, и при господствѣ натуральнаго хозяйства зажиточный человѣкъ дѣлился своимъ избыткомъ съ болѣе бѣднымъ сосѣдомъ, ссужая ему хлѣбъ или скотину не даромъ, а за извѣстное вознагражденіе, но когда явилась возможность продавать избытокъ хлѣба на рынкѣ за хорошія деньги, условія ссуды должны были сдѣлаться болѣе тяжелыми, чѣмъ прежде. Сами рыночныя цѣны на хлѣбъ стали зависѣть отъ общихъ условій торговли, а когда въ продажѣ сталъ появляться привозный хлѣбъ, цѣна хлѣба мѣстнаго происхожденія каждый разъ должна была падать, конечно, къ большой невыгодѣ и для мелкихъ, и для крупныхъ хозяевъ. Болѣе зажиточные люди могли всегда обратиться къ болѣе прибыльнымъ занятіямъ — къ торговлѣ, къ промышленности и къ ростовщичеству, но бѣдняку и вообще приходилось плохо, а когда случался неурожай или падежъ скота, оставалось закладывать землю, идти въ кабалу. Деньги для всѣхъ дѣлались вещью весьма нужною, и если онѣ, благодаря развитію торговли, перестали быть съ теченіемъ времени рѣдкостью, то это значитъ, что дорожали всѣ товары, покупаемые за деньги. Мало-по-малу обладаніе большимъ количествомъ денегъ сдѣлалось главною основою соціальнаго могущества, и человѣка, по греческой пословицѣ, стали дѣлать деньги (χρήματ' ἀνήρ). Мы еще увидимъ, что однимъ изъ переходовъ отъ аристократіи къ демократіи сдѣлалась такъ называемая плутократія, господство богатства, или тимократія, господство имущественнаго ценза [1]), а пока остановимся лишь на экономическомъ утѣсненіи демоса-плебса путемъ долговыхъ обязательствъ. Въ видѣ примѣровъ мы опять возьмемъ аѳинскія и римскія отношенія.

Въ VII в. вся почва Аттики была уже подъ земледѣльческой культурой, и своего хлѣба странѣ не хватало, такъ

[1]) См. гл. VIII.

что его приходилось ввозить изъ другихъ мѣстъ, а Солонъ уже счелъ нужнымъ запретить вывозъ изъ Аттики какихъ бы то ни было продуктовъ сельскаго хозяйства, кромѣ оливковаго масла. Въ эту эпоху въ странѣ существовалъ многочисленный классъ мелкихъ собственниковъ крестьянскаго типа, такъ называемые *геоморы* (γεωμόροι), но ихъ земли большею частью находились въ залогѣ у эвпатридовъ, и каждый такой участокъ былъ обремененъ особымъ камнемъ съ начертаннымъ на немъ закладнымъ актомъ (ὅρος.). Другая часть аттическаго крестьянства работала на чужихъ земляхъ. Это были такъ называемые шестидольники, или *гектеморіи* (ἑκτημόριοι). Мнѣнія ученыхъ относительно этого класса расходятся: это могли быть арендаторы, удерживавшіе въ свою пользу лишь одну шестую часть продукта или лишь одну шестую часть платившіе землевладѣльцу, но, кажется, первое объясненіе нужно предпочесть въ виду того, что ихъ положеніе считалось тяжелымъ, а сверхъ того можно и такъ понимать дѣло, что гектеморіи были батраки, получавшіе плату за свой трудъ въ чужомъ хозяйствѣ въ видѣ шестой доли. Какъ бы тамъ ни было, гектеморіи были обезземеленными крестьянами, работавшими не на своей землѣ и на очень тягостныхъ условіяхъ, а тѣ геоморы, которые еще не лишились своихъ участковъ, были въ долгу у знати и рисковали эти свои участки потерять. Въ долгу у капиталистовъ находились и ремесленники, деміурги, и всякому должнику грозило, наконецъ, кабальное холопство, пользуясь древнерусскимъ юридическимъ терминомъ. Однимъ словомъ, Аттика передъ реформой Солона была на пути болѣе или менѣе скораго превращенія въ подобіе Ѳессаліи, гдѣ земледѣльческій классъ состоялъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, называвшихся тамъ, какъ мы видѣли, пенестами. Отрывки элегій Солона, сохранившіеся въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ греческихъ писателей, полны жалобами на это печальное положеніе вещей. Въ немъ-то и заключалась главная причина политической смуты, изъ которой долженъ былъ вывести аѳинское государство Солонъ. Аристократической республикѣ грозили революціи и попытки установленія тираніи. Слышались при этомъ голоса, требовавшіе новаго государственнаго устройства и общаго передѣла земли.

Солонъ далъ Аѳинамъ новое государственное устройство, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, но аграр-

наго переворота не совершилъ. Между тѣмъ „народъ надѣялся, говоритъ Аристотель, на полный дѣлежъ имуществъ“, да и въ самихъ элегіяхъ Солона есть намеки на такое требованіе, причемъ онъ, напр., замѣчаетъ, что другой на его мѣстѣ, пожалуй, „не могъ бы сдержать народа, но зато снялъ бы сливки (для себя) и сболталъ бы все молоко“ [1]). Солонъ прямо заявляетъ, что раздѣлъ земель былъ бы „грабежомъ“ и что вовсе не въ его планахъ было, чтобы „благородные и простые владѣли равною частью тучной родной земли“. Эти свидѣтельства весьма драгоцѣнны, такъ какъ указываютъ намъ на очень раннее появленіе въ Греціи и аграрнаго вопроса на почвѣ общей распри между знатью и народомъ. Въ исторіи соціальной борьбы, происходившей въ греческихъ городовыхъ республикахъ, аграрнымъ отношеніямъ принадлежитъ вообще важное значеніе.

Въ аграрномъ вопросѣ Солонъ выступилъ консерваторомъ, въ долговомъ, наоборотъ, радикальнымъ реформаторомъ. Говоря это, я имѣю въ виду знаменитую *сисахѳію* (σεισάχθεια), что значитъ „снятіе, вѣрнѣе — стряхиваніе бремени“, какъ называется отмѣна Солономъ всѣхъ долговъ въ Аттикѣ, „потому что, по выраженію Аристотеля, какъ бы тяжесть какую удалось стряхнуть“.

Въ пониманіи этой сисахѳіи было два мнѣнія: по одному, Солонъ только облегчилъ уплату долговъ пониженіемъ цѣнности монеты, по другому, онъ совершилъ полную отмѣну долговъ. Первое мнѣніе основано на явномъ недоразумѣніи, окончательно устраняющемся новымъ трактатомъ Аристотеля. Дѣло въ томъ, что Солонъ измѣнилъ аѳинскую монетную систему, точнѣе, перемѣнилъ бывшую до него въ Аѳинахъ эгинскую систему на эвбейскую [2]), благодаря чему сто драхмъ новаго счета соотвѣтствовали только семидесяти тремъ прежняго счета. Сдѣлано это было въ цѣляхъ расширенія торговыхъ сношеній аѳинянъ съ городами, державшимися эвбейской системы, но такую мѣру легко было истолковать въ смыслѣ девальваціи, какъ теперь называютъ узаконенное пониженіе курса денегъ (бумажныхъ) въ связи съ замѣною прежнихъ упавшихъ цѣнъ денежныхъ знаковъ другими, соотвѣтствующими по своей номинальной цѣнѣ данной монет-

---

[1]) Переводъ Ловягина, стр. 17 и 21.

[2]) См. выше, стр. 72—73.

новой единицѣ. Выходило такъ, будто Солонъ только облегчилъ уплату долговъ, съ одной стороны, понизивъ проценты, съ другой—позволивъ долгъ въ сто эгинскихъ драхмъ уплатить ста драхмами эвбейскими, т.-е. въ сущности 73 эгинскими съ выгодой для должника въ 27%. Теперь окончательно выяснено, что сисахѳія была сама по себѣ, а монетная реформа сама по себѣ, и что, слѣдовательно, никакого подобія новѣйшей девальваціи въ „снятіи бремени“ усматривать нельзя. Если уже подводить сисахѳію подъ современныя понятія, то ее нужно назвать объявленіемъ банкротства, т.-е. признаніемъ полной долговой несостоятельности. Именно Солонъ такъ и сдѣлалъ, какъ бы признавъ полную невозможность какой бы то ни было уплаты по долговымъ обязательствамъ. Мѣра была, конечно, радикальная, революціонная, но она не препятствовала возникновенію новыхъ долговыхъ обязательствъ. Для будущихъ отношеній имѣла значеніе лишь отмѣна навсегда того, что̀ мы назвали кабальнымъ холопствомъ: Солонъ прямо запретилъ „отдачу денегъ въ займы подъ залогъ тѣлъ“ (ἐπὶ τοῖς σώμασι), какъ выражается Аристотель, который рѣзко отличаетъ монетную реформу отъ сисахоіи. Въ длинномъ стихотвореніи, приводимомъ Аристотелемъ [1]), Солонъ самъ говоритъ, что мать-земля черная освобождена имъ отъ долговыхъ камней, которыми она была покрыта. Она, продолжаетъ онъ,

рабой была, свободу-жъ я ей далъ
И многихъ въ данную богами родину
Привелъ въ Аѳины я, чужимъ запроданныхъ,
Кто правдой, кто неправдой, кто-жъ и самъ съ нужды
Бѣжалъ долговъ.....
Другимъ, въ позорномъ рабствѣ въ нашихъ же стѣнахъ
Живущимъ, въ страхѣ на господъ взирающимъ,
Я далъ свободу.

Къ сожалѣнію, мы совсѣмъ не знаемъ, какого рода фактъ имѣетъ здѣсь въ виду Солонъ. Запрещеніе займовъ подъ залогъ тѣла Аристотель называетъ „первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ“ законодателя. Есть еще извѣстіе (у того же Аристотеля, но въ „Политикѣ“), что Солонъ установилъ, нѣкоторый максимумъ для поземельныхъ владѣній, конечно,

[1]) Стр. 19 перевода г. Ловягина.

съ цѣлью предохраненія мелкихъ собственниковъ отъ скупки ихъ участковъ болѣе крупными владѣльцами.

Тѣ же долговыя и земельныя отношенія волновали народную массу и въ другихъ городовыхъ государствахъ, между прочимъ, въ Римѣ. Долговое право въ патриціанской республикѣ было очень сурово. Отдача денегъ въ долгъ и возвращеніе ссуды должны были происходить при свидѣтеляхъ, и оба акта совершались въ формѣ отвѣшиванія извѣстнаго количества мѣди на вѣсахъ. Въ числѣ условій кредиторъ выговаривалъ себѣ право заставить должника отработать долгъ, что̀ обозначалось особымъ юридическимъ терминомъ, равносильнымъ названію кабалы (nexus), а потому у заимодавца по отношенію къ должнику было право „наложенія на него руки“ (manus injectio), т.-е. ареста. Задержанный должникъ долженъ былъ работать на кредитора, которому сверхъ того предоставлялось право въ теченіе 60 дней трижды выводить закабаленнаго на рынокъ, не пожелаетъ ли кто-либо его выкупить, а потомъ кредиторъ могъ дѣлать съ нимъ, что угодно, могъ умертвить и могъ продать въ рабство, но только „за Тибръ“, т.-е. внѣ самого Рима. Если у несчастнаго было нѣсколько кредиторовъ, то они могли его „разсѣчь на части“. Кромѣ своего тѣла, человѣкъ могъ закладывать и землю, и въ такомъ случаѣ она тотчасъ же передавалась кредитору, послѣ чего собственникъ ея фактически превращался до уплаты ссуды въ простого арендатора.

Съ другой стороны, въ Римѣ существовали особыя аграрныя отношенія, тоже бывшія причиной распри патриціевъ и плебеевъ. У римлянъ были государственныя земли, „общественное поле“ (ager publicus), постоянно возраставшія, благодаря завоеваніямъ. Прежде всего, это были общинныя пастбища, куда за извѣстную плату, такъ называемую *скриптуру* патриціи, а съ ихъ разрѣшенія и нѣкоторые богатые плебеи, посылали свой скотъ. Далѣе, въ завоеванныхъ мѣстностяхъ прежде производилась, подъ названіемъ *ассигнаціи*, нарѣзка надѣловъ, но патриціи предпочли оставлять такія земли за государствомъ съ правомъ, однако, для себя производить въ этихъ земляхъ заимки въ безсрочное пользованіе за взносъ десятаго снопа или пятой части масла и вина. Это называлось *оккупаціей*, причемъ теоретически за государствомъ оставалось право отбирать такія заимки. Къ довершенію всего скриптура не выплачивалась, и оккупированные участки на

вѣчныя времена укрѣплялись за ихъ фактическими владѣльцами, каковыми опять-таки были лишь знатные. Народъ несъ на себѣ всю тяжесть постоянныхъ войнъ съ сосѣдями, что̀ отражалось на мелкомъ хозяйствѣ очень тяжело, а всѣ плоды побѣдъ доставались однимъ богатымъ. Многіе лишались при этомъ своихъ земель, становились фактически лишь ихъ арендаторами, попадали въ кабалу, иные же патриціи вдобавокъ прогоняли со своихъ земель сидѣвшихъ на нихъ кліентовъ, чтобы обрабатывать поля уже при помощи рабскаго труда. Всѣ эти отношенія достаточно объясняютъ намъ то неудовольствіе, какое возникло въ народной массѣ противъ богатаго класса, въ которомъ, кромѣ патриціевъ, были и разбогатѣвшіе плебеи. Послѣдніе, впрочемъ, въ другихъ отношеніяхъ находились въ приниженномъ положеніи, и вотъ именно это обстоятельство по временамъ объединяло интересы всего плебса въ его борьбѣ съ патриціями.

Даже въ школьныхъ учебникахъ исторіи довольно подробно разсказывается исторія борьбы патриціевъ съ плебеями, но это не значитъ, что она совершалась именно такъ, какъ разсказывается, и что всѣ ея подробности вполнѣ вѣрны, такъ какъ источники въ нѣкоторыхъ важныхъ пунктахъ между собою расходятся. Здѣсь не мѣсто повторять этотъ обычный разсказъ, тѣмъ болѣе, что намъ приходится весь данный предметъ расчленить по отдѣльнымъ матеріямъ, изъ которыхъ онъ складывается. Возникновеніе борьбы патриціевъ съ плебеями относятъ къ начальнымъ годамъ V в. до Р. Х., и первый ея эпизодъ, это—отшествіе плебеевъ на Священную гору, за которымъ послѣдовало учрежденіе плебейскихъ трибуновъ, особыхъ защитниковъ интересовъ плебса, на чемъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ разсмотримъ трибунатъ въ другой связи [1]). Учрежденіе трибуната пріурочиваютъ къ 494 г., а уже къ 486 г. легендарное извѣстіе относитъ консула Спурія Кассія, который будто бы предложилъ первый аграрный законъ въ пользу плебеевъ, въ смыслѣ допущенія ихъ къ пользованію государственными землями, и за это поплатился жизнью. Слѣдующій важный моментъ въ исторіи взаимныхъ отношеній патриціевъ и плебеевъ — назначеніе децемвировъ для написанія законовъ. Общее значеніе этого факта намъ извѣстно, и здѣсь важно только отмѣтить, что

[1]) См. гл. IX.

составленные децемвирами законы XII таблицъ отнюдь не смягчили самого долгового права, вызывавшаго неудовольствіе народа, ограничившись лишь установленіемъ законнаго процента $8^1/_3\%$ или, по другому толкованію 10% съ наложеніемъ наказанія на ростовщичество, т.-е. за превышеніе этой нормы. Вообще въ законахъ XII таблицъ, какъ и въ аѳинскомъ законодательствѣ Драконта, замѣтна тенденція огражденія права собственности суровыми наказаніями за его нарушенія. Оба вопроса, касавшіеся экономическихъ интересовъ массы, т.-е. аграрный и долговой, оставались неразрѣшенными въ теченіе чуть не цѣлаго вѣка послѣ изданія законовъ XII таблицъ. Главное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ закономъ К. Лициніи Солона и Л. Секстія Латерана. Это были весьма энергичные плебейскіе трибуны, которые въ 376 г. сдѣлали народу три важныхъ предложенія. Одно изъ нихъ требовало облегченія уплаты долговъ путемъ включенія въ должную сумму уже выплаченныхъ процентовъ, установленія разсрочки для уплаты остального долга и пониженія процента на половину. По второму предложенію, никто не долженъ былъ имѣть права пользоваться болѣе, чѣмъ 500 югеровъ (около 115 десятинъ) государственной земли и пасти на общественныхъ выгонахъ болѣе 100 головъ крупнаго и 500 головъ мелкаго скота, дабы и бѣдные могли принять участіе въ этомъ пользованіи. Наконецъ, третье предложеніе касалось права и плебеевъ выбираться въ консулы. Десять лѣтъ подъ-рядъ энергичные трибуны возобновляли свои предложенія, но наконецъ патриціи вынуждены были уступить, и законы Лициніи и Секстія (leges Liciniae Sextiae) были приняты съ отдѣленіемъ отъ консульства, какъ мы видѣли [1]), претуры.

Подведемъ общіе итоги.

Мы разсмотрѣли въ этой главѣ главнымъ образомъ тѣ стороны сословной борьбы въ начальномъ фазисѣ, которыя касались права и экономическихъ отношеній. Это—эпоха замѣны обычнаго права государственнымъ законодательствомъ, законовъ, данныхъ искони богами, законами, бывшими дѣломъ рукъ человѣческихъ. Политическое господство знати привело къ экономическому угнетенію массы, и вотъ послѣдняя вступаетъ съ прежними господами положенія въ борьбу за личную

[1]) См. выше, стр. 46.

свободу, которой грозило долговое право, и за землю, все болѣе и болѣе переходившую въ руки знати. Рядомъ съ борьбою въ области экономическихъ интересовъ шла борьба и за участіе во власти! Жизнь усложнялась, и однимъ изъ результатовъ этого усложненія было то, что, — беря для примѣра Римъ, — въ видѣ богатой части плебса образовался особый общественный классъ, который имѣлъ съ патриціатомъ общіе экономическіе интересы, какъ классъ богатый, а съ народною массою общіе интересы политическіе, какъ классъ незнатный. Особое усложненіе въ жизнь многихъ городскихъ общинъ внесло развитіе новыхъ видовъ экономической дѣятельности, т.-е. торговли, промышленности, денежныхъ операцій. „Человѣка стали дѣлать деньги“, и богатство получило, сравнительно съ благородствомъ происхожденія, первенствующее значеніе.

ГЛАВА VIII.

Примѣненіе тимократическаго принципа къ устройству городовыхъ республикъ древности.

Общая формула внутреннихъ перемѣнъ въ государствахъ-городахъ древняго міра.—Плутократія и тимократія.—Опредѣленіе олигархіи у Аристотеля. — Образованіе класса „жирныхъ“. — Политическая реформа Солона: раздѣленіе гражданъ на классы по цензу. — Аѳинскія партіи. — Реформа Сервія Туллія въ Римѣ и центуріатныя комиціи.—Двойственное положеніе зажиточныхъ плебеевъ въ римскомъ обществѣ.

Мы ведемъ въ этой книгѣ параллельно исторію греческихъ республикъ и Рима, но, собственно говоря, не ставили еще вопроса о томъ, возможно ли нахожденіе такой общей формулы, подъ которую такъ или иначе подводились бы основныя перемѣны во внутренней жизни всѣхъ этихъ городовыхъ государствъ. Весьма оригинальный итальянскій мыслитель начала XVIII в., Джіамбаттиста Вико, думалъ, что нашелъ формулу нѣкоторой „идеальной и вѣчной исторіи, по которой проходятъ во времени всѣ отдѣльныя исторіи народовъ“, но теперь мы хорошо знаемъ, что это—фантазія, что исторія каждаго народа

имѣетъ свою особую формулу, и что общей исторической схемы, общаго шаблона исторіи нѣтъ и быть не можетъ, потому что условія жизни отдѣльныхъ народовъ слишкомъ неодинаковы. Съ другой стороны, однако, мы знаемъ также, что общность условій создаетъ и большія сходства въ исторіи разныхъ народовъ. Въ подобномъ положеніи находились и государства-города античнаго міра. Уже Аристотель, наблюдая государственную жизнь своего времени, пришелъ къ нѣкоторому обобщенному описанію перемѣнъ, совершившихся въ отдѣльныхъ городахъ. „Царство, говоритъ онъ въ своей „Политикѣ“, есть древнѣйшая форма политическаго устройства... Царями ставили обыкновенно только нѣкоторыхъ за ихъ благотворную дѣятельность, которая составляетъ, конечно, отличительную черту людей хорошихъ. Но какъ скоро въ государствѣ оказалось нѣсколько людей, одинаковыхъ другъ съ другомъ по своему личному достоинству, то, не останавливаясь на прежней формѣ государственнаго устройства, стали искать иной, въ духѣ общинномъ, и основали республику (политію). Но лучшіе люди, сдѣлавшись худшими, стали обогащаться на счетъ общества. Отсюда естественно образовалась олигархія, потому что богатство сдѣлалось тогда предметомъ почета. Отъ олигархіи же сперва перешли къ тираніи, а отъ тираніи—къ демократіи; изъ-за постыднаго корыстолюбія тираны, дѣйствуя постоянно въ интересахъ меньшинства, тѣмъ самымъ возстановили противъ себя большинство, такъ что наконецъ сами должны были подчиниться ему, и такимъ образомъ произошла демократія“ [1]). Формула Аристотеля, слѣдовательно, такова: монархію смѣняетъ олигархія, олигархію—тираннія, тираннію—демократія. Греческій историкъ Полибій, жившій во II в. до Р. Х., уже прямо говорилъ объ естественномъ измѣненіи или переходѣ (ἡ κατὰ φύσιν μεταβολή) однѣхъ государственныхъ формъ въ другія, и его очень занималъ вопросъ о томъ, „какой родъ политическаго устройства былъ первоначально, какой потомъ и какъ вообще одинъ родъ переходилъ въ другой“. Онъ даже думалъ, что на основаніи знанія послѣдовательности этихъ перемѣнъ можно было бы предсказывать будущее. Въ этой мысли проявляется вѣра въ закономѣрность историческаго процесса, но мы хорошо знаемъ, что при крайней сложности общественныхъ явленій

[1]) Перев. Скворцова, стр. 164—165.

трудно ожидать, чтобы комбинаціи главныхъ историческихъ условій точь-въ-точь повторялись въ разныхъ мѣстахъ, а потому, во-первыхъ, полнаго совпаденія отдѣльныхъ исторій никогда не наблюдается, а во-вторыхъ, если и представляется возможность извѣстныхъ обобщеній, то всегда изъ общаго правила будетъ большее или меньшее количество исключеній. Аѳинское государство подойдетъ подъ формулу Аристотеля, подойдутъ и другія, гдѣ въ свое время была тираннія, а потомъ устанавливалась демократія, но Спарта представитъ собою уже исключеніе, да и Римъ тоже будетъ стоять особнякомъ. Все это нужно имѣть въ виду, слѣдя за тѣмъ построеніемъ политической и соціальной эволюціи греческихъ государствъ-городовъ и Рима, которое дается въ нашей книгѣ. Построеніе это—искусственно, конечно, но оно не произвольно, ибо наша схема подсказана самимъ ходомъ исторіи, движеніемъ отъ первоначальной монархіи къ болѣе поздней демократіи, причемъ на пути стоятъ и олигархія, и тираннія. Съ другой стороны, благодаря экономическому развитію, знатность уступаетъ понемногу мѣсто богатству, и аристократія въ смыслѣ господства знатныхъ переходитъ въ тимократію, распредѣляющую политическія права сообразно имущественному цензу. Слѣдуя этому порядку, мы и должны теперь разсмотрѣть, во-первыхъ, тимократическія учрежденія древности, во-вторыхъ, тираннію и, въ-третьихъ, развитіе демократіи, имѣя въ виду вообще разные государства-города, въ частности же столь несходныя между собою республики, какъ Аѳины и Римъ, въ которыхъ кое-что окажется, однако, все-таки аналогичнымъ.

У древнихъ греческихъ писателей мы встрѣчаемся съ терминомъ *плутократія*, что̀ значитъ господство богатства. (Оно есть у Ксенофонта). Далѣе, у Платона и у Аристотеля (но только въ „Этикѣ“, а не въ „Политикѣ“) мы встрѣчаемся съ терминомъ *тимократія*, и въ греческихъ словаряхъ это слово толкуется по Платону, какъ государство, котораго основаніемъ есть честь (τιμὴ), а по Аристотелю, какъ государство, въ которомъ мѣста̀ и должности назначаются по оцѣнкѣ состоянія (τίμημα). Въ сущности и *тимѐ*, и *тѝмема* значатъ цѣна и сообразное съ цѣною уваженіе, а потому разницы большой въ томъ или другомъ словопроизводствѣ нѣтъ: въ общемъ это—господство ценза. Разница, по-моему, между плутократіей и тимократіей—та, что въ первомъ случаѣ мы

имѣемъ дѣло съ исключительнымъ господствомъ богатства, а во второмъ—съ раздѣломъ власти между всѣми на основаніи относительнаго количества матеріальныхъ средствъ каждаго. Тимократія есть переходная ступень отъ олигархіи, все равно какой—аристократической или плутократической, къ демократіи, и чѣмъ цензъ выше, тѣмъ больше тимократія плутократична, чѣмъ ниже, тѣмъ она демократичнѣе. Французская конституція 1791 г. установила такой малый избирательный цензъ, что всѣхъ „активныхъ гражданъ“ во Франціи было тогда около четырехъ милліоновъ (изъ шести милліоновъ взрослаго мужского населенія), тогда какъ конституціи 1814 и 1830 г. требовали отъ избирателей столь высокаго ценза, что ихъ на всю Францію приходилось 90 и 200 тысячъ. Вотъ почему первую конституцію мы можемъ назвать, хоть и съ оговоркой, демократическою, а двѣ другія будутъ плутократическими или, какъ иначе передается то же понятіе, буржуазными. Еще примѣръ. Въ теперешней Германіи выборы въ рейхстагъ имѣютъ демократическій характеръ (всеобщая подача голосовъ), тогда какъ въ Пруссіи избирательная система основана на тимократическомъ принципѣ, такъ какъ избиратели здѣсь по своему цензу раздѣлены на классы, причемъ въ первомъ числится сравнительно небольшое число очень богатыхъ людей, а въ послѣднемъ громадное количество людей, наименѣе состоятельныхъ, каждый же классъ имѣетъ одинаковое представительство въ палатѣ. Вообще тимократическій принципъ представляетъ изъ себя извѣстный компромиссъ между аристократіей и демократіей, наиболѣе расчитанный на то, чтобы служить переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Такую тимократію Солонъ ввелъ въ Аѳинахъ, и здѣсь она, дѣйствительно, сыграла роль перехода къ демократіи. Равнымъ образомъ, слѣдя въ Римѣ за судьбою народныхъ собраній, мы можемъ отмѣтить моменты постепеннаго перехода политическаго значенія отъ аристократическихъ комицій по куріямъ къ тимократическимъ комиціямъ по центуріямъ и отъ этихъ послѣднихъ собраній къ демократическимъ собраніямъ по трибамъ. Куріатныя комиціи были первоначально только патриціанскими, трибутныя—только плебейскими, а центуріатныя съ самаго же начала заключали въ себѣ и патриціевъ, и плебеевъ, раздѣленныхъ на имущественные классы. Главнымъ содержаніемъ настоящей главы и будетъ обзоръ тимо-

кратическихъ учрежденій Аѳинъ и Рима—съ цѣлью показать, въ чемъ между ними сходство и въ чемъ разница.

Но прежде нужно представить еще нѣсколько общихъ соображеній. Въ „Политикѣ“ Аристотель раздѣляетъ всѣ государственныя формы на правильныя и неправильныя, смотря по тому, „дѣйствуютъ ли представители верховной власти въ государствѣ въ интересахъ общаго блага“, или же „все вниманіе правительственной власти обращено на собственный интересъ“ [1]). Правильныя формы суть царство, аристократія и политія, неправильныя—тираннія, олигархія и демократія. Впрочемъ, имя демократіи Аристотель даетъ и правильной формѣ, а у Платона для неправильной формы мы встрѣчаемся съ терминомъ *охлократія*, господство черни. Не входимъ здѣсь въ обсужденіе всей этой классификаціи, хотя бы и въ исправленномъ ея видѣ (монархія и тираннія, аристократія и олигархія, демократія и охлократія) и останавливаемся лишь на пониманіи Аристотелемъ олигархіи. Для него это—такая форма правленія, которая „имѣетъ въ виду интересы только людей зажиточныхъ“. „Господство въ олигархіи меньшинства и въ демократіи большинства, говоритъ онъ, есть явленіе несущественное для той или другой формы общественнаго быта, а бываетъ такъ только потому, что богатыхъ вездѣ меньше, а бѣдныхъ, напротивъ, вездѣ больше“. Поэтому различіе между большинствомъ и меньшинствомъ, на которое Аристотель указываетъ сначала, какъ на принципъ раздѣленія, потомъ уже не кажется ему „само по себѣ служащимъ основаніемъ различія“, состоящаго „собственно въ бѣдности и богатствѣ. Гдѣ граждане пользуются властью въ силу своего богатства, тамъ—несмотря на то, будетъ ли таковыхъ меньшинство или большинство—политическій бытъ необходимо представляетъ собою олигархію, а гдѣ властвуютъ люди бѣдные, тамъ—демократію“ [2]). Въ особой главѣ Аристотель насчитываетъ четыре вида олигархіи, изъ которыхъ первые два различаются между собою величиною ценза: въ одпихъ случаяхъ „право на государственныя должности опредѣляется столь большимъ цензомъ, что бѣдные, составляющіе большинство, не принимаютъ въ нихъ никакого участія“, тогда какъ въ другихъ случаяхъ „право на занятіе госу-

[1]) Перев. Скворцова, стр. 136 и слѣд.

[2]) Стр. 129.

дарственныхъ должностей опредѣляется небольшимъ цензомъ“ [1]). Большее сочувствіе Аристотеля на сторонѣ второй формы, которая приближается къ политіи или демократіи въ смыслѣ правильной формы. Но Аристотель говоритъ еще— и не безъ сочувствія — о комбинаціи олигархіи съ демократіей, причемъ отсутствіе ценза (или очень малый цензъ) для права участія въ народномъ собраніи и для занятія государственныхъ должностей онъ и считаетъ признакомъ демократіи. Тимократическое устройство Аѳинъ при Солонѣ было сочетаніемъ обоихъ принциповъ—болѣе значительнаго ценза для занятія нѣкоторыхъ мѣстъ и отсутствія всякаго ценза для участія въ народномъ собраніи. Сама олигархія Аристотеля въ первомъ своемъ видѣ есть чистая плутократія (двѣ другія формы у него относятся къ наслѣдственному, слѣдовательно, аристократическому, по нашему словоупотребленію, властвованію).

Такъ какъ въ олигархіяхъ богатство служило главнымъ отличіемъ членовъ господствующаго класса, то ихъ часто обозначали, какъ богачей (οἱ πλούσιοι), имущихъ людей (οἱ τὰς οὐσίας, τὰ χρήματα ἔχοντες), или „жирныхъ“ (οἱ παχεῖς), что̀ очень напоминаетъ il popolo grasso (жирный народъ), какъ звали городской патриціатъ въ средневѣковой Италіи. Что касается до классификаціи видовъ олигархіи у Аристотеля, то она отличается нѣкоторою искусственностью, и едва ли подъ нею можно подвести все разнообразіе формъ плутократическаго устройства государствъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ составъ зажиточной олигархіи входили не только прежніе благородные, но и разбогатѣвшіе простолюдины, и тамъ, гдѣ этому классу приходилось дѣлиться правами съ другими гражданами, онъ пользовался все-таки извѣстными преимуществами. Примѣры сліянія въ одномъ классѣ стараго дворянства съ зажиточной буржуазіей мы имѣемъ на всемъ протяженіи исторіи — и въ Римѣ (образованіе нобилитета), и въ городскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ, поглощавшихъ въ своемъ буржуазномъ патриціатѣ и феодальные элементы, и во Франціи XIX в., причемъ новые общественные элементы нерѣдко очень скоро сами проникались интересами и тенденціями старой знати.

---

[1]) Стр. 261.

Но возвратимся собственно къ самому тимократическому принципу.

Мы уже знаемъ, что Солонъ получилъ полномочіе передѣлать въ Аѳинахъ весь государственный строй; теперь и остановимся на его политической реформѣ, поскольку она касается нашей темы.

Разсматривая древнѣйшее устройство аѳинской государственной общины, мы видѣли, что она была союзомъ филъ, фратрій и родовъ, и что организація эта имѣла аристократическій характеръ съ религіозной санкціей [1]). Мы увидимъ еще, какъ эта традиціонная организація, мѣшавшая свободному развитію аѳинской демократіи, черезъ восемьдесятъ лѣтъ послѣ законодательства Солона была разрушена Клисѳеномъ, пока же она сохранялась и послѣ политической реформы Солона. Но ей все-таки былъ нанесенъ ударъ, потому что рядомъ съ этою аристократической организаціей филъ, фратрій и родовъ была создана другая, тимократическая. Всѣ аѳинскіе граждане были раздѣлены на четыре класса (τέλη, τιμήματα) *пентакосіомедимновъ*, *гиппеевъ*, *зевгитовъ* и *ѳетовъ*, т.-е. получающихъ 500 медимновъ, всадниковъ, упряжниковъ и батраковъ [2]). Наиболѣе зажиточные граждане, составлявшіе первый классъ, имѣли въ годъ доходъ, состоявшій, какъ сказано, изъ 500 медимновъ, ко второму причислены были люди съ 300 медимновъ дохода, къ третьему съ 200, къ четвертому всѣ, у кого не было и такого дохода. Примѣрно для полученія такихъ доходовъ нужно было имѣть minimum или 20, или 12, или 8 десятинъ земли. Повидимому, слѣдовало обладать земельнымъ участкомъ, чтобы принадлежать къ первымъ тремъ классамъ, а къ четвертому причислялись не только всѣ безземельные, жившіе продажею своего труда, но и всѣ лица, занимавшіяся торговлею или ремеслами. Названія трехъ послѣднихъ классовъ, вѣроятно, существовали до Солона. Относительно ѳетовъ, слова, весьма распространеннаго, не можетъ быть сомнѣнія. Что касается до зевгитовъ и гиппеевъ, то первые назывались „упряжниками“, потому что могли держать упряжку (ζεῦγος) рабочаго скота, напр., пару муловъ, а вторые—„конными“, такъ какъ были въ состояніи, по выраженію Аристотеля, „кормить ло-

[1]) См. выше, стр. 10 и слѣд. и 54 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 25.

шадь“ (ἱπποτροφεῖν). Замѣтимъ, что то же названіе гиппеевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носили члены знати, такъ что слово могло имѣть двоякое значеніе: конечно, аѳинскіе гиппеи, обладавшіе 12 — 20 десятинами земли, далеко не были самыми богатыми людьми [1]). Для того, чтобы попасть въ первый классъ, равнымъ образомъ не требовалось очень большого ценза, такъ что въ немъ очень богатые люди были соединены съ людьми средняго достатка, къ каковымъ принадлежалъ и самъ реформаторъ. За одними эвпатридами, которые могли числиться въ любомъ классѣ, осталась, кажется, привилегія быть избираемыми въ архонты и, слѣдовательно, попадать въ ареопагъ, но быть вообще эвпатридомъ для этого было недостаточно: нужно еще было принадлежать къ пентакосіомедимнамъ. Впрочемъ, если къ первымъ тремъ классамъ вообще принадлежали только землевладѣльцы, то едва ли въ первомъ классѣ и было много не-эвпатридовъ. Въ совѣтъ, *буле* (βουλή), о которомъ мы будемъ говорить послѣ [2]), могли избираться лица первыхъ трехъ классовъ, ѳетамъ же Солонъ далъ право участвовать только въ народномъ собраніи, *экклесіи* (ἐκκλησία), и въ судилищахъ, *дикастеріяхъ* (δικαστήριον). Пользовавшіеся бо̀льшими правами несли и болѣе тяжелыя повинности въ пользу государства. На первый классъ возложена была обязанность участвовать въ сооруженіи кораблей, въ устройствѣ публичныхъ празднествъ и т. п., а также личная военная служба съ хорошимъ вооруженіемъ и на коняхъ, тогда какъ ѳеты должны были выходить на войну легко вооруженными (щитъ, лукъ и стрѣлы) или дѣлались гребцами на военныхъ судахъ. Отъ гиппеевъ и зевгитовъ требовалось полное вооруженіе (шлемъ, латы, копье), но одни участвовали въ конницѣ, а другіе—въ пѣхотѣ (были *гоплитами*). Что въ основу дѣленія гражданъ на классы былъ положенъ именно тимократическій принципъ, это, между прочимъ, засвидѣтельствовано Аристотелемъ, говорящимъ, что Солонъ „далъ каждому право на соотвѣтствующую величинѣ его достоянія должность“. Интересно, что это соотношеніе между правами и достаткомъ, введенное Соло-

[1]) Интересно, что въ Аттикѣ геоморами назывались крестьяне, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ это названіе обозначало знать (напр., гаморы въ Сиракузахъ). См. ниже, стр. 111—112.

[2]) См. гл. X.

номъ, никогда не отмѣнялось, и еще во времена Аристотеля, т.-е. черезъ два съ половиною вѣка послѣ реформы оно формально имѣло законную силу. Указавъ на то, что θеты были исключены изъ права занимать должности, Аристотель прибавляетъ: „поэтому-то и теперь даже, если спрашиваютъ кого-либо желающаго подвергнуться жеребьевкѣ на должность, къ какому классу онъ принадлежитъ, едва ли кто скажетъ, что къ θетамъ“ [1]). Только изъ пентакосіомедимновъ выбирались и завѣдовавшіе государственной казной *таміи* (ταμίαι, казначеи), и этимъ закономъ, говоритъ Аристотель, „и до сихъ поръ пользуются“, такъ какъ онъ „все еще въ силѣ“, хотя и не на практикѣ: въ эпоху развитія демократіи за исполненіе обязанностей „казначеевъ Аѳины“ брались люди весьма бѣдные [2]).

Насколько это солоновское дѣленіе аѳинскихъ гражданъ на классы было создано только самимъ реформаторомъ и насколько оно уже было подготовлено предыдущими фактическими отношеніями, сказать трудно. Вѣроятно, классы гиппеевъ, зевгитовъ и θетовъ имѣютъ бытовое происхожденіе, первый же классъ созданъ былъ искусственно, и одно Солону пришлось только фиксировать и легализировать, а другое установлять вновь. Во всякомъ случаѣ основною мыслью реформы было соразмѣрить политическія права съ тяжестью лежащихъ на лицѣ по отношенію къ государству обязанностей, что̀ влекло за собою зависимость этихъ правъ не отъ происхожденія, а отъ матеріальнаго достатка. Свою задачу „діаллакта“, т.-е. примирителя или посредника Солонъ понялъ именно въ смыслѣ удовлетворенія обѣихъ сторонъ, враждовавшихъ между собою, какъ это онъ и самъ говоритъ въ своихъ элегіяхъ [3]). На дѣлѣ вышло совсѣмъ не то. Мы уже знакомы съ мѣрами Солона, касавшимися экономическихъ отношеній Аттики, и намъ понятны будутъ слѣдующія слова Аристотеля: „одновременно случилось, что и знатные стали къ нему относиться враждебно изъ-за уничтоженія долговъ,

---

[1]) Перев. Ловягина, 11.

[2]) Стр. 13 и 79.

[3]) Далъ я народу изъ правъ лишь такія, какихъ ему нужно,
Чести его не лишилъ, не далъ и лишней зато,
Тѣмъ же, кто силу имѣли, богатствомъ владѣя огромнымъ,
Тѣмъ я далъ также понять, гдѣ ихъ захватамъ предѣлъ.

и обѣ партіи измѣнили свой взглядъ на него, потому что установленіе имъ государственнаго строя совершилось не по ихъ желанію; народъ надѣялся на полный дѣлежъ имуществъ, знатные же думали, что онъ имъ дастъ или опять прежніе порядки, или произведетъ лишь незначительную перемѣну“ [1]). Вскорѣ послѣ того, какъ Солонъ провелъ свою политическую реформу, въ Аѳинахъ произошли новыя смуты. Онѣ мѣшали даже ставить архонтовъ, а одинъ разъ избранный архонтъ скоро былъ лишенъ должности насильно. Въ другомъ мѣстѣ мы остановимся подробнѣе на этихъ событіяхъ въ связи съ исторіей тиранніи и демократіи въ Аѳинахъ, но тутъ не лишнимъ будетъ отмѣтить, какія партіи боролись между собою въ Аттикѣ въ это время. Это покажетъ намъ, какіе соціальные элементы хотѣлъ сочетать Солонъ въ своей тимократической системѣ.

Какъ ни мала была Аттика, въ ней различались три отдѣльныя части, и въ каждой изъ нихъ преобладаніе принадлежало одному какому-либо общественному классу, хотя вождями всѣхъ трехъ были эвпатриды. Земли эвпатридовъ лежали въ лучшей части Аттики, носившей названіе Педіона (Πεδίον), т.-е. Равнины, откуда и жители ея назывались *педіэями* (πεδιαῖοι). Прибрежная часть страны, бывшая извѣстной подъ именемъ Параліи, среди своего населенія въ качествѣ наиболѣе вліятельнаго класса имѣла не мало зажиточныхъ людей, разбогатѣвшихъ отъ торговли и составившихъ зерно партіи *параліевъ* (παράλιοι). Наконецъ, нагорная часть Аттики-Діакрія, была по составу своего населенія наиболѣе демократической, и по имени этой мѣстности сама партія, поддерживавшая требованія народа, носила названіе *діакріевъ*. Хотя партіи и имѣли клички, „взятыя, какъ выражается Аристотель, отъ мѣстъ, гдѣ они (т.-е. ихъ представители) обрабатывали землю“, но на самомъ дѣлѣ въ основѣ этого дѣленія лежало классовое начало: педіэи были аристократы, діакріи — демократы, а параліи были своего рода среднимъ сословіемъ. О послѣднихъ Аристотель говоритъ, что они были приверженцами „средней политіи“ (τὴν μέσην πολτεία̃ν), что̀ можно понимать въ смыслѣ сочувствія къ строю, введенному Солономъ, хотя, съ другой стороны, люди, сильные движимымъ имуществомъ, но слабые въ земельномъ отношеніи, ко-

[1]) Стр. 17.

нечно, не могли быть довольны своимъ исключеніемъ изъ права занятія государственныхъ должностей. Особенно недовольны были, однако, педіэи общимъ духомъ реформы Солона, а діакріи—тѣмъ, что онъ не согласился произвести общій раздѣлъ поземельной собственности, и къ этой третьей партіи, по свидѣтельству Аристотеля, „изъ бѣдности примкнули тѣ, кто были лишены уплаты должныхъ имъ суммъ, а изъ страха тѣ, кто были сомнительнаго происхожденія“, т.-е. не были чистыми аѳинянами. Изъ этой-то борьбы и возникла въ Аѳинахъ тираннія, о которой рѣчь будетъ идти въ слѣдующей главѣ.

Теперь разсмотримъ, какъ произошло и какое значеніе имѣло раздѣленіе римскаго населенія на пять классовъ, въ составъ которыхъ вошли одинаково и патриціи, и плебеи.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ, чтобы имѣть право говорить о возникновеніи римскихъ имущественныхъ классовъ съ такою же увѣренностью, съ какою мы можемъ говорить, по крайней мѣрѣ, о главныхъ очертаніяхъ реформы Солона. Римская традиціонная исторія относитъ начало дѣленія римлянъ на пять классовъ ко времени предпослѣдняго римскаго царя Сервія Туллія въ серединѣ VI в. до Р. Х. Хотя это время — болѣе позднее сравнительно съ солоновскимъ въ Аѳинахъ, но общее состояніе историческихъ источниковъ для раннихъ эпохъ жизни Рима таково, что вѣрить имъ во всемъ нельзя, даже по отношенію къ менѣе отдаленнымъ отъ вполнѣ достовѣрной эпохи временамъ, нежели конецъ царскаго періода. Дѣло въ томъ, однако, что въ Римѣ, вѣроятно, еще при царяхъ плебеи, стоявшіе сначала внѣ государственной общины, были включены въ ея составъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ съ родовой организаціей патриціата была создана общая гражданская организація, въ которой разница между патриціями и плебеями исчезала. Въ послѣднемъ отношеніи такъ называемую реформу Сервія Туллія можно сравнивать съ солоновой, какъ для включенія плебса въ государственную общину мы имѣемъ аналогичное явленіе въ аѳинской же реформѣ Клисѳена, принявшаго въ число гражданъ метэковъ, о чемъ будетъ говориться ниже [1]). Но вопросъ еще въ томъ, можно ли проводить аналогію между реформами Солона и Сервія Туллія до конца,

[1]) См. гл. XI.

т.-е. утверждать, что порождены были объ реформы одинаковыми обстоятельствами и что въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду достигнуть одной и той же цѣли. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, кажется, возможенъ только отрицательный. Аѳинская тимократическая конституція Солона была результатомъ борьбы внутри самой гражданской общины, попыткой ея умиротворенія своего рода компромиссомъ, чѣмъ-то среднимъ между аристократіей и демократіей, но въ Римѣ дѣло происходило иначе, и борьба между патриціями и плебеями началась уже послѣ того, какъ тѣ и другіе слились въ одну общину. Поэтому никакъ нельзя думать, что въ основѣ конституціи Сервія Туллія лежала тимократическая идея. Задумано было дѣленіе лицъ, принадлежавшихъ къ обоимъ сословіямъ, на имущественные классы, нужно полагать, совсѣмъ по другимъ причинамъ, но что результатъ этого дѣленія былъ совершенно такой же, какъ будто имѣлось въ виду осуществить въ Римѣ тимократическій принципъ, въ этомъ уже для насъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Вѣроятно, въ основѣ конституціи Сервія Туллія лежало желаніе—этого ли, или какого-либо другого царя и даже самихъ патриціевъ—привлечь плебсъ къ участію въ войскѣ, и вотъ обязанность военной службы и матеріальной помощи государству была перенесена съ гражданъ, какъ гражданъ, на имущихъ (locupletes [1]), среди которыхъ могли быть и граждане, и простые обыватели, т.-е. воинская повинность переносилась съ лица на имущество. (Вспомнимъ, что и въ Аѳинахъ дѣленіе на классы имѣло отношеніе также къ отбыванію воинской повинности). Участвовать въ войскѣ долженъ былъ каждый земельный собственникъ въ возрастѣ между 18 и 60 годами, и по величинѣ земельныхъ участковъ все населеніе государственной территоріи Рима было раздѣлено на пять классовъ (classes) съ имуществомъ въ 100 т., 75 т., 50 т., 25 т. и 12 т. ассовъ. Не нужно забывать, что ассъ былъ мелкой монетной единицей, и если около 500 г. до Р. Х. онъ дѣйствительно стоилъ лишь копѣекъ 13 — 15, то для включенія въ первый классъ нужно было имѣть собственность тысячъ 13—15 рублей. Кто больше имѣлъ земли, тотъ долженъ былъ являться на войну и въ лучшемъ вооруженіи,

[1]) Locuples (отъ locum и plere) значитъ занимающій (наполняющій) мѣсто, т.-е. имѣющій землю осѣдлый (assiduus).

самые же богатые изъ патриціевъ и плебеевъ должны были выступать въ походъ на коняхъ. Каждый классъ выставлялъ извѣстное количество *центурій* (сотенъ), а именно: первый классъ съ всадниками—98, въ частности 80 пѣшихъ и 18 конныхъ, второй, третій и четвертый — по 20, пятый — 30, да внѣ классовъ было еще пять центурій, въ составъ которыхъ входили „считавшіеся по головамъ“ (capite censi), т.-е. подушно, а не поимущественно, ремесленники и самые бѣдные, могшіе служить государству только своимъ потомствомъ, откуда ихъ названіе—*пролетаріи* (отъ proles, потомство). О томъ, почему получились такія цифры центурій, можно только дѣлать догадки, но достовѣрнаго мы ничего не знаемъ. Быть можетъ, имущество въ 100 т. ассовъ было полнымъ земельнымъ надѣломъ, рядомъ съ которымъ были участки въ $^3/_4$, $^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$ этого надѣла, и можетъ быть, числовыя отношенія всѣхъ участковъ были такія, что на 80 владѣльцевъ перваго класса приходилось брать по 20 второго, третьяго и четвертаго и по 30 пятаго, но результатъ былъ тотъ, что изъ всѣхъ 193 центурій, на которыя были раздѣлены и патриціи, и плебеи приходилось на конницу и первый классъ пѣхоты больше половины, т.-е., какъ мы видѣли, 98 центурій. Какое это имѣло значеніе для политической жизни Рима, мы сейчасъ увидимъ, но нужно еще помнить, что число центурій въ Римѣ долго не увеличивалось, и что съ теченіемъ времени центурія перестала соотвѣтствовать по численности своихъ членовъ собственному наименованію, перестала быть сотней.

Тѣсная связь дѣленія на классы съ устройствомъ войска указываетъ на военное происхожденіе центуріатной организаціи, но въ древности войско есть въ сущности только вооруженный народъ, и собраніе войска часто превращается въ народное собраніе. Старая родовая организація патриціевъ имѣла свои народныя сходки по куріямъ, теперь возникли (какъ, мы не знаемъ) народныя сходки по центуріямъ. Сначала, конечно, куріатныя комиціи оставались истинными выразительницами народныхъ желаній, но мало-по-малу комиціи центуріатныя, въ эпоху своего возникновенія имѣвшія, вѣроятно, самыя скромныя функціи, расширили свою компетенцію и сдѣлались по нѣкоторымъ вопросамъ, такъ сказать, главною формою народныхъ собраній Рима. Голосованіе въ нихъ происходило по центуріямъ. Первыми голо-

совали всадническія центуріи, потомъ центуріи перваго класса и т. д., и если всадники и первый классъ были между собою согласны, то дѣло рѣшалось такъ, какъ они того желали: вѣдь ихъ было 98 изъ 193, т.-е. больше половины общаго числа центурій. Такимъ образомъ наиболѣе зажиточные граждане безъ различія происхожденія пользовались, благодаря такой системѣ голосованія, перевѣсомъ въ политической жизни Рима — и это какъ-разъ еще въ ту эпоху, когда во многихъ другихъ отношеніяхъ между патриціями и плебсомъ существовала непроходимая пропасть; впослѣдствіи плебеи получили еще свою особую организацію съ трибунами во главѣ. Какъ бы то ни было, результатъ отъ сервіевой реформы получился тимократическій, и даже могло казаться, что реформа была задумана въ смыслѣ сознательной замѣны родовой привилегіи привилегіей имущественной.

Если, однако, въ основѣ центуріатной организаціи не было тимократическаго принципа и лишь впослѣдствіи отъ нея получился тимократическій результатъ, то это еще вовсе не можетъ служить какимъ-нибудь аргументомъ противъ другого положенія, а именно противъ того, что въ Римѣ довольно рано богатство стало служить источникомъ привилегій для нѣкоторой, особенно зажиточной части плебса. Сенатъ былъ первоначально чисто патриціанскимъ учрежденіемъ, но послѣ изгнанія царей въ него были допущены и плебеи. Правда, они не носили титула „отцовъ“ (patres), а были только „приписными“ (conscripti), не имѣли права на отличительные знаки сенаторскаго званія и „выражали свои мнѣнія при помощи ногъ“ [1]), т.-е. переходомъ на ту или другую сторону, но все-таки они входили въ составъ высшей коллегіи государства. Разъ попавъ въ сенатъ, богатые плебеи стремились и на будущее время удерживаться на своихъ мѣстахъ, откуда и ведутъ свое начало плебейскіе элементы будущаго нобилитета. Хотя зажиточная часть плебса и не была равноправна съ родовою знатью, но умѣла и для себя извлекать выгоды изъ привилегій этой знати. И патриціи, и богачи изъ плебеевъ одинаково обогащались, беря на откупъ взиманіе государственныхъ доходовъ, ссужая деньги подъ высокіе проценты, пользуясь чуть не даромъ государственными землями и т. д. Только близорукая замкнутость

[1]) Pedibus in sententiam ire, какъ выражались патриціи.

патриціанской знати держала болѣе богатую часть плебса въ загонѣ по отношенію къ другимъ привилегіямъ, что̀ влекло за собою борьбу. Въ началѣ V в. весь плебсъ получилъ свою особую организацію съ плебейскими трибунами во главѣ [1]), но въ виду того, что въ самомъ плебсѣ было раздѣленіе между богатыми и бѣдными, политика трибуновъ должна была получить двойственный характеръ: имъ приходилось или быть защитниками бѣдныхъ, для чего они и были учреждены, или играть роль вождей богатой части плебса въ ея борьбѣ съ патриціями за равноправность. Положеніе этой части незнатныхъ гражданъ было тоже двойственное, ибо тяготѣла она къ патриціату, а опираться должна была на народъ. Для нея центуріатныя комиціи съ ихъ тимократическимъ характеромъ были наиболѣе сподручною формою участія въ государственныхъ дѣлахъ. Когда наконецъ послѣдовало уравненіе правъ, богатые патриціанскіе и плебейскіе элементы слились въ нобилитетъ съ его чисто плутократической основой и олигархическими тенденціями.

Какъ мы видимъ, въ Аѳинахъ и въ Римѣ соціальная и политическая эволюція совершалась неодинаково, но въ направленіи ея было нѣчто общее и здѣсь, и тамъ.

ГЛАВА IX.

Греческая тираннія и римскій трибунатъ.

Постановка вопроса о тираніи и трибунатѣ.—Общее опредѣленіе тираніи.—Аристотель о тираніи.—Общія черты тираніи.—Обзоръ отдѣльныхъ тираній.—Очеркъ исторіи тираніи въ Аѳинахъ.—Страхъ передъ тираніей въ Римѣ.—Происхожденіе и развитіе трибуната.—Чѣмъ римскій плебсъ обязанъ трибунату?—(Замѣчаніе о спартанскомъ эфоратѣ).—Переходъ къ демократическимъ учрежденіямъ.

На очереди теперь стоятъ у насъ два явленія—греческая тираннія и римскій трибунатъ, которыя мы разсмотримъ одно съ другимъ не потому, чтобы ихъ можно было под-

---

[1]) Ср. слѣд. главу.

вести подъ одинъ принципъ, но потому, что оба возникли на одной и той же почвѣ борьбы народа съ знатью и каждое сыграло роль въ этой борьбѣ въ пользу демократіи. Что касается до аналогіи между тираннами и трибунами, то, конечно, и нечего было бы думать о ея проведеніи; скорѣе, наоборотъ, приходится согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что учрежденіе трибуната спасло Римъ отъ тираніи, и что слѣдовательно это—два явленія совершенно различныхъ порядковъ. Тираннія была демократической диктатурой, и если уже подыскивать для нея римскую аналогію, то это будетъ позднѣйшій принципатъ, изъ котораго выросла императорская власть въ монархическомъ смыслѣ, но въ составъ котораго, впрочемъ, вошла и трибунская власть республиканскаго періода.

Начнемъ съ тираніи. Мы уже знаемъ [1]), что Аристотель въ своей классификаціи формъ правленія, съ раздѣленіемъ ихъ на правильныя и неправильныя, противополагаетъ тираннію, какъ форму неправильную, царству, какъ формѣ правильной: для него это прежде всего правленіе одного лица, отличающееся произвольностью и своекорыстіемъ. Мы еще увидимъ, какъ этотъ философъ характеризовалъ тираннію, но не нужно забывать, что онъ писалъ уже въ IV в., а та тираннія, о которой мы будемъ теперь говорить, относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ VII и къ VI вѣкамъ, когда она была явленіемъ въ Греціи довольно обычнымъ, но съ самымъ словомъ этимъ еще не было соединено представленія о произволѣ, личномъ интересѣ, жестокости и деспотизмѣ. Тираннія обозначала тогда просто-на-просто захватъ власти силою или хитростью, узурпацію, хотя бы правленіе тиранна въ общемъ и не навлекало на себя нареканій. Тираннъ (τύραννος), это—узурпаторъ, и въ такомъ смыслѣ тираннами, помимо всего прочаго, мы могли бы назвать, напримѣръ, обоихъ Наполеоновъ—и I, и III, обязанныхъ своею властью государственнымъ переворотамъ 18 брюмера и 2 декабря, хотя потомъ они и нашли санкцію своей узурпаціи во всенародномъ голосованіи. Другая черта древней тираніи—та, что ея представители, какъ и оба Наполеона, искали опоры въ народныхъ массахъ: какъ было уже сказано, это была демократическая диктатура, т.-е. если диктатура и не отъ

[1]) См. выше, стр. 96.

имени народа или во имя народа, то во всякомъ случаѣ въ союзѣ съ народомъ или съ его попущенія. Это подводитъ насъ и къ третьей ея чертѣ: тираннія была плодомъ сословныхъ раздоровъ, когда раздраженіемъ народа противъ знати пользовались отдѣльныя лица, чтобы, опираясь на народъ, низвергать правленія знати. Аналогію съ тѣмъ, что̀ дѣлалось въ греческихъ государствахъ-городахъ за 600 лѣтъ до Р. Х., представляютъ собою въ концѣ среднихъ вѣковъ случаи захвата власти въ городскихъ республикахъ Италіи „принципами“ (prìncipi, князья), удивительно напоминающими греческихъ тирановъ. Одинаковыя обстоятельства порождаютъ одинаковыя явленія: и въ городскихъ республикахъ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ шла борьба между знатью и простонародьемъ, и здѣсь ею пользовались для захвата власти честолюбцы, дѣлавшіеся потомъ въ этихъ республикахъ князьями. Тираннъ—тоже князь, но князь стараго типа, не басилевсъ со всѣми аттрибутами власти, полученной отъ Зевса, а князь совершенно новаго типа, обязаннаго своимъ возникновеніемъ уже городской жизни съ ея новыми условіями и съ новыми задачами, которыя и не снились прежнимъ басилевсамъ. Старая „басилія“ была окружена учрежденіями исконнаго родового происхожденія и аристократическаго характера, новая тираннія уже должна была считаться съ порядками и учрежденіями, выросшими на развалинахъ прежняго патріархальнаго строя. Разница такимъ образомъ въ самомъ положеніи басилевсовъ и тирановъ, а не въ томъ, чье благо имѣлось въ виду тѣми или другими, общее или свое личное.—Но обратимся все-таки къ Аристотелю. Выше были уже приведены его слова, касающіяся тиранніи [1]). Мысль, высказанную въ этихъ словахъ, онъ повторяетъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ снова говоритъ о произвольности и своекорыстности въ пользованіи властью [2]), но есть и еще одно мѣсто, которое болѣе соотвѣтствуетъ нашей постановкѣ вопроса и, кромѣ того, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ общій выводъ, сдѣланный наблюдательнымъ историкомъ. „Царство, — говоритъ онъ, — существуетъ для защиты высшихъ классовъ противъ народа, и царями обыкновенно бываютъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію,... а тираннъ,

[1]) См. стр. 93.

[2]) Пер. Скворцова, стр. 271.

напротивъ, выступаетъ обыкновенно изъ массы народа для защиты его противъ знатныхъ, съ тѣмъ, будто бы, чтобы народъ не терпѣлъ отъ нихъ никакой несправедливости. Это, прибавляетъ Аристотель, ясно видно изъ исторіи. Можно сказать, что большинство тирановъ были сперва демагогами и, благодаря той клеветѣ, которую они распускали противъ знатныхъ, тѣмъ самымъ пріобрѣли себѣ довѣренность народа“ [1]). Такимъ образомъ Аристотель подчеркиваетъ связь старой „василіи“ съ аристократіей и связь тиранніи съ демократіей; но только въ ту эпоху, которую мы имѣемъ въ виду, тираны выходили не изъ демоса, а какъ-разъ изъ родовой знати. Особенно много распространяется еще Аристотель о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ тираны прибѣгали для сохраненія за собою власти. Основныя черты тиранніи—наемная стража, отнятіе у народа оружія, подозрительное отношеніе къ знатнымъ, развитіе соглядатайства, недовѣріе ко всякимъ собраніямъ и сообществамъ гражданъ и т. п. Читая страницы „Политики“, гдѣ дается подробная характеристика правительственной системы тирановъ, чувствуешь, что многое списано въ ней съ позднѣйшихъ примѣровъ, что не все въ ней можетъ быть отнесено къ болѣе раннему періоду. Я укажу только на мнѣніе Аристотеля о томъ, какъ тираны старались сдѣлать себя необходимыми въ глазахъ своихъ подданныхъ. Они, говоритъ философъ, „обыкновенно бываютъ предпріимчивы на войнѣ, чтобы занять своихъ подданныхъ и чтобы заставить ихъ постоянно чувствовать нужду въ предводителѣ“ [2]). „Такъ какъ, читаемъ мы нѣсколько далѣе, государство состоитъ изъ двухъ частей, изъ людей бѣдныхъ и богатыхъ, то тираннъ особенно долженъ убѣдить тѣхъ и другихъ, что благосостояніе ихъ связано съ благосостояніемъ ихъ правительства, и наблюдать за тѣмъ, чтобы ни тѣ, ни другіе не терпѣли другъ отъ друга никакой несправедливости“ [3]). Въ обоихъ случаяхъ Аристотель приписываетъ тираннамъ только личный расчетъ, какъ будто у нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ не было болѣе широкихъ плановъ и во внѣшней, и во внутренней политикѣ.

Тираннами, какъ сказано, дѣлались большею частью часто-

---

[1]) Тамъ же, стр. 350.

[2]) Стр. 360.

[3]) Стр. 365.

любивые аристократы, окружавшіе себя приверженцами и захватывавшіе городскую крѣпость, но иногда это были должностныя лица, иногда популярные полководцы (особенно въ позднемъ періодѣ).

Для содержанія наемной стражи, для своихъ построекъ, которыми они украшали города, для осуществленія своихъ завоевательныхъ и колоніальныхъ предпріятій они нуждались въ большихъ матеріальныхъ средствахъ, которыя создавали себѣ путемъ конфискацій имущества своихъ политическихъ противниковъ и обложенія податями гражданъ вообще. Тиранніи не было тамъ, гдѣ господствовали старыя формы быта, но тамъ, гдѣ уже начинали развиваться торговля и промышленность, тираны являлись покровителями обоихъ этихъ видовъ экономической дѣятельности, въ то же время заботясь, однако, о поддержкѣ земледѣлія и крестьянства. Духовная культура — поэзія и искусства — тоже пользовалась покровительствомъ тирановъ, а въ религіозной сферѣ они особенно благопріятствовали простонароднымъ культамъ, желая противопоставить ихъ культамъ знати. Республиканскихъ учрежденій они не трогали и заботились лишь о томъ, чтобы всѣ государственныя должности замѣщать своими людьми. Результатомъ ихъ правленія была бо́льшая или меньшая общественная нивеллировка, которая оказалась потомъ своего рода подготовкой къ демократической эволюціи. Дѣло въ томъ, что бо́льшая часть тиранній была непродолжительна, и Аристотель это даже особенно выдвигаетъ на видъ, отмѣчая главныя исключенія изъ общаго правила; но когда тираннія падала, то нерѣдко это влекло за собою прямое установленіе демократическаго режима, если только не происходило возвращенія къ умѣренной аристократіи.

Причины недолговѣчности тиранній заключались въ общихъ условіяхъ ихъ возникновенія изъ гражданскихъ смутъ. Тираннія лишь на время могла умиротворять враждебныя партіи, и знатные всегда съ неудовольствіемъ смотрѣли на людей, лишавшихъ ихъ прежняго значенія. Съ другой стороны, и народу становилось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ жить нелегче при тираннахъ, налагавшихъ на нихъ большія тяжести въ пользу государства. Конечно, основатели тиранній были люди незаурядные, но послѣ ихъ смерти не окрѣпшая еще и лишенная освящающей традиціи власть рушилась, что́ происходило даже въ тѣхъ случаяхъ, если ти-

раннъ передавалъ свою власть сыну: второе поколѣніе уже не умѣло такъ вести свои дѣла, чтобы удерживаться у власти, и именно при наслѣдникахъ первыхъ тирановъ проявлялись худшія стороны этой новой политической формы, сдѣлавши ненавистнымъ въ Греціи самое имя тирановъ.

Изъ всѣхъ тираній лучше другихъ намъ извѣстна тираннія Писистрата и его сыновей въ Аѳинахъ, гдѣ и раньше дѣлались попытки захвата власти, но кромѣ того, въ исторіи прославились и другіе представители этой политической формы.

Наиболѣе видными представителями тираніи были: Поликратъ на островѣ Самосѣ, Кипселъ и Періандръ въ Коринѳѣ, Гелонъ и Гіеронъ въ Сиракузахъ, Клисѳенъ въ Сикіонѣ, Ѳеагенъ въ Мегарѣ, Аристагоръ въ Милетѣ и др. Если вообще отмѣтить тѣ пункты, гдѣ мы встрѣчаемъ тирановъ, то это будутъ какъ-разъ города, въ которыхъ особенно сильно давали себя чувствовать послѣдствія торговаго и промышленнаго развитія: не даромъ же тираннія миновала Спарту съ ея старыми формами быта и вообще господствомъ въ ней консервативныхъ началъ. Я приведу нѣкоторые факты, характеризующіе политику названныхъ тирановъ, чтобы потомъ остановиться болѣе подробно на эпохѣ тираніи въ Аѳинахъ.

Островъ Самосъ былъ одною изъ іонійскихъ колоній, и здѣсь, какъ вездѣ, существовала царская власть, представители которой вели свой родъ отъ основателя колоніи Прокла, да и самъ Самосъ основалъ впослѣдствіи не мало колоній. По сверженіи монархіи власть надъ островомъ перешла къ геоморамъ, какъ называлась здѣсь землевладѣльческая знать, но потомъ совершился демократическій переворотъ, который только подготовилъ установленіе тираніи. Около 540 г. верховную власть захватилъ здѣсь Поликратъ, герой нѣсколькихъ позднѣйшихъ сказаній анекдотическаго характера. Со своимъ флотомъ, занимаясь морскимъ разбоемъ, онъ подчинилъ власти Самоса нѣсколько сосѣднихъ острововъ и городовъ, несмотря на то, что противъ него предпринимались войны, въ которыхъ участвовали даже Спарта и Коринѳъ. Политика Поликрата охватывала и болѣе широкую сферу; онъ дружилъ съ египетскимъ фараономъ Амазисомъ, а потомъ, несмотря на это, помогъ персамъ въ завоеваніи ими Египта. Въ эпоху возвышенія Персіи многіе греческіе тираны въ Малой Азіи

и на сосѣднихъ съ нею островахъ признали себя данниками персовъ, и Поликратъ самъ былъ въ числѣ вассаловъ „великаго царя“, какъ греки называли государя обширной Персидской монархіи. Это — черта, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ VI в. азіатскія колоніи грековъ утратили національную независимость, такъ какъ должны были подчиниться власти сначала Лидіи, потомъ Персіи, персы же стали вездѣ поддерживать тиранній, видя въ ней лучшее средство держать въ зависимости отъ себя подвластные имъ города. Конечно, „великій царь“ не всегда довѣрялъ такимъ подручнымъ государямъ, и самъ Поликратъ на себѣ это испыталъ. Одинъ персидскій сатрапъ заманилъ его на материкъ и умертвилъ. Тираннomъ Самоса сдѣлался личный секретарь Поликрата Меандрій, по его съ персидскою помощью свергъ братъ Поликрата Силосонтъ, когда-то самъ изгнанный съ острова Самоса.

Въ Коринѳѣ сначала была царская династія Бакхіадовъ, изъ которой послѣ отмѣны царской власти и стали выбирать годичныхъ сановниковъ—притановъ [1]), но въ серединѣ VII в., черезъ сто лѣтъ послѣ установленія аристократическаго правленія, послѣднее было низвергнуто Кипселомъ, которому наслѣдовалъ сынъ его Періандръ (625 — 585). Онъ и былъ основателемъ военнаго, колоніальнаго и торгово-промышленнаго могущества Коринѳа. Въ основанные или завоеванные имъ города посылались иногда въ качествѣ правителей сыновья самого тиранна. По смерти Періандра власть перешла къ его племяннику Псамметиху, но онъ скоро былъ убитъ, и Коринѳъ вернулъ себѣ республиканскую свободу въ формѣ умѣренной олигархіи.

Въ противоположной сторонѣ греческаго міра, въ Сициліи происходило то же самое. За 600 лѣтъ до Р. Х. въ Леонтинахъ свергъ владычество знати Панэтій, а лѣтъ сорокъ спустя въ Акрагантѣ воцарился прославившійся своею жестокостью Фаларисъ, который сумѣлъ возвысить свой городъ на счетъ сосѣдей. Но самымъ значительнымъ греческимъ государствомъ въ Сициліи были Сиракузы. Здѣсь господствовала землевладѣльческая знать *гаморовъ* (то же, что самосскіе геоморы), но въ 485 г. ея владычество было низвергнуто демосомъ и мѣстными крѣпостными крестьянами, носившими названіе кил-

[1]) См. выше, стр. 42—43.

лировъ [1]), такъ что гаморы должны были искать спасенія бѣгствомъ въ одну изъ сиракузскихъ колоній. Въ это время большую энергію развивали тиранны города Гелы, враждовавшіе съ Сиракузами, и самое низверженіе гаморовъ въ этомъ городѣ стояло въ связи съ пораженіемъ, какое они потерпѣли отъ гельскаго тиранна Гиппократа. Его преемникъ Гелонъ воспользовался наступившей въ Сиракузахъ анархіей, чтобы захватить этотъ городъ. Демосъ призналъ его власть, но и гаморы были теперь возвращены, причемъ, однако, власть ихъ надъ киллирами не была возстановлена. Гелону наслѣдовалъ его братъ Гіеронъ I (478—467), при которомъ сиракузская тираннія достигла величайшаго блеска. Не задолго до своей смерти Гелонъ въ битвѣ при Гимерѣ разбилъ карѳагенянъ и взялъ богатую добычу, давшую Гіерону возможность окружить свое правленіе большою пышностью. При немъ Сиракузы играли большую роль не только въ Сициліи, но и въ Южной Италіи. Братъ и преемникъ тиранна, Ѳрасибулъ, не удержался у власти вслѣдствіе народнаго возстанія, приведшаго къ смутѣ, которая лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (461) окончилась водвореніемъ демократіи. Народное правленіе въ Сиракузахъ само оказалось, однако, не особенно прочнымъ.

Мы взяли примѣры тираніи изъ трехъ частей греческаго міра — въ восточныхъ колоніяхъ (Самосъ), въ самой Греціи (Коринѳъ) и въ западныхъ колоніяхъ (Сиракузы). Тираннія такимъ образомъ существовала вездѣ и въ ту или другую эпоху была даже тамъ или здѣсь господствующею формою правленія. Въ самой Греціи, кромѣ Коринѳа, тираннія устанавливалась въ сосѣднихъ съ нимъ Сикіонѣ и Мегарѣ, государствахъ-городахъ, имѣвшихъ, какъ и Коринѳъ, большое торгово-промышленное значеніе. Въ Сикіонѣ тираннія, основанная въ серединѣ VII в. Ореагоромъ, продолжалась даже цѣлое столѣтіе, достигши полнаго процвѣтанія при Клисѳенѣ, дѣдѣ соименнаго ему аѳинскаго реформатора, основателя демократическаго строя въ родномъ городѣ. Послѣ Клисѳена въ Сикіонѣ установилась олигархія, смѣнившаяся демократіей, а затѣмъ еще разъ утверждалась тираннія. Что касается до Ѳеагена въ Мегарѣ, то онъ былъ тестемъ аѳинянина Килона, сдѣлавшаго попытку водворенія

[1]) См. выше, стр. 30.

тиранніи и въ Аѳинахъ. Самъ Ѳеагенъ былъ низвергнутъ и послѣ короткаго охлократическаго періода въ городѣ утвердилась олигархія.

Такимъ образомъ у аѳинской тиранніи были прецеденты. Только-что названный Килонъ въ серединѣ VII в. съ толпою приверженцевъ захватилъ-было Акрополь, но не вызвалъ этимъ народнаго возстанія, на которое разсчитывалъ,—былъ осажденъ эвпатридами и долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Это лично ему удалось, но приверженцы его были перебиты у алтаря Аѳины по приказанію архонта Мегакла изъ рода Алкмеонидовъ. Можно думать, что эта смѣлая попытка и заставила знать пойти на уступки, результатомъ чего были писанные законы Драконта. Затѣмъ вскорѣ, какъ мы знаемъ, послѣдовало законодательство Солона, получившаго въ руки своего рода диктатуру для преобразованія государства. Ему, по словамъ Аристотеля, „представлялась возможность, ставъ на любую сторону, сдѣлаться тираномъ“, но Солону,—какъ самъ онъ заявляетъ въ одной изъ своихъ элегій, — не нравилась роль тиранна, не по душѣ былъ путь насилія, и онъ отказался отъ „снятія сливокъ съ молока“ въ свою личную пользу. Смутами, наступившими послѣ отъѣзда Солона изъ Аѳинъ, гдѣ онъ не пожелалъ оставаться, воспользовался архонтъ 586 г. Дамасія, который удержалъ за собою власть и на слѣдующій срокъ, но когда по прошествіи второго года онъ задумалъ и еще остаться архонтомъ, его насильно лишили власти. Это была вторая попытка установленія въ Аѳинахъ тиранніи, и ея неудача отнюдь не помѣшала продолженію смутъ, приведшихъ къ третьей попыткѣ. Какія партіи въ это время были въ Аѳинахъ, намъ уже извѣстно [1]). Во главѣ аристократовъ-педіэевъ стоялъ Ликургъ, во главѣ параліевъ, бывшихъ за „среднюю политію“, т.-е., вѣроятно, за тимократію — Мегаклъ изъ Алкмеонидовъ, во главѣ демократовъ-діакріевъ — Писистратъ. Это былъ человѣкъ умный и энергичный, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне честолюбивый, что̀ и заставило его, отпрыскъ стараго царскаго рода, стать во главѣ демоса, среди котораго онъ пользовался громадною популярностью. Подъ тѣмъ предлогомъ, что враги демотовъ сдѣлали на него нападеніе, онъ добился того, что ему по-

[1]) См. выше, стр. 101.

зволили окружить себя стражею изъ пятидесяти „палочниковъ“, *коринефоровъ* (κορυνηφόροι, носители палицъ, дубинъ), съ которыми онъ и завладѣлъ Акрополемъ (560). Послѣ этого у него явилась наемная ѳракійская стража, но въ сущности,— какъ выражается самъ Аристотель, вообще враждебно относившійся къ тиранніи, — онъ „завѣдовалъ общественными дѣлами скорѣе согласно государственнымъ установленіямъ, чѣмъ по произволу“, или, какъ, собственно говоря, онъ выражается, „больше политически, чѣмъ тираннически“ (πολιτικῶς μᾶλλον ἢ τυραννικῶς).

Первая тираннія Писистрата была непродолжительна. Въ шестомъ году его правленія педіэи и параліи его низвергли, но на двѣнадцатый годъ послѣ этого Мегаклъ, тѣснимый раздорами, опять вступилъ въ сношенія съ жившимъ въ изгнаніи Писистратомъ и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ женился на его дочери, возвратилъ его въ Аѳины. Послѣ этого, однако, тираннъ снова долженъ былъ бѣжать, не позже, чѣмъ на седьмой годъ по возвращеніи, и на этотъ разъ, чтобы сдѣлать попытку возвращенія на родину уже при помощи вооруженной силы. Поселившись во Ѳракіи, Писистратъ занялся усердно золотопромышленнымъ дѣломъ, что помогло ему добыть много денегъ, вступить въ политическія сношенія съ другими городами и нанять воиновъ. Нападеніе на враговъ теперь ему не только вполнѣ удалось, но и настолько ихъ ослабило, что послѣ этого Писистратъ, сумѣвъ обезоружить народъ, правилъ Аѳинами совершенно самовластно. Впрочемъ, и въ этомъ періодѣ онъ управлялъ государствомъ „умѣренно и скорѣе политически, чѣмъ тираннически“, какъ вторично объ этомъ заявляетъ Аристотель. „Онъ былъ, продолжаетъ авторъ „Аѳинской Политіи“, — онъ былъ вообще человѣколюбивъ и мягокъ, и снисходителенъ съ погрѣшавшими въ чемъ-либо... Онъ не утруждалъ народа ни въ чемъ во время своего управленія, но всегда заботился о мирѣ и охранялъ спокойствіе. Потому-то, прибавляетъ Аристотель, и говорилось, что время правленія Писистрата было Кроновымъ вѣкомъ... Болѣе же всего его хвалили за то, что онъ по характеру своему былъ доступенъ и для простого народа и гуманенъ. Онъ поставилъ себѣ правиломъ во всемъ управлять согласно законамъ и ни въ чемъ не давалъ себѣ преимуществъ... Поэтому-то онъ и удержался долгое время во власти, и если и изгонялся, то легко добивался

власти, такъ какъ ея желало большинство какъ знатныхъ, такъ и изъ простонародья“ [1]).

Конечно, Писистратъ не былъ настолько благодушенъ, чтобы не принимать никакихъ мѣръ противъ своихъ политическихъ враговъ, а то, что онъ оставилъ въ силѣ всѣ прежніе законы и учрежденія и не отмѣнялъ архонтства, свидѣтельствуетъ лишь о его умѣ и тактѣ, но еще важнѣе всего сказаннаго было то, что у него была цѣлая правительственная программа, которая не могла не нравиться народу.

Сисахоія Солона сняла съ земли бремя, но не создала никакихъ новыхъ условій для того, чтобы и впредь участки мелкихъ собственниковъ не попадали въ кабалу. Писистратъ устроилъ въ Аѳинахъ государственный кредитъ для бѣдныхъ землевладѣльцевъ и притомъ на болѣе льготныхъ условіяхъ, сравнительно съ кредитомъ частнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ подготовилъ переходъ аттики отъ стараго родового дѣленія къ новому, территоріальному—по демамъ, въ которыхъ учредилъ особыхъ судей. При немъ же государство само стало брать на себя удовлетвореніе разныхъ общественныхъ нуждъ, которое раньше лежало на богатыхъ людяхъ, благодаря системѣ такъ называемыхъ *литургій* (λειτουργία), къ числу каковыхъ относились сооруженіе кораблей, устройство торжественныхъ процессій и т. п. Но вслѣдствіе этого и того, что былъ организованъ земледѣльческій кредитъ и предпринято многое другое, тиранну пришлось ввести въ Аттикѣ прямое обложеніе въ видѣ десятины съ урожая (ἀπὸ τῶν γιγνομένων δεκάτη). Все это подрывало значеніе знати—и дешевый кредитъ, и конкурренція съ прежними родовыми старшинами присылавшихся изъ Аѳинъ въ отдѣльные демы судей, и принятіе на себя государствомъ удовлетворенія нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей, вмѣсто литургій, позволявшихъ знатнымъ являться въ роли благодѣтелей народа. Такой же характеръ имѣло установленіе Писистратомъ праздника „Великихъ Діонисій“. Культъ Діониса былъ культъ простонародный и господствовалъ въ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣталъ виноградный промыселъ: Писистрату было очень полезно, поощряя чествованіе этого простонароднаго бога, тѣмъ самымъ подрывать въ демосѣ значеніе религіозныхъ традицій эвпатридовъ, особенно чествовавшихъ Аѳину, Зевса и Аполлона.

---

[1]) Переводъ Ловягина, стр. 27 и 29.

Въ другой связи мы увидимъ, что было сдѣлано Писистратомъ для торговаго, колоніальнаго и политическаго могущества Аѳинъ, о значеніи же его правленія для духовной культуры грековъ свидѣтельствуетъ сдѣланное по его почину собраніе въ Аѳинахъ воедино отдѣльныхъ рапсодій Иліады и Одиссеи.

Свою власть Писистратъ оставилъ двумъ сыновьямъ — Гиппію и Гиппарху. Извѣстно, что вскорѣ затѣмъ произошло: изъ личной мести Гиппархъ былъ убитъ, и это обстоятельство заставило Гиппія совершенно измѣнить прежнюю политику. Начались казни и изгнанія, а кромѣ того, Гиппій, не чувствуя себя безопаснымъ въ Акрополѣ, задумалъ укрѣпить портъ Мунихію, чтобы туда переселиться и держаться тамъ, исключительно опираясь на военную силу. Благодаря этому, демагогическая тираннія превратилась въ военную, — примѣры чего бывали и въ другихъ мѣстахъ, — но аѳинскіе изгнанники прибѣгли къ тому же способу, который въ свое время удался Писистрату; только раньше онъ былъ пущенъ въ ходъ для того, чтобы возвратить въ Аѳины тиранію, теперь для ея низверженія. Этотъ способъ заключался въ добываніи денегъ путемъ участія въ торговлѣ, далѣе, въ установленіи политическихъ связей съ другими городами, которые могли вредить тиранну, и, наконецъ, въ созданіи военной силы для нанесенія удара тираніи въ самой Аттикѣ. Изгнанникамъ помогли дельфійскій оракулъ и аристократическая Спарта, ненавидѣвшая тиранію, какъ форму правленія съ демагогической основой. Дѣло, какъ извѣстно, кончилось изгнаніемъ Гиппія, который нашелъ убѣжище въ Персіи (510). Главная роль въ этомъ выпала на долю знаменитаго рода Алкмеонидовъ, враждебно выступившаго противъ тираніи еще во время попытки Килона, боровшагося и съ самимъ Писистратомъ и теперь снова, на этотъ разъ въ лицѣ Клисѳена, — внука (по матери) сименнаго сикіонскаго тиранна,—ставшаго во главѣ оппозиціи тираннамъ. Въ слѣдующей главѣ мы и разсмотримъ переходъ Аѳинъ, благодаря реформѣ Клисѳена, къ демократическимъ порядкамъ.

Главными противниками тирановъ въ Греціи были вообще знатныя и въ особенности аристократическія республики въ родѣ Спарты. Если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, и въ Римѣ знать боялась возвращенія къ единоличному правленію. Сюда

относится легенда о консулѣ 486 г. Спуріи Кассіи, котораго за предложеніе допустить бѣдныхъ плебеевъ къ пользованію государственными землями патриціи обвинили въ стремленіи къ захвату царской власти, предали суду куріатныхъ комицій и казнили. Въ серединѣ того же V в., по преданію, судьбу Спурія Кассія испыталъ богатый плебей Спурій Мелій, который выдавалъ бѣднѣйшимъ гражданамъ хлѣбъ изъ своихъ запасовъ и этимъ возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ стремленіи къ единовластію. Къ области такихъ же сказаній относится и исторія Марка Манлія, спасителя Рима во время галльскаго нашествія (387): за свое благожелательное отношеніе къ плебеямъ и онъ также былъ заподозрѣнъ въ стремленіи къ захвату единоличной власти и по проискамъ патриціевъ приговоренъ къ сверженію съ Тарпейской скалы. Существованіе этихъ трехъ разсказовъ на одну и ту же тему свидѣтельствуетъ о томъ, по крайней мѣрѣ, что въ Римѣ не считали невѣроятнымъ демократическій переворотъ, результатомъ котораго было бы возстановленіе царской власти. Но, съ другой стороны, у римскаго плебса было такое политическое орудіе, какого лишены были греческія городовыя государства; орудіемъ этимъ былъ трибунатъ. Быть можетъ, это въ высшей степени своеобразное учрежденіе и помѣшало возникновенію въ Римѣ попытокъ тираническаго характера.

Трибунатъ былъ, если можно такъ выразиться, предохранительнымъ клапаномъ противъ взрыва, который привелъ бы къ тиранніи. Было бы, однако, односторонне только въ такой отрицательной роли, какую въ данномъ случаѣ сыграли трибуны (если только высказанное предположеніе вѣрно), видѣть все значеніе этого, повторяю, чрезвычайно своеобразнаго учрежденія, пустившаго глубокіе корни въ римскую почву. Греческая тираннія была явленіемъ эфемернымъ, римскій трибунатъ пережилъ цѣлые вѣка. Въ греческой тиранніи преобладалъ элементъ личный, въ римскомъ трибунатѣ — элементъ соціальный и политическій: тираннія не была органомъ демократіи, трибунатъ былъ именно такимъ органомъ, ибо это была легализованная и организованная демагогія, введенная въ составъ государственной магистратуры. Если реформа Сервія Туллія слила воедино патриціанскую и плебейскую общины, то дарованіе плебсу трибуновъ снова раздѣлило единую общину на двѣ, и рядомъ съ патриціанской

организаціей и организаціей общегражданской возникла организація спеціально плебейская. Когда произошло такъ называемое уравненіе правъ, трибунату, повидимому, нечего было бы больше существовать, но онъ остался и дожилъ до самаго конца республики. Мало того: его прерогативы, т.-е. вся совокупность правъ „трибунской власти“ (tribunicia potestas) пошли на новую постройку — „принципата“ первыхъ римскихъ императоровъ, этой новой формы монархической власти.

Я уже упоминалъ, что традиціонная исторія борьбы патриціевъ и плебеевъ, какъ она разсказывается, между прочимъ, и въ общихъ руководствахъ и учебникахъ, не можетъ считаться совершенно достовѣрною; это необходимо имѣть въ виду и при разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи и развитіи трибунской власти. Мы даже точно не знаемъ, когда плебсъ получилъ своихъ трибуновъ. Самый распространенный взглядъ относитъ возникновеніе трибуната къ 494 г., т.-е. лѣтъ черезъ 15 послѣ изгнанія царей изъ Рима; эта дата принимается на основаніи разсказа Тита Ливія, но современный ему греческій историкъ Діодоръ Сицилійскій, пользовавшійся, можетъ быть, трудомъ древнѣйшаго римскаго анналиста [1]), представляетъ дѣло такъ, что возникновеніе трибуната слѣдуетъ отнести къ 471 г. Впрочемъ, разница не такъ уже велика, чтобы на ней стоило настаивать.—Названіе трибуновъ было старое; трибуномъ назывался глава трибы [2]), и въ Римѣ, кромѣ плебейскихъ трибуновъ (tribuni plebis), были и другія лица, носившія то же названіе, между прочимъ, въ войскѣ. Одно время военные трибуны съ консульскою властью (tribuni militum consulari potestate) даже замѣняли собою настоящихъ консуловъ [3]). Вѣренъ ли или невѣренъ разсказъ объ удаленіи плебеевъ на Священную гору съ намѣреніемъ основать на ней свой городъ и о ихъ возвращеніи въ Римъ лишь подъ условіемъ учрежденія плебейскаго трибуната, во всякомъ случаѣ его возникновеніе стоитъ въ связи съ сословной борьбой, является завоеваніемъ плебса въ этой борьбѣ, уступкой, сдѣланной плебсу патриціями. Первоначальное значеніе трибуновъ было значеніе защитниковъ

---

[1]) Фабія Пиктора, писавшаго по-гречески.

[2]) См. выше, стр. 11.

[3]) См. выше, стр. 46.

отдѣльныхъ членовъ своего сословія, потомъ они становятся какъ бы блюстителями интересовъ всего сословія въ его цѣломъ, а послѣ всего ихъ власть получаетъ общегосударственное значеніе, и трибунатъ прямо становится органомъ всей преобразовательной дѣятельности въ государствѣ.

Трибунатъ былъ органомъ плебса, но въ самомъ плебсѣ не было единства, такъ какъ онъ состоялъ изъ богатыхъ и бѣдныхъ, и трибунатъ могъ быть органомъ либо одной части, либо другой. Притомъ это не была единоличная должность: трибуновъ сначала было два или четыре, а впослѣдствіи десять, но такъ какъ для полной дѣйствительности общихъ дѣйствій трибуновъ нужно было единогласіе,—одинъ трибунъ своимъ *veto* (т.-е. словомъ „запрещаю“) могъ останавливать другого трибуна, — то богатымъ легко было парализовать предпріятія однихъ трибуновъ, противопоставляя имъ другихъ. Несмотря на это, трибунатъ все-таки могъ осуществить демократическія тенденціи плебса.

Въ первомъ періодѣ своего существованія трибуны были заступниками передъ властями отдѣльныхъ лицъ изъ плебса. Консулъ требовалъ какого-либо бѣднаго плебея въ войско, а у него не было въ семьѣ работника, и вотъ трибунъ вмѣшивался, оказывалъ помощь (jus auxilii, auxilium ferendi), т.-е. освобождалъ его отъ призыва. Другіе аналогичные случаи „помощи“ — освобожденіе отъ наказанія плебея, оказавшаго консулу неповиновеніе, освобожденіе отъ кабалы плебея, на котораго, по требованію кредитора, была „наложена рука“ и т. п. Такимъ образомъ правомъ вмѣшательства (jus intercedendi) трибунъ могъ останавливать распоряженія высшихъ властей въ государствѣ, и для того, чтобы трибуны могли исполнять свои обязанности, они должны были всѣ ночи непремѣнно проводить въ городѣ, а двери ихъ домовъ должны были быть всегда открыты, но главное—они были поставлены подъ охрану религіи, объявлены священными и неприкосновенными (sacrosancti). На этомъ основаніи, кто позволялъ себѣ какое-либо насиліе надъ трибуномъ, считался проклятымъ богами. Важна была и клятва плебеевъ защищать своихъ трибуновъ отъ обидъ и насилій. Пользуясь своимъ правомъ вмѣшательства въ распоряженія властей, трибуны мало-помалу распространили его и на постановленія сената, т.-е. и ихъ останавливая своимъ „вето“. Это—право отрицательнаго воздѣйствія, но къ нему присоединилось и право воздѣйствія

положительнаго. Теперь рѣчь будетъ идти уже о значеніи трибуновъ, какъ представителей всего сословія, пекущихся о его нуждахъ и интересахъ, руководящихъ его борьбою съ патриціями. По образцу консульскаго права собирать гражданъ въ комиціи для совѣщаній создалось понемногу и право трибуновъ созывать плебсъ на совѣщанія о его нуждахъ. Вѣроятно, это были первоначально народныя собранія неоффиціальнаго характера, нѣчто въ родѣ митинговъ новѣйшаго времени, но изъ такихъ митинговъ по отдѣльнымъ трибамъ развились настоящія народныя собранія съ политическою властью, такъ называемыя *трибутныя комиціи* (comitia tributa). Ихъ рѣшенія, или *плебисциты* (plebiscitum), имѣвшія на первыхъ порахъ значеніе резолюцій, принятыхъ митингомъ и обязательныхъ только для его участниковъ, съ теченіемъ времени, какъ мы увидимъ [1]), пріобрѣли силу законовъ для всего гражданства. Это создало для трибуновъ новое положеніе — представителей законодательной иниціативы, ибо съ этого момента они пріобрѣтаютъ общегосударственное значеніе. Къ данному времени, вѣроятно, и относится усиленіе ихъ значенія въ засѣданіяхъ сената. Сначала они садились только у дверей сената (раньше внѣ его помѣщенія, позднѣе въ самомъ помѣщеніи), но когда они сдѣлались руководителями народа, они стали засѣдать въ самомъ сенатѣ и даже получили право его созывать, когда имѣлось въ виду изданіе новаго закона. Плебсъ клялся мстить за обиды и насилія, какимъ могли подвергнуться трибуны, и, конечно, бывали случаи подобной мести. Въ сущности это была расправа, извѣстная въ наше время подъ названіемъ суда Линча, но и такой народный самосудъ послужилъ трибунамъ основою для того, чтобы привлекать къ суду плебса тѣхъ, которые передъ нимъ провинились. Такимъ образомъ трибунская власть все болѣе и болѣе возрастала, но совершалось это путемъ отдѣльныхъ случаевъ превышенія законной власти, путемъ накопленія прецедентовъ, путемъ медленной, но непрерывной узурпаціи. Сравнивая трибунскую власть съ консульскою, Моммзенъ, авторъ одной изъ лучшихъ исторій Рима, говоритъ, что въ этихъ двухъ властяхъ были противопоставлены одно другому самымъ рѣзкимъ образомъ право безусловно повелѣвать и право безусловно запрещать, и что,

---

[1]) См. слѣд. гл.

вмѣсто примиренія распри, учрежденіемъ трибуната была только закрѣплена и упорядочена борьба богатыхъ и бѣдныхъ.

Всѣ главныя свои пріобрѣтенія плебсъ сдѣлалъ, благодаря трибунату, какъ органу легальной борьбы. Традиціонная исторія борьбы патриціевъ и плебеевъ называетъ рядъ трибуновъ, коимъ въ томъ или другомъ отношеніи плебсъ былъ обязанъ. Терептилій Арса потребовалъ изданія писанныхъ законовъ; Луцій Валерій и Маркъ Горацій добились признанія за плебисцитами силы законовъ; Канулей былъ иниціаторомъ закона, впервые допускавшаго плебеевъ къ должности военныхъ трибуновъ, созданной для замѣны консульства, и по его же предложенію было рѣшено уничтожить запрещеніе браковъ между патриціями и плебеями; извѣстны также законы Лицинія и Секстія о долгахъ, о государственныхъ земляхъ и о допущеніи плебеевъ прямо къ консульству [1]).

---

[1]) Извѣстную аналогію съ ростомъ значенія римскихъ трибуновъ можно видѣть въ ростѣ значенія спартанскихъ эфоровъ. Эта должность возникла въ VIII в., но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ съ точностью, каково было ея первоначальное назначеніе. Повидимому, это была сначала не особенно важная должность чисто полицейскаго характера, съ теченіемъ же времени эфоры стали замѣнять царей во время ихъ отсутствія и въ дѣлахъ судебныхъ. Соединеніе полицейской власти съ судебною позволило эфорамъ взять въ свои руки высшее наблюденіе за нравственностью гражданъ и за сохраненіемъ государственнаго порядка, такъ что эфоры въ этомъ отношеніи напоминаютъ намъ римскихъ цензоровъ (см. ниже, въ главѣ XI). Ихъ юрисдикція (вкупѣ съ герусіей) стала распространяться даже на поведеніе самихъ царей, за которыми они зорко слѣдили, чтобъ тѣ не захватили тиранніи, а въ случаѣ раздора между обоими царями эфоры своимъ авторитетомъ рѣшали, кто изъ обоихъ царей правъ. Въ V и IV вв. эфоратъ былъ уже высшею властью въ государствѣ. Нельзя не отмѣтить здѣсь, что это учрежденіе выросло въ Спартѣ тоже на демократической основѣ, поскольку, конечно, о таковой можно говорить по отношенію къ Спартѣ. Дѣло въ томъ, что здѣсь также существовало народное собраніе, не получившее, однако, развитія (см. слѣдующую главу), но зато это собраніе выбирало ежегодно по пяти эфоровъ съ самыми широкими полномочіями, позволявшими имъ господствовать и надъ аристократической герусіей, и надъ царями, бывшими въ сущности ея органами. Отмѣчаемъ здѣсь эфоратъ именно потому, что

Разрушеніе господства знати тиранніей въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ и завоеванія римскаго трибуната въ пользу плебса открывали дорогу демократической эволюціи, которая въ такихъ государствахъ, какъ Аѳины, или, какъ это было въ Римѣ, не осталась безъ вліянія на весь государственный строй. Результатомъ паденія сословныхъ привилегій было пріобрѣтеніе народомъ участія въ государственной власти въ видѣ права издавать законы и избирать власти, но степени и способы этого участія были весьма различны, что̀ зависѣло отъ неодинаковости общихъ условій жизни и отъ предыдущей исторіи отдѣльныхъ республикъ.

ГЛАВА X.

Разныя степени и формы участія демоса-плебса въ государственной власти.

Греческое и латинское названія гражданина.—Опредѣленіе Аристотелемъ понятія „Гражданинъ“.—Особенности античной демократіи: исключительность гражданской общины и непосредственное народовластіе. — Законодательная, исполнительная и судебная власть въ городахъ, гдѣ существовало участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ.—Сельская и городская демократія.—Развитіе аѳинской демократіи.—Учрежденія Солона и Клисѳена.—Реакція ареопага.—Спартанская апелла.—Римскій государственный строй по опредѣленію Полибія.—Магистратура и сенатъ въ Римѣ.—Римскія комиціи и роль народа въ управленіи Римской республикой.—Державный народъ и его подданные.

Переходя къ демократическимъ учрежденіямъ въ античномъ мірѣ, мы остановимся прежде всего на томъ пониманіи гражданства, которое характеризуетъ бытъ классическихъ народовъ въ отличіе отъ современнаго быта. Теперь, когда рѣчь идетъ о демократическомъ устройствѣ, прежде всего имѣется въ виду равенство всѣхъ лицъ, принадлежащихъ

онъ былъ учрежденіемъ, 1) оберегавшимъ Спарту отъ тиранніи, 2) имѣвшимъ, подобно трибунату, демократическую основу и 3) постепенно присвоившимъ себѣ весьма большія права въ государствѣ.

къ данному государству. Въ античныхъ государствахъ-городахъ было не такъ, ибо не все населеніе города и его территоріи входило въ составъ государственной общины, какъ совокупности лицъ, носившихъ названіе гражданъ. Понятіе гражданина передавалось на греческомъ языкѣ словомъ *политесъ* (πολίτης), по-латыни — словомъ *цивисъ* (civis). Первое изъ этихъ двухъ названій происходитъ отъ слова *полисъ*, которое, какъ мы видѣли [1]), обозначаетъ и городъ, и государство, отъ соотвѣтствующаго же этому термину латинскаго названія гражданина происходитъ то латинское слово *цивитасъ*, которое, какъ о томъ тоже было сказано въ своемъ мѣстѣ [2]), передаетъ понятіе и города, и государства, содержащееся въ греческомъ *полисъ*. Оба эти термина дали начало цѣлому ряду словъ съ очень несходными значеніями, каковы „политика“, „политическій“, даже „полиція“, съ одной стороны, а съ другой — „цивильное (= гражданское право“, „цивилизація“ и т. п., первоначальное же значеніе обоихъ терминовъ можетъ быть передано словами: „членъ государственной общины“, или гражданинъ. Понятіе гражданства, т.-е. совокупности правъ свободнаго члена государственной общины передавалось словами *политія* (πολιτεία), что̀ обозначало еще демократическое правленіе [3]), и *цивитасъ*, имѣвшимъ, какъ сейчасъ сказано, значеніе и государства, и города.

Съ этой терминологіей нужно считаться при опредѣленіи понятія гражданина въ древнемъ мірѣ. По этому вопросу въ „Политикѣ“ Аристотеля (кн. III, гл. 1—3) мы имѣемъ довольно пространное разсужденіе — на тему, кого слѣдуетъ считать гражданами государства. Хотя Аристотель и видитъ въ политическомъ устройствѣ государства „не что иное, какъ порядокъ жизни всѣхъ людей, населяющихъ его предѣлы“ [4]), но на самомъ дѣлѣ государство для него есть только совокупность гражданъ. „Кого должно называть гражданиномъ и кто собственно гражданинъ, говоритъ Аристотель, — вотъ вопросъ, который предлежитъ теперь нашему изслѣдованію. И на гражданина, продолжаетъ онъ, какъ на государство,

---

[1]) См. выше, стр. 1.

[2]) Стр. 2.

[3]) См. выше, стр. 96.

[4]) Перев. Скворцова, стр. 117.

есть разныя воззрѣнія, такъ что одного и того же человѣка не всѣ признаютъ гражданиномъ. Кто гражданинъ въ демократическомъ государствѣ,—поясняетъ онъ свою мысль,—часто не считается за гражданина въ олигархическомъ“ [1]). „Въ каждомъ политическомъ устройствѣ, говоритъ онъ нѣсколько дальше, гражданинъ не одинъ и тотъ же“ [2]), а еще въ одномъ мѣстѣ онъ прибавляетъ, что вообще есть нѣсколько видовъ гражданина“ [3]). „Мѣсто жительства никого еще не дѣлаетъ гражданиномъ“, и равнымъ образомъ не тѣ граждане, которымъ только доступны общія права гражданъ—право отвѣтчика и истца“ въ судахъ [4]): „абсолютное понятіе гражданина, говоритъ Аристотель, не чѣмъ инымъ не можетъ быть опредѣлено, какъ тѣмъ, что гражданинъ участвуетъ въ судѣ и управленіи“, т.-е., какъ сказано нѣсколько дальше, „въ народномъ собраніи“. Это опредѣленіе приводитъ Аристотеля къ тому заключенію, что граждане въ концѣ концовъ—тѣ, которые пользуются властью „дикастовъ (народныхъ судей) и членовъ экклесіи [5]), т.-е. народнаго собранія“. Разумѣется,—и Аристотель самъ это отмѣчаетъ,—такой гражданинъ „по преимуществу есть гражданинъ демократическаго государства: при другомъ политическомъ устройствѣ, говоритъ онъ, гражданинъ не необходимо таковъ, потому что въ нѣкоторыхъ государствахъ народъ не составляетъ самостоятельнаго элемента въ государствѣ“, и „тамъ нѣтъ собственно такъ называемой экклесіи, а существуютъ собранія, состоящія изъ отборныхъ членовъ“ [6]). Итакъ, „кому доступна власть совѣщательная [7]) и судебная, тотъ для Аристотеля и гражданинъ. А государство, заключаетъ онъ, есть масса такихъ гражданъ,—масса, которая, говоря коротко, довлѣетъ себѣ для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ своей жизни“ [8]). Значитъ, гражданинъ необходимо долженъ пользоваться извѣстною властью, чтобы имѣть право на названіе

---

[1]) Стр. 118.

[2]) Стр. 121.

[3]) Стр. 130.

[4]) Стр. 118—119.

[5]) Стр. 120.

[6]) Стр. 121.

[7]) Объ этомъ понятіи см. ниже въ той же главѣ (стр. 128).

[8]) Стр. 122 (ср. о самодовлѣніи выше, стр. 3).

гражданина, на чемъ Аристотель тоже прямо настаиваетъ [1]). Умѣніе властвовать, соединенное съ умѣніемъ повиноваться, философъ даже считаетъ нарочитою добродѣтелью гражданина. Всѣмъ этимъ изъ гражданства исключается все безвластное населеніе государства; это не только рабы, которые и личною свободою не пользуются, но и всѣ свободные обыватели въ родѣ аѳинскихъ метэковъ [2]). Между прочимъ, Аристотель прямо ставитъ вопросъ, слѣдуетъ ли и ремесленниковъ съ наемными рабочими считать за гражданъ. Исходя изъ того положенія, что „не всѣхъ тѣхъ должно считать гражданами, безъ которыхъ не можетъ существовать государство", и вмѣстѣ съ тѣмъ думая, что „государство, пользующееся наилучшимъ политическимъ устройствомъ, не дастъ ремесленнику правъ гражданина" [3]), философъ тѣмъ не менѣе оговаривается, что „при извѣстномъ политическомъ устройствѣ и ремесленникъ, и ѳетъ необходимо граждане, а при другомъ устройствѣ... это невозможно", что бываютъ еще такіе случаи, когда „ѳеты не признаются гражданами (при зависимости участія въ управленіи отъ большого ценза), но ремесленникъ считается за гражданина, такъ какъ многіе изъ ремесленниковъ бываютъ достаточно богаты" [4]).

Принимая для античнаго міра это опредѣленіе гражданина,—которое, какъ увидимъ, имѣетъ силу и для Рима въ эпоху сліянія патриціевъ и плебеевъ въ нераздѣльное гражданство,—мы должны поставить все сказанное въ связь съ надлежащимъ пониманіемъ античной демократіи: это было господство *демоса*, но демосомъ не было все *народонаселеніе* государственной территоріи, въ составъ котораго входили и рабы, и метэки. Мы еще увидимъ, каково было численное отношеніе гражданъ, метэковъ и рабовъ въ Аттикѣ [5]) въ эпоху наибольшаго развитія аѳинской демократіи, а пока рядомъ съ этою исключительностью гражданской общины, какъ другую основную черту античной демократіи въ отличіе отъ новѣйшей,

---

[1]) „Гражданинъ опредѣляется тоже, какъ человѣкъ, пользующійся извѣстной властью, такъ что достаточно имѣть эту власть для того, чтобы быть гражданиномъ". Перев. Скворцова, стр. 124.

[2]) См. выше, стр. 30.

[3]) Пер. Скворцова, 131.

[4]) Стр. 132.

[5]) См. главу XII.

отмѣтимъ то обстоятельство, что участіе демоса въ государственной власти выражалось въ древнемъ мірѣ въ формѣ непосредственнаго народовластія. Это значитъ, что демосъ былъ не только носителемъ верховной власти, но и пользовался ею непосредственно, а не черезъ своихъ представителей, какъ это дѣлается въ современныхъ демократіяхъ. Непосредственное участіе народа во власти именно въ собраніяхъ, на которыя сходятся всѣ граждане, возможно только при малыхъ размѣрахъ государства и при сравнительно небольшомъ количествѣ гражданъ. Такое народное собраніе и происходило почти всегда внутри городской черты, на мѣстѣ, опредѣленномъ закономъ.

Въ Спартѣ это было мѣсто „между Бабикой и Кнакіономъ", лежавшее въ самомъ городѣ; въ Аѳинахъ народъ собирался на Пниксѣ (названіе холма), на агорѣ (рыночная площадь), въ театрѣ, въ Пиреѣ (аѳинскій портъ), а въ Римѣ—на форумѣ (тоже рыночная площадь) или на Марсовомъ полѣ, на Капитоліи. Вообще рыночная площадь (агора, форумъ) и была мѣстомъ народныхъ совѣщаній въ античныхъ городахъ. Не нужно забывать, что въ этихъ собраніяхъ фактически принимала участіе далеко не вся масса полноправныхъ гражданъ, притомъ по весьма различнымъ причинамъ: кто не являлся по равнодушію къ общественнымъ дѣламъ, кто—по недосугу, кто—по дальности мѣста жительства и т. п., но результатъ былъ тотъ, что даже въ Аѳинахъ присутствовала въ экклесіи едва одна пятая всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ, и наличности шести тысячъ участниковъ было достаточно для законности извѣстныхъ рѣшеній.

Мы еще увидимъ, какъ совершался переходъ прежнихъ аристократическихъ правленій къ демократическимъ порядкамъ, но прежде мы должны въ самыхъ общихъ чертахъ разсмотрѣть формы и степени участія народа въ государственной власти.

Съ легкой руки Монтескьё (1689—1755)—въ его „Духѣ Законовъ"—мы привыкли различать въ каждомъ государствѣ власти трехъ родовъ: законодательную, исполнительную и судебную. Нѣкоторые отъ власти законодательной отличаютъ еще власть учредительную, но это касается только тѣхъ случаевъ, когда обыкновенная законодательная власть считается некомпетентной въ дѣлѣ измѣненія основныхъ законовъ (конституціи) государства. Равнымъ образомъ отъ простой испол-

нительной власти отличаютъ еще власть распорядительную, которая не только исполняетъ чужія повелѣнія, а дѣлаетъ и свои постановленія, но и въ данномъ случаѣ мы можемъ обойтись безъ особаго термина распорядительной власти, расширивъ понятіе власти исполнительной. Съ этимъ трехчленнымъ дѣленіемъ власти на законодательную, исполнительную и судебную мы сопоставимъ различеніе трехъ частей (μόρια) въ каждомъ государственномъ устройствѣ, находимое нами въ „Политикѣ“ Аристотеля. Первая изъ этихъ трехъ „частей“, истинная госпожа государства (κύριος τῆς πολιτείας), есть власть совѣщательная (τὸ βουλευόμενον): это—та власть, которая рѣшаетъ вопросы „о войнѣ и мирѣ, о вступленіи въ союзъ и о нарушеніи союза, о законахъ, о смертной казни, объ изгнаніи, о конфискаціи имуществъ“, и передъ нею „отвѣтственны всѣ правительственныя лица“, которыя ею же и выбираются. „Участіе всѣхъ гражданъ въ обсужденіи всѣхъ этихъ дѣлъ, говоритъ Аристотель, свойственно демократіи, потому что демократія ищетъ именно такого равенства“ [1]). Къ этому онъ прибавляетъ, что есть вообще нѣсколько способовъ для всеобщаго участія гражданъ въ дѣлахъ государства, и тутъ же перечисляетъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ однихъ случаяхъ всѣ граждане вмѣстѣ сходятся „только для постановленія законовъ, для рѣшенія вопросовъ, касающихся измѣненія политическаго устройства и для выслушанія декретовъ правительственныхъ лицъ“, въ другихъ случаяхъ къ этому прибавляются еще избраніе правительственныхъ лицъ и принятіе отъ нихъ отчетовъ, а также рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, а въ иныхъ „всѣ граждане сходятся для совѣщанія обо всѣхъ дѣлахъ“, причемъ „правительственнымъ лицамъ вообще принадлежитъ не окончательное рѣшеніе дѣла, но только предварительное его обсужденіе. Такъ именно, прибавляетъ Аристотель, ведутся обыкновенно дѣла въ крайне демократическихъ государствахъ“. Вторую часть государственнаго устройства у Аристотеля составляютъ административныя власти (τὸ περὶ τὰς ἀρχάς), представители которыхъ имѣютъ „право подавать объ извѣстныхъ дѣлахъ свое собственное мнѣніе, судить и, что̀ всего болѣе, давать приказанія, потому что въ этомъ правѣ и за-

[1]) Перев. Скворцова, 282.

ключается отличительный признакъ власти“ [1]). Говоря объ организаціи этихъ властей, Аристотель, между прочимъ, интересуется тремя вопросами: кѣмъ, изъ кого и какъ назначаются правительственныя лица? Бываетъ такъ, что „или всѣ граждане избираютъ правительственныхъ лицъ, или только нѣкоторые, далѣе, или изъ всѣхъ, или только изъ нѣкоторыхъ, право которыхъ на избраніе опредѣляется или цензомъ, или происхожденіемъ, или личнымъ достоинствомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Наконецъ, правительственныхъ лицъ можно назначать или по выбору, или по жребію“ [2]). Аристотель даже распространяется о возможности множества разныхъ комбинацій, но для насъ въ виду содержанія настоящей главы особенно важно то, что имъ говорится о демократической системѣ. Именно наиболѣе демократической системой онъ называетъ тѣ случаи, „когда всѣ граждане назначаютъ правительственныхъ лицъ изъ среды всѣхъ же или по выбору, или по жребію, или тѣмъ и другимъ способомъ, т.-е. однихъ по жребію, а другихъ по выбору“ [3]). Приблизительно тѣ же самые вопросы ставитъ Аристотель и по отношенію къ представителямъ третьей власти въ государствѣ, т.-е. власти судебной (τὸ δικάζον). Организація судебной власти тоже можетъ имѣть въ своей основѣ или олигархическій, или демократическій принципъ, причемъ и здѣсь могутъ встрѣчаться разныя комбинаціи. „Суды, говоритъ Аристотель, члены которыхъ избираются изъ всѣхъ гражданъ и вѣдѣнію которыхъ подлежатъ всѣ судебныя дѣла, суть суды демократическаго характера“ [4]). При этомъ, однако, всѣ граждане могутъ участвовать въ судахъ четырьмя способами: „право суда, говоритъ Аристотель, принадлежитъ (въ данномъ случаѣ) или всѣмъ гражданамъ, при томъ по выбору либо по жребію, или — при общемъ правѣ всѣхъ быть судьями во всѣхъ дѣлахъ—для однихъ дѣлъ судьи избираются по жребію, а для другихъ по выбору, или, наконецъ, для рѣшенія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ одни лица назначаются по жребію, а другія по выбору [5]).

---

[1]) Стр. 287.
[2]) Стр. 290.
[3]) Стр. 291.
[4]) Стр. 294.
[5]) Стр. 293.

Конечно, аристотелевскія понятія совѣщательной и административной властей не вполнѣ совпадаютъ съ нашими понятіями властей законодательной и исполнительной, но въ общемъ одни понятія, такъ сказать, покрываются другими, и мы видимъ, что въ разныхъ степеняхъ и различными способами въ демократическихъ государствахъ народъ участвовалъ въ законодательствѣ, въ выборѣ должностныхъ лицъ, облеченныхъ исполнительною властью, и въ судебной дѣятельности государства. Правда, многимъ комбинаціямъ въ этомъ разсужденіи Аристотеля о трехъ частяхъ государственнаго устройства едва ли соотвѣтствовали дѣйствительные случаи, которые наблюдались бы въ государственной жизни греческаго міра, но въ общемъ, конечно, тутъ господствовало великое разнообразіе формъ, позволившее Аристотелю установить свои четыре вида демократіи.

Самою умѣренною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою древнею Аристотель считалъ ту демократію, которая, дозволяя всѣмъ гражданамъ участвовать въ народномъ собраніи и судахъ, давала право занимать высшія государственныя должности только людямъ съ извѣстнымъ, хотя и небольшимъ имущественнымъ цензомъ, причемъ народное собраніе созывалось сравнительно рѣдко и не имѣло очень большого значенія. Это—демократія, пригодная для массы населенія, живущей земледѣліемъ и скотоводствомъ: „не имѣя большой собственности, говоритъ Аристотель, такой народъ не пользуется большимъ досугомъ, потому и не можетъ собираться часто; нуждаясь въ необходимомъ, народъ проводитъ свое время въ трудахъ и не вмѣшивается въ интересы, чуждые его текущей жизни; напротивъ, онъ гораздо больше желаетъ себѣ работы, чѣмъ политической дѣятельности, особенно если нѣтъ отъ нея большой прибыли“ [1]). Вторымъ и третьимъ видами демократіи являются у Аристотеля тѣ, которые допускали всѣхъ къ занятію государственныхъ должностей подъ условіемъ самаго чистаго гражданскаго происхожденія или безъ этого условія, но въ которыхъ должности, не оплачивавшіяся жалованьемъ, могли заниматься фактически только болѣе зажиточными людьми. Четвертый видъ—крайняя демократія, въ которой господствуютъ низшіе классы городского населенія—ремесленники, торговцы, рабочіе, матросы и рыбаки. „Толчась, говоритъ

[1]) Стр. 301.

Аристотель, на площадяхъ и на городскихъ улицахъ, эти люди привыкаютъ только къ сходкамъ, тогда какъ земледѣльцы, живя разсѣянно по всей странѣ, не сталкиваются другъ съ другомъ, да и не имѣютъ никакой нужды въ этихъ сходкахъ“ [1]). Все сочувствіе Аристотеля—на сторонѣ перваго вида демократіи, все несочувствіе—на сторонѣ послѣдняго, но для насъ здѣсь важно то, что Аристотель хорошо понималъ зависимость развитія демократіи отъ городского быта съ присущею ему скученностью населенія. Свою характеристику крайней демократіи, которую мы еще приведемъ въ своемъ мѣстѣ, философъ дѣлалъ уже въ ту эпоху, когда городская демократія, какъ мы увидимъ, стала дѣйствительно вырождаться въ охлократію. Вотъ почему Аристотель и совѣтовалъ „не допускать, чтобы экклесія состояла только изъ уличной толпы, безъ участія сельскаго населенія“.

На этотъ совѣтъ Аристотеля я считаю нужнымъ обратить вниманіе, потому что онъ вскрываетъ передъ нами еще одну особенность народовластія въ государствахъ-городахъ античнаго міра, которой мы уже имѣли случай коснуться слегка въ этой же главѣ, говоря о томъ, кто главнымъ образомъ фактически участвовалъ въ народныхъ собраніяхъ. По праву участіе въ нихъ принадлежало всѣмъ гражданамъ, но фактически въ нихъ принимали участіе преимущественно горожане уже по одному тому, что имъ не предстояло каждый разъ предпринимать цѣлое путешествіе въ городъ. Городъ со своимъ округомъ составлялъ одно государственное цѣлое, и всѣ граждане, населявшіе эту государственную территорію, были равноправны, но городу принадлежала привилегія собирать въ своихъ стѣнахъ народъ для принятія общихъ рѣшеній. Понятно, что городскіе жители могли собираться съ бо̀льшимъ удобствомъ, чѣмъ сельскіе, и политическій перевѣсъ городской демократіи надъ сельскою былъ фактомъ весьма естественнымъ и понятнымъ. Въ болѣе раннюю эпоху городъ, какъ мы знаемъ, былъ центромъ аристократическаго господства надъ сельскимъ людомъ, когда въ городѣ еще не было промышленности и торговли [2]), но стоило только совершиться въ приморскихъ городахъ новому экономическому развитію, какъ въ нихъ стали образовываться новые обще-

[1]) Стр. 304.

[2]) См. выше, стр. 27.

ственные классы, которые и сдѣлались главными поборниками демократическаго режима.

Самымъ замѣчательнымъ демократическимъ государствомъ-городомъ античнаго міра, конечно, были Аѳины въ періодѣ наибольшаго своего процвѣтанія въ V в. Торгово-промышленное развитіе началось здѣсь позднѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ съ Аттикой Эгинѣ, Мегарѣ, Коринѳѣ, Эретріи и Халкидѣ, но зато весьма скоро Аѳины затмили своимъ экономическимъ процвѣтаніемъ всѣ эти мѣста. Мало того: въ V в. Аѳинамъ удалось стать въ главѣ цѣлаго ряда острововъ и городовъ на Эгейскомъ морѣ и превратиться какъ бы въ столицу цѣлой морской державы [1]). Экономическое процвѣтаніе и политическое могущество этого города послужили основою для такого развитія въ немъ демократіи, которое остается безпримѣрнымъ въ исторіи.

Въ разныхъ мѣстахъ этой книги намъ уже приходилось касаться внутренней исторіи Аѳинъ и въ частности той борьбы демоса съ знатью, которая привела сначала къ законодательству Солона, а потомъ къ тиранніи Писистратидовъ [2]). Мы видѣли также, какое положеніе дѣлъ наступило въ Аттикѣ послѣ низверженія тиранніи [3]). Именно здѣсь произошла борьба партій, отражавшая на себѣ классовые интересы разныхъ частей населенія аѳинскаго государства. Одинъ изъ партійныхъ вождей, Клисѳенъ, происходившій изъ древняго рода Алкмеонидовъ, „привлекъ на свою сторону простой народъ, обѣщавъ передать власть въ руки большинства гражданъ“, и когда побѣда перешла на его сторону, народъ завладѣлъ верховенствомъ, а „Клисѳенъ сдѣлался вождемъ его (гегемономъ, ἡγεμών) и представителемъ (простатомъ, προστάτης)“, какъ выражается Аристотель въ сочиненіи объ „Аѳинской Политіи“ [4]). Разсказавъ вкратцѣ о политической реформѣ Клисѳена, онъ еще прибавляетъ: „когда все это совершилось, государственный строй сдѣлался болѣе демократическимъ (δημοτικώτερα), чѣмъ солоновскій“ [5]).

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, гл. XVII.

[2]) См. выше, стр. 81 и слѣд., 98 и слѣд. и 114 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 117.

[4]) Перев. Ловягина, стр. 35.

[5]) Стр. 37.

Дѣйствительно, съ такъ называемаго клисѳенова законодательства и начинается развитіе аѳинской демократіи.

Разсматривая законодательство Солона, мы остановились на созданномъ имъ раздѣленіи аѳинскихъ гражданъ на четыре класса, чѣмъ въ государственное устройство Аѳинъ было введено тимократическое начало, бывшее переходомъ отъ аристократіи къ демократіи, но совершенно обошли молчаніемъ государственныя учрежденія, реформированныя и созданныя Солономъ. Теперь мы пополнимъ этотъ пробѣлъ, чтобы уже сразу представить развитіе аѳинскаго государственнаго строя отъ законодательства Солона до утвержденія демократическихъ порядковъ.

Должность девяти архонтовъ Солонъ оставилъ въ прежнемъ ихъ значеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ создалъ изъ нихъ одну общую коллегію [1]). Только избраніе архонтовъ было отнято теперь у ареопага, и введенъ былъ новый способъ избранія архонтовъ (и другихъ должностныхъ лицъ, тогда уже существовавшихъ) посредствомъ жребія. Вопросъ о введеніи въ Аѳинахъ жеребьевки при назначеніи на государственныя должности, въ которой большинство историковъ видѣло одну изъ самыхъ демократическихъ мѣръ, былъ однимъ изъ наиболѣе спорныхъ относительно времени этого введенія и его значенія [2]). Вновь открытый трактатъ Аристотеля проливаетъ свѣтъ на этотъ вопросъ: оказывается, что Солонъ сдѣлалъ должности замѣщаемыми по жребію изъ кандидатовъ, которыхъ предварительно избирала посредствомъ голосованія каждая изъ четырехъ филъ; кандидатовъ въ архонты было по десяти изъ каждой филы, и уже между ними бросался жребій. Послѣ Солона такой способъ былъ отмѣненъ, но въ 487-6 г. возстановленъ. Что архонтство послѣ Солона было нѣкоторое время предметомъ борьбы между эвпатридами и демотами, объ этомъ тоже свидѣтельствуетъ Аристотель, который даже разсказываетъ, какъ одно время стали-было выбирать десять архонтовъ—пятерыхъ изъ евпатридовъ, троихъ изъ агрэковъ (ἀγροῖκοι, т.-е. поселяне) и двоихъ изъ деміурговъ. Отсюда Аристотель заключаетъ, что въ то время „архонтъ (эпонимъ) имѣлъ величайшее значеніе въ государствѣ“, разъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 44.

[2]) Для Фюстель де Куланжа это—религіозный способъ избранія архонтовъ, спрашиваніе воли боговъ.

„все время идутъ раздоры изъ-за этой должности“ [1]). Очевидно, однако, что борьба изъ-за архонтства въ Аѳинахъ не была ни столь продолжительна, ни столь напряженна, какъ борьба изъ-за консульства въ Римѣ. Что касается до жребія вообще, то, по мнѣнію самихъ древнихъ, это былъ способъ избранія, особенно свойственный демократіи, но онъ встрѣчался и въ олигархіяхъ, какъ средство удовлетворять притязаніе на равенство и въ болѣе ограниченномъ кругу лицъ. Едва ли, впрочемъ, намѣреніе самого Солона было прямо демократическимъ: кандидаты вѣдь избирались по филамъ голосованіемъ, а мы знаемъ, что филы отличались аристократическимъ характеромъ. Позднѣе двухстепенная система избранія архонтовъ сохранилась, но и избраніе кандидатовъ (по десяти отъ каждой новой, клисѳеновской филы) стало совершаться посредствомъ жребія же. Во всякомъ случаѣ Солонъ вырвалъ избраніе архонтовъ изъ рукъ ареопага и передалъ его народу, хотя и въ рамкахъ аристократическихъ филъ. Дальнѣйшая исторія архонтата заключалась въ томъ, что власть и значеніе этой должности были уменьшены учрежденіемъ новыхъ должностей, и что званіе архонтовъ сдѣлалось доступнымъ всѣмъ гражданамъ.

Отнявъ у ареопага право назначенія архонтовъ, Солонъ тѣмъ не менѣе оставилъ за нимъ очень важныя права. Онъ поручилъ ареопагитамъ общую охрану законовъ (τὸ νομοφυλακεῖν), чѣмъ этотъ совѣтъ занимался и прежде, а кромѣ того, ареопагъ наблюдалъ за всѣми важнѣйшими государственными дѣлами съ правомъ наказывать провинившихся по своему усмотрѣнію: между прочимъ, онъ судилъ тѣхъ, которые составляли заговоры съ цѣлью ниспроверженія народныхъ правъ (ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου). Рядомъ, однако, съ этимъ старымъ учрежденіемъ, которое и впослѣдствіи отличалось консервативнымъ характеромъ, Солонъ учредилъ другой совѣтъ, *буле* (βουλή), изъ четырехсотъ членовъ, по ста отъ каждой филы и только изъ первыхъ трехъ классовъ, но дальнѣйшее развитіе это учрежденіе получило лишь при Клисѳенѣ. Ареопагъ и буле, по мысли законодателя, должны были быть двумя якорями аѳинскаго государства для предохраненія его отъ бурь. Можно сказать, что при Солонѣ одинъ изъ этихъ якорей былъ аристократическій, другой — тимо-

[1]) Перев. Ловягина, стр. 21.

кратическій, но, кромѣ того, Солонъ положилъ начало и чисто демократическимъ учрежденіямъ—народному собранію и народному суду.

Собственно говоря, народное собраніе, или *экклесія* (ἐκκλησία) и раньше существовало въ Аѳинахъ, и Солонъ былъ создателемъ всенароднаго вѣча только въ томъ смыслѣ, что допустилъ къ участію въ немъ и низшій классъ гражданства, т.-е. ѳетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ѳеты были допущены и къ участію въ *геліэѣ* (ἡλιαία), какъ впослѣдствіи назывался въ Аѳинахъ судъ присяжныхъ. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о томъ, чѣмъ были эти экклесія и геліэя по законодательству Солона, но Аристотель въ „Аѳинской Политіи" говоритъ, что введенное имъ судебное устройство было одною изъ наиболѣе демократическихъ чертъ (τὰ δημοτικώτατα) законодательства: „вѣдь разъ, — говоритъ Аристотель въ поясненіе своей мысли,— разъ народъ завладѣлъ рѣшающимъ голосомъ въ судѣ, въ его руки переходитъ и верховная власть въ государствѣ" [1]).

Что̀ въ солоновой политіи было вообще нововведеніемъ и что̀ могло быть только возвращеніемъ къ болѣе старымъ порядкамъ, пришедшимъ въ забвеніе при господствѣ знати, сказать трудно, но что именно Солономъ былъ заложенъ фундаментъ позднѣйшей аѳинской демократіи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. На этомъ фундаментѣ послѣ эпохи тираніи и смутъ, какъ предшествовавшихъ ей, такъ и послѣдовавшихъ за нею, и построилъ свое конституціонное зданіе Клисѳенъ. Въ положеніи обоихъ реформаторовъ, т.-е. Солона и Клисѳена была большая разница: первый игралъ роль примирителя (διαλλακτής) борящихся партій, второй выступилъ, какъ вождь (ἡγεμών) одной партіи и защитникъ (προστάτης) демоса [2]); отсюда — болѣе радикальный характеръ его реформы.

Центральнымъ пунктомъ всего законодательства Клисѳена была замѣна старыхъ филъ, основанныхъ на родовыхъ связяхъ съ ихъ аристократическимъ характеромъ, новыми филами, территоріальными со включеніемъ въ число ихъ членовъ—массы новыхъ гражданъ изъ метэковъ. Вліяніе знат-

---

[1]) Перев Ловягина, стр. 15. Греческій текстъ; κύριος γίνεται τῆς πολιτείας, т.-е. становится господиномъ политіи.

[2]) См. выше, стр. 81—82 и 132.

пыхъ родовъ основывалось не только на ихъ богатствѣ, но и на ихъ религіозномъ значеніи въ жизни старыхъ филъ, которыя и послѣ реформы Солона продолжали еще играть и политическую роль. Оставивъ старымъ филамъ завѣдованіе разными религіозными церемоніями и немногими семейными дѣлами, Клисѳенъ передалъ всѣ политическія функціи этихъ союзовъ новымъ десяти филамъ, въ основѣ которыхъ лежало теперь не родство, а сосѣдство. Каждая клисѳеновская фила состояла уже не изъ фратрій съ образующими ихъ родами, а изъ мѣстныхъ общинъ, или *демовъ*, въ составъ которыхъ входили сосѣди. Этой организаціей гражданства старый родовой строй былъ разрушенъ, и знатные роды, оказавшіеся разбитыми по разнымъ демамъ, утратили свое политическое единство. Притомъ и новыя филы не составляли сплошныхъ территорій, но каждая состояла изъ трехъ частей, находившихся или въ самихъ Аѳинахъ и подгородной мѣстности, или въ береговомъ округѣ, или въ средней полосѣ, такъ что отдѣльныя *триттіи* каждой филы были разобщены между собою, но демы каждой триттіи лежали рядомъ. Говоря объ этой реформѣ, Аристотель замѣчаетъ, что Клисѳенъ „желалъ перемѣшать гражданъ, чтобы большее количество людей пользовалось гражданскими правами. Отсюда, прибавляетъ Аристотель, ведетъ начало поговорка: *оставь въ покоѣ филы*—по адресу лицъ, желающихъ допытаться, кто какого рода". Далѣе Аристотель говоритъ, что Клисѳенъ „сплотилъ всѣхъ жившихъ въ одномъ демѣ въ одну общину съ тѣмъ, чтобы они не называли другъ друга по отцу и такимъ образомъ не уличали бы новыхъ гражданъ" [1]), хотя тѣмъ не менѣе новыя филы и отчасти демы получили своихъ героевъ-эпонимовъ, которые были назначены дельфійскимъ оракуломъ. Новые граждане, или *неополиты* (νεοπολῖται), о которыхъ упоминаетъ Аристотель въ „Аѳинской Политіи", были, конечно, метэки (иностранцы и вольноотпущенники), о включеніи коихъ въ филы тотъ же Аристотель говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей „Политики". Къ сожалѣнію, объ этомъ увеличеніи Клисѳеномъ числа аѳинскихъ гражданъ принятіемъ въ это число цѣлой категоріи новыхъ лицъ мы почти ничего не знаемъ, а между тѣмъ эта мѣра тоже усилила въ Аттикѣ демократію. Аналогію этому факту въ римской исторіи представляетъ

[1]) Перев. Ловягина, стр. 37.

собою включеніе въ гражданскую общину плебеевъ, которые занимали въ Римѣ положеніе, сходное съ положеніемъ аѳинскихъ метэковъ [1]).

Въ тѣснѣйшей связи съ этой реформою стоитъ и преобразованіе буле, въ которой, вмѣсто 400 членовъ, было теперь 500, по 50 отъ каждой новой филы, но выбиравшихся по демамъ соотвѣтственно величинѣ каждаго дема и количеству его гражданъ (демотовъ). По числу филъ этотъ совѣтъ раздѣлялся на десять секцій, изъ которыхъ каждая въ теченіе десятой части года имѣла предсѣдательство (пританію) и постоянно находилась въ зданіи совѣта для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Буле вскорѣ совершенно затмила старый, аристократическій по своимъ традиціямъ ареопагъ. Булевты стали избираться жеребьевкою изъ всѣхъ полноправныхъ гражданъ и получали жалованье, что̀, конечно, было въ духѣ демократіи. Архонтство при Клисѳенѣ все еще оставалось недоступнымъ бѣднѣйшимъ гражданамъ, но оно стало утрачивать свое прежнее значеніе съ учрежденіемъ новыхъ должностей, которыя большею частью сдѣлались доступными всѣмъ гражданамъ. Такова прежде всего должность десяти *стратеговъ* (στρατηγὸς), данныхъ въ помощь архонту-полемарху, но сдѣлавшихся дѣйствительными начальниками войска. Каждая фила выбирала своего стратега [2]), и онъ начальствовалъ надъ ея отрядомъ, въ общей же командѣ стратеги смѣняли другъ друга ежедневно, соблюдая между собою очередь, а полемархъ только предсѣдательствовалъ въ ихъ коллегіи и пользовался лишь разными почетными правами. Учрежденіе коллегіи стратеговъ приписываютъ Клисѳену, но если это и вѣрно, то во всякомъ случаѣ должность эта возникла нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его основной реформы. Завѣдованіе государственной казной тоже перешло отъ архонта-эпонима къ коллегіи десяти казначеевъ, которые выбирались изъ класса пентакосіомедимновъ даже тогда, когда установилась полная демократія.

Наконецъ, для обезпеченія преобразованнаго государственнаго строя отъ тиранніи Клисѳенъ ввелъ такъ называемый *остракизмъ* (ὀστρακισμός). Каждою весною народъ долженъ былъ подавать голоса по вопросу, не представляетъ ли кто-

[1]) См. выше, стр. 30—31 и 102.

[2]) Позднѣе стратеговъ выбирали „изъ всѣхъ“, т.-е. не по филамъ.

либо изъ гражданъ опасности для его свободы, и если получался утвердительный отвѣтъ, то созывалось новое собраніе гражданъ, на которомъ каждый присутствующій писалъ на маленькой черепицѣ изъ обожженной глины (ὄστρακον) имя опаснаго, по его мнѣнію, гражданина. Кто имѣлъ противъ себя большинство голосовъ, тотъ изгонялся изъ Аттики на десять лѣтъ, не теряя, впрочемъ, при этомъ ни своего имущества, ни личныхъ правъ. Аристотель говоритъ, что Клисѳенъ издалъ этотъ законъ, главнымъ образомъ цѣля въ одно непріятное ему лицо, стоявшее во главѣ партіи сторонниковъ тиранніи (τυράννων φίλοι) и бывшее потомъ дѣйствительно изгнаннымъ; за нимъ послѣдовали сначала и прочіе „друзья тирановъ“, вскорѣ же потомъ и другіе, „если кто казался черезчуръ вліятельнымъ“, какъ замѣчаетъ Аристотель. Впослѣдствіи, когда страхъ передъ тираніей исчезъ въ Аѳинахъ, остракизмомъ стали пользоваться для удаленія изъ Аттики вождей отдѣльныхъ политическихъ партій, которые, по мнѣнію народа, должны были уступить поле битвы своимъ соперникамъ: это былъ своего рода вотумъ народнаго недовѣрія отдѣльнымъ лицамъ, программы которыхъ не снискивали себѣ сочувствія среди большинства гражданъ. Политическіе соперники пользовались этимъ средствомъ другъ противъ друга: представители одного знатнаго рода за другимъ подвергались остракизму, и среди нихъ бывали выдающіяся лица, прославившіяся въ исторіи Аѳинъ большими государственными заслугами. Первымъ изъ лицъ, непричастныхъ къ тиранническимъ замысламъ, былъ изгнанъ изъ Аттики Ксанѳиппъ, отецъ Перикла, обвинитель Мильтіада и будущій побѣдитель при Микале, а за нимъ пошелъ въ изгнаніе знаменитый Аристидъ и т. д.

Вскорѣ послѣ реформы Клисѳена (508—506 гг.) начались греко-персидскія войны (500 г.), въ самомъ началѣ которыхъ аѳиняне покрыли себя неувядаемой славой въ битвахъ при Мараѳонѣ (490 г.), при Саламинѣ (480 г.), при Платеяхъ и при Микале (479 г.). Что славныя побѣды аѳинскаго демоса надъ персами сильно способствовали развитію въ немъ гражданскаго самосознанія, подъему его духа и его политическому росту, это сдѣлалось даже общимъ мѣстомъ школьныхъ учебниковъ, но въ ту же самую эпоху, именно вслѣдъ за саламинскою битвою въ Аѳинахъ произошла аристократическая реакція, къ сожалѣнію, недостаточно освѣщенная исто-

рическими свидѣтельствами о тогдашнихъ событіяхъ. Это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ изъ новаго трактата Аристотеля [1]). „Народное правленіе все понемногу крѣпло", но послѣ саламинской битвы „снова усилился совѣтъ Ареопага и сталъ управлять городомъ". Аристотель прибавляетъ, что „онъ не получилъ верховенства никакимъ формальнымъ постановленіемъ, но сталъ пользоваться большимъ почетомъ, какъ виновникъ морского сраженія при Саламинѣ", проявивъ энергію и распорядительность въ то самое время, когда стратеги совсѣмъ потеряли голову. „По этой-то причинѣ народъ и отступилъ на второй планъ передъ его авторитетомъ", но длилось это не болѣе 17 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ареопагиты „понемногу теряли подъ собою почву". Конечно, правленіе ареопага не могло быть долговѣчнымъ, потому что это учрежденіе съ пожизненными членами и съ аристократическими традиціями стояло какъ-то особнякомъ среди всѣхъ другихъ учрежденій Аѳинъ съ ежегодными выборными властями и ролью демоса въ экклесіи и геліэнѣ. Въ серединѣ V в., какъ мы еще увидимъ, ареопагъ лишился не только положенія, занятаго имъ послѣ 480 г., но даже и многихъ прежнихъ правъ, отошедшихъ частью къ буле, частью непосредственно къ демосу.

Таково въ общихъ чертахъ развитіе аѳинской демократіи до той поры, когда Аѳины перестали быть государствомъ-городомъ въ тѣсномъ смыслѣ или столицею маленькой Аттики, а стали во главѣ большого международнаго союза, превратившагося въ цѣлую державу, въ которой Аѳины были по отношенію къ другимъ городамъ настоящимъ городомъ-государемъ. Въ эту именно эпоху народовластіе достигло наибольшаго развитія въ Аѳинахъ, и онѣ начали поощрять установленіе демократическихъ порядковъ и въ другихъ городахъ.

Наоборотъ, Спарта вездѣ поддерживала олигархическое правленіе. Тѣмъ не менѣе и въ самой Спартѣ существовало народное собраніе, носившее здѣсь названіе *апеллы* (ἀπέλλα).

Когда Аристотель говоритъ, что въ „нѣкоторыхъ государствахъ народъ, т.-е. демосъ, не составляетъ самостоятельнаго элемента въ государствѣ" [2]), онъ имѣетъ въ виду, ко-

---

[1]) Переводъ Ловягина, стр. 41—42.

[2]) См. выше, стр. 125.

нечно, прежде всего Спарту. Въ этомъ государствѣ гражданская полноправность обусловливалась не однимъ происхожденіемъ, но и выдержкою въ строгой школѣ чисто военнаго воспитанія и дисциплины и возможностью дѣлать опредѣленные взносы для общихъ мужскихъ обѣдовъ или *сисситій*. Спарта, какъ мы видѣли, была вооруженнымъ лагеремъ небольшой группы гражданъ среди населенія, состоявшаго изъ періэковъ и гелотовъ [1]), которые не входили въ составъ государственной общины. Внутри самой этой общины господствовало равенство гражданъ, и спартіаты даже назывались *гомэями* или *гомойями*, что̀ значитъ „равные“ (ὁμοῖοι). Правда, фактически это равенство, о чемъ рѣчь еще впереди [2]), не удержалось, но по праву всѣ должны были быть равны между собою. Во главѣ государства кромѣ двухъ царей и пяти эфоровъ [3]), стояла *герусія* (γερουσία), т.-е. совѣтъ изъ 28 пожизненныхъ членовъ, выбиравшихся народомъ (т.-е. „равными“), простымъ выкрикиваніемъ именъ, изъ лицъ, которымъ перевалило за 60 лѣтъ и которыя уже были освобождены поэтому отъ несенія военной службы. Въ эту олигархическую коллегію попадали одни только члены болѣе знатныхъ фамилій, и по отношенію къ народу она присвоила себѣ право отклонять „неправильныя“ рѣшенія, которыя онъ принималъ. Народное собраніе созывалось царями ежемѣсячно, и правомъ участія въ немъ пользовался каждый спартіатъ, достигшій тридцатилѣтняго возраста. Апеллѣ предложенія дѣлались царями по порученію герусіи, и дѣло рѣшалось крикомъ или, въ случаѣ сомнѣнія въ значеніи криковъ, раздѣленіемъ въ разныя стороны, рѣчей же произносить не полагалось. Несмотря на малое значеніе апеллы въ политическомъ строѣ Спарты, народъ не только выбиралъ геронтовъ, эфоровъ и другихъ должностныхъ лицъ, но и рѣшалъ споры о престолонаслѣдіи, вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и т. п., а также постановлялъ, кому изъ двухъ царей идти на войну. Спартанская апелла производитъ впечатлѣніе непосредственнаго продолженія вѣча гомеровскихъ временъ и уже никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ аѳинской эк-

---

[1]) См. выше, стр. 30—31.

[2]) См. главу XII и XIII.

[3]) См. выше, стр. 47 и 122.

клесіей, въ которой самодержавный демосъ законодательствовалъ и спрашивалъ отчета у властей.

Теперь очередь за римскими учрежденіями, поскольку въ ихъ основѣ тоже лежали демократическія начала. Мы уже знаемъ, какъ произошло уравненіе правъ патриціевъ и плебеевъ, но самое названіе плебса въ Римѣ не умерло, получивъ впослѣдствіи значеніе, близкое къ значенію демоса, т.-е. простонародной массы.

Классифицируя всѣ извѣстныя ему государства на монархіи, аристократіи и демократіи, Аристотель не имѣлъ въ виду Рима, съ которымъ совсѣмъ не былъ знакомъ, но черезъ полтора вѣка послѣ Аристотеля другой грекъ, Полибій (212—130 до Р. Х.), хорошо познакомившійся съ этимъ государствомъ, сдѣлалъ попытку опредѣлить, чѣмъ же въ сущности оно было — монархіей, аристократіей или демократіей. Полибій въ своей „Исторіи“ вообще является большимъ поклонникомъ римскаго устройства, въ которомъ готовъ былъ даже видѣть какъ бы самую совершенную форму общежитія людей, не подлежащую никакой порчѣ. Причину внутренней прочности и внѣшнихъ успѣховъ Рима греческій историкъ усматривалъ въ томъ, что римское государственное устройство было своеобразной комбинаціей всѣхъ трехъ правительственныхъ формъ. Полибія поражала, конечно, сложность этого устройства: онъ не могъ довольствоваться понятіями простыхъ формъ и долженъ былъ придти къ идеѣ о существованіи формъ сложныхъ, характеризующихся сочетаніемъ двухъ или трехъ принциповъ. Собственно говоря, Полибій былъ правъ, и его точка зрѣнія можетъ быть примѣнена не только къ исторіи Рима, но и къ древнѣйшему устройству греческихъ государствъ [1]), а равно какъ и ко многимъ политическимъ формамъ позднѣйшаго времени. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, въ какихъ комбинаціяхъ находятся между собою монархическій, аристократическій и демократическій элементы въ тѣхъ случаяхъ, когда ни одинъ изъ нихъ не получилъ рѣшительнаго перевѣса надъ другими, какъ то было въ греческихъ тиранніяхъ, олигархіяхъ и политіяхъ. Въ Римѣ именно установилось извѣстнаго рода равновѣсіе между магистратурой, какъ наслѣдницей царской власти, сенатомъ, какъ представителемъ аристократическаго

[1]) См. выше, гл. IV.

начала, и народными собраніями, въ которыхъ воплощался принципъ демократическій. Въ этомъ смыслѣ нельзя не согласиться съ мыслью греческаго историка, своими глазами, такъ сказать, наблюдавшаго политическую жизнь Рима въ періодъ полнаго расцвѣта его республиканскихъ учрежденій и незадолго до періода революцій, приведшихъ это государство къ принципату, родному брату греческой тиранніи [1]).

Мы уже останавливались на процессѣ расчлененія первоначальной царской власти въ Римѣ на цѣлый рядъ выборныхъ республиканскихъ магистратуръ, а также на борьбѣ плебса съ патриціями за право занимать эти высшія государственныя должности [2]). Народу такимъ образомъ въ Римѣ принадлежало право избранія своихъ правителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе позднія времена въ эти правители по праву могъ избираться каждый гражданинъ. Подобное явленіе мы наблюдаемъ и въ Аѳинахъ, но здѣсь архонтатъ не сохранилъ того самостоятельнаго значенія, какое въ Римѣ осталось за магистратурой, происшедшей изъ расчлененія царской власти. Полибій правильно усматривалъ въ этой магистратурѣ присутствіе монархическаго элемента, и стоило впослѣдствіи одному лицу соединить въ себѣ всѣ эти магистратуры, какъ въ Римѣ была готова монархія.

Римскіе консулы унаслѣдовали отъ царей главнымъ образомъ право вопрошать волю боговъ по полету птицъ, или такъ называемый *ауспицій* (auspicium) и въ особенности право повелѣвать, выражавшееся словомъ *имперій* (imperium). Подъ понятіе имперіи подходила весьма обширная власть, а именно право образованія военной силы и безусловное право надъ жизнью и смертью воиновъ, право гражданскаго и уголовнаго суда, право созыва сената и право дѣлать предложенія народу, которому оставалось только отвѣчать на эти предложенія согласіемъ или несогласіемъ. Этотъ широкій имперій былъ, однако, ограниченъ апелляціей на консульскія рѣшенія къ народу, или такъ называемой *провокаціей къ народу* (provocatio ad populum). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, когда возникло это право, заключавшееся въ возможности переносить дѣла, по которымъ консулы приговаривали къ смертной казни, на рѣшеніе народнаго собра-

[1]) См. приложеніе въ концѣ книги.

[2]) См. выше, стр. 46—47 и 84.

нія,—традиціонная исторія относитъ этотъ фактъ къ 245 г. отъ основанія Рима, — но провокація ограничивалась только случаями, происходившими въ самомъ Римѣ, а не въ лагерной стоянкѣ, не на войнѣ. Другими ограниченіями консульской власти были ея двойственность и годичность [1]), но въ исключительныхъ случаяхъ римляне, вмѣсто двухъ консуловъ, которые могли мѣшать другъ другу, выбирали одного диктатора, правда, на короткій срокъ и съ опредѣленнымъ порученіемъ, но уже безъ провокаціи къ народу. Диктатура была какъ бы временнымъ возстановленіемъ царской власти съ неограниченнымъ имперіемъ. Хотя мало-по-малу отъ консульской власти были отдѣлены цензура и претура, тѣмъ не менѣе она сохранила свой характеръ высшаго магистрата республики.

Аристократическій элементъ римскаго государственнаго строя былъ представленъ сенатомъ. Римскій сенатъ напоминаетъ намъ аѳинскій ареопагъ тѣмъ, что и въ его составъ стали входить отслужившіе свой срокъ магистраты, которые и оставались его членами до самой своей смерти. Такимъ образомъ магистратура сдѣлалась ступенью, ведшею въ сенатъ, и когда высшія должности стали доступными и плебеямъ, въ Римѣ образовалась новая знать именитыхъ людей, *нобилей* (nobiles), состоявшая изъ потомковъ лицъ, которыя когда-либо достигали высшихъ государственныхъ должностей. Римскій сенатъ, это — не аѳинская буле, члены которой выбирались лишь на годъ изъ всего гражданства: это — оплотъ аристократическихъ элементовъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ государственной службѣ.

Демократическою частью римскаго государственнаго устройства является народное собраніе, извѣстное подъ именемъ *трибутныхъ комицій* (comitia tributa). Самыми ранними комиціями въ Римѣ были тѣ, которыя собирались по куріямъ и потому назывались *куріатными* (comitia curiata). Это были чисто патриціанскія сходки, на которыхъ, между прочимъ, совершалось первоначально избраніе царей и высшихъ магистратовъ, которымъ тутъ же въ силу особаго куріатнаго закона объ имперіи (lex curiata de imperio) передавалась и самая власть. Право избранія консуловъ перешло потомъ къ *центуріатнымъ комиціямъ* (comitia centuriata), въ которыхъ,

---

[1]) См. выше, стр. 45.

какъ мы знаемъ, участвовали и патриціи, и плебеи, раздѣленные на имущественные классы [1]), но куріатныя комиціи сохранили за собою право подтвержденія совершившихся выборовъ посредствомъ спеціальнаго закона объ имперіи (что̀ превратилось мало-по-малу въ пустую формальность). Мы знаемъ также, что въ центуріатныхъ комиціяхъ большинство голосовъ принадлежало болѣе зажиточнымъ классамъ, а между тѣмъ этимъ именно собраніямъ принадлежали права: 1) выбора консуловъ, цензоровъ и преторовъ, 2) разбора провокаціонныхъ обращеній къ народу, 3) рѣшенія вопроса о наступательной войнѣ и 4) изданія законовъ. Но законодательную дѣятельность центуріатнымъ комиціямъ пришлось въ концѣ концовъ уступить самому позднему виду комицій, совершенно демократическому — по трибамъ или такъ называемымъ *трибутнымъ комиціямъ* (comitia tributa).

Остановимся прежде всего на названіи этихъ новыхъ комицій. Трибы, которыя здѣсь имѣются въ виду, это не старыя патриціанскія трибы, изъ которыхъ сложилась первоначальная римская община [2]), а болѣе молодыя трибы, созданныя въ связи съ реформой Сервія Туллія и имѣвшія чисто территоріальный, т.-е. уже не родовой характеръ. Другими словами, тутъ мы имѣемъ нѣчто аналогичное съ аѳинскими филами до Клисѳена и послѣ Клисѳена. Всѣ римскіе граждане, т.-е. и патриціи, и плебеи были росписаны по этимъ территоріальнымъ трибамъ, которыхъ первоначально было около двадцати (изъ нихъ четыре въ самомъ городѣ), а потомъ съ ростомъ римской территоріи образовалось 35,— цифра, далѣе которой число трибъ затѣмъ никогда не заходило. По этимъ-то трибамъ и собирались комиціи, имѣвшія чисто демократическій характеръ. Мы знаемъ, какъ возникла должность плебейскихъ трибуновъ, и видѣли также, что трибуны стали созывать особыя плебейскія сходки (concilia plebis) для разсмотрѣнія своихъ сословныхъ дѣлъ [3]). Первоначально это были скорѣе митинги, чѣмъ правомочныя собранія, и принимавшіяся на нихъ резолюціи, получившія названіе *плебисцитовъ* (plebiscitum), имѣли, вѣроятно, значеніе петицій, съ которыми плебсъ обращался къ сенату,

---

[1]) См. выше, стр. 103—105.

[2]) См. выше, стр. 10.

[3]) См. выше, стр. 119 и 121.

но съ теченіемъ времени эти резолюціи получили значеніе настоящихъ законовъ, обязательныхъ для всей общины. Начало такого измѣненія въ характерѣ плебисцитовъ относятъ къ 449 г. до Р. Х., когда консулы Луцій Валерій и Маркъ Горацій своими законами, извѣстными подъ ихъ именами—валеріевыхъ и гораціевыхъ (leges Valeriae Horatiae), между прочимъ провели въ жизнь такой важный принципъ: „то, что плебсъ постановитъ по трибамъ, должно быть обязательно для всего народа“ (ut quod tributim plebs jussisset, populum teneret). Это значило ни больше, ни меньше, какъ то, что плебисциты уравнивались съ законами (leges), которые принимались центуріатными комиціями, и съ середины V в. въ Римѣ было такимъ образомъ два законодательныхъ собранія, изъ которыхъ одно собиралось консулами, другое—трибунами. Очень можетъ быть, какъ догадывается нѣмецкій историкъ Нибуръ (1776—1831), исходя изъ того, что приравненіе плебисцитовъ къ законамъ относятъ къ тремъ разнымъ датамъ (кромѣ 449 г., къ 339 и 287 гг.),—очень можетъ быть, что плебисциты сначала были приравнены къ законамъ подъ условіемъ утвержденія ихъ куріатными комиціями и сенатомъ (449 г.), потомъ безъ необходимости санкціи этихъ комицій (339 г.), а въ концѣ концовъ и безъ санкціи сената (287 г.). Такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или это только остроумная догадка новѣйшаго ученаго, желавшаго примирить хронологическія противорѣчія, утверждать съ полною увѣренностью нельзя, но достовѣрно одно то, что чисто плебейскія резолюціи получили силу законовъ, а это заставило и патриціевъ принять участіе въ собраніяхъ по трибамъ: конечно, это было однимъ изъ результатовъ побѣды плебеевъ надъ патриціями. Подъ вліяніемъ такой политической эволюціи и сами центуріатныя комиціи подверглись реформѣ въ демократическомъ направленіи. Въ серединѣ III в. до Р. Х. центуріи были поставлены въ связь съ трибами, а именно каждая изъ 35 тогдашнихъ трибъ была раздѣлена на десять центурій (по двѣ для каждаго класса пѣхоты), что давало 350 центурій, а съ 18 центуріями конницы и 5 добавочными—373; при такомъ составѣ центурій абсолютное большинство получалось при 187 голосахъ, но у первыхъ двухъ классовъ было теперь только 158 голосовъ ($2\times70+18$), тогда какъ раньше у одного перваго класса больше половины (98 изъ 193). Въ сущности, это было какъ бы сліяніемъ

центуріатныхъ и трибутныхъ комицій [1]). Но вотъ что̀ при этомъ вообще особенно важно имѣть въ виду. Голосованіе въ Римѣ совершалось не поголовно, а по центуріямъ или по трибамъ, т.-е. въ общій счетъ шли не отдѣльные голоса, подававшіеся въ народныхъ собраніяхъ, а собирательные голоса классовыхъ или территоріальныхъ дѣленій римскаго гражданства. Этимъ римская система народнаго голосованія отличается отъ греческой, болѣе демократической.

Античныя непосредственныя народныя собранія пользовались законодательною властью, существеннѣйшимъ аттрибутомъ государственнаго верховенства, избирали представителей исполнительной власти и даже имѣли въ извѣстныхъ отношеніяхъ власть судебную, вслѣдствіе чего народъ гражданъ является въ нихъ настоящимъ коллективнымъ государемъ. Дѣло еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ (и притомъ особенно для насъ интересныхъ) усложнялось тѣмъ, что у такого государя-народа были свои подданные, жившіе внѣ непосредственной территоріи даннаго государства-города. Эту особенность политическаго быта классической древности мы будемъ еще разсматривать особо, такъ какъ она имѣла громадное значеніе и для внутренней жизни городовъ, подобныхъ Аѳинамъ и Риму, теперь же перейдемъ къ ознакомленію съ нѣкоторыми другими особенностями политической и экономической, соціальной и культурной жизни античныхъ государствъ-городовъ въ ту эпоху, когда въ нихъ уже существовали демократическія учрежденія.

---

[1]) Ср. выше, стр. 103 — 104. Къ сожалѣнію, свидѣтельства источниковъ объ этой реформѣ отличаются большою сбивчивостью, и мы точно не знаемъ ни времени реформы, ни ея подробностей. Историки высказывали о ней разныя гипотезы, но всѣ признаютъ ея демократическій характеръ.

ГЛАВА XI.

Положеніе личности въ античномъ государствѣ.

Вопросъ о свободѣ въ античномъ мірѣ. — Древнее и новое пониманіе свободы. — Мнѣніе Фюстель де Куланжа. — Дѣйствительно ли существуетъ рѣзкая противоположность между древнимъ и новымъ бытомъ?—Два главныхъ источника стѣсненій личной свободы въ античномъ мірѣ. — Строгость спартанскаго режима. — Римская семейная и государственная дисциплина.— Охрана правопорядка религіозной санкціей.— Органы государственнаго надзора за гражданами.—Культурный консерватизмъ.—Развитіе индивидуализма въ демократіяхъ — Замѣчаніе о положеніи женщины. — Начало индивидуализма въ Аѳинахъ.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между отдѣльною личностью и тѣмъ общественнымъ цѣлымъ, къ которому она принадлежитъ, имѣетъ весьма важное значеніе въ культурно-соціальной исторіи человѣческихъ общежитій. Мы знаемъ, что въ началѣ исторіи государствъ-городовъ античнаго міра отдѣльныя личности входили въ составъ этихъ гражданскихъ общинъ не сами по себѣ, такъ сказать, а черезъ посредство родовъ, къ которымъ онѣ принадлежали, и что, сверхъ того, права отдѣльныхъ личностей зависѣли отъ тѣхъ наслѣдственныхъ общественныхъ положеній, въ какихъ онѣ могли находиться, т.-е. отъ принадлежности или къ знати, или къ простонародію, или къ свободнымъ негражданамъ, или къ рабамъ. Съ разложеніемъ родовыхъ узъ и усиленіемъ государственнаго начала личность гражданина все болѣе и болѣе становилась въ непосредственныя отношенія къ государству, а съ паденіемъ аристократическихъ привилегій все болѣе и болѣе устанавливалась равноправность всѣхъ гражданъ по отношенію къ государству. Оставляя въ сторонѣ рабовъ и свободную часть населенія, не входившую въ составъ гражданской общины, мы имѣемъ теперь право поставить вопросъ, каково же было положеніе въ государствѣ каждаго отдѣльнаго гражданина послѣ того, какъ старыя родовыя связи утратили свою прежнюю силу и гражданинъ, такъ сказать, очутился лицомъ къ лицу съ государствомъ, и послѣ того, какъ уничтожились, — по крайней мѣрѣ, въ

нѣкоторыхъ республикахъ, — аристократическія привилегіи, и всѣ граждане стали пользоваться одною и тою же совокупностью общихъ правъ. Вопросъ о положеніи личности въ государствѣ сводится, въ существѣ дѣла, къ вопросу о мѣрѣ той независимости, которую гражданинъ пользуется по отношенію къ политическому цѣлому, называемому государствомъ, и о тѣхъ границахъ, въ какихъ осуществляется принудительное властвованіе государства надъ свободными людьми [1]).

Государства-города античнаго міра впервые осуществили въ своемъ устройствѣ принципъ политической свободы. Нужно, однако, различать между понятіями свободы въ смыслѣ участія въ государственныхъ дѣлахъ и свободы въ смыслѣ личной независимости. Съ тѣхъ поръ, какъ въ XIV в. произошло въ Западной Европѣ такъ называемое возрожденіе наукъ и искусствъ, политическая жизнь грековъ и римлянъ стала все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ общественное вниманіе: въ ней видѣли высокіе образцы для подражанія, образцы гражданской доблести и политической свободы. Въ особенности было сильно это увлеченіе идеализированными политическими формами древности во Франціи XVIII в., въ эпоху просвѣтительной философіи и великой революціи. Правда, уже Монтескьё въ серединѣ XVIII в., предостерегалъ отъ смѣшенія „власти народа“ со „свободою народа“ и, указывая на то, что въ „демократіяхъ народъ, повидимому, дѣлаетъ все, что̀ хочетъ“, сейчасъ же оговаривался въ такомъ смыслѣ, что „политическая свобода вообще не въ томъ заключается, чтобы дѣлать все, что̀ захочешь“, но большинство именно смѣшивало оба по́нятія и единственно въ перенесеніи верховной власти съ королей на народъ видѣли необходимое условіе свободы вообще, какъ будто все дѣло заключалось лишь въ томъ, въ чьихъ рукахъ находилась эта власть, а не въ томъ, каковы были ея предѣлы. Особенно рѣзко проводилось отожествленіе свободы съ народовластіемъ, которому притомъ придавалась совершенная неограниченность, въ политической теоріи Жанъ-Жака Руссо (1712—1778)—въ его знаменитомъ „Общественномъ Договорѣ“—и въ политической дѣятельности партіи якобинцевъ, игравшихъ такую крупную роль въ эпоху французской революціи.

---

[1]) См. опредѣленіе государства, данное на стр. 6.

Наоборотъ, въ XIX в. особенно стали различать между властью и свободою народа, выдвинувъ на первый планъ свободу личности, которая можетъ отсутствовать въ государствѣ даже въ томъ случаѣ, когда верховная власть имѣетъ чисто демократическую организацію. Мало того: въ XIX в. стали прямо противополагать античное пониманіе свободы, какъ широкаго участія во власти, пониманію свободы въ новое время, какъ широкой личной независимости. Вотъ что въ двадцатыхъ годахъ XIX в. писалъ французскій теоретикъ тогдашняго либерализма Бенжаменъ Констанъ (1767—1830), мнѣніе котораго сдѣлалось своего рода общимъ мѣстомъ многихъ историческихъ и политическихъ разсужденій всей остальной части XIX в. „Свобода въ античныхъ республикахъ,—читаемъ мы въ одномъ сочиненіи названнаго писателя,—состояла болѣе въ дѣятельномъ участіи въ общемъ властвованіи, нежели въ спокойномъ пользованіи личною независимостью, и даже для обезпеченія этого участія чувство личной независимости въ извѣстной степени приносилось въ жертву. Новыя государства, продолжаетъ Бенжаменъ Констанъ, замѣнили непосредственное народовластіе народнымъ представительствомъ, въ силу чего каждый, не пользуясь непосредственно властью, ею и не наслаждается. Но зато люди новаго времени, чтобы быть счастливыми, не нуждаются ни въ чемъ, кромѣ полной независимости во всемъ, что относится къ сферѣ ихъ дѣятельности, къ ихъ занятіямъ, предпріятіямъ и фантазіямъ“. Эту же противоположность въ пониманіи свободы въ древнемъ и новомъ мірѣ подчеркиваетъ и Фюстель де Куланжъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ „La cité antique“ [1]). Одна изъ задачъ, которыя Фюстель де Куланжъ себѣ поставилъ въ этой книгѣ, именно въ томъ и заключалась, чтобы „выставить тѣ коренныя и существенныя разности, какими древніе народы всегда будутъ отличаться отъ новыхъ обществъ“ [2]). Въ самомъ заголовкѣ тѣхъ страницъ, гдѣ въ его трудѣ идетъ рѣчь о „полновластіи государства“, очень рѣшительнымъ образомъ заявляется, что „древніе не знали индивидуальной свободы“ [3]). Полагая, какъ намъ уже извѣстно, что

[1]) См. объ этомъ трудѣ выше, стр. 52 и слѣд.

[2]) Предисловіе.

[3]) Кн. III, гл. 17.

„гражданская община основывалась на религіи и внутреннимъ своимъ строемъ подобилась церкви“, Фюстель де Куланжъ отсюда именно выводилъ всю силу этой общины и „безусловное господство ея надъ своими членами“. Мы, однако, видѣли, что такая точка зрѣнія односторонняя, но какъ бы авторъ „Гражданской Общины“ ни объяснялъ происхожденіе факта, для насъ здѣсь важно констатированіе имъ наличности этого явленія, причемъ опять-таки и самое констатированіе можетъ быть сдѣлано либо въ мѣру дѣйствительности, либо, наоборотъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ преувеличеніемъ. „Въ человѣкѣ, говоритъ Фюстель де Куланжъ, не оставалось ничего независимаго. Тѣло принадлежало государству и было обречено защищать его... Имущество частнаго лица всегда было въ распоряженіи государства... Частная жизнь также не ускользала отъ государственнаго полновластія... Государство имѣло право не терпѣть безобразія или уродливости гражданъ... Государство требовало иногда извращенія всѣхъ природныхъ чувствъ и находило себѣ въ этомъ послушаніе... Государство не допускало равнодушія къ своимъ интересамъ: ни философъ, ни записной ученый не имѣли права жить особнякомъ... Воспитаніе далеко не было свободно у грековъ. Напротивъ, государство ни въ чемъ такъ не настаивало на своей власти... Человѣкъ не могъ свободно избирать свои вѣрованія... Онъ долженъ былъ вѣровать въ религію гражданской общины и подчиняться ей безусловно“. Всѣ эти свои утвержденія Фюстель де Куланжъ подкрѣпляетъ частными примѣрами и еще разъ повторяетъ, что „личность человѣка не значила почти ничего передъ тою священною и чуть не божественною властью, которая называлась отечествомъ или государствомъ... Поэтому,—заключаетъ Фюстель де Куланжъ свою мысль,—величайшимъ изъ всѣхъ заблужденій человѣческихъ была мысль, будто въ гражданскихъ общинахъ древности человѣкъ наслаждался свободой. Онъ даже не имѣлъ о ней и понятія. Онъ не думалъ, чтобы могло существовать какое-нибудь право передъ гражданской общиной и ея богами. Правительство неоднократно измѣнялось въ своей формѣ; но сущность государства оставалась почти та же самая, и полновластіе его не умалилось ни на̀ волосъ. Правительство называлось по очереди то монархіей, то аристократіей, то демократіей, но ни одинъ изъ этихъ переворотовъ не далъ людямъ истинной свободы, свободы инди-

видуальной, самоличной. Имѣть политическія права, подавать голосъ, назначать должностныхъ лицъ, пользоваться доступомъ къ архонтству, — вотъ что называлось свободою; но человѣкъ тѣмъ не менѣе былъ порабощенъ государствомъ". И все это обобщающее разсужденіе главы о полновластіи государства заканчивается любимою мыслью Фюстель де Куланжа: „древніе, и въ особенности греки, всегда преувеличивали важность и права общества, что, конечно, происходило отъ священнаго и религіознаго характера, принятаго обществомъ изначала". Мало того: по его мнѣнію, только новая религія, христіанство, „была источникомъ, откуда могла произойти свобода единичнаго лица",—такъ онъ формулируетъ свою мысль въ заключительной главѣ всей книги: въ христіанствѣ „первая и главная обязанность не состояла уже въ томъ, чтобы отдавать свое время, свои силы, свою жизнь государству. Политика и военное дѣло, прибавляетъ Фюстель де Куланжъ, перестали быть для человѣка всѣмъ; всѣ доблести не состояли уже въ одной любви къ отечеству, потому что отечества не было вѣдь у души. Человѣкъ почувствовалъ, что у него есть другія обязанности, кромѣ долга жить и умирать для своей общины". Спрашивается, однако, не началось ли все это гораздо раньше христіанской эпохи и притомъ подъ вліяніемъ всей совокупности экономическихъ и культурныхъ измѣненій въ самой политической жизни, а не однихъ только новыхъ вѣрованій.

Да и вообще все это противоположеніе древняго и новаго историческихъ міровъ не слѣдуетъ принимать въ безусловномъ смыслѣ. Одинаково неправильно было бы стирать всѣ черты различія, какія дѣйствительно существуютъ между античнымъ міромъ и новой Европой, или, наоборотъ, настаивать на этихъ чертахъ различія, не обращая никакого вниманія на множество явленій, которыя можно признать общими и для народовъ классической древности, и для современныхъ европейскихъ націй въ извѣстныя эпохи историческаго существованія тѣхъ и другихъ. Мелочная регламентація частной жизни въ государствахъ-городахъ античнаго міра, примѣры которой въ изобиліи приводятся Фюстель де Куланжемъ, существовала и въ средневѣковыхъ городскихъ общинахъ, отъ которыхъ она была отчасти унаслѣдована и такъ называемымъ „полицейскимъ государствомъ" (Polizeistaat) новаго времени. Для поглощенія личности го-

сударствомъ въ древнихъ республикахъ можно тоже привести не мало аналогій изъ прежней исторіи теперешнихъ европейскихъ народовъ: укажемъ хотя бы на то закрѣпощеніе личности государству, которое характеризуетъ внутренній бытъ Россіи въ ту эпоху, когда все ея населеніе состояло изъ однихъ служилыхъ или тяглыхъ людей; и человѣческая личность исчезала въ подданномъ государства. Не мало можно отмѣтить примѣровъ и государственнаго тяготѣнія надъ религіозными вѣрованіями подданныхъ; достаточно напомнить хотя бы о томъ, что въ эпоху религіозной реформаціи XVI в., когда впервые громко былъ провозглашенъ въ новой Европѣ принципъ свободы совѣсти, не только былъ формулированъ, но и проведенъ въ жизни и противоположный принципъ зависимости религіозныхъ вѣрованій подданныхъ отъ усмотрѣнія государственной власти; я говорю о знаменитой формулѣ: „чья страна, того и вѣра“ (cujus regio, ejus religio), принятой аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 1555 г. Наконецъ, и въ области политическихъ идей развѣ новая Европа не выставляла писателей, которые провозглашали принципъ безусловнаго, неограниченнаго, совершенно абсолютнаго властвованія государства надъ личностью гражданина и не дѣлали изъ государства своего рода „земного божества“? Вспомнимъ, наприм., политическое ученіе англійскаго философа XVII в. Гоббза [1]).

Съ другой стороны, и классическая древность не такъ-то ужъ, какъ это хотѣли бы представить нѣкоторые писатели, чуждалась индивидуальной свободы и въ области политическихъ идей, и въ самихъ явленіяхъ государственной жизни. Въ началѣ исторіи каждаго народа мы наблюдаемъ поглощеніе личности въ томъ политическомъ цѣломъ, къ которому она принадлежитъ, т.-е. въ родѣ или общинѣ, а также въ болѣе крупныхъ общественныхъ организаціяхъ, которыя складываются изъ отдѣльныхъ родовъ и общинъ. Одна изъ сторонъ культурно-соціальнаго развитія, совершающагося въ исторической жизни, именно въ томъ и заключается, что личность въ разныхъ сферахъ своего индивидуальнаго существованія постепенно высвобождается изъ-подъ гнета, наложеннаго на нее условіями общественнаго быта древнѣйшихъ эпохъ исторіи, приходитъ къ сознанію своихъ

---

[1]) См. выше, стр. 6—7.

естественныхъ правъ, какъ самостоятельнаго *я*, и начинаетъ предъявлять къ жизни свои притязанія на ту или другую мѣру свободы. Античный міръ въ свое время шелъ въ этомъ отношеніи по тому же пути, по которому впослѣдствіи шла и новая Европа, и все различіе заключается только въ томъ, что послѣдняя опередила античный міръ и потому полнѣе и яснѣе, нежели онъ, формулировала принципъ индивидуальной свободы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря господству въ древности непосредственнаго народовластія, замѣнившагося въ свободныхъ государствахъ новаго міра представительствомъ, новая Европа сравнительно съ античными республиками осуществляетъ принципъ народовластія въ меньшей мѣрѣ, и все это даетъ поводъ говорить о той противоположности въ пониманіи свободы, на которую мы сейчасъ указали.

Разсматривая источники разнообразныхъ стѣсненій личности въ государствахъ-городахъ античнаго міра, мы можемъ свести ихъ къ двумъ началамъ — къ семейно-родовому и государственно-военному. Дѣйствіе второго изъ этихъ принциповъ съ особенною силою выступаетъ во внутреннихъ порядкахъ, которые господствовали въ Спартѣ, а въ Римѣ мы наблюдаемъ рядомъ съ военнымъ началомъ и господство семейно-родового принципа.

При существованіи маленькихъ политическихъ организмовъ, которымъ постоянно приходилось отстаивать свою независимость въ борьбѣ съ сосѣдями или поддерживать свое господство надъ окрестнымъ порабощеннымъ населеніемъ, необходима была строжайшая внутренняя дисциплина, требовавшая со стороны отдѣльныхъ лицъ немалыхъ жертвъ въ пользу политическаго цѣлаго. Нигдѣ полновластіе государства и закрѣпощеніе личности не достигали такого развитія, какъ въ Спартѣ, такъ какъ этотъ городъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ постояннымъ военнымъ лагеремъ, державшимъ въ зависимости отъ себя сравнительно обширную страну съ населявшими ее періэками и гелотами. Живя даровымъ трудомъ порабощенныхъ жителей этой страны, спартанскіе граждане, такъ называемые „равные“, не имѣли надобности сами обрабатывать свои земли и потому могли посвящать себя вполнѣ одному только военному дѣлу. Достаточно имѣть въ виду, что въ эпоху наибольшаго процвѣтанія этого государства оно насчитывало въ своемъ составѣ тысячъ около девяти гражданъ на 370 тысячъ періэковъ и гелотовъ. Глав-

ныя занятія этихъ гражданъ-воиновъ были гимнастика, военныя упражненія, охота, и какъ воспитаніе подрастающихъ поколѣній, такъ и весь образъ жизни людей взрослыхъ были направлены къ тому, чтобы быть всегда готовыми къ надлежащей встрѣчѣ гелотскихъ возстаній, которыя, дѣйствительно, по временамъ вспыхивали въ подвластной странѣ: извѣстно, что спартіаты даже организовали, подъ названіемъ *криптій* (κρύπτεια), нѣчто въ родѣ охоты на подозрительныхъ гелотовъ, которые безжалостно умерщвлялись. Въ качествѣ воина, почти всю жизнь готовившагося служить государству или ему служившаго на самомъ дѣлѣ, спартанскій гражданинъ не принадлежалъ самому себѣ. При рожденіи мальчика геронты осматривали его, достаточно ли онъ хорошо сложонъ и силенъ, чтобы его стоило воспитывать, и если результатъ осмотра оказывался для новорожденнаго неблагопріятнымъ, малютку забрасывали въ оврагъ Тайгета. До семи лѣтъ мальчикъ принадлежалъ семьѣ, съ семилѣтняго возраста начиналось его воспитаніе по программѣ, созданной государствомъ, и подъ его контролемъ, съ цѣлью сдѣлать изъ мальчика хорошаго воина. Мальчиковъ распредѣляли по *иламъ* (ἴλη), какъ назывались по военному организованные отряды подъ командою наиболѣе дисциплинированныхъ юношей, имѣвшихъ болѣе двадцати лѣтъ. Все воспитаніе будущихъ спартанскихъ гражданъ ограничивалось закаливаніемъ тѣла, развитіемъ физической силы, ловкости и проворства, пріученіемъ къ безусловному повиновенію старшимъ, а также поощреніемъ въ воспитываемыхъ находчивости и хитрости, столь необходимыхъ на войнѣ, въ наукахъ же дальше чтенія и письма не шли. Въ двадцать лѣтъ спартіатъ долженъ былъ нести полевую службу въ качествѣ гоплита, т.-е. тяжеловооруженнаго воина. Достигшіе совершеннолѣтія граждане тоже не могли жить, какъ хотѣли. И въ мирное время они раздѣлялись на боевыя товарищества, даже обѣдавшія вмѣстѣ. Общія трапезы мужчинъ, называвшіяся *андріями* (τὰ ἀνδρεῖα), чаще *сисситіями* (τὰ συσσίτια), позднѣе *фидитіями* (τὰ φίδιτια), не были учрежденіемъ, свойственнымъ одной только Спартѣ, но нигдѣ онѣ не получили такого развитія и значенія (кромѣ, пожалуй, Крита), какъ именно въ Спартѣ. Отъ правильнаго участія въ сисситіяхъ, требовавшаго отъ сисситовъ доставки необходимыхъ продуктовъ и небольшого количества денегъ, зависѣло и нахожденіе въ составѣ полно-

правнаго гражданства. Уклоняться отъ участія въ общихъ трапезахъ не дозволялось: законныя причины неявки были строго опредѣлены. Каждая обѣденная компанія состояла изъ 15 человѣкъ, причемъ требовалось единодушное согласіе всѣхъ участниковъ для принятія каждаго новаго сочлена. Члены одной и той же *гетеріи* и на войнѣ выступали вмѣстѣ, да, кажется, и самые обѣды происходили въ лагерныхъ палаткахъ. Государственныя власти строго наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія общихъ правилъ и не отступалъ отъ предписаннаго образа жизни.

Въ Римѣ, который, какъ и Спарта, развился также въ военное государство, такого полнаго поглощенія гражданина въ войнѣ, какое мы наблюдаемъ въ Спартѣ, не было, но и здѣсь начала военной дисциплины играли большую роль въ государственномъ быту. Римъ выросъ и окрѣпъ въ тяжелой борьбѣ съ сосѣдями, и перевѣсъ римлянамъ надъ сосѣдями въ этой борьбѣ дала самая строгая дисциплина, которою были проникнуты всѣ отношенія гражданъ къ государству. Но въ Римѣ былъ еще одинъ факторъ, приводившій къ тому же самому результату. Я имѣю въ виду устройство римской семьи, которое, напоминая вообще всякую патріархальную семью, получило особое развитіе въ смыслѣ закрѣпленія за отцомъ, т.-е. домовладыкой, самой широкой и крѣпкой власти. Римскій терминъ *фамилія* (familia), который мы переводимъ словомъ „семья“, имѣлъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ наше слово, которымъ мы переводимъ этотъ терминъ. Фамилія, это — группа лицъ, принадлежащихъ къ одному дому и находящихся подъ властью одного домовладыки, свободные и рабы, родные по происхожденію и родные по усыновленію, и даже все то, что̀ данной группѣ принадлежало, ея имущество. Глава этой группы носилъ названіе ея отца, *патерфамиліасъ* (paterfamilias), и былъ ея владыкою, господиномъ (dominus). Жена такого домовладыки была „въ рукѣ своего мужа“ (in manu mariti), т.-е. въ такомъ же у него подчиненіи, какъ если бы она была его дочерью (она была „вмѣсто дочери“, filiae loco), по отношенію же къ дѣтямъ вообще у него была безусловная отцовская власть (patria potestas): патерфамиліасъ имѣлъ безграничное право надъ личностью каждаго члена фамиліи, могъ продать въ рабство, могъ казнить. Эта власть прекращалась лишь со смертью домовладыки, и

взрослые сыновья,—хотя бы они были женаты и сами имѣли дѣтей, — находились въ полномъ у него подчиненіи. Когда отцы умирали, сыновья дѣлались сами такими же домовладыками и даже получали право опеки (tutela) надъ своими матерями: женскіе члены римской фамиліи были какъ бы вѣчными малолѣтками. Однимъ словомъ, въ основѣ римской семьи лежала самая строгая дисциплина, и положеніе всѣхъ членовъ дома по отношенію къ „отцу“ было похоже на положеніе рабовъ по отношенію къ своему господину, хотя, конечно, они не были рабами въ буквальномъ смыслѣ слова. Особенно характерною чертою такого семейнаго строя было то, что взрослые сыновья оставались подъ властью отца до самой его смерти. Если бы сынъ былъ проданъ въ рабство и потомъ отпущенъ на волю своимъ господиномъ, то и это не освободило бы его отъ отцовской власти. Только послѣ третьей продажи сынъ эманципировался, и отсюда возникла впослѣдствіи особая форма освобожденія (эмансипаціи) сыновей изъ-подъ отцовской власти путемъ троекратной фиктивной продажи. Взрослому сыну можно было обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ, но все, что бы онъ ни пріобрѣлъ самъ, должно было, пока живъ былъ отецъ, оставаться въ распоряженіи послѣдняго. Подобно тому, какъ само государство сложилось въ Римѣ изъ отдѣльныхъ родовъ, бывшихъ въ сущности союзами нѣсколькихъ фамилій, такъ и первоначальное устройство этого государства было сколкомъ—только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—съ семейнаго строя. Царь былъ, въ сущности, домовладыкою всей римской общины; только отцовская власть получала здѣсь названіе *имперія* (imperium). Мы знаемъ, въ чемъ заключался этотъ имперій [1]), и какъ онъ перешелъ къ магистратамъ республиканскаго періода. Правда, какъ мы также видѣли, безусловность царскаго имперія въ республиканскій періодъ сохранялась только за диктатурой, консульскій же имперій былъ ограниченъ, но общій строй римской семьи и римскаго государства долго сохранялись въ старой своей силѣ. То, что потеряно было магистратурой, было выигрышемъ сената, который первоначально былъ собраніемъ родовыхъ старѣйшинъ, вносившихъ въ свою дѣятельность тотъ же принципъ строгой дисциплины. Въ царскій періодъ къ сенату переходилъ имперій, и члены

[1]) См. выше, стр. 142.

его по очереди, установлявшейся жребіемъ, пользовались этою властью въ лицѣ такъ называемыхъ „междуцарей“, или интеррексовъ [1]), такъ что сенатъ былъ какъ бы хранителемъ имперіи, когда не было налицо его постояннаго носителя. Любопытно, однако, что при полновластіи государства въ Римѣ семейныя и имущественныя права гражданина оставались неприкосновенными для государства: оно распоряжалось личностью гражданина, налагало на него въ интересахъ общины военную службу, общественныя работы и т. п., подвергало его строгимъ наказаніямъ за ослушаніе и т. д., но не простирало своей власти на его „фамилію“, не могло отнять у гражданина его сына или его поле. Въ Спартѣ семейный бытъ былъ совершенно уничтоженъ общинно-военнымъ, въ Римѣ государство не устраняло старой патріархальной семьи, и она оставалась тою школою, гдѣ происходило воспитаніе новыхъ поколѣній въ духѣ самой строгой, хоть и не казарменной, какъ въ Спартѣ, дисциплины. Понятно, что и римскіе порядки были созданы вовсе не для того, чтобы дать широкій просторъ развитію индивидуализма. Только въ имущественномъ правѣ Римъ развилъ чисто индивидуалистическую точку зрѣнія, признавъ за домовладыкой значеніе единственнаго и безусловнаго господина всего имущества, принадлежавшаго фамиліи, полнаго его собственника.

Не забудемъ, что правопорядокъ античнаго государства имѣлъ религіозную санкцію, и что это государство было не только политическимъ, но и религіознымъ союзомъ, требовавшимъ себѣ повиновенія, такъ сказать, не только за страхъ, но и за совѣсть [2]). Гражданинъ долженъ былъ не только повиноваться законамъ государства, но и чтить боговъ, признанныхъ государствомъ, и для него въ идеѣ даже не существовало тѣхъ отношеній между личностью и государствомъ, которыя могли бы пользоваться, какъ принципомъ своимъ, евангельскими словами: „воздадите кесарева кесареви, а Божія—Богови“. Государство предписывало своимъ гражданамъ религію, которая въ свою очередь была санкціей установленнаго порядка. Если гражданинъ наказывался за святотатственное дѣяніе, карающими руководила не религіозная ревность, не фанатизмъ, оскорбленный поруганіемъ святыни,

---

[1]) См. выше, стр. 45.

[2]) См. гл. V.

а руководило то соображеніе, что гражданинъ посягнулъ на святыню, признанную государствомъ, и что боги могутъ отомстить за это всему государству. Можно было вѣрить или не вѣрить въ божества общія и міровыя, можно было ненавидѣть и презирать боговъ сосѣдняго города, но никто не смѣлъ усумниться въ государственной святынѣ. Сократъ поплатился жизнью именно за преступленіе подобнаго рода, такъ какъ ему поставлено было въ вину преимущественно то, что онъ не чтилъ боговъ, установленныхъ государствомъ. Греческая и римская религія давала санкцію не только обычному праву во взаимныхъ отношеніяхъ гражданъ между собою, а одно время и притязаніямъ знати по отношенію къ народной массѣ, но и полновластію гражданской общины по отношенію къ ея отдѣльнымъ членамъ.

У государства, регламентировавшаго поведеніе своихъ гражданъ, были и особые органы высшаго надзора за соблюденіемъ всѣми ими того, что̀ требовалось отъ нихъ государствомъ. Такими органами, которые должны были охранять добропорядочность гражданъ, были ареопагъ въ Аѳинахъ, эфоратъ въ Спартѣ и цензура въ Римѣ.

Первое изъ этихъ учрежденій, когда-то игравшее главенствующую роль въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ, сохранило за собою въ демократическую эпоху значеніе уголовнаго суда по дѣламъ объ убійствахъ и поджогахъ; но кромѣ того, ареопагъ имѣлъ право надзора за дѣлами культа и наблюдалъ за нравами. Впрочемъ, въ общемъ строѣ аѳинской жизни съ ея бо̀льшею свободою цензура нравовъ не могла получить большого значенія. Гораздо болѣе удобною почвою для развитія наблюденія за частнымъ поведеніемъ гражданъ была спартанская жизнь съ ея неумолимой дисциплиной. Къ такой функціи былъ особенно приспособленъ эфоратъ, который, повидимому, и возникъ, какъ своего рода полицейское вѣдомство [1]). Вступая въ должность, спартанскіе эфоры обращались къ гражданамъ съ требованіемъ повиноваться законамъ и... брить усы. Основной ихъ функціей и былъ надзоръ за гражданской дисциплиной и за соблюденіемъ законовъ. За всякое отступленіе отъ дисциплины и обычаевъ они строго карали и высылали изъ Спарты чужеземцевъ, если находили ихъ вліяніе на гражданъ нравственно вреднымъ. Не даромъ же

[1]) См. выше, стр. 122.

разсказывалось въ древности, что эфоры подвергли однажды наказанію повара, который выдумалъ какой-то новый соусъ, такъ какъ увидѣли въ этомъ проступокъ противъ простоты нравовъ.

Подобнаго же рода обязанности по отношенію къ добрымъ нравамъ въ Римѣ лежали на цензорахъ. Должность цензора была выдѣлена изъ консульской власти [1]) въ серединѣ V в. (по традиціонной хронологіи въ 443 г.), причемъ первоначально около ста лѣтъ она была въ обладаніи однихъ патриціевъ. Цензоры (ихъ было два) должны были производить оцѣнку имущества гражданъ для распредѣленія ихъ по центуріямъ и классамъ, но они получили и право высшаго наблюденія за нравами гражданъ. Первоначально обязанность составленія смѣты, списка гражданъ и податей лежала на консулахъ, и ее только выдѣлили изъ общаго комплекса консульскихъ правъ для передачи въ руки особыхъ „оцѣнщиковъ", что̀ собственно и значитъ наименованіе выдѣленной должности. Цензорамъ принадлежало право замѣщать сенаторскія ваканціи и при составленіи списковъ гражданъ исключать изъ нихъ отдѣльныя лица, а также исключать отдѣльныя лица и изъ сената. Цензура нравовъ получила при этомъ большое значеніе, и мало-по-малу цензоры сдѣлались главными блюстителями вѣрности гражданъ національнымъ преданіямъ и обычаямъ предковъ, добропорядочности ихъ поведенія въ частной жизни съ правомъ налагать наказанія за отступленіе отъ чистоты римскихъ нравовъ.

И ареопагъ въ Аѳинахъ, и эфоратъ въ Спартѣ, и цензура въ Римѣ, — все учрежденія разнаго происхожденія и характера,—были оплотами культурнаго консерватизма въ смыслѣ удержанія старины, охраны обычаевъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, борьбы съ новшествами. Такъ какъ послѣднія приходили часто извнѣ, то борьба нерѣдко велась именно противъ иноземныхъ вліяній. Въ Спартѣ гражданамъ возбранялось покидать родину для посѣщенія другихъ греческихъ государствъ, да и чужеземцамъ не очень-то позволялось проживать въ Спартѣ (знаменитая спартанская *ксенелазія* ξενηλασία, буквально изгнаніе гостей, пришельцевъ). Въ Римѣ нѣкоторые цензоры прославились борьбою съ иностранными вліяніями, и между нимъ особую славу во II в.

[1]) См. выше, стр. 46.

до Р. Х. пріобрѣлъ Маркъ Порцій Катонъ, предпринявшій цѣлую реформу нравовъ. Однимъ изъ проявленій ихъ порчи, которой старались противодѣйствовать эфоры и цензоры, была роскошь. Спартанская простота образа жизни гражданъ вошла въ число популярныхъ поговорокъ. Въ Римѣ мы знаемъ цѣлый рядъ такъ называемыхъ сумптуарныхъ законовъ (leges sumptuariae), направленныхъ противъ роскоши. Напр., оппіевъ законъ (lex Oppia), изданный не задолго до второй пунической войны, запрещалъ ѣздить по городу въ колесницахъ и опредѣлялъ вѣсъ женскихъ золотыхъ украшеній одной полуунціей. Позднѣе это сумптуарное законодательство вмѣшивалось даже въ подробности домашняго обихода: сколько ежедневно тратить на столъ съ одного человѣка, сколько разъ въ мѣсяцъ или въ годъ отступать (и въ какомъ размѣрѣ) отъ этой нормы, какое число гостей приглашать къ обѣду, какіе запасы тѣхъ или другихъ продуктовъ (напр., копченаго мяса) держать въ хозяйствѣ и т. п. У римскихъ цензоровъ было и сильное средство для борьбы съ роскошью: они оцѣнивали имущество гражданъ для опредѣленія размѣра налоговъ,—образъ жизни, конечно, свидѣтельствовалъ о большей или меньшей зажиточности,—и вотъ Катонъ оцѣнивалъ, напр., колесницы и золотыя украшенія въ десять разъ дороже, чѣмъ они стоили, чтобы подвергать ихъ болѣе высокому обложенію. Въ лицѣ такихъ людей, какъ Катонъ, римское государство пыталось насильно вернуть гражданъ къ простотѣ старинаго быта, къ строгимъ правиламъ патріархальной семьи и т. п., и тотъ же самый Катонъ боролся съ новыми идеями, которыя извнѣ проникали въ среду римскихъ гражданъ.

Конечно, съ измѣненіями, происходившими въ жизненной обстановкѣ гражданъ, съ экономической и культурной эволюціей мѣнялись и нравы общества, старые обычаи приходили въ забвеніе и нарождались новыя потребности, новыя стремленія, вызывавшія нерѣдко и оппозицію противъ насильственной поддержки старины государствомъ. Любопытна, напр., та агитація, которая была въ серединѣ II в. предпринята въ Римѣ самими женщинами противъ оппіева закона объ украшеніяхъ. Когда одинъ изъ трибуновъ сдѣлалъ предложеніе объ отмѣнѣ этого закона, римскія женщины вышли на улицы, ведшія къ сенату, и останавливали сенаторовъ, которые шли въ засѣданіе, прося ихъ подавать го-

лоса за предложеніе объ отмѣнѣ закона, что̀ послужило для Катона отличнымъ поводомъ произнести очень рѣзкую рѣчь противъ женщинъ.

Менѣе всего могли держаться самыя стѣснительныя для личной свободы государственныя постановленія въ демократіяхъ, гдѣ господствовало всеобщее равенство въ гражданскихъ правахъ и власть находилась въ рукахъ большинства, не очень-то охотно налагавшаго на себя какія бы то ни было узы. „По общему мнѣнію, говоритъ Аристотель въ своей „Политикѣ“, демократія опредѣляется двумя характеристическими чертами: онѣ суть господство большинства и свобода. Справедливое здѣсь считаютъ равенствомъ, равенство же состоитъ въ признаніи верховнаго закона за тѣмъ, что̀ кажется большинству. Такимъ образомъ въ этихъ демократіяхъ каждый живетъ, какъ ему угодно, каждый по своей волѣ“. Аристотель находилъ это дурнымъ, потому что „нельзя, говоритъ онъ, думать, чтобы жить въ духѣ даннаго политическаго устройства значило жить рабски: напротивъ, замѣчаетъ онъ, это значитъ жить для сохраненія существующаго политическаго устройства“ [1]). Къ этому характерному мѣсту мы еще вернемся, когда будемъ разсматривать политическія идеи древности [2]); здѣсь отмѣчаемъ лишь то, что, „по общему мнѣнію“ въ IV в. до Р. Х. демократіи отличались бо̀льшимъ, чѣмъ олигархіи, развитіемъ личной свободы гражданъ. То же самое говоритъ и Платонъ въ своемъ „Государствѣ“, указывая именно, что въ демократіяхъ „всякій имѣетъ волю дѣлать что̀ хочетъ“, „каждый можетъ обставливать свою жизнь по-своему, какъ ему нравится“ [3]). Сошлюсь еще на извѣстную рѣчь Перикла, приводимую Ѳукидидомъ, въ которой знаменитый вождь аѳинской демократіи, сравнивая порядки родного города со спартанскими, указывалъ на то, что въ Аѳинахъ живется гораздо свободнѣе и вольнѣе. Сущность демократіи заключалась такимъ образомъ не только въ *исономіи* (ἰσονομία, равноправность) и *исегоріи* (ἰσηγορία, равенство голоса), но и въ свободѣ. Мы уже знаемъ, что демократическій строй устанавливался

---

[1]) Перев. Скворцова, стр. 349.

[2]) См. главу XIV.

[3]) Сочиненія Платона въ перев. Карпова (Спб. 1863), ч. III, стр. 419.

въ государствахъ съ развитою промышленностью и торговлею и со скученностью населенія въ городахъ, которые какъ нельзя болѣе содѣйствовали разложенію стараго уклада жизни съ его подчиненіемъ личности родовымъ и семейнымъ связямъ и съ господствомъ чисто традиціоннаго міросозерцанія. Однимъ изъ факторовъ закрѣпощенія личности государству была необходимость ея службы государству, въ качествѣ составной части вооруженной силы, но въ государствахъ-городахъ, которыя стали обогащаться промышленностью, торговлею и экономическою эксплуатаціей союзниковъ и подвластныхъ, личное участіе гражданъ въ войскѣ начало замѣняться наемничествомъ, которое само было результатомъ разложенія старыхъ устоевъ. Между гражданскимъ ополченіемъ подъ командой поставленнаго государствомъ начальства и позднѣйшимъ наемнымъ отрядомъ, набраннымъ какимъ-либо кондотьеромъ, — явленіе довольно обычное въ Греціи „эпохи упадка“,—разница та, что въ первомъ случаѣ воинъ-гражданинъ, т.-е. членъ государства, обязанный ему службой на войнѣ, подчиняющійся начальнику, котораго оно ему дало, тогда какъ во второмъ случаѣ это — совершенно вольный человѣкъ, по собственному изволенію выбравшій себѣ ремесло солдата и ставшій подъ команду другого такого же вольнаго человѣка по соглашенію съ нимъ. Воинъ-гражданинъ сражался за родной городъ, за его боговъ и за своихъ согражданъ, воинъ-наемникъ — преслѣдуя личные, своекорыстные интересы. Явленіе подобнаго рода мы наблюдаемъ и въ городскихъ республикахъ Италіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ, и какъ въ Греціи эпохи упадка, такъ и въ Италіи конца средневѣковья это была одна изъ формъ проявленія индивидуализма,—конечно, форма мало почтенная въ моральномъ отношеніи и очень вредная въ отношеніи политическомъ, но дѣло не въ ея нравственномъ и общественномъ достоинствѣ, а въ ея основѣ. Этою основою было освобожденіе личности отъ старыхъ формъ, быстрѣе всего происходившее въ демократіяхъ. Конечно, при этомъ не сама демократія порождала печальныя стороны индивидуализма, а общія условія осуществленія демократическаго принципа въ государствахъ античнаго міра, но въ общемъ индивидуалистическія проявленія могли развиваться только тамъ, гдѣ развивалась и демократія. Вѣдь по самой природѣ своей индивидуализмъ есть сила прогрессивная, и сравненіе ари-

стократической Спарты съ демократическими Аѳинами показываетъ, на чьей сторонѣ было культурное преимущество.

Въ Спартѣ гражданская община совершенно поглотила семью, на которую въ Римѣ, наоборотъ, власть государства распространялась очень мало, но въ обоихъ случаяхъ результатъ для гражданъ, кромѣ римскихъ домовладыкъ, былъ одинаковый. Въ Аѳинахъ дѣло обстояло иначе: здѣсь не развились ни такое полновластіе государства, какъ въ Спартѣ, ни такое полновластіе семьи, какъ въ Римѣ, и личной свободы было больше. Нужно, впрочемъ, сдѣлать одну оговорку, касающуюся положенія женщины. Любопытно, что въ Спартѣ положеніе женщины-супруги было гораздо болѣе высокимъ, нежели въ Аѳинахъ, и что женщина римская занимала вообще въ обществѣ болѣе высокое положеніе, нежели женщина греческая. Спартанкамъ давалось общественное воспитаніе, дабы онѣ могли рождать крѣпкихъ и здоровыхъ гражданъ и были въ состояніи поддерживать въ мужьяхъ, братьяхъ и сыновьяхъ доблестный духъ. Римская матрона, находившаяся въ мужней власти (in manu mariti), пользовалась внѣ своего дома большимъ почетомъ и была ограждена отъ оскорбленій. Иное положеніе женщины было въ высшихъ классахъ аѳинскаго гражданства: въ болѣе зажиточныхъ домахъ Аѳинъ, какъ и множества другихъ городовъ, была своя „женская половина“, *гинэкей* (γυναικεῖον), гдѣ должны были проводить все свое время жены, дочери и женская прислуга (рабыни) гражданъ, а за поведеніемъ женщинъ внѣ дома наблюдали особые наздиратели, *гинэкономы* (γυναικονόμοι). Болѣе независимое положеніе создали себѣ въ Аѳинахъ въ эпоху полнаго развитія демократіи, но положеніе совершенно внѣсемейное, лишь такъ называемыя *гетэры* (ἑταίρα значитъ товарка, подруга), достигавшія иногда большого умственнаго развитія и даже вліятельнаго положенія въ обществѣ: вспомнимъ хотя бы Аспазію, знаменитую подругу Перикла и пріятельницу многихъ выдающихся людей его времени. Самое появленіе такихъ гетэръ въ Аѳинахъ указываетъ на то, что ростъ демократіи сопровождался и ростомъ женскаго индивидуализма, хотя бы и въ исключительной и притомъ ненормальной формѣ гетэризма. Въ общемъ, однако, женщина классической эпохи занимала въ обществѣ гораздо болѣе приниженное положеніе, чѣмъ въ новомъ мірѣ. Единственнымъ назначеніемъ женщины было поддерживать родъ и заправлять

домашнимъ хозяйствомъ — и только; въ качествѣ существа, сравнительно съ мужчиной низшаго, она должна была находиться въ вѣчной опекѣ. Лишь въ позднѣйшія эпохи развитія римскаго права за женщиною стало признаваться самостоятельное значеніе въ цивильномъ отношеніи.

Такимъ образомъ все, что̀ можно сказать о развитіи индивидуализма въ демократіяхъ, относится главнымъ образомъ къ мужской половинѣ отдѣльныхъ гражданскихъ общинъ. Указывая въ частности на развитіе личной свободы въ Аѳинахъ, мы должны здѣсь же отмѣтить, что древнее право, стѣснявшее личную свободу, стало расшатываться уже въ эпоху Солона. Къ числу важныхъ законовъ Солона относится разрѣшеніе дѣлать завѣщанія. Въ глубокой древности каждый домохозяинъ былъ по отношенію къ имуществу семьи только распорядителемъ, а не собственникомъ, который можетъ дѣлать со своимъ имуществомъ все, что ему угодно. Настоящею собственницею всего хозяйства была семья; но разъ законодатель разрѣшалъ главѣ семьи отчуждать ея имущество въ другія руки, это обозначало, что принципъ семейной собственности сталъ уступать мѣсто другому принципу, именно принципу собственности личной, индивидуальной. Правда, Солонъ внесъ въ это право дѣлать завѣщанія нѣкоторыя ограниченія, но, по всей вѣроятности, законъ лишь санкціонировалъ начавшійся еще раньше процессъ разложенія стараго семейнаго права. Нѣкоторые историки думаютъ, что при Солонѣ же было узаконено дозволеніе раздроблять и отчуждать отдѣльные семейные участки, бывшіе раньше какъ бы заповѣдными имѣніями. Что въ семейномъ быту шло въ то время разложеніе старыхъ отношеній, это явствуетъ еще и изъ того, что введены были иски дѣтей противъ родителей и родителей противъ дѣтей въ нѣкоторыхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ, и что передъ судьями государства такимъ образомъ стали вестись процессы по жалобамъ однихъ членовъ семьи противъ другихъ. Къ той же категоріи явленій, указывающихъ на ростъ индивидуализма, нужно отнести и разрѣшеніе отдѣльнымъ лицамъ заключать между собою союзы, или ассоціаціи съ разнаго рода цѣлями (наприм., торговыми): прежде человѣкъ находилъ мѣсто только въ готовой ассоціаціи, какую представляли собою семьи, родъ, фратрія и т. п., и появленіе рядомъ съ этими невольными союзами союзовъ добровольныхъ, въ ко-

торые могъ вступать, кто самъ того хотѣлъ, также указываетъ на то, что въ общественныя отношенія сталъ внѣдряться новый принципъ личной свободы. Правда, Солону приписывается и рядъ законовъ, ограничивающихъ личную свободу, но мы и не утверждаемъ, чтобы Солонъ былъ сознательнымъ и принципіальнымъ индивидуалистомъ: его законодательство не создавало, а только санкціонировало новыя жизненныя отношенія. Спеціальный законъ Солона, лишавшій чести и гражданскихъ правъ всякаго, кто въ случаѣ смуты въ народѣ не станетъ со своимъ оружіемъ въ ряды одной изъ партій, иногда толковался въ смыслѣ частнаго вывода изъ общаго принципа, требовавшаго полнаго поглощенія гражданина политическою жизнью, но, повидимому, это была лишь практическая мѣра, направленная противъ тиранніи, ибо равнодушные люди были, благодаря своей пассивности, лучшими пособниками тирановъ.

Разъ вообще индвидуализмъ началъ такимъ образомъ давать себя чувствовать въ однѣхъ сферахъ жизни, дѣйствіе его не замедливало обнаруживаться и въ другихъ. Притязанія демократіи могли вообще опираться лишь на права личности, отрицавшіяся старымъ бытомъ съ его аристократическими традиціями и религіозной санкціей. Съ другой стороны, то культурное развитіе Греціи, во главѣ котораго въ V в. стояли Аоины, было тоже проявленіемъ успѣховъ индивидуальной мысли, индивидуальнаго творчества. Въ исторіи дѣйствуютъ два противоположныя начала—общественной традиціи и личной иниціативы: первая—сила консервативная, вторая — сила прогрессивная. Гдѣ начинаетъ работать и проявлять себя индивидуальная мысль, тамъ, значитъ, старые устои жизни уже расшатываются, и прежнія формы, слѣдовательно, не въ состояніи задерживать свободное развитіе личности.

ГЛАВА XII.

Рабство и пролетаріатъ въ античномъ мірѣ.

Общая постановка вопроса въ его экономической и политической сторонахъ.—Численность рабовъ въ античныхъ государствахъ.—Ихъ экономическое значеніе.—Юридическое положеніе рабовъ.—Развитіе пренебреженія къ труду въ высшихъ классахъ.—Конкурренція подневольной работы съ вольнонаемнымъ трудомъ.—Сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ.—Образованіе пролетаріата.—Его экономическое положеніе.—Роль пролетаріата въ политической жизни.—Античная демагогія.

Въ числѣ ходячихъ всемірно-историческихъ формулъ, одно время пользовавшихся большою популярностью, есть одна формула, обязанная своимъ происхожденіемъ сенъ-симонистамъ и сводящаяся къ тому, что въ исторіи трудящейся массы древность была эпохой рабства, средніе вѣка—періодомъ крѣпостничества, а новое время является временемъ вольнонаемнаго труда. Какъ всѣ подобныя формулы, и эта обязана своимъ происхожденіемъ очень широкому обобщенію дѣйствительныхъ фактовъ, но чѣмъ шире историческія обобщенія, тѣмъ меньше они могутъ претендовать на безусловное значеніе, т.-е. тѣмъ больше они нуждаются въ разныхъ оговоркахъ. Рабство, крѣпостничество и вольнонаемный трудъ, дѣйствительно, — наиболѣе характерныя явленія для древности, средневѣковья и новаго времени въ соціально-экономической исторіи Европы, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы древность, напр., рядомъ съ трудомъ подневольныхъ рабовъ не знала подневольнаго же труда крѣпостныхъ крестьянъ и наемнаго труда свободныхъ ѳетовъ-пролетаріевъ. Мы уже имѣли случаи отмѣчать существованіе въ античныхъ государствахъ и крѣпостныхъ земледѣльцевъ [1]), и наемныхъ рабочихъ, и намъ нѣтъ надобности настаивать на томъ, что рабскій трудъ не былъ единственнымъ удѣломъ трудящейся массы, въ которой притомъ были и свободные мелкіе собственники, и свободные арендаторы. Если, однако, мы спросимъ, какая форма труда господствовала въ древности

[1]) См. выше, стр. 26, 29—30 и др.

въ крупныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, которыя теперь пользуются наемнымъ трудомъ пролетаріата (сельскаго или городского, все равно), то намъ придется, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ въ смыслѣ указанной общей формулы: крупное помѣстье держалось главнымъ образомъ рабскимъ трудомъ, и въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ работа производилась тоже рабами [1]). Къ концу древней исторіи, въ первые вѣка нашей эры, сельско-хозяйственный трудъ рабовъ сталъ уступать мѣсто господствующей формѣ средневѣковья, крѣпостничеству, именно такъ называемому колонату [2]), но въ теченіе всей древней исторіи рабство было одною изъ помѣхъ для развитія свободнаго труда. Въ рабахъ каждый болѣе крупный предприниматель имѣлъ самую дешевую рабочую силу, какую только можно себѣ представить, и съ рабскимъ хозяйствомъ не могъ конкуррировать не только мелкій землевладѣлецъ, ведшій маленькое хозяйство за свой счетъ и на свой страхъ, но и пролетарій, котораго существованіе многочисленныхъ рабовъ лишало заработка. Это—экономическая сторона исторіи античнаго пролетаріата, политическая же заключалась въ томъ, что пролетаріатъ въ смыслѣ совокупности неимущихъ и очень часто безработныхъ людей входилъ въ составъ гражданской общины, т.-е. былъ составною частью суверенаго демоса-плебса и пользовался широкимъ участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Еще яснѣе мы представимъ себѣ тѣ слѣдствія, какія отсюда проистекали, если вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ-городахъ (правда, очень немногихъ) у этого суверенаго народа были еще свои подданные, которыхъ онъ могъ эксплуатировать,—одна изъ важныхъ особенностей античной демократіи, о чемъ рѣчь будетъ у насъ идти въ другомъ мѣстѣ. Вопросъ о томъ, чѣмъ было жить античному пролетарію, рѣшался, съ одной стороны, существованіемъ рабовъ, такъ сказать, отбивавшихъ у него работу, съ другой — въ нѣкоторыхъ городахъ, по крайней мѣрѣ,—существованіемъ подвластныхъ общинъ, которыя приносили государству доходъ. Конечно, къ этому утвержденію нельзя свести всѣ факты соціальной исторіи трудящихся классовъ общества, но зато

---

[1]) Ср. выше, стр. 70.

[2]) О различіи рабства и крѣпостничества см. выше, стр. 29.

это—наиболѣе бросающаяся особенность внутренней исторіи такихъ государствъ-городовъ, какъ Аѳины или Римъ.

Разсмотримъ теперь отдѣльно сначала рабство, потомъ пролетаріатъ въ античномъ мірѣ.

Въ исторической литературѣ долго господствовало мнѣніе, будто въ древнемъ мірѣ въ эпоху наибольшаго развитія рабства число невольниковъ превышало число свободныхъ гражданъ. Къ сожалѣнію, точной статистики населенія государствъ-городовъ Греціи и Италіи не существуетъ, и особенно затруднительно отвѣтить на вопросъ о томъ, каковы были взаимныя количественныя отношенія разныхъ классовъ населенія, но новѣйшія научныя изслѣдованія приводятъ къ результату, очень неблагопріятному для прежняго преувеличеннаго мнѣнія относительно преобладанія рабовъ надъ свободными. Притомъ нужно еще различать отдѣльныя мѣстности и разные періоды.

Вообще въ болѣе древнія эпохи и въ областяхъ, гдѣ продолжало господствовать старое натуральное хозяйство, рабовъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова было очень мало, но число ихъ быстро возрастало тамъ и тогда, гдѣ и когда происходило развитіе крупной промышленности, гдѣ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ можно было за недорогую сравнительно плату доставать этотъ живой товаръ, обязанный своимъ происхожденіемъ большею частью войнѣ, такъ какъ плѣнники обыкновенно продавались въ рабство. Однако, даже и въ періоды наибольшаго развитія рабства число рабовъ не превышало числа свободныхъ, и во всякомъ случаѣ въ Аѳинахъ и Римѣ большинство ремесленниковъ состояло не изъ рабовъ. Въ серединѣ V в. населеніе Аттики, половина котораго жила, вѣроятно, въ Аѳинахъ съ его портомъ Пиреемъ, было приблизительно въ 160 т. душъ, въ числѣ которыхъ гражданъ было свыше ста тысячъ да тысячъ приблизительно по тридцати метэковъ и рабовъ [1]), такъ что на каждаго раба приходилось, по крайней мѣрѣ, четыре свободныхъ человѣка. Впрочемъ, въ IV в. это отношеніе, повидимому, измѣнилось не въ пользу свободы, и число рабовъ сравнялось, кажется, съ числомъ свободныхъ. Нѣмецкій историкъ Греціи Белохъ полагаетъ, что въ началѣ пелопоннесской войны, т.-е. около

[1]) Другое предположеніе: 135 т. свободныхъ (гражданъ и метэковъ) и 100 т. рабовъ.

430 г. въ Греціи (кромѣ Крита, Эпира и Македоніи) жило около $2^1/_4$ милліоновъ душъ [1]), въ числѣ коихъ было до 850 т. рабовъ, т.-е. по одному рабу на менѣе, нежели трехъ свободныхъ, — цифра, не столь благопріятная для свободы, какъ та, которую даютъ для тогдашней Аттики.

Близкое къ этому отношеніе существовало въ эпоху наибольшаго развитія рабства и въ Италіи, гдѣ, повидимому, одинъ рабъ приходился на двухъ свободныхъ. Замѣтимъ, что эти численныя отношенія установлены такими новѣйшими изслѣдователями, какъ Белохъ, Эдуардъ Мейеръ и др., которые борятся съ прежнимъ преувеличеннымъ мнѣніемъ; одинъ рабъ на 2—4 свободныхъ, это—такое отношеніе, которое все-таки говоритъ о сильномъ развитіи рабства. Притомъ это — средніе только выводы, въ отдѣльныхъ же случаяхъ, хотя бы даже и рѣдкихъ, сами новѣйшіе изслѣдователи этого вопроса допускаютъ возможность перевѣса въ населеніи города рабовъ надъ свободными. Если мы еще примемъ въ расчетъ, что среди свободыхъ было очень много бѣдняковъ и число ихъ даже, какъ увидимъ, все увеличивалось, то намъ нечего будетъ удивляться существованію въ позднѣйшіе періоды такихъ богачей, у которыхъ были сотни и даже, пожалуй, тысячи рабовъ. Рабовладѣльцы, конечно, вездѣ составляли незначительное меньшинство, и потому совсѣмъ не приходится думать, будто если не всѣ граждане, то большинство ихъ имѣли, по меньшей мѣрѣ, хоть одного раба. Многіе историки самую возможность широкаго участія гражданъ въ государственной жизни готовы были объяснять тѣмъ, что за нихъ дома работали рабы и что этимъ было обезпечено ихъ матеріальное существованіе безъ особыхъ заботъ и хлопотъ со стороны ихъ самихъ, но этотъ, довольно распространенный еще и въ наше время взглядъ слѣдуетъ оставить. И если уже указывать на источники существованія значительной части демоса-плебса нѣкоторыхъ государствъ внѣ личнаго труда, то это будетъ не рабскій трудъ, которымъ пользовались только богатые, а существованіе у нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ подвластныхъ имъ общинъ и ихъ эксплуатація. Рабство, наоборотъ, повторяемъ, отбивало хлѣбъ у неимущихъ гражданъ, лишая многихъ изъ нихъ заработка.

Въ экономическомъ смыслѣ рабство есть подневольный

---

[1]) Въ 1882 г. на такой же территоріи жило 2.065.000 д.

трудъ въ чужомъ для трудящагося хозяйственномъ предпріятіи, причемъ заработную плату, устанавливаемую въ свободномъ состояніи обоюднымъ договоромъ, здѣсь замѣняетъ полное содержаніе, даваемое рабу его господиномъ. Въ болѣе раннія времена мы находимъ въ античномъ мірѣ рабовъ лишь въ качествѣ домашней прислуги или несвободныхъ рабочихъ (пастуховъ, пахарей и т. п.) въ небольшихъ хозяйствахъ ранняго, несложнаго типа. Тогда рабъ былъ принадлежностью дома, семьи, того, что̀ у римлянъ называлось фамиліей [1]), и въ этомъ смыслѣ въ Греціи рабъ даже обозначался, какъ домочадецъ, *жетъ* или *ойкетъ* (οἰκέτης). Говоря о составѣ семьи, какъ первичной клѣточки государства, Аристотель прямо отмѣчаетъ, что „цѣльная семья состоитъ изъ рабовъ и свободныхъ“, и что „первыя и самомалѣйшія части семьи суть господинъ и рабъ, мужъ и жена, отецъ и дѣти“, откуда въ семьѣ „имѣютъ мѣсто и отношенія троякаго рода“ [2]). Рабъ для Аристотеля есть одно изъ средствъ, необходимыхъ для хозяйственныхъ цѣлей, ибо, говоритъ онъ, „эти средства двоякаго рода: одни неодушевленныя, другія одушевленныя. Для корабельщика, напримѣръ, руль—средство неодушевленное, а рулевой — одушевленное, потому что слуга въ каждомъ дѣлѣ есть то же, что орудіе въ какомъ-либо искусствѣ. Посему, если каждый предметъ, которымъ мы владѣемъ, есть средство для жизни, а вообще имущество слагается изъ множества такихъ средствъ, то рабъ, какъ и всякій вообще слуга, будучи одушевленнымъ имуществомъ, есть лучшее средство для разныхъ потребностей жизни, ибо онъ замѣняетъ собою нѣсколько другихъ“ [3]). Аристотель, какъ извѣстно, былъ защитникомъ рабства, и ему рабъ казался даже необходимою принадлежностью домашняго хозяйства, которую, по его словамъ, у бѣдныхъ замѣняетъ рабочій волъ, но на самомъ дѣлѣ, конечно, существовали и такія хозяйства,—мелкія именно,—которыя обходились безъ рабовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ сама же оговорка Аристотеля.

Отъ этого вида рабскаго труда въ домашнемъ самодовлѣющемъ хозяйствѣ нужно отличать пользованіе рабскимъ трудомъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, производившихъ

---

[1]) См. выше, стр. 155.

[2]) Пер. Скворцова, стр. 155.

[3]) Стр. 13.

тѣ или другіе продукты не для потребленія ихъ въ самомъ же „домѣ“, а для сбыта [1]). Говоря объ экономической сторонѣ жизни, Аристотель различаетъ въ ней два вида, которые называетъ естественной и неестественной экономической дѣятельностью, разумѣя подъ первою домашнее хозяйство въ видахъ удовлетворенія потребностей семьи производимыми въ этомъ хозяйствѣ продуктами, а подъ второю—промышленныя предпріятія, конечная цѣль которыхъ — продажа произведенныхъ предметовъ ради наживы. Перваго рода пріобрѣтеніе богатства онъ называетъ экономическимъ, а второго рода—барышническимъ, прибавляя, что „барышъ получается здѣсь не какимъ бы то ни было образомъ, но не иначе, какъ посредствомъ мѣны цѣнностей“ [2]). То, что̀ Аристотель обозначаетъ этими двумя терминами, въ извѣстномъ смыслѣ соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ натуральнаго и денежнаго хозяйства, а мы уже знаемъ, что переходъ отъ одной формы къ другой происходилъ болѣе или менѣе во всѣхъ государствахъ-городахъ античнаго міра. Мы знаемъ также, какія перемѣны этотъ переходъ вызывалъ въ соціальномъ ихъ быту [3]), но въ томъ мѣстѣ, гдѣ объ этомъ шла рѣчь, мною не было достаточно подчеркнуто вліяніе денежнаго хозяйства на исторію античнаго рабства. Дѣло, собственно говоря, въ томъ, что эксплуатація рабскаго труда въ особенно широкихъ размѣрахъ сдѣлалась возможною только при возникновеніи предпріятій въ духѣ денежнаго хозяйства, т.-е. болѣе крупныхъ хозяйствъ, занимавшихся производствомъ на сбытъ ради наживы. Въ торгово-промышленныхъ государствахъ Греціи такими предпріятіями были мануфактуры, хозяева которыхъ широко пользовались рабскимъ трудомъ, въ римскомъ же государствѣ рабскій трудъ получилъ развитіе главнымъ образомъ въ примѣненіи къ обработкѣ земель, принадлежавшихъ крупнымъ собственникамъ, которые вели чисто „плантаціонное“ хозяйство, т.-е. такое, какое мы впослѣдствіи наблюдаемъ въ Америкѣ въ эпоху невольничества негровъ. Чѣмъ болѣе развивалась фабричная промышленность въ Греціи и латифундіальное хозяйство въ Италіи, тѣмъ все въ бо̀льшемъ и бо̀льшемъ количествѣ рабочихъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 63.

[2]) Перев. Скворцова, 29. Барышническій—χρηματιστικός

[3]) См. выше, стр. 70 и 92.

рукъ онѣ нуждались, наиболѣе же выгодными для предпринимателей были рабочія руки рабовъ.

Источникомъ рабства была не одна война; мы уже видѣли, что рабомъ могъ сдѣлаться и неоплатный должникъ [1]),— явленіе, принимавшее по временамъ размѣры настоящаго народнаго бѣдствія. Сначала рабы, какъ выражается Э. Мейеръ, были только домашнимъ инвентаремъ, но потомъ они получили значеніе инвентаря производительнаго, и тогда ихъ потребовалось очень много. Крупные „барышники",—пользуясь выраженіемъ Аристотеля,—находили, что свободные рабочіе слишкомъ дороги, что съ ними больше хлопотъ, что трудъ ихъ недостаточно производителенъ, и предпочитали покупать рабовъ: содержаніе раба обходилось дешевле, онъ былъ вполнѣ существомъ безотвѣтнымъ, потому что былъ не лицомъ (persona), а только тѣломъ (σῶμα) или вещью (res), да къ тому же и заставить его работать, какъ можно больше, было гораздо легче. На спросъ явилось предложеніе, и торговля живымъ товаромъ получила громадное развитіе, причемъ въ греческія государства, а позднѣе и въ Римъ стали ввозиться массы рабовъ, родиною которыхъ одинаково могла быть и какая-либо страна культурнаго Востока, и любая изъ некультурныхъ странъ, гдѣ только у грековъ были свои колоніи. Были и настоящіе рынки рабовъ, напр., на о-вѣ Делосѣ, гдѣ однажды въ одинъ только день, какъ разсказываютъ, было распродано 10 т. рабовъ. Главные центры торгово-промышленнаго развитія въ V в.,—а такими центрами, какъ мы знаемъ, являлись Коринѳъ, Аѳины, Сиракузы и т. п.,— сдѣлались и мѣстами, гдѣ было наибольшее количество рабовъ. Каждый деміургъ, искавшій выгоды, или мелкій торговецъ, желавшій расширить свои операціи, прежде всего обзаводился рабомъ или двумя-тремя рабами, съ которыми и работалъ или торговалъ, какъ съ помощниками своими, спеціально обученными дѣлу, а кто былъ побогаче, тотъ держалъ и большее количество рабовъ: напр., на фабрикѣ оружія, принадлежавшей Демосѳену, работало тридцать три раба. Кажется, преобладали мастерскія съ 20—30 рабами, но бывали и съ 120 рабами. Изъ области обрабатывающей промышленности примѣненіе рабскаго труда перешло въ область промышленности добывающей, и, напр., въ Аттикѣ

[1]) См. выше, стр. 84 и слѣд.

очень большое количество рабскихъ рукъ было занято въ рудникахъ. По словамъ Ксенофонта, въ рудникахъ нѣкоторыхъ гражданъ работало по 300, по 600 и даже по 1000 рабовъ. Наконецъ, — но только не въ Греціи, а въ Римѣ, — рабскій трудъ нашелъ громадное примѣненіе и въ сельскомъ хозяйствѣ. Случалось и такъ, что рабы жили и отдѣльно отъ своихъ господъ, въ качествѣ самостоятельныхъ ремесленниковъ, обязанныхъ только платить оброкъ (ἀποφορά), или же отдавались въ наемъ для самыхъ разнообразныхъ надобностей: нѣчто подобное дѣлалось и въ Россіи въ эпоху крѣпостного права, когда помѣщики отпускали „дворовыхъ“ на оброкъ или сами „заставляли“ ихъ къ кому-либо въ услуженіе. Цѣны рабовъ были разныя: наприм., въ Греціи чернорабочіе въ V в. стоили рублей по 75 на наши деньги, ремесленники—около 90—120 р., рабы съ нѣкоторымъ образованіемъ—и 150 р., и 200 р., и много дороже.

Печальное юридическое положеніе рабовъ явствуетъ изъ того, что они не считались даже за лица, и были просто вещами. Въ такъ называемыя патріархальныя времена, когда рабы жили въ семьяхъ самихъ хозяевъ, часто работали вмѣстѣ съ ними и большею частью принадлежали къ одной и той же народности, обращеніе съ рабами должно было быть лучшимъ, чѣмъ позднѣе, когда рабами были въ громадномъ большинствѣ варвары, сами рабовладѣльцы болѣе уже обыкновенно физическимъ трудомъ не занимались и старыхъ патріархальныхъ отношеній внутри „дома“ или „семьи“ не было. Между положеніями домочадца, съ одной стороны, и чернорабочаго, иногда даже носившаго на себѣ кандалы, съ другой, существовала цѣлая градація промежуточныхъ ступеней, и въ обращеніи господъ съ рабами существовало также множество оттѣнковъ отъ большой гуманности до крайнихъ проявленій произвола и жестокости. Все это, однако, не касалось юридической стороны института рабства, ибо каковы бы ни были фактическія отношенія господъ къ рабамъ, однимъ надъ другими принадлежало настоящее право собственности, такое же въ сущности, какое имѣетъ собственникъ по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ или къ рабочему скоту. Государство или совсѣмъ не вмѣшивалось въ то, что дѣлали рабовладѣльцы со своими невольниками, или лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, да и то въ очень слабой степени ограждало личность раба

отъ произвола. Въ лучшемъ положеніи находились только государственные рабы (δημόσιοι, servi publici), несшіе обязанности писцовъ, полицейскихъ, тюремщиковъ, вѣстовыхъ и т. п. или занятые общественными работами и т. п. Въ отдѣльныхъ случаяхъ рабы получали отъ своихъ господъ (или отъ государства) свободу, для чего требовалось исполненіе извѣстныхъ формальностей, въ родѣ, напр., продажи раба какому-либо божеству (въ Греціи). Отпущенники (ἀπελεύθεροι, liberti) не были, однако, вполнѣ свободными людьми, такъ какъ на нихъ продолжали лежать по отношенію къ прежнимъ господамъ нѣкоторыя обязанности, а по смерти вольноотпущенника имущество или, по крайней мѣрѣ, извѣстная его часть переходила въ распоряженіе бывшаго господина, который въ Римѣ сохранялъ по отношенію къ своему *либерту* названіе *патрона*. Въ политическомъ отношеніи отпущенники тоже не пользовались равноправностью съ природными гражданами.

Развитіе рабскаго труда въ древнемъ мірѣ повлекло за собою, между прочимъ, образованіе въ зажиточныхъ классахъ общества презрительнаго отношенія къ физическому труду, какъ къ занятію, недостойному званія свободнаго человѣка и настоящаго гражданина. Старая аристократическая теорія о зависимости личной доблести отъ благородства происхожденія [1]) смѣнилась теоріей о неприличіи свободному гражданину заниматься какимъ-либо ремесломъ. Въ первобытныя времена физическій трудъ былъ удѣломъ всѣхъ членовъ общины, но по мѣрѣ соціальной дифференціаціи все болѣе и болѣе распространялось и утверждалось убѣжденіе въ томъ, что люди изъ высшихъ классовъ призваны исключительно къ несенію военной службы и къ занятію государственными дѣлами, — взглядъ, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ дворянствѣ средневѣковой и новой Европы. Съ паденіемъ значенія родовой знати наслѣдницею этого взгляда сдѣлалась болѣе крупная буржуазія, и философія нерѣдко являлась только въ роли идеологической защитницы этого классоваго пренебреженія къ труду. Напр., Аристотель прямо утверждалъ, что „въ государствѣ съ наилучшимъ политическимъ устройствомъ, гдѣ люди абсолютно добродѣтельны, а не только сообразно съ условіями ихъ политическаго быта, граждане

[1]) См. выше, стр. 32.

не должны заниматься ни ремеслами, ни промыслами, потому что такая жизнь неблагородна и противна интересамъ добродѣтели. Граждане такого государства, продолжаетъ онъ, равнымъ образомъ не должны быть и земледѣльцами; напротивъ, какъ для развитія въ себѣ начала добродѣтели, такъ и для политической дѣятельности, имъ необходимъ философскій досугъ“ [1]). Считая истиннымъ призваніемъ гражданъ политическую и военную дѣятельность, Аристотель прибавлялъ, что только такіе истинные граждане и могутъ владѣть землей, обрабатывать которую должны „или рабы, или варвары, или періэки“ [2]). Параллельныхъ этимъ цитатамъ мѣстъ и у самого Аристотеля, и у другихъ классиковъ можно было бы привести нѣсколько: такъ этотъ взглядъ на необходимость для гражданина „схоластической“ жизни былъ распространенъ въ древности. Прибавимъ только, что Аристотель находилъ всякое занятіе какимъ-либо ремесломъ способнымъ только отуплять мысль и дѣлать ее неспособною къ высшимъ проявленіямъ интеллектуальнаго существованія.

Конечно, рабскій трудъ,—особенно тамъ, гдѣ онъ достигалъ наибольшаго развитія,—являлся одною изъ помѣхъ для развитія труда вольнонаемнаго. Мы видѣли, почему предприниматели предпочитали рабовъ свободнымъ наймитамъ, и это обстоятельство отражалось крайне невыгодно на благосостояніи ѳетовъ-пролетаріевъ. Рабъ былъ очень важнымъ и непреоборимымъ конкуррентомъ свободнаго, но неимущаго простолюдина, котораго онъ ставилъ иногда въ полную невозможность пропитывать себя какою-либо работою. Праздность, въ какой жила значительная часть городской „черни“, была результатомъ вытѣсненія изъ промышленной жизни свободныхъ рабочихъ рукъ руками покупныхъ невольниковъ, и такимъ образомъ рабство содѣйствовало не только обогащенію имущихъ классовъ, но и обостренію нищеты неимущихъ. Вотъ почему внѣдреніе рабскаго труда въ хозяйственную жизнь отдѣльныхъ городовъ нерѣдко встрѣчалось выраженіями сознательнаго недовольства со стороны рабочаго простонародія. Античный простолюдинъ въ этомъ отношеніи напоминаетъ намъ современнаго рабочаго, когда послѣдній выражаетъ свое неудовольствіе на появленіе въ странѣ

[1]) Перев. Скворцова, 194.

[2]) Стр. 195.

пришлыхъ, болѣе дешевыхъ рабочихъ, которыхъ предприниматели ввозятъ иногда цѣлыми партіями. Рабы оказывались опасными конкуррентами не только городскихъ рабочихъ, но и крестьянъ. Въ Римѣ, повидимому, болѣе крупные землевладѣльцы довольно рано стали прогонять со своихъ земель кліентовъ и прибѣгать къ рабскому труду [1]). Вотъ почему въ числѣ знаменитыхъ рогацій Лициния и Секстія [2]) было и такое предложеніе, чтобы для обработки своихъ земель богатые люди пользовались не одними рабами, но и свободными рабочими. Хотя въ этомъ смыслѣ и сдѣлано было постановленіе, но оно оказалось безсильнымъ въ борьбѣ съ развитіемъ рабскаго хозяйства и не достигло своей цѣли обезпечить за вольнонаемнымъ трудомъ хотя бы только часть работы. Экономическій процессъ шелъ своимъ порядкомъ, и въ эпоху Гракховъ, т.-е. въ серединѣ II в., далъ свои результаты въ смыслѣ разоренія бывшаго когда-то крѣпкимъ римскаго крестьянства, которому оказалось не подъ силу конкуррировать съ рабскимъ хозяйствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Тотъ же результатъ получался и въ городахъ, тѣмъ болѣе, что и каждый мелкій ремесленникъ стремился обзавестись рабомъ, такъ что нѣкоторая часть самой демократіи мирилась съ рабствомъ и вовсе ему не противодѣйствовала.

Параллельно съ развитіемъ рабства шло развитіе крупнаго землевладѣнія. Уже въ самомъ началѣ исторіи государствъ-городовъ древняго міра среди гражданъ были и многоземельные, и малоземельные, и безземельные [3]), и мы кромѣ того, еще знаемъ, что процессъ обезземеленія малоземельныхъ болѣе крупными собственниками продолжался и въ періодъ господства знати, что̀ и было одною изъ причинъ борьбы съ нею народа [4]). Это явленіе обращало на себя вниманіе многихъ правителей, которые тѣми или другими мѣрами думали задержать процессъ, закрѣпить землю за ея прежними владѣльцами. Къ числу такихъ мѣръ въ Аѳинахъ мы можемъ, наприм., отнести установленіе Солономъ максимума для земельныхъ владѣній, оказаніе Писистратомъ кре-

---

[1]) См. выше, стр. 90.

[2]) См. выше, стр. 91.

[3]) См. выше, стр. 25.

[4]) См. выше, стр. 84 и слѣд.

дита мелкимъ землевладѣльцамъ изъ государственной казны [1]) и т. п. Это не единичные примѣры, ибо и въ другихъ городахъ проявлялась та же забота оградить землевладѣніе отъ всякихъ въ немъ измѣненій, неблагопріятныхъ для большинства гражданъ. Такой политикой особенно, повидимому, руководились тираны. Напр., Кипселъ и Періандръ въ Коринѳѣ надѣляли безземельныхъ гражданъ участками изъ имѣній, конфискованныхъ у знати, запрещали сельчанамъ переселяться въ городъ, противодѣйствовали развитію рабскаго хозяйства и т. п. Обезземеленію массы много способствовалъ и ввозъ заграничнаго хлѣба, который дѣлалъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ очень невыгоднымъ для мелкаго собственника. Въ государствахъ, гдѣ процвѣтали промышленность и торговля, земледѣліе совсѣмъ приходило въ упадокъ. У Геродота (кн. V, гл. 29) записанъ любопытный разсказъ о томъ, что̀ нашли въ области Милета паросцы, которыхъ граждане этого перваго города Іоніи пригласили для умиротворенія внутреннихъ смутъ. „Проходя по всей милетской землѣ, разсказываетъ историкъ, они, гдѣ бы ни увидѣли хорошо обработанное поле въ разоренной странѣ, записывали имя хозяина этого поля. Прошли они всю страну, но такихъ полей нашли немного“ [2]).

Особенный интересъ представляетъ собою исторія сосредоточенія въ немногихъ рукахъ поземельной собственности въ Спартѣ. Интересъ этотъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что на спартанскій бытъ долгое время смотрѣли, какъ на одинъ изъ наиболѣе выпуклыхъ примѣровъ экономической неподвижности государствъ, въ которыхъ главнымъ занятіемъ жителей является земледѣліе, а во-вторыхъ,—и это особенно важно, — именно въ Спартѣ въ виду общаго характера ея политическаго устройства особенно заботились о сохраненіи земли за тѣми, кому она принадлежала. Наконецъ, при обзорѣ соціальныхъ движеній въ греческихъ государствахъ-городахъ [3]) намъ придется познакомиться съ цѣлой аграрной революціей, которая произошла-было въ Спартѣ въ III в. до Р. Х., и для пониманія этого интереснаго эпизода намъ также необходимо знать какимъ образомъ Спарта дошла до

---

[1]) См. выше, стр. 116.

[2]) Перев. проф. Мищенка (М. 1886 г.), т. II, стр. 12.

[3]) См. слѣд. главу.

остраго соціальнаго кризиса, выразившагося въ этой революціи.

Спарта, какъ мы уже не разъ говорили, была своего рода вооруженнымъ лагеремъ среди подвластнаго населенія, и ея граждане были прежде всего воины, каждый изъ которыхъ былъ обезпеченъ извѣстнымъ участкомъ земли, *клеромъ*. Почти вся поземельная собственность находилась здѣсь въ обладаніи спартіатовъ, т.-е. тѣхъ немногочисленныхъ сравнительно съ общимъ количествомъ населенія гражданъ, которые назывались *гомэями*, т.-е. равными [1]). Они были равными не только въ политическомъ смыслѣ, но даже и въ экономическомъ, потому что одною изъ главныхъ заботъ самой гражданской общины было здѣсь поддерживать равенство клеровъ, которыми обезпечивалось несеніе гражданами военной службы государству. Мы не знаемъ, какъ произошло такое болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе поземельной собственности въ Лаконіи, но позднѣйшая легенда приписала его реформѣ законодателя Ликурга [2]), который, по разсказу очень поздняго писателя Плутарха, писавшаго спустя тысячу лѣтъ послѣ предполагаемой эпохи Ликурга, однажды при видѣ лаконскихъ полей послѣ снятія съ нихъ жатвы сравнилъ всю страну съ наслѣдствомъ, только-что поровну подѣленнымъ многими братьями между собою. Эти древніе участки (ἀρχαῖα μοῖρα), какъ они названы у одного писателя, пользовавшагося трудами Аристотеля, были недѣлимы и неотчуждаемы, т.-е. представляли собою заповѣдные семейные надѣлы. Есть основаніе полагать, что каждый спартанскій нормальный клеръ равнялся приблизительно восьми десятинамъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что такъ-таки всѣ спартіаты и владѣли именно такими участками. Возникли ли клеры изъ разложенія первоначальной поземельной общины, какъ смотрятъ на дѣло одни, или же, какъ объясняютъ его другіе, происхожденія равныхъ участковъ нужно искать въ дѣлежѣ земли между воинами, покорившими Лаконію и сдѣлавшимися ея господами, равенство поземельной собственности, повидимому, довольно рано стало нарушаться, и уже въ VI и даже въ VII в. въ Спартѣ былъ классъ гражданъ, обладавшихъ и болѣе крупными участками. Сначала недостатокъ въ землѣ,

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. стр. 22, 31 и др.

[2]) Ср. выше, стр. 80.

который давалъ себя чувствовать съ ростомъ населенія, спартанцы восполняли пріобрѣтеніемъ новыхъ участковъ путемъ завоеванія, и это помогало имъ поддерживать хотя и не абсолютное, но все-таки реальное равенство клеровъ, но пришло время, и этотъ источникъ земельнаго обезпеченія гражданъ изсякъ, а между тѣмъ то важное значеніе, какого достигла Спарта въ греческомъ политическомъ мірѣ [1]), тяжело легло въ экономическомъ отношеніи на ея гражданъ, которые все болѣе и болѣе начинаютъ разоряться подъ бременемъ государственныхъ расходовъ. Однимъ словомъ, въ Спартѣ совершался такой же процессъ, какъ и въ Римѣ, гдѣ тоже постоянныя войны влекли за собою разореніе части мелкихъ землевладѣльцевъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь началось закладываніе земель менѣе зажиточными у болѣе богатыхъ, законъ же о неотчуждаемости клеровъ обходился такимъ образомъ, что должникъ уступалъ заимодавцу въ формѣ *апофоры* (ἀποφορά), т.-е., въ сущности, оброка—часть дохода, а не то и весь доходъ съ участка. Жизнь оказалась сильнѣе закона, а потомъ, именно въ первой половинѣ IV в. и самое запрещеніе отчужденія клеровъ было отмѣнено: именно законъ эфора Эпитадея разрѣшилъ дарить или завѣщать земли, оставивъ въ прежней силѣ лишь запрещеніе ихъ продавать. Аристотель во второй половинѣ того же вѣка уже отмѣчалъ, какъ особенность Спарты, сосредоточеніе въ ней поземельной собственности въ немногихъ рукахъ. „Спартанское устройство, говоритъ онъ, можно упрекнуть въ ненормальномъ распредѣленіи имущества. Одни въ Спартѣ владѣютъ чрезвычайно большимъ имуществомъ, а другимъ достается самое ничтожное, такъ какъ вся земля тамъ находится во владѣніи небольшого числа гражданъ“ [2]). Аристотель приписывалъ это дурному законодательству, дозволявшему давать дочерямъ приданое, вслѣдствіе чего, по его словамъ, „почти двѣ пятыхъ всей земли принадлежали женщинамъ“. Вотъ почему, прибавляетъ онъ, „страна, которая въ состояніи прокормить полторы тысячи всадниковъ и тридцать тысячъ гоплитовъ, не считаетъ въ себѣ и тысячи войска“ [3]). Въ слѣдующемъ вѣкѣ греческій историкъ Фи-

[1]) См. главу XV и XVI.

[2]) Пер. Скворцова, стр. 92.

[3]) Стр. 93.

лархъ, показаніе котораго сохранилось у Плутарха, насчитывалъ лишь семьсотъ спартіатовъ, изъ которыхъ едва сто имѣли землю и надѣлъ. Кто терялъ свой клеръ, а потому не могъ участвовать въ сисситіяхъ, тотъ переставалъ быть полноправнымъ гражданиномъ и опускали въ классъ *гипоміоновъ* или *гипомейоновъ* (ὑπομείονες), чѣмъ и объясняется уменьшеніе числа спартіатовъ, о которомъ говорятъ источники. Эти захудалые граждане лишались также права участія въ народномъ собраніи, апеллѣ. Ὑπομείονες, это — спартанскій пролетаріатъ, лично свободный, но политически безправный, который вынужденъ былъ жить трудами рукъ своихъ. Въ III в. наемные рабочіе или *пелаты* (πελάτης) уже составляли цѣлый общественный классъ въ Спартѣ.

Аналогичный процессъ совершался и въ Римѣ. И здѣсь крупное землевладѣніе усиливалось на счетъ мелкаго, причемъ процессъ этотъ то усиливался, то ослабѣвалъ. Сначала мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ мы знаемъ, разоряли долги, а потомъ къ тому же самому приводило появленіе на рынкѣ привознаго хлѣба или хлѣба, производившагося рабами въ болѣе крупныхъ помѣстьяхъ римскихъ богачей. Исключительное положеніе, въ какомъ очутился Римъ, благодаря счастливымъ войнамъ, позволило его богатому классу пріобрѣтать громадное количество земель, и къ серединѣ II в. до Р. Х. въ бо́льшей части Италіи совсѣмъ исчезло свободное крестьянство, господствовали уже латифундіи, т.-е. большія помѣстья, а на нихъ — рабское хозяйство. „У дикихъ звѣрей въ Италіи, говорилъ Тиберій Гракхъ, есть свои норы и логовища, а у людей, сражающихся и умирающихъ за эту самую Италію, не остается больше ничего, кромѣ воздуха и свѣта!.. Наши военачальники повторяютъ неправду, когда во время битвы призываютъ воиновъ защищать могилы предковъ и домашніе алтари, ибо ни у одного изъ этого великаго множества римскихъ воиновъ нѣтъ болѣе ни отцовскаго очага, ни родовой усыпальницы. Эти самые люди, которыхъ называютъ владыками міра, сражаются за богатства, за роскошь другихъ, но сами они не владѣютъ ни пядью земли“.

Обезземеленіе народной массы приводило къ образованію пролетаріата. Съ этимъ терминомъ, которымъ мы пользуемся и въ настоящее время, римляне были знакомы еще въ эпоху центуріатной реформы, и онъ обозначалъ людей, обладающихъ только потомствомъ (proles), причемъ пролетаріи со-

ставляли лишь одну центурію изъ 193 [1]). Очевидно, число такихъ бѣдняковъ въ раннія эпохи, когда господствовало натуральное хозяйство, было сравнительно небольшимъ, но оно вездѣ съ теченіемъ времени возрастало пока въ составъ пролетаріата не вошло большинство свободнаго населенія, особенно въ самихъ городахъ. Какъ бы ни былъ развитъ рабскій трудъ, онъ никогда не въ состояніи былъ совершенно вытѣснить примѣненіе вольнонаемнаго труда пролетаріевъ. Многіе все-таки находили работу въ качествѣ каменотесовъ и плотниковъ, носильщиковъ, перевозчиковъ и матросовъ, поденныхъ рабочихъ въ мастерскихъ, на мельницахъ, на огородахъ и т. п., и очень часто самому государству приходилось предпринимать разныя работы почти исключительно въ видахъ прокормленія своихъ пролетаріевъ. Но у неимущей массы былъ и иной источникъ дохода — продажа не своего труда, а своей крови, поступленіе въ наемныя войска, которымъ, конечно, было не до интересовъ родины. Наконецъ, дѣло доходило до того, что государство оказывалось вынужденнымъ раздавать хлѣбъ даромъ или продавать его по самой дешевой цѣнѣ своимъ неимущимъ гражданамъ или возлагало эту обязанность на болѣе богатыхъ гражданъ, пріучая этимъ самымъ пролетаріевъ къ совершенно праздной жизни.

Не забудемъ, что во многихъ государствахъ пролетаріатъ пользовался политическими правами. Мы еще увидимъ, къ какимъ послѣдствіямъ это приводило, — увидимъ именно на примѣрахъ Аѳинъ и Рима въ періоды наибольшаго участія народа въ веденіи государственныхъ дѣлъ. Не имѣя ни состоянія, ни заработка, гражданинъ извлекалъ непосредственную выгоду изъ своего права голоса въ народныхъ собраніяхъ, продавая этотъ голосъ тому, кому его нужно было купить для какихъ-либо своихъ цѣлей. Поступленіе въ наемное войско и торговля голосами на народныхъ собраніяхъ были двумя способами индивидуальной дѣятельности безработныхъ пролетаріевъ, въ праздности своей часто даже отвыкавшихъ отъ правильнаго труда, въ массѣ же, т.-е. коллективно классъ бѣдныхъ гражданъ или пользовался своими политическими правами, чтобы вести постоянную войну противъ богатыхъ, или становился орудіемъ демаго-

[1]) См. выше, стр. 104.

говъ, большею частью стремившихся къ осуществленію чисто личныхъ цѣлей. Въ слѣдующей главѣ мы разсмотримъ, какъ вообще велась эта борьба бѣдныхъ съ богатыми, а здѣсь только отмѣтимъ фактъ возрожденія тиранніи позднѣйшей эпохи на почвѣ демагогіи, ловко пользовавшейся нелюбовью бѣдныхъ къ богатымъ, чтобы при помощи первыхъ захватывать власть въ свои руки.

Говоря о разныхъ видахъ демократіи въ одномъ мѣстѣ своей „Политики", Аристотель выдѣляетъ, между прочимъ, тѣ случаи, когда „при всеобщемъ участіи гражданъ въ дѣлахъ государства верховная власть находится въ рукахъ толпы, а не закона. Гдѣ верховная власть, продолжаетъ онъ, принадлежитъ не закону, тамъ обыкновенно являются демагоги. Народъ въ такихъ случаяхъ есть монархъ, какъ-бы одно лицо, состоящее изъ многихъ", ибо „и властвовать онъ хочетъ, не подчиняясь закону, а деспотируя", и льстецы поэтому у него въ большой чести. „Демагогъ и льстецъ, говоритъ еще Аристотель, — одни и тѣ же лица и вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу; каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ имѣетъ огромную силу: именно льстецы у тирановъ, демагоги у народа... Вслѣдствіе того, что верховная власть находится въ рукахъ народа, возвышаются и демагоги, потому что они управляютъ мнѣніемъ народа, и толпа обыкновенно вѣритъ имъ" [1]). Эту демагогію Аристотель ставитъ на первое мѣсто въ числѣ причинъ непрочности многихъ демократій своего времени. „Демагоги, говоритъ онъ, желая быть у народа въ милости, обижаютъ обыкновенно знатныхъ и тѣмъ побуждаютъ ихъ къ возстанію: или они требуютъ отъ нихъ раздѣла ихъ собственности между народомъ, или истощаютъ ихъ доходы на общественныя литургіи, или клевещутъ народу на богатыхъ, чтобы конфисковать ихъ имущество въ его пользу" [2]).

---

[1]) Перев. Скворцова, стр. 260—261.

[2]) Стр. 331.

ГЛАВА XIII.

Соціальный вопросъ въ античныхъ республикахъ.

Политическія партіи древности и ихъ связь съ соціальною борьбою въ отдѣльныхъ государствахъ городахъ.—За борьбою знатныхъ и незнатныхъ слѣдуетъ борьба богатыхъ и бѣдныхъ. — Основная мысль книги Васильевскаго „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ эпоху ея упадка". — Борьба аристократіи и демократіи въ Греціи въ V и IV вв.—Соціальная реформа въ Спартѣ III в.—Взаимныя отношенія соціальныхъ классовъ въ Римѣ послѣ уравненія правъ патриціевъ и плебеевъ. — Нобилитетъ и пролетаріатъ, оптиматы и популяры въ Римѣ во II в.—Возстанія крѣпостныхъ и рабовъ.

Какъ и въ современныхъ государствахъ, такъ и въ гражданскихъ общинахъ древняго міра политическая жизнь заключалась въ борьбѣ партій, да и основныя, такъ сказать, партіи по своимъ принципамъ были тогда тѣ же, что̀ и теперь. Съ одной стороны, это были партіи консервативныя и прогрессивныя, съ другой—аристократическія и демократическія, т.-е. въ одномъ рядѣ случаевъ вопросъ шелъ о томъ, слѣдуетъ ли охранять установленные порядки (τὰ καθεστῶτα σώζειν) и обычаи предковъ (morem majorum), или, наоборотъ, идти впередъ, реформировать, а въ другомъ рядѣ случаевъ охрана существующаго или преобразованія должны были служить цѣлямъ или привилегированнаго меньшинства гражданъ, или, наоборотъ, народной массы. Въ основѣ раздѣленія на партіи лежатъ такимъ образомъ или принципы, имѣющіе въ виду общее благо, различно понимаемое и въ смыслѣ постановки цѣлей, и въ смыслѣ выбора средствъ для ихъ осуществленія, или же лежатъ въ основѣ этого раздѣленія интересы отдѣльныхъ сословій и классовъ, для которыхъ приципы являются лишь своего рода идеологическими оправданіями ихъ чисто своекорыстныхъ стремленій. Вмѣстѣ съ этимъ борьба между партіями можетъ вестись двоякимъ путемъ, т.-е. либо на легальной почвѣ, какую въ античномъ мірѣ создавала дѣятельность въ свободныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, либо путемъ революцій и государственныхъ переворотовъ. Та борьба, о которой будетъ идти рѣчь

въ этой главѣ, есть по преимуществу борьба классовая и революціонная, борьба соціальная, вызванная распаденіемъ античнаго гражданства на два враждебныхъ класса — богатыхъ и бѣдныхъ, имущихъ и неимущихъ.

Не есть ли, однако, эта борьба лишь простое продолженіе борьбы знатныхъ съ незнатными, которая предшествовала демократической эволюціи, или въ этой новой борьбѣ есть что-либо отличающее ее отъ прежней?

Разсматривая исторію внутреннихъ измѣненій въ гражданскихъ общинахъ античнаго міра, Фюстель де Куланжъ въ извѣстномъ уже намъ своемъ сочиненіи сводитъ эти измѣненія къ четыремъ „переворотамъ“: первый — переходъ власти отъ царей къ аристократіи, второй — распаденіе рода, третій — вступленіе плебса въ гражданскую общину, четвертый — водвореніе демократіи. Насъ могутъ здѣсь касаться только два послѣдніе переворота. Одинъ изъ нихъ Фюстель де Куланжъ видитъ въ томъ, что „освободившіеся кліенты, плебсъ, вся эта толпа, вѣками оставававшаяся внѣ религіознаго и политическаго союза, опрокинула всѣ противопоставляемыя ей преграды, проникла въ гражданскую общину и тотчасъ же стала въ ней властелиномъ“ [1]). Но этотъ переворотъ не былъ дѣломъ самыхъ низшихъ классовъ, и „новый порядокъ водворился попрочнѣе только тамъ, гдѣ тотчасъ же отыскался высшій (или, пожалуй, средній классъ), готовый взять временно въ руки ту политическую и нравственную власть, которая выскользала у эвпатридовъ или патриціевъ“ [2]). Аристократія рожденія смѣнилась аристократіей достатка, которая была переходомъ къ демократіи. Когда, однако, между гражданами установилось равенство, и „не было уже повода къ борьбѣ за права и за начала, люди стали бороться за интересы, за выгоды... Демократія не устранила бѣдности, она сдѣлала ее, напротивъ, еще ощутительнѣе: равенство политическихъ правъ еще болѣе выдвинуло впередъ неравенство состояній... Бѣднякъ пользовался равенствомъ правъ, но, конечно, повседневныя его страданія наводили его на мысль о томъ, что равенство достатковъ было бы гораздо лучше“ [3]).

---

[1]) Стр. 374 по переводу Е. Корша (изд. 1867 г.).

[2]) Стр. 432.

[3]) Стр. 452—454.

Одинъ изъ лучшихъ современныхъ историковъ древняго міра, Эд. Мейеръ тоже различаетъ двѣ разныя борьбы и, исходя изъ иного, не культурно-религіознаго, а соціально-экономическаго истолкованія политической эволюціи, приходитъ въ сущности къ установленію тѣхъ же двухъ моментовъ, причемъ проводитъ параллель между тѣмъ, что дѣлалось въ античныхъ городовыхъ республикахъ, и тѣмъ, что происходило и происходитъ еще теперь въ европейскихъ націяхъ. Первымъ моментомъ является для него, какъ онъ выражается въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій [1]), „образованіе правового государства, уничтоженіе всѣхъ сословныхъ различій и политическихъ преимуществъ, полное распространеніе политической свободы и правового равенства на всѣхъ членовъ государства, созданіе такого общественнаго строя, при которомъ всѣ граждане являлись равноправными и равноцѣнными“. Въ древнемъ мірѣ было тоже свое „средневѣковье“ [2]), и, по словамъ Э. Мейера, „переворотъ въ отношеніяхъ древняго средневѣковья, вызванный вторженіемъ торговли, промышленности и денежнаго обращенія“, повелъ „къ эманципаціи сельскаго населенія, къ устраненію всякихъ привилегій и къ полному уничтоженію того средневѣкового расчлененія народа на наслѣдственныя сословія, при которомъ рожденіе въ томъ или другомъ сословіи заранѣе опредѣляло для каждаго его призваніе и образъ жизни [3])... Юридически, продолжаетъ нашъ историкъ, по тексту закона, новыя учрежденія представляются приблизительно вездѣ одинаковыми, на самомъ же дѣлѣ на ихъ почвѣ происходитъ ожесточенная борьба вновь возникающихъ и стремящихся къ господству профессіональныхъ классовъ (Berufsstände). Новые классы, торговый и промышленный, неустанно прокладая себѣ путь впередъ, стараются захватить въ свои руки политическую власть, опираясь на могущественное вліяніе своего богатства, подчиняющаго имъ, если не юридически, то фактически, значительную часть населенія. Съ ихъ возвышеніемъ исчезаетъ прежній антагонизмъ между знатью и крестьянствомъ; они соединяются въ одну партію представителей сельскихъ интересовъ, или аграріевъ, пытающуюся

---

[1]) *Эд. Мейеръ*. Рабство въ древности. Спб. 1899, стр. 28.

[2]) См. выше, стр. 65.

[3]) *Эд. Мейеръ*, 28.

вырвать государство изъ-подъ вліянія діаметрально противоположныхъ интересовъ партіи капиталистовъ; такая борьба охватываетъ Аѳины въ V в. и достигаетъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій въ эпоху пелопоннесской войны. За этими руководящими классами слѣдуетъ непрерывно растущій пролетаріатъ — люди, не имѣющіе никакой собственности, кромѣ своей рабочей силы, которую они вынуждены продавать. Исторгнутые изъ прежнихъ условій зависимости и изъ прежнихъ объединявшихъ ихъ союзовъ, они принуждены самолично заботиться о добываніи себѣ средствъ къ существованію. Но они обладаютъ личною свободою и пользуются такими же гражданскими правами, какъ и богачи, т.-е. землевладѣльцы, торговцы и фабриканты; въ количественномъ отношеніи они составляютъ добрую половину, если не большинство гражданъ. Они, въ свою очередь, стремятся къ достиженію собственности и благосостоянія и научились сознавать свою силу. Благодаря этому, они образуютъ революціонный классъ, всегда готовый свергнуть господствующую партію, всегда жаждущій изгнанія или избіенія богатыхъ, конфискаціи имуществъ и раздѣла земель; въ греческихъ государствахъ этотъ антагонизмъ неоднократно разрѣшался кровавыми революціями“ [1]). Вотъ какъ представляется Эд. Мейеру внутренняя исторія греческихъ государствъ и Рима, и, отмѣтивъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ исходъ этой борьбы былъ крайне различенъ, онъ оговаривается, что она „нигдѣ не привела къ окончательному исходу, да никогда и не могла привести, такъ какъ антагонизмъ постоянно возобновлялся“ — вплоть до потери государствомъ политической самостоятельности.

Новѣйшіе историки античнаго міра обратили большое вниманіе на эту соціальную борьбу неимущихъ противъ имущихъ, которая, какъ мы видимъ, смѣнила прежнюю борьбу незнатныхъ противъ знатныхъ. Прежніе историки, изучая періодъ, въ который происходила въ Греціи эта борьба, выдвигали на первый планъ политическій вопросъ тогдашней Греціи—вопросъ о ея національномъ объединеніи, необходимость котораго вызывалась существованіемъ двухъ опасныхъ для грековъ политическихъ силъ—Персіи и Македоніи. Греки не сумѣли объединиться, вотъ главная тема прежнихъ

[1]) Стр. 29—30.

историковъ упадка Греціи. „Задача греческой исторіи, пишетъ, напр., одинъ русскій ученый, нынѣ покойный,— состояла въ томъ, чтобы найти такое политическое устройство, которое бы примиряло вполнѣ самостоятельность частей съ единствомъ цѣлаго или, по крайней мѣрѣ, съ болѣе крѣпкою связью между нѣкоторыми изъ его отдѣловъ. Несчастье греческой исторіи состояло въ томъ, что до самаго послѣдняго времени она, несмотря на всѣ поиски, не могла найти такой формы политическаго устройства".

Эти слова принадлежатъ бывшему профессору петербургскаго университета В. Г. Васильевскому, а взяты они изъ его книги „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ эпоху ея упадка", вышедшей въ свѣтъ въ 1869 г. [1]). Въ его изображеніи этой эпохи, когда грекамъ особенно нужно было въ той или иной формѣ объединиться, внутренняя борьба, происходившая въ отдѣльныхъ государствахъ Греціи, является главнымъ образомъ однимъ изъ препятствій къ благополучному разрѣшенію основной „задачи" греческой исторіи. „Повидимому, говоритъ онъ, долгія бѣдствія ослабили то ревнивое чувство автономіи и автополитіи, которое до сихъ поръ служило главнымъ препятствіемъ всякой прочной связи между отдѣльными государствами. Но зато, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ когда-либо, были препятствія внутреннія, приготовленныя внутреннимъ, соціальнымъ развитіемъ маленькихъ республикъ. Въ каждой изъ нихъ стояли другъ противъ друга двѣ враждебныя и непримиримыя партіи. Вопросъ политическій неизбѣжно встрѣчался съ вопросомъ соціальнымъ; твердый государственный порядокъ находилъ почти непреодолимыя препятствія въ ожесточенной борьбѣ и сопровождавшихъ ее переворотахъ внутри отдѣльныхъ государствъ" [2]). Въ политическомъ отношеніи Греція дѣлала „рѣшительный шагъ впередъ", но дѣлу помѣшала „попытка разрѣшить соціальный вопросъ", которая „не можетъ быть названа счастливою и разумною" [3]). „Кличъ къ свободѣ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, не имѣлъ, какъ прежде, электрическаго дѣйствія на массы. Другіе вопросы, къ несчастью, болѣе трудные для разрѣшенія,

[1]) Приведенныя слова см. на стр. 9.

[2]) Стр. 27.

[3]) Стр. 1.

волновали ихъ и тяготѣли надъ ними“ [1]). Васильевскій думаетъ, что въ эпоху Ахейскаго союза были на лицо, „повидимому, всѣ условія для политическаго возрожденія полуострова“, но случилось „роковое столкновеніе съ другимъ движеніемъ“, погубившимъ дѣло [2]). Общій выводъ и заключительная фраза книги Васильевскаго: „дѣло политическаго возрожденія Греціи было разрушено, можно сказать, соціальною революціей“ [3]). Впрочемъ, хотя Васильевскій и выдвигалъ въ своей книгѣ на первый планъ „политическую реформу“, для которой, съ его точки зрѣнія, „соціальное движеніе“ было только помѣхой, тѣмъ не менѣе и это послѣднее освѣщено у него весьма хорошо во всѣхъ его наиболѣе существенныхъ подробностяхъ. На русскомъ языкѣ эта книга остается главнымъ сочиненіемъ для того, кто желалъ бы познакомиться съ соціальнымъ вопросомъ въ древней Греціи, пока у насъ нѣтъ перевода капитальнаго труда нѣмецкаго ученаго Р. Пёльмана „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“ [4]), въ которой соціальныя движенія Греціи и Рима разсматриваются, какъ имѣющія самостоятельный интересъ и въ тѣсной связи съ экономической эволюціей и съ развитіемъ политической мысли.

Переходя теперь къ самому разсмотрѣнію соціальной борьбы въ античномъ мірѣ, мы напередъ намѣтимъ, о какихъ фактахъ будетъ у насъ идти рѣчь. Именно мы прежде всего познакомимся съ общимъ характеромъ этой борьбы въ разныхъ греческихъ государствахъ въ V и IV вѣкахъ, причемъ на Аѳинахъ намъ останавливаться не придется въ виду того, что какъ-разъ въ этомъ городѣ отношенія между бѣдными и богатыми не были такъ обострены, какъ въ другихъ городахъ. Затѣмъ мы разсмотримъ попытку рѣшенія соціаль-

---

[1]) Стр. 95.

[2]) Стр. 40. „Обѣ реформы, говоритъ онъ еще, шли параллельно или, лучше сказать, на встрѣчу одна другой... Имъ дѣйствительно суждено было столкнуться враждебнымъ образомъ и къ большому несчастью для всей Греціи“, стр. 100. „Не въ первый и не въ послѣдній разъ общество, напуганное призракомъ соціальнаго переворота, жертвовало своей свободой“, стр. 326.

[3]) Стр. 326.

[4]) *Robert Pöhlmann.* Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus. Два тома, изъ которыхъ второй вышелъ въ 1901 г.

наго вопроса, сдѣланную въ III в. въ Спартѣ царями Агисомъ IV и Клеоменомъ III. Послѣднимъ отдѣломъ этой главы будетъ возникновеніе соціальнаго вопроса въ Римѣ около середины II в.

Греческіе писатели IV в. оставили не мало свидѣтельствъ о тогдашнемъ рѣзкомъ раздѣленіи общества на богатыхъ и бѣдныхъ и о взаимной ненависти обоихъ классовъ. Очень яркую картину такого положенія дѣлъ даетъ намъ, напр., Платонъ въ своемъ сочиненіи о „Государствѣ". Рѣчь идетъ именно о разныхъ формахъ правленія и, между прочимъ, объ олигархіи, въ которой Платонъ готовъ видѣть „не одинъ городъ (=государство), а два: одинъ изъ людей бѣдныхъ, другой изъ богатыхъ" [1]), причемъ одни то и дѣло злоумышляютъ противъ другихъ. „Бѣдные, сказано далѣе, какихъ ты видишь въ городѣ, суть не что иное, какъ спрятавшіеся въ этомъ мѣстѣ воры, отрѣзыватели кошельковъ, святотатцы и мастера на всякое подобное зло" [2]).—„Такъ вотъ, читаемъ мы еще дальше, и сидятъ они (разорившіеся) въ городѣ, вооруженные жалами,—одни, какъ обремененные долгами, другіе, какъ лишенные чести, а иные угнетаемые обоими видами зла, и, питая ненависть и замыслы противъ людей, завладѣвшихъ имѣніемъ ихъ, да и противъ всѣхъ, задумываютъ возстаніе" [3]). „Какъ болѣзненное тѣло, говоритъ еще Платонъ,—нужно только слегка дотронуться до него, тотчасъ страдаетъ, а иногда возмущается и безъ внѣшнихъ причинъ,—не такъ ли болѣетъ и борется самъ съ собой подобный ему въ этомъ отношеніи городъ, когда по малѣйшему поводу являются извнѣ союзники — одни изъ олигархическаго, другіе изъ демократическаго города, и не возмущается ли онъ нерѣдко даже безъ внѣшнихъ побужденій?" И тутъ же Платонъ прибавляетъ: „итакъ, демократія происходитъ, какъ скоро бѣдные, одержавъ побѣду, однихъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, а прочимъ ввѣряютъ власть и правленіе поровну [4]).

Наиболѣе существенныя стороны этого описанія подтверждаются и Аристотелемъ. Въ своей „Политикѣ" онъ стоитъ

---

[1]) Перев. Карпова (Спб., 1863), т. III, стр. 411.

[2]) Стр. 412.

[3]) Стр. 417.

[4]) Стр. 419.

на той точкѣ зрѣнія, что лучшее государственное устройство требуетъ перевѣса въ обществѣ людей со среднимъ достаткомъ, оговариваясь, однако, что въ современной ему дѣйствительности господствуютъ крайности, а это, по его словамъ, ведетъ къ постояннымъ смутамъ. Указавъ на дурныя нравственныя послѣдствія чрезмѣрнаго богатства или чрезмѣрной бѣдности, Аристотель прибавляетъ, что „государство, состоящее изъ такихъ людей (т.-е. очень богатыхъ и очень бѣдныхъ) есть государство рабовъ и господъ, а не свободныхъ, — государство, въ которомъ одни завидуютъ другимъ, а другіе гордятся передъ ними“ [1]). И по его показанію, средній классъ весьма немногочисленъ въ отдѣльныхъ городахъ, и власть въ нихъ захватываютъ въ свои руки или богачи, или народная масса, которые находятся во враждѣ между собою, потрясающей государства: отсюда, говоритъ онъ, рождаются революціи и междоусобія (στάσεις γίνονται καὶ μάχαι πρὸς ἀλλήλους). Въ такихъ государствахъ только и возможны неправильныя формы политическаго устройства съ односторонними стремленіями враждебныхъ классовъ и съ насильственнымъ образомъ дѣйствій для осуществленія діаметрально противоположныхъ программъ. Стоитъ только прочесть восьмую книгу „Политики“, трактующую о причинахъ возмущеній и переворотовъ въ отдѣльныхъ государствахъ, чтобы составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе о той важности, какую въ IV в. имѣлъ соціальный вопросъ въ жизни отдѣльныхъ греческихъ городовъ. Аристотель даже приводитъ присягу, которую давали другъ другу олигархи его времени: „я буду врагомъ народу и всѣми мѣрами, какими только могу, буду злоумышлять противъ него“ [2]). Эта борьба бѣдныхъ и богатыхъ началась въ V в., въ эпоху пелопоннесской войны, и тянулась до покоренія Греціи Римомъ въ серединѣ II в. до Р. Х.: въ это еще время греческій историкъ Полибій отмѣчалъ, какъ общій фактъ, что во всякомъ междоусобіи дѣло шло о перемѣщеніи имуществъ. Можно сказать, что не малое число греческихъ городовъ постоянно колебалось между двумя переворотами, изъ которыхъ одинъ лишалъ богатыхъ ихъ достоянія, а другой возстановлялъ ихъ во владѣніи отнятымъ у нихъ имуще-

[1]) Переводъ Скворцова, стр. 273.

[2]) Стр. 348.

ствомъ. Конечно, разъ антагонизмъ бѣдныхъ и богатыхъ то и дѣло возобновлялся, борьба не могла привести къ какому-либо окончательному результату, какъ выражается Эд. Мейеръ.

Великое греческое междоусобіе V в., извѣстное подъ названіемъ пелопоннесской войны (431—404 гг.), было не только борьбою за политическое преобладаніе, какую вели между собою Спарта и Аѳины, успѣвшія къ этому времени раздѣлить почти весь восточный греческій міръ на два большихъ союза, но это была и борьба аристократіи и демократіи во всемъ этомъ мірѣ, начавшая уже переходить въ отдѣльныхъ городахъ въ борьбу между имущими и неимущими. Аѳины, ставшія въ первой половинѣ V в. во главѣ большого союза и развившія у себя вполнѣ демократическіе порядки, вездѣ, гдѣ только могли, содѣйствовали побѣдѣ демократіи, но политическая эволюція въ этомъ направленіи въ связи съ экономической эволюціей, приводившей къ расчлененію общества на два класса, только открывала путь для чисто соціальной борьбы. Побѣда переходила то на одну, то на другую сторону, и побѣдители въ своемъ ожесточеніи не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы уже вполнѣ воспользоваться плодами побѣды и по возможности удержаться въ занятыхъ позиціяхъ. Конфискаціи имуществъ, отмѣна долговыхъ обязательствъ, изгнаніе, казни, чуть не поголовныя избіенія, продажа въ рабство и пр. и пр.,—вотъ къ чему прибѣгали въ это смутное время греческой исторіи. Съ середины V до середины IV в. Грецію раздирали постоянныя междоусобія, которыя позволяли Персіи и Македоніи вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, пока битва при Херонеѣ (338 г.) не нанесла ударъ политической независимости греческой націи. Политика побѣдителя грековъ, Филиппа Македонскаго, и его преемниковъ, державшихъ греческіе города въ зависимости отъ Македоніи, вовсе не ставила себѣ цѣлью умиротвореніе внутренне раздѣленныхъ гражданскихъ общинъ Греціи: напротивъ, новые владыки страны поддерживали вражду партій и антагонизмъ имущихъ и неимущихъ въ отдѣльныхъ городахъ и оказывали помощь той изъ сторонъ, которая сама заискивала въ данномъ городѣ и въ данный моментъ у Македоніи. Только съ III в. македонская политика по отношенію къ греческимъ городамъ приняла нѣсколько иное направленіе, когда власть во многихъ этихъ городахъ стала

отдаваться, въ качествѣ ставленниковъ Македоніи, тираннамъ, вся задача которыхъ была держать населеніе въ полномъ подчиненіи по отношенію къ царямъ этого государства. Вотъ въ эту-то эпоху и сдѣлана была въ Спартѣ самая крупная въ греческой исторіи попытка рѣшенія соціальнаго вопроса, заслуживающая быть разсмотрѣнной нѣсколько подробнѣе.

Въ предыдущей главѣ у насъ уже шла рѣчь о томъ, какъ совершилась въ Спартѣ концентрація поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, что̀ повлекло за собою сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ и всей государственной власти. Пресловутая простота спартанской жизни мало-по-малу отошла въ область преданій. Главною цѣлью всѣхъ стремленій богатаго класса сдѣлалось пріобрѣтеніе денегъ, тѣмъ болѣе что большія денежныя средства нужны были Спартѣ и для ея широкой международной политики. О послѣдней у насъ будетъ идти рѣчь еще впереди [1]), и мы тогда увидимъ, какъ городъ Ликурга пользовался своимъ положеніемъ въ греческомъ мірѣ для обогащенія своихъ гражданъ. Результатъ былъ тотъ, что уже около 400 г. до Р. Х. Спарта имѣла репутацію перваго послѣ Персіи государства по обилію находившагося въ ней золота и серебра. Отошли точно такъ же въ область преданій и тѣ времена, когда весь хозяйственный строй Спарты держался на земледѣліи. Въ Лаконіи въ III в. были развиты и желѣзное и горшечное производство, и кожевенная и шерстяная промышленность, работавшія для вывоза. Въ экономической дѣятельности принимали участіе не одни періэки, въ рукахъ которыхъ раньше находились ремесла, но и сами граждане, потому что теперь они умѣли обходить законы, запрещавшіе имъ,—какъ воинамъ, обязаннымъ служить только государству,—заниматься чѣмъ-либо инымъ, кромѣ военныхъ упражненій и охоты. Рука объ руку съ развитіемъ въ Спартѣ денежнаго хозяйства шло и развитіе пролетаріата. Въ составъ его, кромѣ захудалыхъ „равныхъ“, входили и отпускавшіеся на свободу во множествѣ гелоты, составившіе цѣлый классъ *неодамодовъ* (νεοδαμώδης): и тѣ, и другіе превращались въ *пелатовъ* [2]), т.-е. нанимались въ работу у богатыхъ гражданъ. (Конечно, кромѣ свободныхъ пролетаріевъ, въ Спартѣ были еще и рабы). Такимъ

[1]) См. гл. XVI.

[2]) См. выше, стр. 180.

образомъ и старая, консервативно-земледѣльческая Лаконія была втянута въ общій экономическій процессъ съ его главнымъ результатомъ, т.-е. рѣзкимъ раздѣленіемъ гражданства на имущій и неимущій классы и возникновеніемъ грознаго соціальнаго вопроса. Современная историіографія стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что именно на почвѣ этого вопроса — и притомъ не раньше, чѣмъ въ IV в. до нашей эры,—сложилась спартанская легенда о законодательствѣ Ликурга [1]; который будто бы произвелъ полный передѣлъ земель, давъ каждому по равному участку и тѣмъ самымъ установивъ совершенное имущественное равенство между всѣми спартіатами. Теперь можно считать вполнѣ установленнымъ, что ранѣе какъ-разъ этого времени ни у кого изъ греческихъ писателей нѣтъ указанія на существованіе такого представленія объ аграрной реформѣ Ликурга. Вѣроятно, съ другой стороны, свою окончательную редакцію эта легенда получила все-таки лишь ко времени царей Агиса IV (243—237) и Клеомена III (236—220), которые и предприняли въ Спартѣ аграрную реформу въ духѣ демократическихъ стремленій своей эпохи.

Какъ же возникла эта легенда? Отвѣтить на этотъ вопросъ я позволю себѣ выпискою изъ упомянутаго уже мною сочиненія Васильевскаго [2]. Указавъ на то, что среди спартанцевъ жило воспоминаніе о лучшихъ временахъ, нашъ историкъ дѣлаетъ замѣчаніе, „что древніе политики, а за ними и историки естественно хотѣли объяснить себѣ невыгодное отличіе новыхъ временъ отъ старыхъ. Но, продолжаетъ онъ, при этомъ они ставили вопросъ съ небольшою и почти незамѣтною неправильностью или, лучше сказать, ставили два вопроса, но не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ ихъ слѣдовало бы поставить. Они спрашивали себя прежде всего не о томъ, какъ образовался новый порядокъ вещей, и отчего въ новое время обстоятельства сдѣлались хуже, а о томъ, почему въ древнее время могло быть такъ хорошо, и почему тамъ господствовало другое распредѣленіе собственности и дѣйствительное равенство (котораго вполнѣ все-таки не было). Видя кругомъ себя только крайности неравенства, политики и историки были склонны считать ихъ принадле-

[1]) Ср. выше, стр. 80.

[2]) См. выше, стр. 187.

жащими естественному порядку вещей; слѣдовательно, нужно было найти что-нибудь особенное и чрезвычайное въ добромъ старомъ времени и отыскать въ какомъ-нибудь героѣ или полубогѣ разрѣшеніе преимуществъ той эпохи. Философы и историки,—устремивъ свой взоръ на старое время, которое рисовалось имъ въ такихъ прекрасныхъ формахъ, и не изучая того ряда причинъ и дѣйствій, которые произвели отличіе новаго времени отъ стараго, — пришли къ тому рѣшенію, что нѣкогда былъ такой мудрый законодатель, который подѣлилъ землю всѣмъ поровну, что былъ такой законодатель, который истребилъ богатство и деньги, хотя денегъ по настоящему тогда и не существовало“ [1]). Какъ, собственно, сложилась, т. е. изъ какихъ элементовъ и подъ какими вліяніями возникла вся легенда о Ликургѣ, это — вопросъ сложный, и не здѣсь его разсматривать, но разъ образовавшаяся легенда была отличнымъ оправданіемъ аграрной реформы въ пользу проведенія которой въ Спартѣ около середины III в. возникла цѣлая партія. Есть основанія предполагать, что когда царями Агисомъ и Клеоменомъ вопросъ былъ поставленъ на практическую почву, теоретическое оправданіе его рѣшенія, въ смыслѣ земельнаго передѣла, уже существовало въ видѣ представленія объ идеальномъ общественномъ строѣ, будто бы когда-то уже бывшемъ осуществленномъ мудростью спартанскаго законодателя. У этого идеала нашлись сторонники въ самой Спартѣ среди даже власть имущихъ, но особенно важно было то, что „тутъ же, въ городѣ, какъ говоритъ біографъ обоихъ царей-реформаторовъ Плутархъ, гнѣздилась неимущая и безправная чернь (ὄχλος ἄπορος καὶ ἄτιμος), лѣниво и неохотно защищая его (городъ) отъ внѣшнихъ враговъ и подстерегая удобную минуту для переворота и возстанія“.

Самъ иниціаторъ соціальной реформы въ Спартѣ, царь Агисъ IV, принадлежалъ къ очень богатымъ людямъ, имѣя много земель и денежный капиталъ въ 600 талантовъ, да у матери его Агисистрады было большое состояніе, находившееся частью въ долгахъ. Воспитанный въ нѣгѣ и роскоши, Агисъ всего лѣтъ двадцати отъ роду началъ вести суровый и строгій образъ жизни въ духѣ старыхъ ликурговыхъ установленій. Богатымъ соотечественникамъ Агиса должно было,

[1]) Васильевскій, 120.

конечно, показаться страннымъ, что молодой царь сталъ носить только короткій и узкій плащъ и ѣсть простую черную похлебку, а то, что̀ было предметомъ серьезныхъ думъ царя, его намѣреніе возстановить старые законы, должно было не мало и смущать спартанскихъ богачей. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о самой ранней юности Агиса, не знаемъ, кто былъ его наставникомъ, и можемъ только строить предположенія въ томъ, напр., смыслѣ, что Агисъ испыталъ на себѣ вліяніе философской школы стоиковъ, которая, повидимому, сама не мало посодѣйствовала образованію легенды о Ликургѣ. По крайней мѣрѣ, преемникъ Агиса въ дѣлѣ соціальной реформы учился, какъ мы увидимъ, у одного стоика.

По словамъ Плутарха, Агисъ говорилъ, что „корона не имѣла бы для него никакой цѣны, если бы, благодаря ей, онъ не надѣялся воскресить прежніе законы и образъ жизни“, и что „если онъ введетъ въ государствѣ начало равенства и общности, онъ пріобрѣтетъ славное имя истиннаго великаго царя“ [1]). Идеалистически настроенный молодой человѣкъ думалъ, что богатые ради блага родины сами откажутся отъ своихъ имуществъ, и ему удалось склонить къ своему плану многихъ молодыхъ людей. На его сторону стала также его мать и ея братъ Агесилай, который надѣялся посредствомъ переворота отдѣлаться отъ своихъ долговъ. Узнавъ о планахъ Агиса, другой царь, Леонидъ, рѣшился ему противодѣйствовать. Онъ, говоритъ Плутархъ, „желалъ помочь богатымъ, но боялся народа, стоявшаго за политическій переворотъ“, и потому началъ вести противъ Агиса тайную интригу, увѣряя должностныхъ лицъ, что „въ награду за передачу бѣдному классу имущества богатыхъ онъ желаетъ получить тираннію и раздѣломъ земель, и уничтоженіемъ долговъ хочетъ купить себѣ тѣлохранителей, а не гражданъ Спарты“. Агису удалось провести въ эфоры одного изъ своихъ сторонниковъ, Лисандра, и „черезъ него онъ внесъ немедленно въ герусію ретру (проектъ закона), главныя статьи которой упоминали объ уничтоженіи долговъ и раздѣлѣ земель“ [2]). По этому предложенію въ странѣ должно было быть образовано четыре съ половиной тысячъ участковъ для спар-

[1]) Цитирую по перев. В. Алексѣева (изд. Суворина), т. VII, стр. 162 и 165.

[2]) Стр. 166.

тіатовъ и пятнадцать тысячъ болѣе мелкихъ для періэковъ, причемъ недостающее число спартіатовъ должно было быть восполнено включеніемъ въ него нѣкотораго количества періэковъ и даже иностранцевъ. Завершеніемъ реформы должно было быть возстановленіе сисситій въ ихъ прежнемъ видѣ. Въ планѣ Агиса соціальная реформа получала характеръ реставраціи исконнаго спартанскаго порядка съ раздѣленіемъ свободнаго населенія на гражданъ и простыхъ обывателей, лишенныхъ участія въ государственной жизни. Самъ царь защищалъ свою реформу въ народномъ собраніи. Онъ говорилъ, „что первымъ предлагаетъ отечеству свое состояніе, заключающееся во множествѣ обрабатываемыхъ земель и полей и затѣмъ въ шестистахъ талантовъ денегъ. То же самое, по его словамъ, готовы были сдѣлать его мать, бабка и его друзья и родственники, первые богачи изъ спартанцевъ“ [1]). Другой царь, Леонидъ, тогда открыто выступилъ противъ Агиса, и въ герусіи предложеніе реформатора было отвергнуто. Тогда эфоръ Лисандръ рѣшилъ привлечь Леонида къ суду за нарушеніе закона, запрещавшаго жениться на иностранкахъ. Леонидъ отказался явиться на судъ и былъ за это лишенъ престола, который былъ потомъ переданъ Клеомброту, происходившему изъ царскаго рода. Когда, однако, кончился срокъ эфората Лисандра, новые эфоры возбудили противъ него и одного изъ его товарищей обвиненіе въ томъ, что они противозаконно внесли предложеніе объ уничтоженіи долговъ и дѣлежѣ земли. Обвиняемымъ удалось убѣдить обоихъ царей сдѣлать рѣшительный шагъ. Тѣ „оба явились на площадь вмѣстѣ со своими друзьями, прогнали эфоровъ съ ихъ креселъ и выбрали вмѣсто нихъ новыхъ, въ томъ числѣ Агесилая. Они вооружили затѣмъ массу молодежи, освободили заключенныхъ въ тюрьмахъ и напугали своихъ противниковъ, ожидавшихъ, что они убьютъ многихъ“. Такъ разсказываетъ Плутархъ, который прибавляетъ, что „никто не возставалъ противъ нихъ и никто имъ не мѣшалъ“. Дѣло, однако, было испорчено Агесилаемъ, хотѣвшимъ только освободиться отъ однихъ долговъ, не теряя при этомъ своихъ земель, которыхъ у него была масса и притомъ самыхъ плодородныхъ. Именно „онъ убѣдилъ Агиса, что если царь приведетъ одновременно

[1]) Стр. 167.

въ исполненіе обѣ свои мѣры, въ государствѣ могутъ произойти сильныя волненія, но если землевладѣльцамъ польстить сперва обѣщаніемъ уничтожить ихъ долги, они впослѣдствіи легче согласятся на дѣлежъ земель“ [1]). Агисъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. И вотъ, повѣствуетъ далѣе Плутархъ, „долговыя обязательства, или кларіи по-спартански были снесены всѣ въ одну груду и сожжены. Когда, продолжаетъ онъ, пламя поднялось высоко, богачи и ростовщики ушли въ уныніи,.... народъ же сталъ требовать и немедленнаго раздѣла земель. Цари отдали приказаніе относительно этого, но Агесилай находилъ разныя препятствія, выдумывалъ предлоги и тянулъ время, пока Агису не пришлось выступить въ походъ“. Въ это время спартанцамъ предстояло начать войну, и Агисъ долженъ былъ начальствовать надъ войскомъ. Большинство воиновъ состояло изъ молодежи и бѣдняковъ. „Освободившись уже отъ долговъ, говоритъ Плутархъ, и развязавшись съ ними, они расчитывали, по возвращеніи изъ похода, на дѣлежъ земель“ [2]), но богатые вездѣ были напуганы: „они боялись, что это послужитъ примѣромъ волненій для всѣхъ государствъ“, замѣчаетъ по этому поводу Плутархъ [3]).

Между тѣмъ въ Спартѣ происходили волненія, и Агесилай удерживалъ за собою должность эфора сверхъ законнаго срока. Тогда враги реформы произвели реставрацію Леонида, вернувъ ему царскую власть посредствомъ переворота, заставившаго и Агиса искать убѣжища въ одномъ храмѣ. Народъ, по словамъ Плутарха, отнесся къ возвращенію Леонида съ удовольствіемъ: „онъ негодовалъ, что его обманули относительно раздѣла земель“ [4]). Самъ Агисъ былъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму и безъ правильнаго суда казненъ чрезъ повѣшеніе. Съ нимъ погибли его мать и бабка.

Дѣло, начатое Агисомъ, возобновилъ вскорѣ послѣ этой неудачи молодой царь Клеоменъ, сынъ Леонида, женившійся, по желанію отца, на богатой вдовѣ Агиса. Это былъ человѣкъ, одаренный не менѣе Агиса, но, повидимому, безъ его мягкости и мечтательности. По свидѣтельству Плутарха, онъ

---

[1]) Стр. 171.
[2]) Стр. 172.
[3]) Стр. 173.
[4]) Стр. 174.

обладалъ очень сильнымъ характеромъ: „разъ, говоритъ біографъ Кліомена,—разъ поставивъ себѣ цѣль, хорошую въ его глазахъ, онъ шелъ къ ней со всею энергіей. Онъ,—свидѣтельствуетъ еще Плутархъ,—считалъ въ высшей степени прекраснымъ управлять покорными подданными, но считалъ прекраснымъ и заставлять людей, не желавшихъ повиноваться ему, слушаться ради ихъ собственнаго блага“ [1]). Эта характеристика Клеомена, набросанная симпатично къ нему относящимся біографомъ, совпадаетъ съ заявленіемъ Полибія, который, относясь къ Клеомену крайне несочувственно, называетъ его „жесточайшимъ тиранномъ“ (πικρότατος τύραννος), человѣкомъ вообще властнымъ по своей природѣ (ἡγεμονικὸς καί βασιλικὸς τῇ φύσει). Мы знаемъ, кромѣ того, что Клеоменъ учился у философа стоической школы Сфера, жившаго одно время въ Спартѣ, гдѣ у него было много учениковъ. По предположенію Плутарха, этотъ Сферъ полюбилъ въ Клеоменѣ его смѣлость и зажегъ въ немъ искру честолюбія.

Когда Клеоменъ вступилъ по смерти отца на престолъ, онъ рѣшилъ начать реформу съ преобразованія государственнаго строя, чтобы вернуть царской власти права, похищенныя у нея эфорами, а для этого ему прежде всего нужна была военная сила. Онъ поспѣшилъ вмѣшаться въ дѣла Пелопоннеса и имѣлъ въ начатой имъ войнѣ успѣхъ. Во время войны онъ сталъ развивать передъ близкими людьми ту мысль, что „необходимо избавиться отъ эфоровъ, раздѣлить имущества между всѣми гражданами, ввести начала равенства и, пробудивъ этимъ Спарту отъ усыпленія, добиться гегемоніи надъ Греціей“ [2]). Такимъ образомъ у Клеомена соціальная реформа являлась своего рода только средствомъ къ тому, чтобы вернуть Спартѣ ея былое политическое значеніе. Свое намѣреніе онъ привелъ въ исполненіе насиліемъ. По его приказанію были убиты всѣ эфоры (4 изъ 5), и многіе граждане изгнаны. Эти свои дѣйствія царь оправдывалъ передъ народомъ тѣмъ, что эфоратъ былъ узурпаціей, и что безъ сильныхъ мѣръ нельзя было бы провести реформу. „Если бы,—такъ Плутархъ передаетъ содержаніе рѣчи Клеомена въ народномъ собраніи,—если бы можно было, не проливая крови, вылѣчить Спарту отъ занесенныхъ извнѣ

---

[1]) Стр. 182.

[2]) Стр. 188.

болѣзней—нѣги и роскоши, долговъ и займовъ и болѣе старыхъ болѣзней, чѣмъ эти,—бѣдности и богатства, онъ счелъ бы себя самымъ счастливымъ изъ всѣхъ царей: онъ, какъ врачъ, вылѣчилъ бы отечество, не причиняя ему боли". Но это казалось ему невозможнымъ, и онъ ссылался на примѣръ самого Ликурга, который, по его мнѣнію, „доказалъ, что трудно сдѣлать перемѣны въ правленіи, не прибѣгая къ насилію и страху". Указавъ далѣе, что противниковъ народа онъ подвергъ только изгнанію, онъ объяснилъ весь смыслъ своего предпріятія тѣмъ, что вотъ „онъ теперь дѣлаетъ землю общею для всѣхъ, уничтожаетъ долги и намѣренъ тщательно познакомиться съ иностранцами, чтобы лучшіе изъ нихъ, сдѣлавшись спартіатами, спасли государство своимъ оружіемъ".— „Затѣмъ, говоритъ Плутархъ, Клеоменъ прежде всего сдѣлалъ общимъ свое имущество. Его примѣру послѣдовали... всѣ его друзья, послѣ этого—всѣ остальные граждане. Наконецъ была раздѣлена земля. Царь отвелъ участокъ и каждому изъ изгнанниковъ, обѣщая вернуть ихъ въ отечество, когда все успокоится. Онъ пополнилъ число гражданъ лучшими изъ періэковъ" [1]) и обратилъ вниманіе на воспитаніе и образованіе юношества, въ чемъ ему помогалъ не мало и его учитель, Сферъ. По извѣстію, записанному у Павсанія (II в. по Р. Х.), Клеоменъ отмѣнилъ и герусію, сосредоточилъ всю прежнюю власть и эфоровъ, и геронтовъ въ рукахъ царей.

Имущіе классы во всѣхъ государствахъ Пелопоннеса были напуганы спартанской революціей и со страхомъ ожидали, что Клеоменъ на весь Пелопоннесъ провозгласитъ лозунгъ соціальнаго переворота: „раздѣлъ земли и отмѣну долговъ" (γῆς ἀναδασμὸς καὶ χρεῶν ἀποκοπαί). Въ эту эпоху въ Греціи большую роль игралъ такъ называемый Ахейскій союзъ, съ которымъ мы познакомимся въ другой связи [2]), а руководящимъ его дѣятелемъ былъ сикіонскій гражданинъ Аратъ, которому, какъ выражается Плутархъ, „не нравились ни спартанская размазня, ни трибоны (короткіе плащи), а главнымъ образомъ то, за что болѣе всего обвиняютъ Клеомена,—уничтоженіе богатства и облегченіе страданій бѣд-

---

[1]) Стр. 191—193.

[2]) См. гл. XV.

ности“ [1]). Опасность для имущихъ классовъ была дѣйствительно большая. „Среди ахейцевъ, говоритъ Плутархъ, начались волненія. Въ городахъ вспыхнули возстанія, народъ надѣялся на дѣлежъ земли и уничтоженіе долговъ“ [2]). Для Ахейскаго союза было угрозой и желаніе Клеомена возстановить спартанскую гегемонію надъ Пелопоннесомъ. Ахейцы поэтому обратились за помощью къ Македоніи, и въ битвѣ при Селласіи (221) Клеоменъ былъ разбитъ соединенными силами Македоніи и Ахейскаго союза. Царь бѣжалъ сначала въ Спарту, потомъ въ Египетъ, гдѣ впослѣдствіи окончилъ жизнь самоубійствомъ. Въ самой Спартѣ всѣ его реформы были отмѣнены побѣдителями, взявшими городъ безъ всякаго сопротивленія со стороны его населенія.

Соціальное броженіе въ Спартѣ тѣмъ не менѣе продолжалось и послѣ этого. Вскорѣ послѣ разсказанныхъ событій приверженцы программы Клеомена произвели возстаніе, убили эфоровъ во время религіознаго праздника и на время захватили власть въ свои руки. Одинъ изъ царей этого періода, Хилонъ (въ концѣ III в.) думалъ-было возобновить реформы Клеомена, но вынужденъ былъ бѣжать, побѣжденный противной партіей. Спарта должна была даже испытать тираннію въ лицѣ Маханида (ум. въ 207 г.) и Набида (ум. въ 192 г.). Первый изъ нихъ былъ предводителемъ наемнаго войска, второй разбойничьимъ атаманомъ. Набидъ опирался главнымъ образомъ на новыхъ гражданъ, которыхъ онъ набиралъ изъ обѣднѣвшихъ спартіатовъ, періэковъ, гелотовъ и отпущенниковъ, привлекая ихъ на свою сторону земельными передѣлами и уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ. Впрочемъ, о Набидѣ мы знаемъ главнымъ образомъ на основаніи показаній Полибія, относившагося крайне враждебно ко всему соціальному движенію въ тогдашней Греціи. Важно только отмѣтить, что самъ Набидъ старался представить себя въ роли продолжателя и мстителя Клеомена.

Плутарху цари Агисъ и Клеоменъ напоминали двухъ другихъ демагоговъ, именно двухъ римскихъ дѣятелей, братьевъ Тиберія и Кая Гракховъ [3]), жившихъ сто лѣтъ

---

[1]) Перев. Алексѣева, стр. 198.

[2]) Стр. 200.

[3]) „Они (т.-е. Агисъ и Клеоменъ), какъ и Гракхи, говоритъ Плутархъ, старались усилить народную партію, возстановить начала прекрас-

спустя послѣ спартанскихъ реформаторовъ, когда и въ Римѣ возникли соціальныя смуты, приведшія его, какъ и Спарту, къ потерѣ политической свободы.

Соціальный вопросъ былъ поставленъ на очередь и въ Римѣ и притомъ въ формѣ, столь же острой, какъ и въ Греціи. И здѣсь постепенно гражданство распалось [1]) рѣзко на имущій и неимущій классы, получившіе названіе *нобилей* (nobiles) и *пролетаріевъ* (proletarii), и между ними началась борьба, на почвѣ которой образовались и двѣ враждебныя политическія партіи *оптиматовъ* (optimates) и *популяровъ* (populares). Понятія нобилей и оптиматовъ иногда отожествляются, какъ отожествляются, съ другой стороны, понятія пролетаріевъ и популяровъ, но этого не слѣдуетъ дѣлать: нобилитетъ и пролетаріатъ были два *соціальные класса*, на которые распалось римское гражданство, а оптиматы и популяры, это были двѣ *политическія партіи*, которыя стремились — одна къ тому, чтобы удержать, другая къ тому, чтобы захватить въ свои руки государственную власть, конечно, для осуществленія разныхъ классовыхъ интересовъ. Эта соціальная и политическая борьба въ Римѣ усложнялась тѣмъ, что римская гражданская община ко времени возникновенія этой борьбы во второй половинѣ II в. до Р. Х. уже не была простымъ государствомъ-городомъ, но была городомъ-государемъ, господствовавшимъ надъ всей Италіей и владѣвшимъ цѣлымъ рядомъ „провинцій“ внѣ Италіи. Разсматривая внутреннія отношенія античныхъ республикъ, мы нарочно отвлекали свое вниманіе отъ этого обстоятельства, важнаго притомъ не только въ исторіи Рима, но и въ исторіи Аѳинъ и даже въ исторіи Спарты. Дѣло въ томъ, что въ такихъ государствахъ-городахъ, которымъ удавалось подчинять себѣ другіе города и земли, политическое господство надъ обширными территоріями, сопровождавшееся ихъ экономической эксплуатаціей, не могло не отражаться на соціальномъ строѣ этихъ особенно удачливыхъ городовъ, на образованіи въ нихъ крупныхъ состояній, на судьбахъ боль-

---

наго и справедливаго управленія государствомъ, начала, которыя спустя долгое время были забыты, — и были одинаково ненавидимы аристократіей, не желавшею отказаться отъ привычнаго ей корыстолюбія“, стр. 160.

[1]) См. выше, стр. 105 и 143.

шинства въ массѣ ихъ населенія. Римскій нобилитетъ былъ не только богатымъ классомъ города Рима, но распространялъ свою экономическую дѣятельность на провинціи той „державы", которую мало-по-малу образовалъ Римъ вокругъ Средиземнаго моря. Тѣмъ не менѣе, пока Римъ изъ государства-города или города-государя не превратился въ простую столицу обширной имперіи, соціальная борьба, въ немъ происходившая, носитъ на себѣ всѣ черты той борьбы, какая велась и въ греческихъ государствахъ-городахъ, начиная со второй половины V в. Именно борьба шла между *городскою* денежною знатью и *городскимъ* пролетаріатомъ, т.-е. она имѣла чисто мѣстный характеръ, пока боряцiяся партіи не втянули въ свою распрю весь тогдашній историческій міръ (въ I в. до Р. Х.).

Къ этой эпохѣ составъ римской гражданской общины представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Богатые граждане, владѣвшіе большими имуществами, распадались на *сенаторское* и *всадническое сословіе* (ordo senatorius и ordo equester). Въ римскій сенатъ попадали только лица, занимавшія высшія государственныя должности, а въ таковыя выбирались почти исключительно наиболѣе богатые люди, и мало-по-малу въ новой римской аристократіи выдѣлилось нѣкоторое количество семействъ, изъ круга которыхъ только и брались тѣ или другія лица для пополненія состава сената. Младшіе члены этихъ фамилій стали зачисляться во всадническія центуріи, состоявшія, какъ мы знаемъ [1]), изъ наиболѣе зажиточныхъ гражданъ. Когда въ серединѣ II в. до Р. Х. изданы были спеціальные законы о несовмѣстимости званія сенатора со службою въ конницѣ и о воспрещеніи сенаторамъ участвовать въ денежныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, находившихся въ рукахъ всадниковъ, сенаторское сословіе сдѣлалось преимущественно землевладѣльческимъ, всадническое—сословіемъ денежной знати. Всадники обогащались главнымъ образомъ такими предпріятіями, какъ участіе въ откупахъ государственныхъ доходовъ съ провинцій, въ крупной торговлѣ и въ денежныхъ операціяхъ, напр., ссудами денегъ отдѣльнымъ городамъ. Такимъ образомъ римскіе откупщики, или *публиканы* (publicani), коммерсанты, или *негоціаторы* (negotiatores) и банкиры, т.-е. *аргентаріи* (argentarii или nummularii)

[1]) См. выше, стр. 104.

были изъ всадническаго сословія, и очень часто одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ эти три рода дѣятельности. Кромѣ того, всадники владѣли и большими помѣстьями въ Италіи и провинціяхъ. Богатые люди въ Римѣ составляли правящій классъ, *нобилитетъ*, который смотрѣлъ на всѣ государственныя должности, какъ на свое достояніе, и очень косо встрѣчалъ каждаго „новаго человѣка“ (homo novus) въ своей средѣ.

Другую часть римскаго гражданства представлялъ собою пролетаріатъ. Мы видѣли, какъ онъ образовался [1]), благодаря тягостямъ военной службы, ввозу дешеваго хлѣба и развитію рабскаго хозяйства, подорвавшимъ экономическое благосостояніе римскаго крестьянства. Обезземеливавшіеся поселяне увеличивали только кадры римскаго пролетаріата, мало-помалу превратившагося въ городскую чернь, тѣмъ болѣе, что въ составъ этого класса вступали многочисленные отпущенники, продолжавшіе находиться въ нѣкоторой зависимости отъ своихъ бывшихъ господъ. Нобилитетъ, съ своей стороны, развращалъ городскую чернь подкупами, даровой раздачей хлѣба, устройствомъ разнаго рода увеселеній.

Въ серединѣ II в. до Р. Х. это расчлененіе общества на классъ имущихъ и классъ неимущихъ достигло своего апогея, и тогда образовалось двѣ партіи—оптиматовъ и популяровъ, изъ которыхъ одна старалась отстоять всѣ злоупотребленія олигархіи, другая взяла подъ свою защиту интересы народной массы. Одною изъ главныхъ заботъ людей, желавшихъ улучшенія внутреннихъ отношеній, было остановить паденіе крестьянскаго сословія. За это дѣло брался еще цензоръ Катонъ, который хлопоталъ о надѣленіи землею крестьянъ, разоренныхъ ганнибаловой войною. Сципіонъ Африканскій Младшій и близкіе къ нему люди тоже находили нужнымъ раздѣлить государственныя земли между обѣднѣвшими крестьянами, но, понимая, что это вызоветъ сильное противодѣйствіе сената, члены котораго владѣли большею частью участковъ поземельной собственности государства, не рѣшались предлагать эту мѣру. Только въ 133 г. плебейскій трибунъ Тиберій Гракхъ рѣшился возобновить старый аграрный законъ Лициніи и Секстія, пришедшій въ полное забвеніе [2]), и

[1]) См. выше, стр. 180—181.

[2]) См. выше, стр. 91.

съ этого момента Римъ вступилъ въ періодъ внутреннихъ смутъ, погубившихъ его республиканскую свободу. Рѣчь здѣсь шла, однако, не о передѣлѣ частной собственности, какъ въ Греціи, а о надѣлѣ бѣднѣйшихъ гражданъ участками въ 30 югеровъ на правахъ вѣчной неотчуждаемой аренды изъ государственныхъ земель, захваченныхъ знатью. Дѣло это было даже начато и дало кое-какіе результаты, но вскорѣ въ Римѣ политическую роль начало играть войско, большинство въ которомъ стали составлять пролетаріи и даже неграждане. Для многихъ бѣдняковъ, вступавшихъ въ ряды этого войска, важною приманкою была надежда выйти изъ печальнаго положенія, и сами военные вожди, опиравшіеся на эту силу, манили подъ свои знамена обѣщаніями земельнаго надѣла, какъ мы это увидимъ изъ разсмотрѣнія этого періода римской исторіи въ своемъ мѣстѣ [1]).

Соціальныя смуты вызывались въ античныхъ республикахъ не однимъ бѣдственнымъ положеніемъ пролетаріата. Время отъ времени возставали противъ своихъ господъ и рабы, а также и крѣпостные, гдѣ они существовали. О многихъ мелкихъ вспышкахъ, конечно, до насъ не дошло никакихъ извѣстій, но зато нѣкоторыя возстанія несвободнаго населенія государствъ-городовъ античнаго міра обязательно отмѣчаются даже въ школьныхъ учебникахъ. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ возстаній этого рода относятся прежде всего неоднократные мятежи спартанскихъ гелотовъ, изъ которыхъ, напр., одно въ серединѣ V в. было настолько опасно, что спартанцы запросили у Аѳинъ военной помощи. Вообще крупныхъ гелотскихъ волненій въ Спартѣ насчитывается нѣсколько (въ 479, въ 464, въ 424, въ 398 гг. и др.). Въ Аѳинахъ положеніе рабовъ было гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, но и здѣсь, напр., былъ возможенъ такой случай, какъ бѣгство, во время пелопоннесской войны, какъ говорятъ, двадцати тысячъ рабовъ. Впрочемъ, вообще и Аттика не была застрахована отъ вспышекъ рабскихъ бунтовъ. Въ то самое время, когда Римъ около 130 г. вступалъ въ періодъ революцій, въ Сициліи произошло очень сильное возстаніе рабовъ. Въ этой римской провинціи было очень развито латифундіальное рабское хозяйство, и многими помѣстьями владѣли римскіе граждане. Въ серединѣ II в. здѣсь стали образовываться

[1]) См. главу XVIII.

изъ рабовъ разбойничьи шайки, которыя мало-по-малу объединились, поднявъ и рабское населеніе острова. Во главѣ возставшихъ въ количествѣ 200 т. стали сиріецъ Эвной, который даже провозгласилъ себя царемъ Антіохомъ, и киликіецъ Клеонъ. Лишь на третій годъ (132 г.) римскому войску удалось справиться съ этимъ движеніемъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, возстаніе рабовъ въ Сициліи повторилось (105—102 гг.). Но наибольшею извѣстностью въ исторіи пользуется возстаніе рабовъ въ самой Италіи подъ начальствомъ оракійца Спартака. Оно продолжалось три года (73 — 71), и число инсургентовъ достигало 120 т. человѣкъ. Началось движеніе въ Кампаніи, и скоро почти вся Южная Италія была во власти Спартака. Рабы даже мечтали овладѣть самимъ Римомъ, но Спартакъ воздержался отъ этого, хотя и сдѣлалъ видъ, будто идетъ прямо на Римъ. Военные отряды, высылавшіеся противъ мятежниковъ, одинъ за другимъ разбивались, и только съ великимъ трудомъ римляне подавили рабовъ. Бо́льшую часть инсургентовъ побѣдители перебили, а плѣнниковъ распинали на крестахъ по всей дорогѣ отъ Капуи до Рима.

ГЛАВА XIV.

Политическія и соціальныя идеи Греціи.

Историческая связь политическихъ и соціальныхъ идей съ реальными отношеніями общества и общественными движеніями. — Публицистическій элементъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ греческой литературы. — Традиціонное міросозерцаніе и личная мысль. — Практическая мудрость и начало философскаго изслѣдованія въ Греціи. — Софисты и ихъ отношеніе къ вопросамъ морали и политики. — Эпикуреизмъ и стоицизмъ. — Политическія идеи Платона и Аристотеля. — Происхожденіе мысли о преимуществахъ смѣшаннаго образа правленія. — Соціальныя идеи древности.—Политическая литература въ Римѣ.

Мы прослѣдили эволюцію античнаго государства-города отъ его возникновенія до того періода въ его жизни, когда въ немъ началась борьба между имущими и неимущими и

возникъ грозный соціальный вопросъ, котораго такъ-таки государству-городу древняго міра и не удалось рѣшить. Прежде нежели мы перейдемъ къ разсмотрѣнію измѣненій во внутренней жизни городовыхъ республикъ подъ вліяніемъ образованія изъ нихъ болѣе обширныхъ политическихъ организацій и подъ вліяніемъ экономической эволюціи, приведшей къ соціальной борьбѣ, мы остановимся на отраженіи политическихъ и соціальныхъ отношеній и движеній государства-города въ литературѣ классическихъ народовъ. Конечно, мы не станемъ касаться ни чисто художественной, ни чисто философской стороны этой литературы, а разсмотримъ только отраженіе въ ней политической и соціальной жизни, да и то не съ точки зрѣнія вопроса, насколько вѣрно изображалась въ произведеніяхъ литературы дѣйствительность, а съ точки зрѣнія вопроса, насколько литература выражала идеи и стремленія цѣлыхъ сословій, классовъ, партій и другихъ группъ въ родѣ философскихъ школъ въ лицѣ отдѣльныхъ представителей этихъ сословій, классовъ, партій и школъ. Что иногда чисто художественныя произведенія являются важными источниками нашихъ свѣдѣній о самомъ бытѣ общества, мы видѣли это на примѣрѣ поэмъ Гомера, которыми современные историки пользуются для изслѣдованія древнѣйшаго политическаго и соціальнаго быта, экономическаго и культурнаго состоянія Греціи [1]). На тѣ же поэмы Гомера, которыя воспѣвали подвиги царей и знати и распѣвались странствующими рапсодами при ихъ дворахъ, мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на произведенія, проникнутыя чисто аристократическимъ міросозерцаніемъ эпохи своего возникновенія [2]). Конечно, это была поэзія, а не публицистика, но напрасно было бы думать, что въ самой даже чистой поэзіи такъ-таки не было никакого публицистическаго элемента. Онъ, какъ сейчасъ увидимъ, и проникъ въ греческую поэзію, едва лишь началась борьба аристократіи и демократіи. Съ другой стороны, когда въ Греціи возникла философская и научная мысль, она тоже не могла не направиться на вопросы морали, права и политики и не отражать на себѣ общественныхъ симпатій и антипатій, сословныхъ предразсудковъ и

---

[1]) См. выше, стр. 19 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 32.

классовыхъ интересовъ и вообще партійныхъ стремленій политическаго и соціальнаго характера.

Намъ уже приходилось упоминать о фактахъ такого рода: вспомнимъ, что̀ было сказано о стихотвореніяхъ мегарскаго поэта Ѳеогнида, защищавшаго права знати [1]), или что̀ говорилось по поводу элегій Солона [2]). Ѳеогнидъ, жившій во второй половинѣ VI в. д. Р. Х., былъ свидѣтелемъ борьбы знати съ народомъ въ родномъ городѣ и даже былъ вынужденъ его покинуть, когда побѣда перешла на сторону народа. Его элегіи содержатъ рѣзкое порицаніе „дурныхъ“ (κακοί) простолюдиновъ, которымъ онъ противополагаетъ благородную знать. На сторонѣ аристократіи стоялъ и знаменитый ѳиванскій поэтъ Пиндаръ (521 — 448), современникъ греко-персидской войны, который даже проповѣдовалъ союзъ съ Персіей. Въ его одахъ совсѣмъ не нашлось мѣста для прославленія мараѳонской битвы, хотя для этого и былъ поводъ въ одѣ (VII пиѳійской) написанной въ честь аѳинянина Мегакла и упоминающей вообще объ аѳинянахъ. Наоборотъ, Симонидъ кеосскій (556 — 469) былъ поэтомъ демократіи, воспѣвавшимъ ея героевъ, ея побѣды и ея стремленія. На греческой литературѣ вообще довольно рано стала отражаться современная злоба дня. Когда подъ ударами персовъ палъ возставшій противъ Персіи Милетъ, это дало поводъ аѳинскому поэту Фриниху написать трагедію, представленіе которой на сценѣ произвело сильное впечатлѣніе на зрителей. Изъ событій своей же эпохи заимствовалъ содержаніе своихъ „Персовъ“ первый изъ великихъ трагическихъ поэтовъ Эсхилъ (525—456), и онъ же, кромѣ того, въ своихъ „Эвменидахъ“ заступился за привилегіи ареопага, на которыя напала демократическая партія. Эсхилъ даже покинулъ свое отечество, когда въ немъ окончательно восторжествовала демократія. (Наоборотъ, его младшій современникъ Софоклъ былъ сторонникомъ демократіи). Кромѣ Эсхила, къ консервативному направленію принадлежалъ и величайшій комическій писатель древности, Аристофанъ (444—380), который въ своихъ комедіяхъ („Всадники“, „Осы“, „Облака“ и др.) осмѣивалъ аѳинскую демократію и новое образованіе, противополагая своей, испорченной, по его мнѣнію, эпохѣ доброе

[1]) См. выше, стр. 32.

[2]) См. выше, стр. 82, 88, 114.

старое время. Знаменитые историки V в. тоже отражаютъ на себѣ общественные взгляды эпохи, Геродотъ (485 — 425) — любовь къ политическому равенству, Θукидидъ (460—400)— уже сомнѣніе въ благахъ демократіи. Такимъ образомъ и поэзія, и исторіографія въ первый періодъ расцвѣта греческой литературы не были чужды общественной борьбы, кипѣвшей вокругъ поэтовъ и историковъ.

Но особенно было важно, что въ эпоху разложенія стараго „патріархальнаго“ быта и обычнаго права стало разлагаться и традиціонное міросозерцаніе съ его миѳическими представленіями, въ которыхъ этотъ бытъ и это право находили свою высшую, религіозную санкцію [1]). Ранѣе всего личная мысль, направившая свои усилія на рѣшеніе высшихъ проблемъ міросозерцанія и практической жизни, проявила свое выступленіе на сцену исторіи въ греческихъ колоніяхъ, особенно въ той самой Іоніи, гдѣ впервые зародилась и торгово-промышленная дѣятельность греческой націи [2]), но потомъ культурное первенство — именно послѣ греко-персидскихъ войнъ — перешло къ европейскимъ грекамъ, и въ серединѣ V в. главнымъ средоточіемъ эллинской мысли сдѣлались Аѳины. Демократическое движеніе, расшатывавшее старые устои греческихъ городовыхъ государствъ, шло рука объ руку съ развитіемъ индивидуализма въ области отвлеченной мысли, въ моральныхъ, юридическихъ и политическихъ взглядахъ. Эпоха первой борьбы демократіи съ аристократіей была въ Греціи и эпохой зарожденія философской и научной мысли, требующей личныхъ усилій ума въ дѣлѣ рѣшенія ставимыхъ жизнью вопросовъ, эпохой эманципаціи умственной дѣятельности отъ миѳическихъ и сакральныхъ традицій народнаго политеизма. На первыхъ порахъ это дѣлается въ нѣсколько наивной формѣ, о которой даютъ намъ понятіе краткія изреченія знаменитыхъ семи греческихъ „мудрецовъ“, содержащія въ себѣ разныя житейскія правила на счетъ необходимости благоразумія, осмотрительности, умѣренности и т. п., но въ эту же эпоху появляются и философы, т.-е. уже не мудрецы, а только „любители мудрости“, искатели истины на свой страхъ. Родоначальники греческой философіи направили все свое вниманіе на объ-

[1]) См. выше, гл. V, а также стр. 157—158.

[2]) См. выше, стр. 70.

ясненіе внѣшняго міра, и если ихъ разсужденія тогда что-либо разрушали, такъ это была народная вѣра, та самая вѣра, которая служила санкціей установленнаго порядка вещей. Философовъ интересовали вопросы о происхожденіи вселенной и о достовѣрности человѣческихъ знаній, но они сначала не касались вопросовъ нравственности и общественной жизни. Очередь до этихъ вопросовъ дошла лишь тогда, когда, съ одной стороны, греческій умъ достаточно изощрился на рѣшеніи отвлеченныхъ проблемъ о бытіи и знаніи, а съ другой, сама общественная жизнь съ ея противорѣчіями и борьбой доставила достаточный матеріалъ для критики. Это обращеніе философіи къ вопросамъ морали, права и политики совершилось въ серединѣ V в., въ періодъ наибольшаго процвѣтанія демократіи. Въ Аѳинахъ, гдѣ демократическія учрежденія пріучали гражданъ къ широкому публичному обсужденію государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, гдѣ каждому, кто хотѣлъ играть политическую роль, нужно было умѣть хорошо доказывать свою мысль и опровергать противниковъ, а также дѣйствовать словомъ убѣжденія на народную толпу, образовалась новая профессія учителей краснорѣчія и мудрости, или такъ называемыхъ софистовъ. Они пользовались большимъ успѣхомъ среди молодежи и зарабатывали хорошія деньги. Ихъ преподаваніе заключалось въ сообщеніи ученикамъ положительныхъ знаній, въ изощреніи ихъ мыслительныхъ способностей обсужденіемъ вопросовъ нравственности и общежитія, однимъ словомъ, въ работѣ надъ умственнымъ развитіемъ молодежи. Изъ общей массы софистовъ выдѣлилось нѣсколько отдѣльныхъ личностей, оказавшихъ большое вліяніе на своихъ современниковъ. Сократъ, на котораго мы смотримъ, какъ на главнаго противника софистовъ, самъ былъ такимъ же, какъ они, „учителемъ мудрости“, только занимавшимся своимъ дѣломъ изъ одной любви къ нему, а потому не бравшимъ платы, и только неизмѣримо болѣе нравственнымъ и геніальнымъ, нежели большинство изъ нихъ. Недаромъ и Аристофанъ, который былъ врагомъ новой философіи, въ своихъ „Облакахъ“ за образецъ софистовъ взялъ именно Сократа.

Греческая софистика второй половины V в. была продуктомъ какъ предыдущаго развитія самой философіи, такъ и современнаго ей состоянія общества. Отвлеченная мысль грековъ, начавшая съ недовѣрія къ традиціоннымъ отвѣтамъ

на вопросы о происхожденіи и устройствѣ вселенной, разбилась въ рѣшеніи этихъ вопросовъ на нѣсколько направленій, или школъ, и стала сомнѣваться въ истинности своихъ собственныхъ рѣшеній, въ достовѣрности человѣческаго знанія вообще, въ существованіи какой бы то ни было объективной истины. Такимъ образомъ софистика выросла на почвѣ философскаго скептицизма, и какъ-разъ въ эту-то именно эпоху практическая жизнь поставила передъ нею цѣлый рядъ моральныхъ и политическихъ проблемъ. Однимъ изъ первыхъ философовъ, занявшихся разсмотрѣніемъ этихъ вопросовъ, былъ Протагоръ (480 — 411), родомъ изъ Абдеры, живший и учившій въ Аѳинахъ, но бѣжавшій изъ этого города, когда его сочиненія были приговорены къ сожженію на площади рукою палача. Онъ училъ, что „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей—существующихъ, что онѣ существуютъ, и несуществующихъ, что ихъ нѣтъ“. По его мнѣнію выходило, что наши чувства могутъ свидѣтельствовать лишь о существованіи вещей, а не о томъ, каковы онѣ, ибо вещи представляются каждому изъ насъ различно. Отсюда было недалеко и до другого положенія Протагора, до утвержденія, что о каждой вещи можно съ совершенно одинаковымъ правомъ высказывать два одно другому вполнѣ противоположныхъ мнѣнія. Такова была теоретическая сторона ученія Протагора, являющаяся своего рода выводомъ изъ скептическихъ теченій въ философіи предыдущаго періода. Но и въ практической жизни, когда старый общественный порядокъ рушился, и всѣ преданія и законы, его поддерживавшіе, утратили свою былую силу надъ умами, ничего, казалось, болѣе не оставалось прочнаго. Вѣра въ божественное происхожденіе законовъ замѣнялась признаніемъ ихъ дѣломъ человѣческаго соглашенія, а потому легко было придти къ общей мысли, что законы сами по себѣ не могутъ служить мѣриломъ нравственности и безнравственности нашихъ поступковъ, такъ какъ существуютъ эти законы не по природѣ вещей, а въ силу человѣческаго установленія. Что касается до природы, то вѣдь она знаетъ только право сильнаго, но Протагоръ очень хорошо понималъ и то, что людское общежитіе немыслимо безъ уваженія къ правамъ другихъ, и потому въ цѣляхъ общежитія считалъ нужнымъ воспитывать въ людяхъ врожденную имъ склонность къ справедливости, именно и заключающейся въ уваженіи къ чужому праву: справедливость

и добросовѣстность онъ считалъ самыми важными общественными добродѣтелями, и, по его мнѣнію, достаточно было обладать этими двумя качествами, чтобы имѣть полное право на участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, хотя бы у человѣка и не было никакого имущественнаго ценза. Такимъ образомъ въ ученіи Протагора заключалось принципіальное оправданіе демократіи. Противополагая существующее по природѣ вещей тому, что̀ существуетъ лишь по человѣческому установленію, ученики Протагора утверждали, что рабство противорѣчитъ человѣческой природѣ, ибо отъ природы всѣ люди братья, разныя же перегородки между ними созданы человѣческими установленіями. Въ этомъ ученіи мы видимъ первое появленіе въ человѣческомъ мірѣ идеи естественнаго права, которую унаслѣдовали и позднѣйшіе греческіе философы, передавшіе ее потомъ римскимъ юристамъ. Отъ послѣднихъ она перешла и въ новый міръ, въ которомъ тоже сыграла великую историческую роль, особенно въ XVIII вѣкѣ, въ просвѣтительной философіи этого вѣка и во французской революціи. И въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ естественное право давало принципіальную санкцію стремленіямъ личности къ независимости и счастью. Однимъ словомъ, ученіе софистовъ о человѣкѣ, какъ о „мѣрѣ всѣхъ вещей“, и объ общей человѣческой природѣ, которымъ оправдывались требованія демократіи и осуждалось рабство, было результатомъ тѣхъ успѣховъ, какіе сдѣланы были индивидуализмомъ, начавшимъ развиваться въ культурныхъ кругахъ греческаго общества. Съ точки зрѣнія личной мысли и идей о человѣческой природѣ, объ естественномъ правѣ, софисты подвергали своей критикѣ всѣ человѣческія идеи и учрежденія, не приходя, впрочемъ, большею частью ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Они не признавали единой, общеобязательной истины,—которую, наоборотъ, какъразъ и старался обосновать Сократъ,—а потому и думали, что ее въ жизни должны замѣнять такія мнѣнія, которыя необходимы лишь для того, чтобы люди могли жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, не вредя себѣ и другимъ. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ третій (послѣ Эсхила и Софокла) великій трагическій поэтъ Греціи, Эврипидъ (480—406), сторонникъ демократическаго развитія и новаго образованія. Въ его трагедіяхъ между дѣйствующими лицами иногда поднимаются споры о разныхъ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ морали

и политики, но прямыхъ и ясныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, безъ колебаній и сомнѣній не давалось, такъ что зрители трагедій Эврипида часто уходили изъ театра съ чувствомъ глубокаго недоумѣнія относительно многихъ вопросовъ религіи, морали и политики: недаромъ и Эврипиду немало доставалось, вмѣстѣ съ демагогами и софистами, въ комедіяхъ консерватора Аристофана.—Не нужно, однако, думать, что демократически настроенная масса гражданъ, т.-е. самый демосъ стоялъ на сторонѣ новаго образованія. Мы уже видѣли, что сочиненія Протагора были сожжены въ Аѳинахъ рукою палача. Аѳинскій же народный судъ приговорилъ къ изгнанію Периклова друга, философа Анаксагора, который былъ обвиненъ въ безбожіи. Сократа постигла еще худшая судьба: тотъ же народный судъ приговорилъ его къ смерти, какъ человѣка, не признающаго боговъ, установленныхъ государствомъ, и развратителя юношества. Не нужно тоже думать, чтобы настоящее образованіе было широко развито въ аѳинскомъ демосѣ: оно было доступно только зажиточнымъ классамъ общества, и потому масса въ общемъ жила старыми традиціями. Какъ это часто бываетъ, она не понимала людей, среди которыхъ могли быть теоретическіе защитники ея интересовъ, и шла за защитниками старыхъ традицій, бывшими въ то же время противниками демократіи. Софисты, оказавшіеся безсильными построить новые положительные идеалы жизни отдѣльнаго лица или цѣлаго общества, своими разсужденіями о богахъ, о дозволенномъ и недозволенномъ, о законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ смущали всѣхъ, кто только держался обо всемъ этомъ старыхъ идей, а къ числу такихъ людей принадлежала не только консервативная часть „общества“, но и громадное большинство „народа“. На софистовъ смотрѣли, какъ на опасныхъ развратителей молодежи, и въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ обвинители бывали правы. Среди софистовъ были и порядочные, и очень непорядочные люди, да и умѣніе искусно доказывать свою мысль или красиво говорить, которому учили софисты, могло служить какъ хорошимъ, такъ и дурнымъ цѣлямъ. Наконецъ, многіе шли учиться у софистовъ не ради того, чтобы запастись у нихъ знаніями или при ихъ помощи выработать себѣ прочныя убѣжденія, а только ради пріобрѣтенія практически полезныхъ умѣній. Нѣкоторые ученики софистовъ впослѣдствіи прославили себя

очень некрасивыми дѣяніями, но нужно помнить, что и у самого Сократа были такіе ученики, на которыхъ указывали его обвинители въ подтвержденіе его пагубнаго нравственнаго и политическаго вліянія.

Вообще софистовъ въ эволюціи греческой культуры напоминаютъ намъ въ исторіи новой Европы итальянскіе гуманисты XIV—XV вв. и французскіе просвѣтители XVIII в. — и тѣ, и другіе, поскольку они выступали, какъ отрицатели старыхъ традицій и раціоналисты-вольнодумцы, какъ представители индивидуализма и критической мысли. И софисты, и гуманисты, и просвѣтители жили въ эпохи крушенія старыхъ аристократическихъ устоевъ передъ натискомъ новыхъ демократическихъ силъ, хотя бы и буржуазныхъ, какъ теперь говорится, а не самыхъ низовъ общества. Сколько бы мы ни старались сдѣлать изъ софистовъ, гуманистовъ и просвѣтителей простыхъ выразителей чисто „классовыхъ идеологій“ и сколько бы на самомъ дѣлѣ на ихъ воззрѣніяхъ ни отражалась ихъ принадлежность къ тѣмъ или другимъ классамъ, въ нихъ прежде всего мы должны видѣть внѣ-классовую интеллигенцію, въ ихъ идеяхъ—сильное индивидуалистическое теченіе, которое у софистовъ позднѣйшей генераціи принимаетъ даже характеръ анархической проповѣди. Главное въ софистикѣ, съ той, по крайней мѣрѣ стороны, съ которой мы здѣсь должны ихъ разсматривать, заключается въ противопоставленіи мнѣній и сужденій отдѣльнаго я всему традиціонному, общепринятому, установленному другими. Все различіе между отдѣльными такими *я* заключалось въ томъ, что у однихъ, какъ-никакъ, существовали извѣстныя идеальныя представленія о человѣческой природѣ и естественномъ правѣ, тогда какъ другія такія же *я* приходили лишь къ полной нравственной безпринципности. Къ послѣдней категоріи относятся нѣкоторые софисты, учившіе, что законъ природы—право сильнаго, что всѣ человѣческіе законы существуютъ исключительно въ интересахъ тѣхъ, которые ихъ придумали, что если справедливости воздаютъ хвалу, то лишь считая ее выгодною для себя, и что кто себя чувствуетъ настолько сильнымъ, чтобы нарушать законы, тотъ въ правѣ и дѣлать это, если ему это нравится.

Мы не разсматриваемъ въ этой главѣ ни исторіи древней философіи, ни исторіи политическихъ теорій античнаго міра. Поэтому мы не можемъ здѣсь останавливаться на раз-

номъ пониманіи вопросовъ морали, права и политики отдѣльными софистами, а также и на общей характеристикѣ философіи Сократа, вышедшей изъ того же умственнаго движенія и только приведшей къ инымъ, болѣе положительнымъ результатамъ. И Сократъ своей критикой разрушалъ ходячія мнѣнія, безотчетно повторявшіяся его согражданами, стараясь замѣнять ложные взгляды истинными, такъ какъ вѣрилъ, въ отличіе отъ софистовъ, въ возможность общаго для всѣхъ и одинаково всѣмъ обязательнаго знанія, источника настоящей мудрости и правилъ нравственной жизни. Исходный пунктъ его ученія также былъ индивидуалистическій—познаніе самого себя, о которомъ гласила надпись на дельфійскомъ храмѣ. По его мнѣнію, и въ жизни отдѣльнаго человѣка, и въ жизни цѣлаго государства долженъ руководящую роль играть разумъ. Свою критику съ точки зрѣнія разума онъ направлялъ не на одни мнѣнія согражданъ, но и на ихъ нравы, и на порядки, господствовавшіе въ политической жизни Аѳинъ. Слабыя стороны тогдашней демократіи онъ видѣлъ очень хорошо и не стѣснялся на нихъ указывать: особенно неразумнымъ считалъ онъ обычай назначенія на должности по жребію, говоря, что никто же не станетъ прибѣгать къ такому способу при выборѣ кормчаго для корабля, а вѣдь правителямъ государства нужно еще больше знанія, чѣмъ корабельнымъ кормчимъ. Самъ онъ предпочиталъ аѳинскому государственному устройству спартанское или критское, внушивъ, какъ мы увидимъ, предпочтеніе къ аристократическимъ формамъ и своимъ ученикамъ — Ксенофонту (434—359) и Платону (429—348).

Величайшими политическими писателями древности и были этотъ послѣдній, а вмѣстѣ съ нимъ и его собственный ученикъ Аристотель (384—322). Прежде, однако, чѣмъ мы обратимся къ разсмотрѣнію ихъ политическихъ идей, намъ нужно еще остановиться на нѣкоторыхъ философскихъ направленіяхъ древности, связанныхъ съ тѣми индивидуалистическими тенденціями, которыми вообще было преисполнено все умственное движеніе эпохи софистовъ. Какъ ни коротко мы можемъ здѣсь объ этомъ говорить, нужно отмѣтить тотъ общій фактъ, что не только въ софистикѣ, но и въ двухъ новыхъ направленіяхъ этики, возникшихъ на почвѣ сократовской философіи, съ большою силою проявился духовный индивидуализмъ этой эпохи, эманципація личной мысли, лич-

наго чувства, личной воли, доходившіе нерѣдко и до полнаго политическаго индифферентизма. Два послѣдователя аѳинскаго учителя мудрости, киренецъ Аристиппъ (род. ок. 430 г.) и аѳинянинъ Антисоенъ, положили начало двумъ школамъ—киренской и кинической, которыя были впослѣдствіи преобразованы, первая—Эпикуромъ (341—270) въ школу, принявшую имя своего основателя, вторая—Зенономъ въ школу стоиковъ. Особенность этихъ четырехъ направленій—та, что въ нихъ на самомъ первомъ планѣ стояли вопросы личнаго благополучія. Аристиппъ училъ, что все дѣло—въ умѣніи наслаждаться жизнью, лишь бы только не дать какой-либо страсти себя поработить. Мудрецъ, по его мнѣнію, долженъ ради личнаго спокойствія уклоняться отъ общественныхъ дѣлъ: „я избралъ себѣ средній путь, говорилъ Аристиппъ, не черезъ власть и не черезъ рабство, а черезъ свободу, которая лучше всего приводитъ къ счастью“. Киренская школа пришла въ концѣ концовъ къ проповѣди одинокаго эгоизма, но, въ сущности, то же самое проповѣдовали и киники. Антисоенъ совѣтовалъ развивать въ себѣ умѣніе довольствоваться малымъ и переносить лишенія, вообще не гнаться за наслажденіями. Его школа ставила выше всего достигаемую такимъ путемъ внутреннюю свободу человѣка, которая позволяетъ ему жить по собственному разуму, а не по чужимъ указаніямъ. Съ этой точки зрѣнія политическая жизнь утрачивала свою цѣну: для мудреца границы государствъ не имѣютъ значенія, и, какъ говорилъ знаменитый Діогенъ (414—323), называвшій себя гражданиномъ вселенной, „космополитомъ“ (κοσμοπολίτης), единственное правильное государство есть то, которое включаетъ въ себѣ вселенную. Эпикуръ, идеи котораго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ раздѣлялись многими и въ Греціи, и въ Римѣ, училъ, что высшая цѣль жизни человѣка заключается въ блаженствѣ, въ наслажденіяхъ благами жизни, но при полной свободѣ отъ какихъ бы то ни было мучительныхъ, нарушающихъ безстрастное спокойствіе положеній, тогда какъ основатель стоицизма, тоже имѣвшаго множество послѣдователей въ теченіе вѣковъ и въ греческомъ, и въ римскомъ обществѣ, находилъ, что, счастье, какъ цѣль жизни, лучше всего достигается господствомъ надъ всѣми страстями и неразумными влеченіями, также, впрочемъ, требующимъ отъ человѣка постояннаго душевнаго равновѣсія. И эпикуреизмъ, и стоицизмъ, подобно ученіямъ

киренаиковъ и киниковъ, говоря о цѣли жизни, имѣли въ виду единичную личность, т.-е. отличались въ своей основѣ чисто индивидуалистическимъ характеромъ. Мы можемъ здѣсь совершенно не касаться вопроса, чѣмъ эпикуреизмъ отличается отъ ученія киренаиковъ, а стоицизмъ—отъ ученія стоиковъ, ибо это уже вопросъ изъ исторіи философіи; для насъ здѣсь можетъ быть интереснымъ лишь отношеніе эпикуреизма и стоицизма къ вопросамъ политики. И послѣдователи Эпикура стояли на той точкѣ зрѣнія, что истинный мудрецъ не станетъ безъ крайней надобности вмѣшиваться въ государственныя дѣла, такъ какъ политика нарушаетъ богоподобную безмятежность, въ которой заключается цѣль жизни. Съ другой стороны, стоики, особенно развившіе въ своемъ ученіи космополитическое отрицаніе государственной исключительности старыхъ городовыхъ республикъ, тоже шли большею частью въ разрѣзъ съ господствующими политическими идеями древности, и ихъ философія, какъ говоритъ Цицеронъ, не дала никакихъ плодовъ въ области политики.

Эти философскія направленія интересны для насъ въ томъ отношеніи, что могутъ служить показателями глубокой перемѣны, совершившейся ко времени ихъ возникновенія въ культурномъ состояніи античнаго общества, въ сознаніи образованныхъ его классовъ. Мы видимъ здѣсь, насколько можно безъ всякихъ оговорокъ принимать положеніе о полномъ поглощеніи въ античномъ мірѣ личности государствомъ или, что̀ то же, объ исчезновеніи человѣка въ гражданинѣ [1]). Эпикуреизмъ и стоицизмъ были ученіями совершенно индивидуалистическими: цѣль жизни они полагали въ личномъ благополучіи, и у нихъ государство существовало для гражданина, а не гражданинъ для государства. Эпикурейцы видѣли въ добродѣтели одно изъ средствъ, осуществляющихъ цѣль жизни, т.-е. счастье, и вся справедливость сводилась ими къ тому, чтобы люди другъ другу не вредили. Въ послѣднемъ требованіи—весь смыслъ существованія государства и закона: люди вступаютъ между собою въ договоръ ради своей же пользы, которая и есть истинная цѣль общежитія, такъ что если какой-либо законъ перестаетъ приносить пользу, ради которой онъ былъ установленъ, онъ теряетъ всякую силу. Стоики съ ихъ болѣе идеалистическимъ міросозерцаніемъ понимали дѣло

[1]) См. выше, стр. 149—153.

иначе, но и они не видѣли къ государствѣ высшей силы, которой слѣдуетъ безусловно покоряться во всемъ. Надъ политическимъ союзомъ въ ихъ сознаніи возвышался нравственный принципъ ихъ философіи, и естественный законъ они ставили поэтому выше положительнаго права, создаваемаго государствомъ. Отъ идеи человѣка, которую они ставили выше идеи гражданина, они перешли къ идеѣ человѣчества, къ ученію о братствѣ всѣхъ людей и о вселенной, какъ общемъ для всѣхъ отечествѣ. Весь этотъ индивидуализмъ и космополитизмъ переросталъ тѣсныя рамки государства-города, какъ самодовлѣющаго цѣлаго, въ которомъ отдѣльная личность была лишь служебною частью, осуществляющею благо этого цѣлаго, взятаго въ самомъ себѣ.

Наоборотъ, у Платона и у Аристотеля мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ взглядомъ на государство и гражданина. Въ этомъ они были вѣрны традиціонной идеѣ своей націи, возникшей и выросшей въ условіяхъ быта обособленныхъ государствъ-городовъ. Съ другой стороны, въ ученіяхъ обоихъ этихъ философовъ мы имѣемъ результатъ реакціи противъ тогдашней греческой демократіи, и ту же реакцію мы наблюдаемъ въ политическихъ воззрѣніяхъ раннихъ стоиковъ.

Сравненіе политическихъ теорій Платона и Аристотеля— тема весьма интереспая, особенно въ связи съ ихъ метафизическими системами, но здѣсь мы только вскользь можемъ коснуться этого предмета. Не такъ давно профессоръ философіи въ кіевскомъ университетѣ, кн. Е. Н. Трубецкой, подвергъ сравненію обѣ эти теоріи въ статьѣ „Политическіе идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историческомъ значеніи“ [1]), въ которой проводитъ ту мысль, что государство Платона было предвосхищеніемъ теократическаго идеала среднихъ вѣковъ, тогда какъ Аристотель, наоборотъ, предвосхищалъ идеалъ современнаго культурно-европейскаго государства. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь останавливаться на несходствѣ между обоими ученіями съ этой точки зрѣнія и указываемъ па сдѣланное кн. Трубецкимъ сопоставленіе обоихъ ученій лишь потому, что оно содержитъ въ себѣ краткую характеристику пониманія государства Платономъ, какъ воспитательной школы, имѣющей свои цѣли внѣ земной жизни человѣка, и пониманія государства Аристотелемъ,

[1]) Вопросы философіи и психологіи за 1890 г., книга 4.

какъ учрежденія, разрѣшающаго своимъ существованіемъ, наоборотъ, чисто земныя задачи. Государство Платона было отрицаніемъ современной ему политической дѣйствительности во имя идеала, никогда еще и нигдѣ не бывшаго осуществленнымъ, своего рода выводомъ изъ отвлеченной идеи, тогда какъ политическій идеалъ Аристотеля, который имъ тоже противопоставлялся современной дѣйствительности, былъ воскрешеніемъ, въ эпоху полнаго разложенія старыхъ формъ, всего того, что философъ считалъ наилучшимъ въ недалекомъ прошломъ полнаго расцвѣта государственной жизни Греціи. Другими словами, политическій идеалъ Платона былъ тѣмъ, что мы называемъ утопіей, идеалъ Аристотеля имѣлъ вполнѣ реальный характеръ. Въ этомъ разница между обоими философами, но между ними есть и сходство, такъ какъ оба они стоятъ на точкѣ зрѣнія чисто греческаго пониманія государства, во-первыхъ, какъ города, во-вторыхъ, какъ самодовлѣющаго цѣлаго. Для обоихъ государство имѣло значеніе высшаго единства всей человѣческой жизни. Въ государствѣ и для Платона, и для Аристотеля заключается все, и они оба не могутъ понять человѣка иначе, нежели въ качествѣ гражданина, члена государства. Мы уже видѣли въ самомъ началѣ этой книги, что Аристотель именно такимъ образомъ смотрѣлъ на государство, и что даже, по его словамъ, „государство существуетъ прежде, чѣмъ семья и каждый изъ насъ въ отдѣльности“, такъ какъ „цѣлое необходимо прежде своей части“ [1]). Это—союзъ, самъ въ себѣ имѣющій цѣль своего бытія, вполнѣ самодовлѣющее цѣлое; въ этомъ смыслѣ Аристотель и надѣляетъ его „автаркіей“ [2]), Во всей его философіи господствуетъ понятіе *энтелехіи* (ἐντελέχεια—отъ ἐν αὐτῷ τέλος ἔχειν, въ себѣ самомъ имѣть цѣль), т.-е. внутренней цѣли, и такую энтелехію имѣетъ и его государство. Поэтому у Аристотеля гражданинъ живетъ для государства,—мысль которая нами была тоже мимоходомъ уже отмѣчена [3]). Наконецъ, въ началѣ же нашей книги были приведены подлинныя слова Аристотеля, заключающія доказательство той мысли, что истиннымъ, пра-

---

[1]) См. выше, стр. 3—4.

[2]) См. прим. на стр. 3.

[3]) См. выше. стр. 161. Ср. собственно слова: „жить для сохраненія существующаго политическаго устройства“.

вильно устроеннымъ государствомъ можетъ быть только городъ [1]).

У Платона нѣтъ такого настойчиваго отожествленія государства съ городомъ, но нѣчто подобное разсужденію Аристотеля мы и у него находимъ. Прежде всего, конечно, и Платонъ пользуется обычнымъ греческимъ словоупотребленіемъ, и терминъ *полисъ* обозначаетъ у него и государство, и городъ. „Когда, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ его „Государства“,—когда, имѣя нужду во многомъ, мы располагаемъ съ сожитію многихъ общниковъ и помощниковъ, тогда это сожитіе получаетъ у насъ названіе города“ [2]).—„Пока, сказано въ другомъ мѣстѣ того же произведенія,—пока городъ будетъ устрояться мудро, онъ сдѣлается величайшимъ, и величайшимъ не повидимому, а поистинѣ, хотя бы въ немъ была только тысяча защитниковъ. Такой-то одинъ великій городъ не легко найти ни у грековъ, ни у варваровъ, а кажущихся великими много... Докуда можетъ распространяться городъ, оставаясь однимъ, дотуда чтобы онъ и простирался, но не далѣе“. Пусть „городъ съ внѣшней стороны будетъ ни малъ, ни великъ, но самодоволенъ и одинъ“ [3]). Въ своихъ „Законахъ“ Платонъ говоритъ, что количество народонаселенія должно быть достаточнымъ для защиты государства, но и не слишкомъ велико, дабы можно было поддерживать порядокъ; онъ даже даетъ нормальную цифру, именно 5040 семействъ.

Еще яснѣе выступаетъ у Платона,—гораздо яснѣе притомъ, чѣмъ у Аристотеля,—идея государства, какъ самодовлѣющаго цѣлаго. Уже много разъ указывали на то, что въ своемъ политическомъ построеніи Платонъ возвелъ на степень отвлеченной идеи полновластное греческое государство, въ которомъ совершенно поглощалась личность гражданина, и даже Аристотель, критикуя предложенное его учителемъ государственное устройство, находитъ, что Платонъ слишкомъ далеко зашелъ въ требованіи отъ государства внутренняго единства. Принимая самъ „единство, какъ преимущественное условіе наилучшаго состоянія всякаго государства“, Аристотель оговаривался, однако, что „государ-

---

[1]) См. выше, стр. 5.

[2]) Перев. Карпова. III, 115—116.

[3]) Стр. 208—209.

ство, ушедшее въ единство болѣе, чѣмъ сколько нужно, уже не есть государство, такъ какъ государство по природѣ своей есть множество... Хотя и можно было достигнуть крайняго единства государства, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ этого дѣлать, потому что это рѣшительно уничтожитъ государство“ [1]). Дѣло въ томъ, что въ представленіи Платона государство образуетъ полный организмъ, состоящій изъ разнообразныхъ членовъ, причемъ у каждаго изъ послѣднихъ есть свое особое назначеніе, а всѣ они связываются въ одно гармоническое цѣлое господствомъ единаго принципа, именно правды. Цѣль и благо всего союза—въ установленіи высшей гармоніи между входящими въ составъ его частями. Такова идея платонова „Государства“. Въ „Законахъ“ эта точка зрѣнія ослабляется, но и въ этомъ трактатѣ гражданинъ принадлежитъ не столько себѣ, сколько своей общинѣ. Законы, по Платону, должны регулировать всѣ подробности частной жизни гражданъ, даже ихъ домашній бытъ, ибо государственное устройство держится нравами, а потому законодатель не можетъ оставлять безъ вниманія даже самыя маловажныя отступленія отъ всего, что̀ ведетъ къ осуществленію цѣлей государства. Очень подробное изложеніе идеальныхъ законовъ дополняется у Платона требованіемъ, чтобы граждане жили подъ постояннымъ надзоромъ со стороны особыхъ агентовъ государства.

Такое пониманіе положенія личности въ государствѣ, воспроизводя то, что можно было найти и въ дѣйствительной жизни античнаго государства-города [2]), было полною противоположностью индивидуалистическихъ стремленій, выразившихся въ ученіяхъ софистовъ и такъ называемыхъ несовершенныхъ сократиковъ. Кромѣ того, на политическихъ идеяхъ Платона и Аристотеля отразилась и анти-демократическая реакція въ высшихъ классахъ греческаго общества IV вѣка.

Въ эту эпоху было въ самихъ демократическихъ Аѳинахъ немало людей, симпатизировавшихъ спартанскимъ учрежденіямъ. Для многихъ политическихъ мыслителей послѣднія имѣли такое же значеніе, какимъ одно время на континентѣ Европы пользовалась англійская конституція, служившая

[1]) Перев. Скворцова, стр. 45.

[2]) См. выше, гл. XI.

образцомъ мудрости и прочности. Къ числу сторонниковъ спартанскаго устройства принадлежали многіе люди, составлявшіе школу Сократа, какъ, напр., Критій, одинъ изъ „тридцати тирановъ“ въ Аѳинахъ послѣ пелопоннесской войны, Ксенофонтъ, авторъ „Воспоминаній о Сократѣ“, и самъ Платонъ. Въ „Законахъ“ Платонъ предлагалъ такое государственное устройство, которое, не будучи ни демократіей, ни олигархіей, представляло бы нѣчто среднее между этими обѣими формами, которое могло бы образоваться изъ соединенія демократіи и монархіи, и хотя спартанское устройство не подходило подъ эту форму, онъ все-таки его одобрялъ, какъ смѣшанную и умѣренную монархію. Критикуя вообще довольно строго спартанское устройство, и Аристотель тѣмъ не менѣе считалъ его тоже однимъ изъ немногихъ лучшихъ.

Собственный политическій идеалъ Платона былъ такой. Удовлетвореніемъ матеріальныхъ потребностей государства должны заниматься земледѣльцы, ремесленники и торговцы, составляющіе низшее сословіе. Гражданъ въ собственномъ смыслѣ составляетъ у него сословіе воиновъ, обязанность которыхъ защищать государство. Ими главнымъ образомъ и была занята мысль Платона, и ихъ-то воспитаніемъ и образомъ жизни должно было быть вообще занято государство. Извѣстно, что Платонъ требовалъ для гражданъ своего идеальнаго государства полнаго коммунизма, дабы между ними не было никакихъ поводовъ къ взаимной враждѣ, и всѣ жили одною и тою же мыслью, одними и тѣми же интересами: къ этому должны были вести общеніе имуществъ и даже общность женъ. Конечно, такой строй лишаетъ человѣка многихъ личныхъ благъ, но правильно воспитанные граждане должны находить счастье не въ тѣхъ или другихъ наслажденіяхъ, а въ выполненіи своего назначенія. Изъ этого сословія должны браться правители, именно немногіе мудрѣйшіе, которымъ должны принадлежать въ государствѣ неограниченная власть и безусловное право распоряженія отдѣльными членами государства: отъ нихъ у Платона зависитъ и назначеніе каждому его мѣста въ обществѣ сообразно съ качествами, отличающими отдѣльныхъ лицъ. Государство, которое устроено такимъ именно образомъ, соединяетъ въ себѣ всѣ четыре добродѣтели: мудрость, присущую правителямъ, храбрость, свойственную воинамъ,

умѣренность, которою должно отличаться низшее сословіе, и надъ ними, этими добродѣтелями, возвышающуюся правду, состоящую не въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы каждый дѣлалъ свое. Она-то и создаетъ гармонію въ государствѣ, какъ создаетъ ее и въ отдѣльномъ человѣкѣ, у котораго мудрость — въ головѣ, храбрость—въ сердцѣ, а умѣренность должна находиться въ низшихъ частяхъ тѣла, гдѣ гнѣздятся чувственныя влеченія. Правителями въ такомъ государствѣ должны быть философы; Платонъ даже думалъ о возможности осуществленія своего идеала, если бы въ какомъ-либо городѣ нашелся тираннъ, въ которомъ соединялась бы неограниченная власть съ любовью къ мудрости. Это была своеобразная теорія „просвѣщеннаго абсолютизма“. Одно время Платонъ жилъ въ Сиракузахъ, гдѣ довольно близко сошелся съ тираннномъ Діонисіемъ Старшимъ, а потомъ и съ его сыномъ Діонисіемъ Младшимъ, мечтая повліять на ихъ политику въ духѣ своихъ идей. Идеальная форма правленія, по Платону, философская монархія или аристократія, а всѣ отклоненія отъ нея — постепенное извращеніе государства сначала въ тимократію, потомъ въ олигархію, затѣмъ въ демократію и наконецъ въ самую худшую форму — тиранію [1]). Не касаясь другихъ частностей идеальнаго государства, отмѣтимъ въ немъ строгое раздѣленіе членовъ государства на сословія, напоминающія индійскія касты. Только у Платона каждый занимаетъ то или другое мѣсто въ обществѣ не въ силу рожденія отъ тѣхъ или другихъ родителей, а въ силу прирожденныхъ душевныхъ качествъ: Божество, по его словамъ, примѣшиваетъ золото въ души тѣхъ, которые предназначены къ правленію, серебро — въ души воиновъ, мѣдь и желѣзо — въ души людей, обреченныхъ на занятіе физическимъ трудомъ для удовлетворенія матеріальныхъ потребностей государства.

Аристотель оставлялъ больше мѣста въ своемъ государствѣ для чисто личной жизни гражданъ и особенно сильно возставалъ противъ платоновскаго коммунизма, но и у него господствуетъ та идея, что полнымъ правомъ гражданства должны пользоваться только тѣ, которые имѣютъ возможность

---

[1]) Платонъ первый создалъ схему переходовъ отъ одной формы къ другой, давъ такимъ образомъ и примѣръ для схемъ Аристотеля и Полибія (см. выше, стр. 93).

жить безъ физическаго труда, цѣликомъ посвящая себя служенію государству и развитію своихъ духовныхъ способностей [1]). Мы видѣли, что Аристотель сомнѣвался, слѣдуетъ ли ремесленникамъ вообще давать права гражданства [2]). Въ связи съ такимъ взглядомъ стоитъ и знаменитое оправданіе Аристотелемъ рабства, которое въ то время уже отрицалось софистами и нѣкоторыми послѣдователями Сократа.

Аристотель былъ противъ тѣхъ, которые видѣли въ государствѣ человѣческое установленіе. Для него оно существуетъ по природѣ, и человѣкъ есть животное государственное (ζῶον πολιτικόν), естественно стремящееся поэтому въ государственной жизни. Только въ цѣломъ, т.-е. въ государствѣ находятъ свое назначеніе и вполнѣ осуществляютъ свою истинную природу его части, т.-е. отдѣльные люди. Разъ, однако, общая цѣль должна проникать всю жизнь отдѣльнаго лица, оно всецѣло должно отдавать себя государству, а это несовмѣстимо съ частными занятіями и особенно съ физическимъ трудомъ. Поэтому, съ одной стороны, промышленная часть населенія исключается изъ гражданства, а съ другой — граждане нуждаются въ рабахъ. Иные, полемизируетъ Аристотель съ современными ему отрицателями рабства, — иные „думаютъ, что пользоваться господскою властью противоестественно, потому что рабъ и свободный таковы только будто бы по закону, а по природѣ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Поэтому власть господина надъ рабомъ, какъ власть, основанная на силѣ, по ихъ мнѣнію, несправедлива [3]). Если, развиваетъ онъ далѣе этотъ свой взглядъ, нѣкоторые люди настолько разнятся отъ другихъ, насколько тѣло разнится отъ души, животное отъ человѣка,—а таковы всѣ тѣ люди, занятіе которыхъ состоитъ только въ тѣлесномъ трудѣ, и для которыхъ это занятіе есть самое лучшее, — то они рабы по самой природѣ, и лучшая доля ихъ такова, чтобы быть въ подчиненіи у той же самой власти, какой подчиняются тѣло и животныя. По природѣ рабъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому, — потому рабъ дѣйствительно принадлежитъ другому,—и тотъ, кто настолько лишь причастенъ разума, чтобы понимать раз-

---

[1]) См. выше, стр. 175.

[2]) См. выше, стр. 126.

[3]) Перев. Скворцова, стр. 12—13.

умное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ“ [1]). Къ этому разсужденію Аристотель прибавляетъ еще то соображеніе, что „природа, желая установить различіе между свободными и рабами, дѣлаетъ различіе и между самыми ихъ тѣлами“ [2]), создавая рабовъ сильными и годными къ тяжелымъ работамъ, а свободныхъ къ тяжелому труду неспособными. Такими естественными, прирожденными рабами Аристотель считалъ варваровъ, и вообще для него было несомнѣннымъ, что „нѣкоторые люди всегда рабы, а другіе никогда“ [3]), или что „одни по природѣ рабы, а другіе по природѣ свободны. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, замѣчаетъ онъ еще, что это различіе господства и рабства рѣзко выступаетъ въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, именно тѣхъ, изъ которыхъ одному полезно быть рабомъ, а другому—господиномъ. Въ этомъ случаѣ, сказано далѣе, справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ силою той власти, которую онъ имѣетъ по своей природѣ, т.-е. властью господина“ [4]). И мы видѣли, что съ точки зрѣнія Аристотеля рабъ былъ необходимою принадлежностью всякаго хозяйства, которую только по бѣдности можно было замѣнить рабочимъ воломъ [5]). (Въ римской литературѣ такимъ же теоретикомъ хозяйственнаго значенія рабовъ былъ цензоръ Катонъ). И свободный рабочій человѣкъ, по Аристотелю, слишкомъ близко стоитъ къ рабу. „Одни изъ тѣхъ, говоритъ онъ, которые занимаются необходимымъ въ житейскомъ быту, суть рабы: это тѣ работники, которые служатъ одному; другіе, работая на кого угодно, суть ремесленники и оеты. Отсюда, прибавляетъ Аристотель, при маломъ соображеніи становится ясно, какъ должно смотрѣть на людей такого рода“ [6]). Истинная мысль Аристотеля—въ слѣдующихъ словахъ: „государство, пользующееся наилучшимъ политическимъ устройствомъ, не даетъ, конечно, ремесленнику правъ гражданства“, ибо гражданская добродѣтель есть „добродѣтель не всякаго гражданина и даже

[1]) Стр. 17.
[2]) Стр. 18.
[3]) Стр. 20.
[4]) Стр. 21.
[5]) См. выше, стр. 170.
[6]) Перев. Скворцова, 131—132.

не всякаго свободнаго, но того лишь, кто вовсе не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ, необходимыхъ въ быту житейскомъ“ [1]).

На этомъ можно и остановиться въ обзорѣ политическихъ идей Аристотеля, тѣмъ болѣе, что мы уже знакомы и съ его классификаціей формъ правленія, раздѣленныхъ у него на правильныя и извращенныя [2]), въ чемъ заключается признаніе относительнаго достоинства всѣхъ формъ, лишь бы въ пользованіи властью не было своекорыстія и произвола. Напомнимъ еще, что Аристотель былъ сторонникъ такого общественнаго устройства, при которомъ преобладаніе принадлежало бы людямъ средняго достатка [3]). Въ общемъ, однако, Аристотель, не въ примѣръ Платона, не столько построилъ идеальное государство, сколько изслѣдовалъ государства реальныя, и на первомъ планѣ у него были не абсолютныя требованія, какъ у Платона, а относительные совѣты, своего рода оппортунистическія наставленія, которыми могли пользоваться и единичные правители, и коллегіи знати, и друзья народа. Въ общемъ его симпатіи на сторонѣ умѣренной партіи, на сторонѣ „середины“, но онъ признаётъ, что въ большихъ городахъ его времени и трудно было бы установиться какому-либо правленію, кромѣ демократическаго. Во всякомъ случаѣ, однако, если Аристотель и ставитъ государству при всякомъ правильномъ устройствѣ цѣль всесторонняго развитія умственной жизни гражданъ и обезпеченіе имъ совокупности внѣшнихъ условій, необходимыхъ для счастья [4]), то эта цѣль у него должна была осуществляться лишь для нѣкоторыхъ, для немногихъ, т.-е. только для настоящихъ гражданъ государства-города, а не для всѣхъ.

Въ IV в. греческій міръ извѣрился въ демократическія учрежденія и вообще во всѣ прежнія формы. Къ сожалѣнію, многіе политическіе трактаты той эпохи до насъ не дошли, но кое-что мы о нихъ знаемъ, и для насъ особенно любопытно то, что въ нихъ, очевидно, обнаруживалось

---

[1]) Стр. 131.

[2]) См. выше, стр. 96.

[3]) См. выше, стр. 190.

[4]) Въ этомъ кн. Трубецкой и усматриваетъ сродство аристотелева пониманія съ современнымъ культурно-европейскимъ.

исканіе новыхъ формъ. Уже Аристотель въ своей „Политикѣ“ отмѣчаетъ существованіе особой теоріи о сочетаніи разныхъ формъ правленія: „нѣкоторые, читаемъ мы тамъ, говорятъ, что лучшее политическое устройство должно быть смѣшаннымъ изъ всѣхъ политическихъ устройствъ“. Поэтому-то они и хвалятъ политическое „устройство лакедемонянъ, которое, по ихъ словамъ, состоитъ изъ олигархіи, монархіи и демократіи“. Именно здѣсь „представителями монархіи являются цари, а власть геронтовъ представляетъ олигархію, демократическій же элементъ находится во власти эфоровъ, потому что эфоры избираются изъ народа“. Это разсужденіе Аристотель считаетъ небезосновательнымъ, потому что „политическое устройство, сложившееся изъ многихъ другихъ, дѣйствительно лучше“ [1]), но онъ не развиваетъ этой мысли, которая впослѣдствіи получила примѣненіе у Полибія въ его анализѣ римскаго устройства, о которомъ намъ уже пришлось упомянуть [2]). Что такую мысль высказывали и другіе писатели, объ этомъ свидѣтельствуютъ намъ кое-какіе дошедшіе до насъ отрывки. Между прочимъ, тотъ же принципъ раздѣлялся основателемъ стоической школы Зенономъ, который говорилъ, что „лучшее политическое устройство есть соединеніе демократіи, монархіи и аристократіи“. Первые стоики съ Зенономъ во главѣ не были такъ равнодушны къ политическимъ вопросамъ, какъ ихъ болѣе поздніе (особенно римскіе) послѣдователи, и въ ихъ средѣ развивалось особое расположеніе къ Спартѣ, древніе законы которой, суровые и строгіе, особенно соотвѣтствовали стоическому идеалу. Повидимому, стоики находили уже осуществленнымъ смѣшанное устройство въ Спартѣ и приписывали его введеніе Ликургу. По крайней мѣрѣ, и Полибій во II в. до Р. Х., и Плутархъ во II в. по Р. Х., оба почерпнувшіе свои идеи изъ стоическихъ источниковъ, такъ понимали ликургово законодательство. Полибій даже примѣнилъ теорію смѣшаннаго устройства къ пониманію римской конституціи. Есть основанія также думать, что и въ разработкѣ легенды о ликурговомъ аграрномъ устройствѣ [3]) приняли нѣкоторое участіе представители стоической философіи, къ числу которыхъ принадлежитъ

[1]) Перев. Скворцова, стр. 63—64.

[2]) См. выше, стр. 141—142.

[3]) См. выше, стр. 194—195.

Сферъ, учитель Клеомена III и, можетъ быть, даже самого Агиса [1]).

Имена Агиса и Клеомена возвращаютъ насъ къ исторіи соціальнаго вопроса въ Греціи, который такъ же, какъ и вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ, отразился въ области теоретической мысли и ея литературныхъ выраженій.

Когда говорятъ о соціальныхъ идеяхъ древности, то главнымъ образомъ имѣютъ въ виду тогдашнія коммунистическія ученія и особенно самое полное изложеніе коммунистическаго строя у Платона, о которомъ мы уже упоминали.

Коммунизмъ Платона былъ коммунизмъ аристократическій: онъ былъ весь къ услугамъ правителей-философовъ и гражданъ-воиновъ и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ соціальнымъ движеніемъ этой эпохи въ низшихъ слояхъ греческаго гражданства, лозунгомъ котораго былъ боевой кличъ: „раздѣлъ земель и отмѣна долговыхъ обязательствъ“ [2]). Платонъ какъ-разъ не распространялъ свой коммунистическій идеалъ на третье сословіе своего утопическаго государства, такъ какъ рабочимъ людямъ онъ предоставлялъ имѣть каждому свое жилище и владѣть имуществомъ, и самое существованіе среди нихъ частной собственности было подчинено интересамъ коммунистической аристократіи. Два высшіе класса должны были быть свободны отъ заботъ о всемъ житейскомъ, и содержать эти два класса долженъ былъ третій классъ, который являлся своего рода собственностью государства, сословіемъ, по существу дѣла, государственныхъ крѣпостныхъ и рабовъ. Рабочимъ Платонъ предоставлялъ пользоваться для поддержанія своей жизни остатками отъ того, что̀ будетъ у нихъ отобрано правителями-философами для содержанія двухъ первыхъ классовъ, и не даромъ, конечно, спеціальною добродѣтелью рабочихъ, по опредѣленію Платона, должна была быть умѣренность или, что̀ то же, воздержность, скромность (σωφροσύνη). Вотъ почему нельзя, какъ это иногда дѣлаютъ, въ категоричности, съ какою Платонъ отрицаетъ частную собственность, видѣть результатъ особой обостренности классовыхъ отношеній его времени и думать, что философъ вооружился противъ частной собственности только потому, что̀ не видѣлъ никакого иного выхода изъ ужасной

[1]) См. выше, стр. 195.

[2]) См. выше, стр. 199 и др.

борьбы классовъ. Коммунизмъ Платона былъ не прекращеніемъ экономической эксплуатаціи рабочаго люда, но ея закрѣпленіемъ—путемъ превращенія ея изъ индивидуальной въ коллективную. Авторъ „Государства“ и „Законовъ“ не вышелъ изъ рамокъ античнаго государства, въ которомъ къ числу правъ гражданина относилась и возможность пользованія даровымъ трудомъ рабовъ и крѣпостныхъ.

Планы лучшаго общественнаго устройства въ Греціи были довольно многочисленны, что̀, напр., и заставило Аристотеля посвятить нѣкоторымъ изъ нихъ первыя пять главъ II кн. „Политики“. Главный вопросъ, который здѣсь интересуетъ Аристотеля, и есть вопросъ о частной и общей собственности. Посвятивъ три главы критикѣ взглядовъ Платона, онъ останавливается на проектѣ нѣкоего Филеаса халкедонскаго. „Нѣкоторымъ кажется, замѣчаетъ онъ, что правильная организація собственности есть наиважнѣйшее дѣло въ политическомъ устройствѣ, потому что всѣ безпорядки, говорятъ они, происходятъ изъ-за собственности. Такъ, продолжаетъ онъ, Филеасъ халкедонскій первый [1]) положилъ въ основаніе своего государственнаго устройства то правило, что у всѣхъ гражданъ должно быть равное имущество [2])... Вообще, прибавляетъ еще Аристотель, этотъ Филеасъ много хлопочетъ о пріисканіи такихъ условій, при которыхъ граждане могли бы быть между собою въ хорошихъ общественныхъ отношеніяхъ“ [3]). Аристотель не удовлетворяется его системою потому, прежде всего, что „столкновенія между гражданами бываютъ не только изъ-за неравенства собственности“ [4]), а затѣмъ и потому, что Филеасъ „уравниваетъ гражданъ въ отношеніи только поземельной собственности“ [5]), но тутъ же философъ и объясняетъ намъ эту послѣднюю черту въ планѣ Филеаса: дѣло въ томъ, что онъ „имѣлъ въ виду небольшое государство, такъ какъ всѣ ремесленники (τεχνῖται), по его мнѣнію,

[1]) Въ другомъ мѣстѣ первымъ „изъ людей, не занимающихся государственными дѣлами, кто рѣшился сказать свое слово о лучшемъ политическомъ устройствѣ“, Аристотель называетъ Гипподама милетскаго. Перев. Скворцова, стр. 73.

[2]) Стр. 68.

[3]) Стр. 70.

[4]) Стр. 69.

[5]) Стр. 71.

должны принадлежать государству, а не составлять изъ себя дополнительнаго класса гражданъ“ [1]). Другими словами, Филеасъ рекомендовалъ превратить всѣхъ представителей обрабатывающей промышленности въ своего рода государственныхъ рабовъ (δημόσιοι), что́, какъ вѣрно замѣчаетъ Пельманъ, характеризуетъ истинный смыслъ всего плана: требованіе введенія коллективистическаго хозяйства вытекало „не изъ соціальнаго демократизма, имѣющаго въ виду крайнее проведеніе индивидуалистическаго принципа равенства“, но изъ анти-демократическаго и анти-индивидуалистическаго пониманія государственной идеи [2]). Самая цѣль введенія аграрнаго коммунизма у Филеаса — не интересъ отдѣльныхъ личностей, а спокойствіе государства. Мы видѣли также, что и спартанская соціальная реформа Агиса IV и Клеомена III, выдававшая себя за реставрацію ликургова устройства, въ сущности, тоже не выходила изъ обычнаго круга воззрѣній древности, касающихся гражданской и негражданской частей въ населеніи государства [3]).

Эти оговорки, однако, не устраняютъ вѣрности той общей мысли, что рѣзкія противоположности богатства и бѣдности въ греческомъ обществѣ особенно IV в. были очень удобною почвою для распространенія коммунистическихъ идей, и именно на этой самой почвѣ выросла легенда о Ликургѣ. Но и, кромѣ того, греческая литература была довольно богата произведеніями въ коммунистическомъ духѣ. Въ ней существовалъ цѣлый рядъ не дошедшихъ до насъ изображеній коммунистическаго быта разныхъ варваровъ, напр., скиѳовъ, въ родѣ тѣхъ новѣйшихъ литературныхъ произведеній, которыя съ легкой руки Роберта фонъ-Моля (1799—1875) принято называть „государственными романами“. Не было и недостатка въ философахъ, которые стояли за полное преобразованіе общества въ смыслѣ совершеннаго равенства и общаго обладанія землею. Общая древности вѣра въ золотой вѣкъ, неразъ вдохновлявшая поэтовъ, въ области соціальной философіи превращалась въ ученіе о первобытномъ естественномъ состояніи, когда люди жили сообразно съ приро-

---

[1]) Стр. 72.

[2]) *R. Pöhlmann.* Gesch. des antik. Kommunismus und Socialismus, I, 266.

[3]) См. выше, стр. 196.

дою, довольствовались самымъ необходимымъ и не были еще заражены любостяжательностью и корыстолюбіемъ; не даромъ же и Аристотель, какъ мы видѣли, въ хозяйственной дѣятельности человѣка различалъ два вида—естественный и неестественный [1]). Изображеніе блаженнаго состоянія первобытныхъ людей мы находимъ въ „Законахъ“ Платона. Одинъ изъ учениковъ Аристотеля, Дикеархъ, въ своей „Жизни Эллады“ [2]) тоже принималъ за исходный пунктъ естественное состояніе и въ появленіи частной собственности видѣлъ отступленіе отъ „законовъ природы“. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить это мнѣніе греческаго философа IV в. до Р. Х., что черезъ двадцать слишкомъ вѣковъ мысль его развивалъ Жанъ-Жакъ Руссо въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о происхожденіи и основаніяхъ неравенства между людьми“, прямо ссылавшійся на Дикеарха. Аналогичныя идеи мы находимъ и у раннихъ стоиковъ и прежде всего у самого Зенона. Стоики отожествляли естественное право, т.-е. законъ природы съ закономъ разума, и самая популярность „ликурговой“ Спарты объясняется тѣмъ, что въ ней видѣли какъ бы осуществленіе именно этого разумнаго закона природы [3]).

Въ сущности, первыми провозвѣстниками естественнаго права въ его индивидуалистическомъ пониманіи были, какъ уже сказано выше [4]), софисты. Они, очевидно, должны быть признаны и родоначальниками того соціально-демократическаго теченія, которое исходило изъ идеи права каждой личности на полноту индивидуальнаго благополучія. Идея политическаго равенства, находившая свою высшую санкцію въ естественномъ правѣ, приводила — въ распространеніи своемъ на всѣ сферы жизни—къ идеѣ равенства экономическаго, которое думали осуществить при помощи общенія или равнаго раздѣла имуществъ. Самъ Аристотель признавалъ, что крайняя или, по нашему, радикальная демократія (ἡ τελευταία δημοκρατία) и по настоящему демократически настроенный политикъ (ὁ ἀληθινῶς δημοτικός) должны стремиться къ

---

[1]) См. выше, стр. 171.

[2]) Сохранились лишь отрывки.

[3]) Ср. то, что̀ было сказано о вліяніи стоиковъ на созданіе легенды о Ликургѣ.

[4]) См. выше, стр. 211.

тому, „чтобы масса была не очень бѣдна“, для чего нужно „придумать такія средства, которыя обезпечивали бы благосостояніе массы на болѣе долгое время“. Именно онъ рекомендовалъ „дѣлить остатки государственныхъ доходовъ между бѣдными, раздавая по возможности деньги въ такомъ количествѣ, сколько нужно каждому для пріобрѣтенія себѣ участка земли или, по крайней мѣрѣ, для открытія какой-либо торговли и для занятія земледѣліемъ“ [1]). Аристотель даже прямо заявилъ, что „или не всѣхъ тѣхъ слѣдуетъ считать гражданами, изъ которыхъ состоитъ государство, или они должны принимать участіе во всѣхъ выгодахъ общественной жизни“ [2]). Тѣмъ болѣе на такой точкѣ зрѣнія стояли сами демократы въ періодъ соціальной борьбы, и лучше всего основную мысль радикальной демократіи выразилъ сиракузскій демагогъ Гиппонъ въ слѣдующихъ словахъ: „равенство (имущественное) есть источникъ (ἀρχή) свободы, бѣдность же для неимущихъ— причина рабства“.

Насколько подобныя идеи были популярны въ массахъ, можно видѣть, какое впечатлѣніе произвела спартанская соціальная революція середины III в. на низшіе классы населенія въ другихъ городахъ [3]). „Въ каждомъ бѣдномъ гражданинѣ, говоритъ новѣйшій историкъ поземельной собственности въ Греціи [4]), сидѣлъ скрытый соціалистъ“ (on socialiste latent).

Мы не будемъ останавливаться на политической и соціальной мысли въ Римѣ. Во-первыхъ, она отличалась меньшею оригинальностью, чѣмъ въ Греціи, такъ какъ вообще въ философіи римляне были учениками грековъ. Во-вторыхъ, соціальная и политическая борьба началась въ Римѣ въ ту эпоху, когда Римъ, собственно говоря, уже переросъ старыя рамки государства-города. Наконецъ, и источниками для исторіи соціальной борьбы Римъ гораздо бѣднѣе Греціи [5]).

---

[1]) Перев. Скворцова, 307.

[2]) Стр. 137.

[3]) См. выше, стр. 199—200.

[4]) *Guiraud.* La propriété foncière en Grèce.

[5]) *Pöhlmann,* II, 474 и слѣд.

ГЛАВА XV.

Разныя формы политическаго объединенія государствъ-городовъ въ союзы и державы.

Международныя отношенія государствъ-городовъ античнаго міра.—Греческій партикуляризмъ. — Различіе между союзами и державами. — Случаи симполитіи. — Амфиктіоніи и племенные союзы.—Завоевательная политика нѣкоторыхъ государствъ-городовъ. — Спартанская и Аѳинская симмахіи временъ греко-персидскихъ войнъ. — Соперничество Спарты и Аѳинъ.— Потеря Греціей независимости.—Времена македонской гегемоніи.—Этольскій и Ахейскій союзы.—Союзы городовъ въ Италіи.

Доселѣ, слѣдя за политической и соціальной эволюціей античнаго государства-города, мы брали это самое государство-городъ особнякомъ, внѣ всякаго его отношенія къ другимъ такимъ же политическимъ цѣлымъ, какъ будто, съ одной стороны, каждое изъ нихъ вело совершенно изолированную жизнь, въ полномъ мирѣ съ сосѣдями, и какъ будто, съ другой стороны, политическая интеграція въ античномъ мірѣ остановилась на государствѣ-городѣ и не создавала новыхъ формъ, которыя выростали изъ старыхъ рамокъ маленькихъ городовыхъ республикъ. На самомъ дѣлѣ изолированной политической жизни не было, и государства-города не только торговали между собою, но и воевали, а также не только воевали, но и соединялись въ болѣе крупныя политическія организаціи, и нѣкоторые изъ нихъ настолько возвышались надъ другими, что ставили ихъ въ подчиненное по отношенію къ себѣ положеніе и создавали цѣлыя территоріальныя державы. Все это не могло не отражаться и на внутреннемъ быту государствъ-городовъ. Постоянная война, въ которой находились между собою греческія республики, подрывала ихъ экономическое благосостояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлала ихъ большею частью безсильными въ борьбѣ съ опасными сосѣдями. Сначала опасною для греческой свободы сосѣдкою была Персія, въ борьбѣ съ которою греки не проявили достаточно единодушія, вслѣдствіе чего мало-азіатскія колоніи лишь на нѣсколько десятилѣтій освобождались отъ власти „великаго царя“. Затѣмъ опасностью греческой

свободѣ стала грозить Македонія, которой очень скоро и удалось подчинить себѣ Грецію, но въ эпоху македонской гегемоніи греки не прекращали своихъ междоусобій. Наконецъ, въ греческія распри вмѣшался Римъ, который сумѣлъ прекратить борьбу между отдѣльными городами, но этотъ миръ былъ купленъ цѣною свободы.

Государства-города античнаго міра находились между собою въ отношеніяхъ международныхъ. Греки не составляли единой націи въ политическомъ смыслѣ. Если у нихъ и было сознаніе общности происхожденія, языка, культуры и т. п. и если они противополагали себя варварамъ, то это общеэллинское самосознаніе имѣло характеръ не того національнаго патріотизма, который мы находимъ у политически объединенныхъ народовъ современной Европы, а, пожалуй, больше напоминаетъ намъ то обще-культурное самосознаніе, какое существуетъ у теперешнихъ цивилизованныхъ европейцевъ, признающихъ между собою бо̀льшую близость, чѣмъ, наприм., по отношенію къ туркамъ или китайцамъ. Каждая греческая политія хотѣла быть суверенным государствомъ, не знающимъ надъ собою никакой высшей власти, и эти самостоятельныя политіи на свой страхъ вели между собою войны и заключали мирные или союзные договоры, а если какой-либо общинѣ приходилось подчиниться другой, болѣе сильной, то цѣлью ея мечтаній было возвратить себѣ автономію. При незначительныхъ территоріяхъ этихъ государствъ, когда изъ акрополя одного города можно было иногда видѣть акрополь другого, при возникновеніи пограничныхъ споровъ, торговомъ соперничествѣ и т. п. за поводами къ войнамъ никогда почти не было недостатка, и войны постоянно возникали. „На такихъ мѣстахъ, писалъ одинъ ученый путешественникъ по Греціи въ XIX в. [1]), — на такихъ мѣстахъ, какъ вершина Акро-Коринфа, откуда въ ясную погоду видны Аѳины съ Акрополемъ и его храмами, вдругъ дѣлается яснымъ многое, что̀ едва ли можно понять изъ однѣхъ книгъ. Греческія государства, управляемыя противорѣчащими интересами, лежали такъ близко другъ къ другу, что смертельная вражда между ними, совершенно необъяснимая изъ однѣхъ племенныхъ противоположностей, является естественнымъ слѣдствіемъ отношеній: дѣло шло о вопросахъ жизни

[1]) Vischer, цитуемый Васильевскимъ, стр. 6. Ср. карту I.

и существованія. Какія чувства должны были пробуждаться въ богатомъ коринѳскомъ купцѣ, когда онъ изъ своего кремля видѣлъ на его счетъ, во вредъ ему расцвѣтающія приморскія Аѳины (Пирей), когда онъ, можетъ быть, смотрѣлъ на военный флотъ, выходящій изъ гавани, чтобы плыть кругомъ Пелопоннеса и запереть сообщеніе съ моремъ нѣкогда властвовавшему на моряхъ Коринѳу. Я здѣсь понялъ, прибавляетъ авторъ этихъ словъ, почему коринѳяне послѣ пелопоннесской войны требовали разрушенія Аѳинъ".

Греческія государства-города ревниво оберегали свою политическую автономію. Когда имъ по тѣмъ или другимъ причинамъ приходилось соединяться между собою, они всячески заботились, чтобы это соединеніе не умаляло ихъ самостоятельности, и потому часто союзы между ними были непрочны. Съ другой стороны, когда какому-либо государству-городу удавалось подчинить себѣ другую такую же гражданскую общину, то двѣ политіи не сливались въ одну, какъ это было въ эпоху образованія государствъ-городовъ посредствомъ синойкизма [1]), а одна дѣлалась владычицей другой, и эта другая становилась въ зависимое отъ нея положеніе. И Спарта въ эпоху своей гегемоніи, и Аѳины въ то время, когда онѣ создали себѣ цѣлую державу на Эгейскомъ морѣ, и, наконецъ, самый Римъ, сдѣлавшійся владыкою вселенной, сохраняли формы государства-города, которое вмѣстѣ съ тѣмъ становилось и городомъ-государемъ надъ разными „союзниками" и „подданными". Античный человѣкъ такъ сжился съ этой политической формой, что даже болѣе крупныя, чѣмъ небольшая политія-цивитасъ, государственныя образованія являлись не чѣмъ иным, какъ федераціями городовъ на тѣхъ или другихъ условіяхъ. Гражданинъ былъ непремѣнно членомъ того или другого городового государства, раздѣлявшимъ религію своего „отечества", т.-е. опять-таки лишь извѣстнаго города. Нельзя было быть одновременно гражданиномъ двухъ городовъ, какъ и теперь по общему праву нельзя быть заразъ подданнымъ двухъ государствъ. Постоянное пребываніе въ городѣ, долговременная въ немъ жизнь и дѣятельность не дѣлали „иностранца" гражданиномъ, и можно было совсѣмъ жить не въ своемъ городѣ, числясь все-таки его гражданиномъ. Изгнаніе, т.-е. лишеніе

[1]) См. выше, стр. 22.

отечества было великимъ наказаніемъ для человѣка, отрѣшеніемъ его отъ религіознаго культа, своего рода отлученіемъ отъ церкви. На чужбинѣ гражданинъ другого государства былъ первоначально совершенно безправенъ и находился только подъ охраною религіи. Лишь позднѣе развился институтъ *проксеніи* (προξενία), въ силу котораго городъ выбиралъ среди гражданъ другого государства такъ называемыхъ *проксеновъ* (προξένοι), которые могли бы помогать и оказывать разнаго рода услуги пріѣзжимъ гражданамъ того города, который считалъ данныхъ лицъ своими проксенами. Этотъ партикуляризмъ проникалъ собою всѣ общественныя отношенія, такъ что торговыя, культурныя и иныя подобныя связи долго только сглаживали, но не разрушали политическую обособленность городовыхъ республикъ.

Тѣмъ не менѣе жизнь дѣлала свое дѣло, и политическая интеграція постепенно подкапывала эту изолированность и суверенность городовыхъ республикъ Эллады и Италіи. Въ настоящей главѣ мы и сдѣлаемъ обзоръ тѣхъ формъ, въ какихъ совершалось объединеніе государствъ-городовъ въ болѣе крупныя политическія организаціи. Этихъ формъ древній міръ зналъ нѣсколько, но основныхъ было три: одну форму представляли собою союзы, въ которыхъ всѣ отдѣльные члены были между собою равны, оставаясь вполнѣ самостоятельными общинами; другую—союзы, въ которыхъ одному какому-либо городу принадлежала гегемонія, т.-е. предводительство; третью—державы, гдѣ одинъ какой-либо городъ уже господствовалъ надъ другими, лишая ихъ самостоятельности. Понятно, что вторая форма представляетъ изъ себя лишь переходъ отъ первой къ третьей. Отъ этихъ трехъ формъ нужно отличать полное сліяніе двухъ или нѣсколькихъ государствъ, въ одно, извѣстное подъ названіемъ *симполитіи* (συμπολιτεία) и напоминающее синойкизмъ [1]).

Во время такъ называемой коринѳской войны (395—387) Аргосъ и Коринѳъ рѣшили соединиться въ одну политію, чтобы лучше противостоять Спартѣ. Граница между обѣими территоріями была уничтожена, и всѣ коринѳяне сдѣлались гражданами общаго государства, сохранившаго имя Аргоса. Это было дѣломъ демократической партіи, но коринѳская аристократія плохо мирилась съ этимъ „исчезновеніемъ“ своего

[1]) См. выше, стр. 22.

государства и даже думала, что послѣ этого не стоитъ и жить. Соединеніе на самомъ дѣлѣ оказалось непродолжительнымъ. Другой случай симполитіи представляетъ собою попытка города Олинѳа на полуостровѣ Халкидикѣ. Олинѳъ обратился къ сосѣднимъ городамъ съ предложеніемъ слиться съ нимъ въ одну политію, и маленькіе города или сами приняли это предложеніе, или вынуждены были это сдѣлать, но два болѣе значительныхъ города, Аканѳъ и Аполлонія, отказались отъ соединенія съ Олинѳомъ, заявивъ, что они хотятъ оставаться на прежнемъ положеніи *автополитовъ* (αὐτοπολῖται), къ которому привыкли, т.-е. жить только по отеческимъ законамъ и называться гражданами только своихъ городовъ. Мало того: оба города обратились за помощью къ Спартѣ, которая, какъ мы увидимъ, въ это время особенно ревностно вездѣ поддерживала автономію греческихъ общинъ.

Въ сущности Аѳинское государство, охватившее всю Аттику, образовалось подобнымъ же путемъ [1]), но это былъ случай почти исключительный. По сосѣдству съ Аттикой лежала другая подобная же область, Беотія, въ которой былъ тоже болѣе значительный городъ, Ѳивы, который не прочь былъ сдѣлаться по отношенію къ Беотіи тѣмъ, чѣмъ Аѳины были по отношенію къ Аттикѣ, но здѣсь же успѣли уже развиться и выработать въ себѣ сознаніе политической самостоятельности такіе города, какъ Платеи, Орхоменъ, Ѳеспіи, и это помѣшало объединенію Беотіи, такъ что она осталась на степени федераціи съ противоположными стремленіями Ѳивъ, къ преобладанію и другихъ городовъ къ независимости. Платеи особенно тяготились гегемоніей Ѳивъ и даже отпали отъ федераціи, чтобы войти въ союзъ съ Аѳинами, за что, какъ извѣстно, жестоко поплатились въ началѣ пелопоннесской войны. Исторія Беотіи можетъ быть примѣромъ того, что даже областныя федераціи въ Греціи не отличались прочностью, и что причиною ихъ непрочности были гегемоническія стремленія болѣе сильныхъ городовъ главенствовать надъ остальными.—Отъ симполитій нужно отличать случаи особаго рода договоровъ между отдѣльными городами, въ силу которыхъ граждане одного города могли и въ другомъ пользоваться извѣстными правами, особенно вступленія въ бракъ и пріобрѣтенія недвижимой собственности, что̀ называлось у

[1]) См. выше, стр. 23.

грековъ ἐπιγαμία καὶ ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας, а въ Италіи—jus connubii и jus commercii.

Сосѣдскія отношенія въ очень еще раннія времена должны были устанавливать между отдѣльными городами извѣстнаго рода постоянныя связи. Наиболѣе важными формами постоянныхъ союзовъ были *амфиктіоніи* (ἀμφικτυονία) и племенныя федераціи. Первую форму представляютъ собою религіозные союзы, группировавшіеся вокругъ какого-либо общаго святилища, около котораго устраивались общіе праздники, сопровождавшіеся ярмарками и разнаго рода увеселеніями. Религіозное общеніе приводило иногда и къ установленію извѣстныхъ политическихъ связей. Нѣкоторыя изъ такихъ празднествъ получили въ Греціи даже обще-эллинское значеніе, каковы были такъ называемыя игры (или агоны) олимпійскія, пиѳійскія (въ Дельфахъ), истмійскія и немейскія. Помимо этого, поддерживались извѣстныя связи и между маленькими городами однѣхъ и тѣхъ же племенъ или *ѳновъ* (ἔθνος), на которые дѣлились греки. Кромѣ племеннаго союза беотійцевъ, о которомъ только-что было сказано, существовали подобнаго же рода федераціи,—онѣ назывались *кэнами* или *койнами* (τὸ κοινὸν, община),—въ Ѳессаліи, Фокидѣ, Акарнаніи, Этоліи и др. областяхъ, на которыя дѣлилась Грецiя. Иногда эти этническіе союзы имѣли религіозный характеръ, хотя и не назывались амфиктіоніями. Напр., двѣнадцать іонійскихъ колоній въ Малой Азіи составляли одно цѣлое съ общимъ святилищемъ, Паніоніемъ, въ которомъ онѣ собирались для чествованія Посейдона и обсужденія своихъ дѣлъ въ случаѣ какой-либо общей опасности. Забота о самосохраненіи играла видную роль въ поддержкѣ такихъ федеративныхъ связей. Когда начиналась война, члены союза сплачивались между собою и даже выбирали одного начальника [1]). Конечно, для рѣшенія общихъ дѣлъ союзники должны были совѣщаться сообща на особыхъ собраніяхъ въ родѣ племенныхъ сеймовъ, которые носили то же самое названіе, какъ и сами федераціи, т.-е. τὰ κοινά. Нѣкоторыя изъ такихъ федерацій образовались еще въ незапамятныя времена, другія — сравнительно поздно, какъ это было, напр., въ Аркадіи [2]), гдѣ союзное государство возникло лишь послѣ битвы при

[1]) Ср. выше, стр. 37.

[2]) Ср. выше, стр. 37.

Левктрахъ (371). Центромъ федераціи былъ Мегалополь, гдѣ и собиралось общее народное собраніе, носившее характерное названіе [1]) „десяти тысячъ“ (οἱ μύριοι), такъ какъ въ немъ могли участвовать совершеннолѣтніе граждане всѣхъ аркадскихъ общинъ, но вѣдало оно только дѣла внѣшней политики. Позднѣе для текущихъ дѣлъ союза образовался въ немъ совѣтъ (βουλή), состоящій изъ *даміорговъ* (δαμιοργοί), какъ назывались представители отдѣльныхъ государствъ, являвшіеся въ разномъ числѣ въ зависимости отъ величины представляемыхъ общинъ. Вообще и въ другихъ греческихъ федераціяхъ племенного типа мы встрѣчаемся съ представительными учрежденіями конгрессивнаго характера, напоминающими намъ не столько сословные сеймы среднихъ вѣковъ или современные западно-европейскіе парламенты, сколько международные конгрессы.

Мы только-что отмѣтили, что подобные союзы поддерживались чувствомъ самосохраненія отдѣльныхъ государствъ-городовъ. Войны античной эпохи отличались страшною жестокостью. Военноплѣнные, которые оставались необмѣненными на взятыхъ въ плѣнъ противною стороною или за которыхъ не вносили выкупа, продавались въ рабство. Городъ, сдавшійся врагу на капитуляцію, долженъ былъ иногда подчиняться крайне тяжелымъ условіямъ — до потери внутренней свободы включительно, если же побѣдитель бралъ городъ приступомъ, то всѣ жители города и все ихъ имущество становились собственностью побѣдившей стороны. Дѣло доходило иногда до того, что все мужское населеніе избивалось, женщины съ дѣтьми продавались въ рабство, самый городъ — кромѣ храмовъ—разрушался, что́ можно было унести, расхищалось, и земля тоже захватывалась побѣдителями. Завоевательныя войны были явленіемъ довольно обычнымъ, и путемъ завоеваній нѣкоторыя государства-города очень рано начали приращать свои территоріи. Особенно слѣдуетъ отмѣтить тотъ общій для греческой исторіи фактъ, что первыя значительныя попытки образованія болѣе крупныхъ государственныхъ территорій путемъ завоеваній начали дѣлаться въ Греціи въ эпоху древней тиранніи, т.-е. передъ греко-персид-

[1]) Если только слово μύριοι не слѣдуетъ здѣсь понимать въ смыслѣ „очень многіе“.

скими войнами. Поликратъ самосскій подчинилъ себѣ многіе острова и приморскіе города. При Періандрѣ Коринѳъ тоже произвелъ нѣсколько завоеваній, овладѣвъ между прочимъ богатою Керкирою, причемъ въ отдѣльныхъ городахъ, изъ коихъ многіе были основаны самимъ Коринѳомъ въ завоеванныхъ земляхъ у Іонійскаго и Адріатическаго морей, иногда въ качествѣ правителей ставились сыновья тиранна. Это, можно сказать, была первая по времени колоніальная держава въ греческомъ мірѣ, но послѣ паденія тиранніи Коринѳу не удалось удержать за собою всѣ свои завоеванія (Керкира, напр., отпала и вернула себѣ свою независимость). Первымъ основателемъ аѳинскаго могущества былъ опять-таки тираннъ Писистратъ, при которомъ Аѳины распространили свою власть на острова Саламинъ и Наксосъ и утвердились на берегахъ Геллеспонта, а также на югѣ Ѳракіи. Возвышеніе Сиракузъ также началось при тираннѣ Гелонѣ, который завоевалъ нѣкоторые сосѣдніе города, большею частью подвергнувъ ихъ при этомъ разрушенію, гражданъ же переселивъ въ Сиракузы, а къ концу своего правленія онъ сумѣлъ добиться союза съ другими греческими городами въ Сициліи, признавшими надъ собою главенство Сиракузъ. При его преемникѣ Гіеронѣ Сиракузы распространили свое политическое вліяніе и на греческія республики Южной Италіи. Благодаря этому, названный городъ сдѣлался своего рода „великой державой“ въ западной части эллинскаго міра.

Путемъ счастливыхъ войнъ расширила свою территорію и Спарта. Эта военная община, жившая на счетъ своихъ крѣпостныхъ, гелотовъ, стремясь къ пріобрѣтенію все новыхъ и новыхъ земельныхъ участковъ, мало-по-малу съ середины VIII в. завоевала сначала всю Лаконію, потомъ сосѣднюю Мессенію (въ VII в.) и стала дѣлать покушенія на Аркадію и Арголиду. Передъ началомъ греко-персидскихъ войнъ Спарта владѣла болѣе, чѣмъ третью всего Пелопоннеса, а другая треть полуострова находилась въ обладаніи общинъ, съ которыми Спарта сумѣла заключить выгодные для себя союзы. Власть и вліяніе Спарты въ это время не распространялись въ Пелопоннесѣ только на сѣверо-восточную часть полуострова. Вотъ почему Спарта и могла играть такую первенствующую роль въ національной борьбѣ грековъ съ персами въ началѣ V в.

Спартанской гегемоніи въ настоящей книгѣ посвящена

особая глава—и особая глава гегемоніи аѳинской [1]), причемъ въ обѣихъ этихъ главахъ мы сосредоточиваемъ свое вниманіе особенно на томъ вліяніи, какое оказывало господствующее положеніе обоихъ городовъ на ихъ внутреннюю жизнь. Здѣсь мы ограничимся лишь краткимъ очеркомъ исторіи взаимныхъ отношеній обоихъ союзовъ.

И спартанскій, и аѳинскій союзы были *симмахіями* (συμμαχία), т.-е. союзами, устроенными для общаго веденія войнъ и вообще для общей внѣшней политики. Спартанская симмахія представляла собою крупную для греческаго міра политическую силу, когда ему пришлось отстаивать свою независимость передъ натискомъ огромной персидской монархіи. Естественно, что Спарта и стала во главѣ національнаго сопротивленія эллиновъ варварамъ. Извѣстно, однако, что Спарта не удержалась на высотѣ своего положенія, и первенствующая роль въ борьбѣ съ персами перешла къ новой симмахіи, образовавшейся подъ предводительствомъ Аѳинъ. Какъ и почему Спарта должна была уступить первенство Аѳинамъ, объ этомъ достаточно говорится даже въ школьныхъ руководствахъ древней исторіи, и мы здѣсь на этомъ останавливаться не будемъ. Мало-по-малу—и довольно-таки скоро—аѳинская симмахія превратилась въ державу (ἀρχή), т.-е. союзники Аѳинъ попали въ положеніе какъ-бы подданныхъ этого государства, чѣмъ всѣ они, конечно, стали тяготиться. Въ теченіе греко-персидскихъ войнъ между Спартою и Аѳинами существовало своего рода соглашеніе, которое было, однако, очень непрочно, и еще въ самый разгаръ войны стало между обоими первенствующими городами Греціи обнаруживаться соперничество. Спартанская симмахія имѣла сухопутный характеръ, аѳинская—морской, но Аѳины не прочь были получить преобладаніе и на сушѣ, а потому начали поощрять враговъ Спарты въ самомъ Пелопоннесѣ. Между обоими городами возникали даже вооруженныя столкновенія, но тѣмъ не менѣе въ 445 г. Аѳины и Спарта заключили между собою миръ на тридцать лѣтъ, по которому каждая сторона должна была оставаться при своемъ, а государства, стоявшія внѣ обѣихъ симмахій, могли невозбранно присоединяться къ тому, къ кому хотѣли сами. Это соглашеніе продержалось только около пятнадцати лѣтъ, и въ 431 г.

[1]) См. объ слѣдующія главы.

въ Греціи вспыхнула война, продолжавшаяся двадцать семь лѣтъ и извѣстная подъ названіемъ пелопоннесской, — война, нанесшая всей Греціи страшный вредъ. Конечно, здѣсь не мѣсто разсказывать исторію этой войны, которая была не только борьбою между Спартою и Аѳинами и между обѣими симмахіями, сопровождавшеюся и случаями отпаденія отдѣльныхъ городовъ отъ прежняго общенія, но и борьбою аристократіи и демократіи почти во всей Греціи. Въ войну была втянута даже отдаленная Сицилія, на которую Аѳины тоже думали распространить свою власть, Спарта же для того, чтобы сокрушить Аѳины, не задумалась вступить въ союзъ съ самою Персіей. Война окончилась пораженіемъ Аѳинъ (404 г.), и созданная ими держава должна была распасться. Спарта снова очутилась во главѣ всей восточной части греческаго міра. Хорошо извѣстно, какъ воспользовалось это государство своею побѣдою: именно оно стало притѣснять другіе города, возбуждая тѣмъ повсемѣстную ненависть противъ своей гегемоніи. Когда персы въ началѣ IV в. задумали вернуть себѣ власть надъ греческими городами Малой Азіи, а тѣ обратились за помощью къ Спартѣ, выславшей для войны съ Персіей большое войско, персы въ самой Греціи устроили противъ Спарты союзъ—изъ Аѳинъ, Ѳивъ, Аргоса и Коринѳа. Въ возникшей отсюда войнѣ счастье стало переходить на сторону Аѳинъ, которыя даже приступили къ возстановленію прежней морской симмахіи и къ новому освобожденію мало-азіатскихъ грековъ. Послѣднее обстоятельство заставило Спарту примириться съ Персіей и при поддержкѣ Сиракузъ принудить Аѳины и другіе враждебные города принять общія для всѣхъ грековъ условія мира (387 г.).

Этотъ миръ, получившій свое имя отъ спартанскаго уполномоченнаго Анталкида, отдавалъ Персіи греческія колоніи въ Азіи, а въ самой Греціи дѣлалъ всѣ города вполнѣ независимыми другъ отъ друга съ запрещеніемъ устраивать какіе бы то ни было союзы. Возрождавшаяся аоинская симмахія опять распалась, Спарта же, объявленная блюстительницей анталкидова мира, вмѣшивалась всюду, гдѣ только усматривала подобіе какого бы то ни было союза. Не только, напр., города Беотіи были освобождены отъ главенства Ѳивъ, и самый союзъ ихъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, но даже, напр., аркадскій городъ Мантинея, незадолго передъ

тѣмъ образовавшійся изъ четырехъ отдѣльныхъ селъ, долженъ былъ распасться на четыре автономныя комы. Анталкидовъ миръ разрушилъ, конечно, и аргосско-коринѳскую симполитію [1]), и когда, какъ мы видѣли, Олинѳъ задумалъ симполитическое объединеніе сосѣднихъ городовъ, Спарта и этому помѣшала [2]). Такимъ образомъ и новыя соединенія государствъ-городовъ не могли возникать, и старыя, исконныя федераціи, которыя не были основаны на какихъ-либо договорахъ, а на чисто племенныхъ и территоріальныхъ связяхъ, должны были прекратить свое существованіе. Греція должна была состоять только изъ самостоятельныхъ государствъ-городовъ, что̀ и позволяло Спартѣ фактически господствовать надъ всѣми.

Отъ анталкидова мира до паденія греческой независимости въ битвѣ при Херонеѣ (338 г.) прошло около пятидесяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ происходили новыя войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлались и новыя попытки частныхъ объединеній. Въ семидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ IV в. выдвинулись-было Ѳивы, которыя возстановили свою гегемонію въ Беотіи и даже стали играть большую роль въ Средней Греціи вообще и въ самомъ Пелопоннесѣ, гдѣ могуществу Спарты они нанесли непоправимый ударъ освобожденіемъ Мессеніи и организаціей союза въ Аркадіи, но это былъ лишь кратковременный эпизодъ. Въ борьбѣ съ Ѳивами Спартѣ, своей старой соперницѣ, оказали помощь сами Аоины, которыя одновременно съ возвышеніемъ Ѳивъ занялись возстановленіемъ своего прежняго морского союза къ великому неудовольствію ѳиванцевъ, мечтавшихъ уже и о гегемоніи на морѣ. Подобныя распри между отдѣльными городами и дали возможность Македоніи вмѣшаться въ дѣла Греціи и навязать ей свою гегемонію.

По условіямъ созваннаго Филиппомъ Македонскимъ съѣзда уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ греческихъ городовъ для заключенія общаго союза противъ персовъ, всѣ греки должны были прекратить свои прежнія распри и находиться впредь въ вѣчномъ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ съ Македоніей, царю которой предоставлялось неограниченное предводительство надъ греческими войсками и кораблями

---

[1]) См. выше, стр. 235.

[2]) См. выше, стр. 236.

въ войнѣ съ Персіей. Изъ грековъ одни примирились съ такою перспективою, но другіе находили свободный гражданскій строй несовмѣстимымъ съ подчиненіемъ власти царя и считали нужнымъ освободиться отъ македонскаго ига. По смерти завоевателя Греціи, Филиппа, въ Греціи, именно въ Аѳинахъ, Ѳивахъ и другихъ городахъ вспыхнуло возстаніе, которое скоро было усмирено Александромъ, заставившимъ затѣмъ грековъ снова подтвердить договоръ съ его отцомъ. Спарта съ самаго начала не хотѣла участвовать въ этомъ договорѣ, а въ 331 г. даже возстала противъ Македоніи, но была усмирена и вынуждена заключить миръ. Вообще греческіе города были слишкомъ слабы и разрознены, чтобы имѣть возможность бороться съ Македоніей. Послѣ смерти Александра Великаго его обширная монархія, включившая въ себя и все Персидское царство, распалась, и Грецію досталась Македоніи. При извѣстіи о смерти Александра (323 г.) греки подняли было возстаніе подъ предводительствомъ Аѳинъ, но они снова были побѣждены и должны были признать надъ собою власть македонскаго царя. Македонская политика въ Греціи была очень проста. Въ это время почти повсемѣстно въ отдѣльныхъ городахъ происходила борьба имущихъ классовъ съ неимущими, и въ ней преемники Александра Македонскаго видѣли превосходное средство держать эти города въ зависимости отъ себя, помогая тѣмъ партіямъ, которыя сами искали защиты и поддержки у Македоніи. Въ серединѣ III в. одинъ изъ македонскихъ царей, Антигонъ Гоната, началъ сажать въ разныхъ городахъ Греціи тирановъ, послѣ этого то здѣсь, то тамъ противъ Македоніи опять вспыхивали возстанія, но они обыкновенно скоро же подавлялись. Вотъ въ это-то время въ Греціи возникли новые союзы между отдѣльными городами, основанные на совершенно уже иныхъ, чѣмъ прежде, началахъ. Къ этой же эпохѣ относится и попытка соціальной реформы въ Спартѣ, которая враждебно столкнулась съ политическими стремленіями самаго сильнаго изъ этихъ союзовъ.

Одинъ изъ этихъ союзовъ образовался въ одной изъ областей Средней Греціи, Этоліи, странѣ съ преобладающимъ крестьянскимъ населеніемъ. Этолійцы жили разбросанными по всей области комами [1]) безъ укрѣпленій и составляли

[1]) См. выше, стр. 22.

союзъ равноправныхъ общинъ, изъ которыхъ ни одна не пользовалась гегемоніей надъ другими. Союзъ этотъ былъ довольно стараго происхожденія, но началъ расширяться принятіемъ въ свою среду новыхъ членовъ лишь въ началѣ III в., когда въ него вступили локры, фокидцы, затѣмъ часть акарнанійцевъ и т. д. Къ серединѣ III в. онъ получилъ особенно сильное распространеніе, когда уже охватывалъ всю западную часть Средней Греціи, а въ Южной—Элиду и часть Аркадіи и даже нѣкоторые острова. Особеннаго значенія въ жизни Греціи этотъ союзъ, однако, не получилъ. Гораздо важнѣе его былъ другой союзъ, Ахейскій.

Та „политическая реформа", которой, какъ мы видѣли, говоря о книгѣ Васильевскаго [1]), помѣшало,—по мнѣнію, впрочемъ, не одного этого историка,—„соціальное движеніе", поддержанное Спартой Агиса IV и Клеомена III,—и была предпринята въ Греціи въ „эпоху ея упадка" именно Ахейскимъ союзомъ. Между городами сѣвернаго побережья Пелопоннеса, составлявшаго Ахею, существовалъ старинный союзъ, который въ македонскую эпоху былъ запрещенъ, причемъ въ этихъ городахъ Македонія держала свои гарнизоны и тирановъ. Около 280 г. въ ахейскихъ городахъ началось антимакедонское движеніе: тираны и гарнизоны Македоніи стали прогоняться, демократическое правленіе возстановлялось, и города одинъ за другимъ начали возобновлять прежнія союзныя отношенія. Сначала союзъ не выходилъ за предѣлы Ахеи и охватывалъ лишь десять городовъ, но въ 251 г. къ нему, по иниціативѣ сикіонскаго стратега Арата, примкнулъ Сикіонъ, которому тоже удалось освободиться отъ тиранніи. Черезъ нѣсколько лѣтъ (243 г.) Аратъ сумѣлъ достигнуть присоединенія къ союзу и Коринѳа, тоже освободившагося отъ Македоніи. За Коринѳомъ, благодаря главнымъ образомъ усиліямъ того же Арата, къ Ахейскому союзу мало-по-малу примкнули и многіе другіе города, какъ-то: Мегара, Эпидавръ, Мегалополь, Аргосъ и др. Аратъ же указалъ этой федераціи и общую цѣль—изгнаніе македонцевъ изъ Пелопоннеса для объединенія всего полуострова на началахъ равноправности и автономіи. Но этотъ планъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны Спарты,

[1]) См. выше, стр. 187—188.

возобновившей, какъ мы знаемъ [1]), свои притязанія на гегемонію въ Пелопоннесѣ при своемъ царѣ-реформаторѣ Клеоменѣ III. Между Спартой и Ахейскимъ союзомъ произошло столкновеніе, имѣвшее не только политическое, но и соціальное значеніе: Спарта Клеомена III выступила, какъ революціонная сила — въ смыслѣ осуществленія надеждъ и стремленій неимущей части гражданства пелопоннесскихъ городовъ, тогда какъ Ахейскій союзъ былъ, наоборотъ, организаціей имущихъ классовъ. Стѣсненный Клеоменомъ III, Аратъ обратился за помощью къ Македоніи, и въ битвѣ при Селласіи, какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, Спарта потерпѣла полное пораженіе (221 г.). Это было новымъ торжествомъ Македоніи, къ которой тотъ же Аратъ обращался еще разъ и во время войны съ этолійцами.

Такимъ образомъ и въ македонскую эпоху греки и воевали между собою, и пытались, съ другой стороны, объединяться. Какъ прежде они вмѣшивали въ свои распри Персію, потомъ Македонію, такъ стали наконецъ вмѣшивать въ нихъ и Римъ, который въ 266 г. до Р. Х. владѣлъ уже всей Южной Италіей съ ея греческими городами, а въ 241 г. стоялъ твердой ногой и въ Сициліи. Ахейскій союзъ игралъ нѣкоторую роль и въ войнахъ римлянъ съ Македоніей. Вмѣшательство Рима въ греко-македонскія отношенія только подготовило подчиненіе Греціи Риму, которое и установилось въ серединѣ II в. до Р. Х.

Ахейскій союзъ былъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ политическихъ созданій Греціи въ эпоху паденія ея свободы [2]). Основными его принципами были равноправность и автономія всѣхъ членовъ федераціи. Это было въ Греціи нѣчто новое, потому что всѣ прежніе договорные союзы имѣли иной, т.-е. гегемоническій характеръ. Замѣчательно, однако, что оба новые союза возникли въ областяхъ, „во многихъ отношеніяхъ отставшихъ отъ сосѣдей, но зато полнѣе сохранившихъ въ своемъ бытѣ древнія начала свободной федераціи безъ притязаній на гегемонію или поглощеніе, съ политической организаціей, обѣщавшей равноправность всѣмъ

[1]) См. выше, стр. 198 — 200.

[2]) Кромѣ Васильевскаго (ср. выше, стр. 187), о немъ см. еще въ русской литературѣ этюдъ проф. Мищенка „Федеративная Эллада и Полибій“ въ I томѣ его перевода „Всеобщей Исторіи“ Полибія.

членамъ союза безъ различія государствъ близкихъ и далекихъ, сильныхъ и слабыхъ, первоначально образовавшихъ союзъ и позже въ него вошедшихъ“ [1]). Старые порядки, говоритъ проф. Мищенко, возникшіе путемъ естественнаго разрастанія, державшіеся на чувствахъ племенного родства и территоріальной близости, вставали теперь въ новомъ видѣ, получая опредѣленность въ договорахъ и въ цѣлой системѣ федеративныхъ учрежденій“ [2]). Вся разница между прежними симмахіями, находившимися подъ гегемоніей одного какого-либо города, и этими болѣе новыми союзами заключалась въ томъ, что тѣ „возникали на готовой почвѣ политической силы и преобладанія одного города надъ прочими“ [3]), тогда какъ основу позднѣйшихъ федерацій (особенно этолійской) составляли племена, не развившія у себя городской жизни. „Тогда какъ,—говоритъ еще только-что названный авторъ,—тогда какъ прежде господствующій городъ ревниво оберегалъ права своего гражданства и съ гордостью указывалъ на свое превосходство въ отношеніи военномъ и другихъ, тѣмъ оправдывая свои притязанія на гегемонію, здѣсь граждане различныхъ поселеній сохранили старую привычку сходиться въ общія собранія на положеніи равноправныхъ участниковъ и охотно допускали къ пользованію тѣми же правами всякій другой народъ, городъ или поселеніе, разъ они соглашались принять на себя вмѣстѣ съ правами и нѣкоторыя обязательства, равнявшія ихъ съ первоначальными участниками союза“ [4]). Къ союзу ахейскихъ общинъ, бывшихъ очень незначительными городами, примкнули такіе богатые и сильные города, какъ Сикіонъ, Коринѳъ, Аргосъ, Мегалополь, и собственно они-то и играли главную роль въ союзѣ, но ни одинъ изъ нихъ не стремился теперь къ гегемоніи.

„Нигдѣ, говоритъ Полибій, въ такой степени и съ такою послѣдовательностью, какъ въ государственномъ устройствѣ ахеянъ, не были осуществлены равенство, свобода и вообще истинное народоправство... Такъ какъ ни одинъ изъ первоначальныхъ участниковъ не пользовался никакимъ преимуществомъ, напротивъ, всякій вновь примыкающій вступалъ

---

[1]) Мищенко. Федеративная Эллада, стр. LXXXII.

[2]) Стр. LXXXIII.

[3]) Стр. CLXI.

[4]) Стр. CLXII—CLXIII.

на совершенно равныхъ правахъ, то устройство это быстро достигло поставленной заранѣе цѣли, ибо имѣло двоякую надежнѣйшую опору въ равенствѣ и милосердіи“ [1]). „Въ прежніи времена, по замѣчанію того же греческаго историка, многіе безуспѣшно пытались объединить пелопоннесцевъ во имя общаго дѣла, но тогда каждый помышлялъ не объ общей свободѣ, а о собственномъ преобладаніи“ [2]). Для того, чтобы единство Пелопоннеса въ эпоху Ахейскаго союза было совершеннымъ, по словамъ все того же Полибія не хватало только общихъ стѣнъ, которыя и видимо сдѣлали бы всѣхъ пелопоннесцевъ гражданами какъ бы одной общины. „Во всемъ остальномъ, говоритъ онъ, существовали единообразіе и сходство въ отдѣльныхъ городахъ и въ цѣломъ союзѣ; всѣ пелопоннесцы имѣютъ одни и тѣ же законы, пользуются общими мѣрами, вѣсомъ и монетою, имѣютъ общихъ должностныхъ лицъ, членовъ совѣта и судей“ [3]). Въ самомъ дѣлѣ, граждане союзныхъ общинъ всѣ называли себя ахеянами, напр., ахеянами изъ Аргоса, изъ Мессены и т. п. или ахеянами коринѳскими, ахеянами сикіонскими и т. п., и это политическое объединеніе дополнялось религіознымъ общеніемъ, признаніемъ общесоюзныхъ божествъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждая община не сохраняла своей особности, своего отдѣльнаго имени, своихъ боговъ, своего государственнаго устройства, своихъ законовъ, все по-старому. Даже право самостоятельныхъ внѣшнихъ сношеній было только ограничено, а не упразднено. Едва ли изъ словъ Полибія, слѣдуетъ дѣлать и то заключеніе, что союзъ предписывалъ всѣмъ своимъ членамъ одинаковое устройство законодательной, исполнительной и судебной власти. Полибій вообще нѣсколько идеализируетъ союзъ, дѣлая его общую характеристику: онъ самъ же сообщаетъ многіе факты, свидѣтельствующіе о томъ, что иногда союзъ силою возвращалъ въ свою среду отпавшихъ членовъ, ставилъ въ нѣкоторыхъ городахъ свои гарнизоны или отъ себя назначалъ начальниковъ мѣстной стражи и даже присоединялъ къ себѣ новые города

---

[1]) Перев. проф. Мищенко, II, 38 (6 и 8).

[2]) II, 37 (9).

[3]) Монеты союзныхъ городовъ имѣли послѣ имени города, чеканившаго монету, имя ахеянъ, но въ чемъ состояло единство мѣръ и вѣсовъ, неизвѣстно.

силою оружія. Кромѣ того, бывали случаи вмѣшательства союза во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ общинъ, и наконецъ, случалось и такъ, что союзъ собственною властью дробилъ болѣе крупныя политіи на мелкія общины, которыя одарялъ затѣмъ при удобномъ случаѣ равноправностью. Другими словами, практика не всегда соотвѣтствовала теоріи, но теорія все-таки заключала въ себѣ новые принципы. Эта же практика,—а не однѣ только партикуляристическія привычки,—объясняетъ намъ, почему иные города отпадали отъ союза.

Мы напрасно стали бы думать, что Ахейскій союзъ имѣлъ и чисто представительную организацію, какъ склонны понимать дѣло нѣкоторые историки. Верховная власть въ союзѣ была въ рукахъ всей совокупности гражданъ отдѣльныхъ городовъ и селъ, которые и собирались на общій сеймъ (τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν), гдѣ дѣлались тѣ или другія постановленія и выбирались должностныя лица союза. Это было такимъ образомъ то же непосредственное народовластіе, какъ и въ отдѣльныхъ демократическихъ городахъ, но, понятно, на общій ахейскій сеймъ являться всѣмъ гражданамъ было еще затруднительнѣе, чѣмъ на народное собраніе одного города. Вотъ почему въ этихъ сеймахъ могли участвовать большею частью лишь люди зажиточные, и собраніе, въ теоріи демократическое, на практикѣ вслѣдствіе этого было чисто аристократическимъ. Сколько бы, впрочемъ, гражданъ изъ того или другого города ни явилось, голосъ у каждаго города былъ только одинъ, но именно то обстоятельство, что фактически присутствовали большею частью только люди богатые, и придало всему союзу характеръ организаціи преимущественно имущихъ классовъ. Въ столкновеніи Ахейскаго союза съ революціонною Спартою временъ Агиса IV и Клеомена III сказался не только политическій антагонизмъ, но и борьба классовъ, ибо спартанская пропаганда имѣла большой успѣхъ среди низшихъ классовъ Ахейскаго союза [1]). И Полибій, и Плутархъ свидѣтельствуютъ, что выборъ въ стратеги,—какъ назывался глава союза,—зависѣлъ отъ болѣе богатыхъ гражданъ, которые, конечно, имѣли силу главнымъ образомъ лишь въ болѣе крупныхъ городахъ союза, а не въ маленькихъ общинахъ самихъ ахеянъ, хотя въ указанныхъ городахъ и преобладали демократическія формы правленія.

[1]) См. выше, стр. 197 и 199—200.

Недаромъ изъ полутора десятка стратеговъ, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно, двѣ трети этого числа были не ахеяне, а граждане другихъ городовъ, преимущественно Мегалополя.

Первоначально стратеговъ въ Ахейскомъ союзѣ было два, съ 225 г.—одинъ, избиравшійся ежегодно общимъ собраніемъ. При стратегѣ имѣлся еще союзный совѣтъ. Истинный основатель федераціи, сикіонецъ Аратъ 16 или 17 разъ выбирался въ стратеги черезъ годичные промежутки, и уже при немъ эта должность получила громадное значеніе. Во время борьбы съ Спартою Аратъ былъ даже прямо облеченъ безотвѣтственною властью (ἐξουσία ἀνυπεύθυνος) и получилъ титулъ *стратега-автократора* (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ), т.-е. самодержавнаго вождя. „Союзное управленіе ахеянъ, говоритъ проф. Мищенко, отличается такимъ усиленіемъ главы исполнительной власти, какого не знали древнія демократическія республики... Исторія ахейской федераціи, говоритъ онъ еще нѣсколько далѣе, раскрываетъ передъ нами поучительнѣйшее явленіе въ древнеэллинской исторіи, вскорѣ повторившееся на болѣе обширной аренѣ и окончившееся образованіемъ міровой Римской имперіи. Разнородность состава Ахейскаго союза, трудность постоянныхъ дѣятельныхъ сношеній между составными общинами и ихъ гражданами, отсутствіе учрежденій, которыя обезпечивали бы за народомъ его верховныя права и неослабный контроль надъ поведеніемъ выбранныхъ имъ должностныхъ лицъ, — все это неизбѣжно приводило къ предоставленію главѣ исполнительной власти такихъ полномочій и такого вліянія на дѣла, какія приличествовали не выбираемому на одинъ годъ и во всякое время отвѣтственному передъ народомъ вождю, но полновластному единоличному правителю“ [1]). Ахейская демократія такимъ образомъ приближалась въ концѣ концовъ къ монархическому строю.

Союзныя формы мы находимъ и въ Италіи. Въ древнѣйшія времена и здѣсь существовали племенныя федераціи, изъ которыхъ по своему значенію для позднѣйшей исторіи Италіи особенно важное значеніе принадлежало союзу отдѣльныхъ общинъ Лаціума. Латинскій союзъ, политическимъ и религіознымъ центромъ котораго была сначала Альба, заключалъ въ себѣ тогда тридцать отдѣльныхъ суверенныхъ общинъ.

---

[1]) Федеративная Эллада, стр. CCXXXIX—CCXL.

У латиновъ было общее божество, латинскій Юпитеръ (Jupiter-Latiaris), былъ общій латинскій праздникъ (feriae latinae), были общія собранія. Нужно думать, что для разрѣшенія споровъ, возникавшихъ между отдѣльными общинами, существовалъ союзный судъ и что члены всѣхъ этихъ общинъ имѣли право вступать въ браки съ женщинами изъ другихъ общинъ (jus connubii), пріобрѣтать въ нихъ землю и вести торговлю (jus commercii). Существованіемъ союза отдѣльныя общины не были стѣснены въ своихъ правахъ и, повидимому, могли вести войну и заключать миръ по своему усмотрѣнію. Древнѣйшая исторія Латинскаго союза темна, и мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ Римъ началъ войну съ Альбой и, взявъ этотъ городъ, его разрушилъ; послѣ этого Римъ предъявилъ свое право на то, чтобы быть наслѣдникомъ Альбы въ главенствѣ надъ Лаціумомъ. Съ того времени и началась гегемонія въ названной области Рима, который ко времени разрушенія Альбы успѣлъ уже поглотить въ себѣ не мало поселковъ, находившихся въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ. Эта римская гегемонія была союзомъ между Римомъ и прежней латинской федераціей для цѣлей взаимной защиты и для общихъ войнъ, причемъ союзники должны были дѣлить военную добычу поровну. Въ сущности Римъ стоялъ особнякомъ отъ союза: Римъ и Лаціумъ, это были двѣ самостоятельныя политическія силы, съ одной стороны, единое государство-городъ, а съ другой — федерація нѣсколькихъ автономныхъ общинъ. Союзное войско состояло поэтому изъ двухъ разныхъ частей—римской и латинской, и въ общей командѣ Римъ и Лаціумъ обыкновенно соблюдали очередь. Дѣлежъ общей добычи совершался поровну: половину получалъ Римъ, другую—остальные латинскіе города. При всей равноправности Римъ, какъ вполнѣ объединенная сила, фактически главенствовалъ надъ разъединенными латинскими общинами, изъ которыхъ каждая, въ отдѣльности взятая, уступала ему въ силѣ. Таковы, нужно полагать, были римско-латинскія отношенія еще въ царскій періодъ исторіи Рима. Весьма рано, повидимому, союзъ лишился права вести самостоятельную внѣшнюю политику, и вскорѣ общимъ начальникомъ надъ римско-латинскимъ войскомъ могъ быть только римлянинъ. Пока римляне и латины нуждались одни въ другихъ для борьбы съ опасными или непріятными сосѣдями, т.-е. съ другими племенами Средней Италіи, союзъ держался

крѣпко, но по мѣрѣ все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ внѣшнихъ успѣховъ римско-латинскаго союза, послѣдній самъ сталъ расшатываться, такъ какъ латины, очевидно, начали тяготиться римской гегемоніей. Результатомъ этого были неоднократныя столкновенія латиновъ съ Римомъ, пока одно возстаніе латинскихъ общинъ не было римлянами подавлено. Это было въ 340 — 338 г., и послѣ этой побѣды общій союзъ былъ отмѣненъ, а его мѣсто заступили сепаратные договоры Рима съ отдѣльными городами, которые строго запрещались въ первоначальномъ союзѣ. Города Лаціума были между собою теперь разобщены, и нѣкоторые изъ нихъ липились при этомъ части своей земли въ пользу римскихъ гражданъ, и Римъ сдѣлался настоящимъ господиномъ Лаціума. Такимъ образомъ и въ Лаціумѣ возникла гегемоническая форма объединенія отдѣльныхъ общинъ, подобная тѣмъ, какія мы наблюдаемъ въ Греціи.

ГЛАВА XVI.

Спартанская гегемонія и вліяніе гегемоніи на внутренній бытъ Спарты.

Содержаніе настоящей и двухъ слѣдующихъ главъ. — Два періода въ исторіи Спарты. — Устройство спартанской симмахіи. — Своекорыстная политика Спарты. — Обогащеніе спартанской олигархіи на счетъ союзниковъ. — Постепенное уменьшеніе числа спартанскихъ гражданъ. — Окончательный упадокъ Спарты.

Слѣдя за эволюціей государства-города, въ вопросѣ о возникновеніи болѣе крупныхъ политическихъ организацій мы должны выдвинуть на первый планъ не сами эти организаціи, а то вліяніе, какое было оказано установленіемъ власти однихъ государствъ-городовъ надъ другими на нихъ же самихъ, на ихъ общій строй. Спарта включила въ составъ своей государственной территоріи всю Лаконію и достигла гегемоніи надъ Пелопоннесомъ, видимо стремясь подчинить себѣ Грецію вообще. Аѳинское государство охватывало всю Аттику, но кромѣ того, Аѳины организовали цѣлую морскую

державу на островахъ и берегахъ Эгейскаго моря. Римъ изъ маленькой городской общины выросъ постепенно въ господина сначала Лаціума, потомъ всей Италіи, наконецъ громадной имперіи, для которой Средиземное море сдѣлалось только внутреннимъ озеромъ. Спарта, Аѳины, Римъ, — это уже не просто государства-города, а города-государи, какъ это мы не разъ уже отмѣчали. Понятно, что такое ихъ значеніе не могло не отражаться на ихъ внутреннемъ бытѣ. Политическая власть спартіатовъ, аѳинянъ и римлянъ надъ другими общинами, въ которыхъ жили ихъ союзники или подданные, естественно и необходимо вносила новыя черты въ организацію державныхъ городовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служила источникомъ ихъ обогащенія, что въ свою очередь отражалось на экономическомъ строѣ общества, на классовыхъ отношеніяхъ гражданства. Первоначальная политическая организація Спарты, Аѳинъ и Рима была расчитана, такъ сказать, на удовлетвореніе потребностей государства, состоявшаго изъ одного города съ его непосредственнымъ, не особенно большимъ округомъ, но старымъ и, въ сущности, городскимъ властямъ пришлось потомъ вѣдать дѣла болѣе обширныхъ территорій, управлять многими общинами, жители которыхъ не входили въ составъ даннаго, т.-е. или спартанскаго, или аѳинскаго, или римскаго гражданства, Съ другой стороны, изъ своей политической гегемоніи и Спарта, и Аѳины, и Римъ извлекали большія матеріальныя выгоды, которыя не только служили цѣлямъ дальнѣйшаго упроченія власти этихъ городовъ надъ другими общинами, но которыми непосредственно пользовались и сами спартіаты, аѳиняне или римляне. Въ аристократической Спартѣ экономическими плодами политической гегемоніи пользовались богачи, въ демократическихъ Аѳинахъ очень многое перепадало и на долю самого народа, да и въ Римѣ съ его смѣшаннымъ устройствомъ, гдѣ нобилитетъ страшно обогащался на счетъ покоренныхъ городовъ и народовъ, равнымъ образомъ и пролетаріатъ хотѣлъ извлекать пользу изъ своей, какъ части римскаго народа, державной власти, надъ его союзниками и подданными. Однимъ словомъ, политическая гегемонія была своего рода орудіемъ экономической эксплуатаціи городомъ-государемъ подвластныхъ ему общинъ и земель. Вотъ явленіямъ этого рода и посвящены настоящая и двѣ слѣдующія главы. Общій очеркъ спартанской гегемоніи покажетъ намъ, какое

вліяніе оказывала она на аристократическій строй Спарты, какъ изъ общаго очерка гегемоніи аѳинской мы увидимъ, въ чемъ заключалось вліяніе на демократическій строй Аѳинъ ихъ господства надъ другими городами. Наконецъ, римская гегемонія имѣетъ и еще одну важную сторону: изъ нея выросла та всемірная монархія, которая поглотила въ себѣ всѣ государства-города античнаго міра, преобразовавъ ихъ въ такъ называемыя *муниципіи* первыхъ вѣковъ нашей эры.

Въ исторіи Спарты мы можемъ различить два періода: первый до середины V в., когда населеніе Лаконіи жило преимущественно земледѣліемъ, и второй съ середины V в., когда и въ это консервативное государство стало вторгаться денежное хозяйство.

Въ первомъ періодѣ граждане Спарты хлопотали преимущественно о расширеніи площади своихъ земельныхъ владѣній. Съ этою-то цѣлью военная община, жившая трудомъ своихъ крѣпостныхъ, и вела свои войны, имѣя въ виду увеличеніе числа земельныхъ надѣловъ гражданъ, т.-е. клеровъ. Въ элегіи поэта Тиртея (VII в.) царь Полидоръ говоритъ: „я иду на неразмежеванную землю“, — слова, относящіяся къ занятію спартанцами сосѣдней съ Лаконіей Мессеніи. Здѣсь спартанцы пріобрѣли такъ много земли, что не только ея было достаточно для самихъ гражданъ, но что Спарта имѣла возможность послѣ второй мессинской войны поселить въ одной мѣстности даже чужихъ людей. Когда опять въ Спартѣ почувствовался недостатокъ въ землѣ, она отняла у Аргоса (550 г.) лежавшую на границѣ съ его территоріей Ѳирею, которую впослѣдствіи отдала для воздѣлыванія изгнанникамъ съ острова Эгины. Все это напоминаетъ намъ первоначальную политику и Рима, который тоже стремился къ расширенію своего „поля“. Въ IV в., наоборотъ, государственная территорія Спарты стала уменьшаться: особенно для нея была чувствительна утрата (въ 360 г.) Мессеніи [1]). Но въ это время и притомъ уже съ довольно давнихъ поръ матеріальное благополучіе Спарты заключалось уже не въ одномъ сельскомъ хозяйствѣ. Съ середины V в. спартанскіе граждане обнаруживаютъ больше тяготѣнія къ деньгамъ, чѣмъ къ землѣ. Мы, конечно, говоримъ о той олигархіи, которая сосредоточила всю поземельную собственность въ своихъ ру-

[1]) См. выше, стр. 242.

кахъ и теперь думала только о томъ, чтобы накоплять золото и серебро [1]) путемъ промышленности, торговли и эксплуатаціи союзниковъ. Въ IV в. Спарта, дѣйствительно, обладала громадными для того времени денежными капиталами. По словамъ Платона, во всей Греціи нельзя было найти столько золота и серебра, сколько его было въ одной Спартѣ, такъ какъ уже съ очень давняго времени оно шло туда отъ всѣхъ эллиновъ, а зачастую и отъ варваровъ. Не однѣ промышленность и торговля, развившіяся въ Лаконіи къ IV в. привлекали сюда ту массу денегъ, о которой говорятъ современники, такъ какъ здѣсь играло роль и политическое положеніе Спарты въ греческомъ мірѣ, ея гегемонія: она брала большія деньги съ союзниковъ, и ея агенты въ союзныхъ городахъ тоже собирали немалыя средства. (То же самое мы наблюдаемъ и въ исторіи Рима, когда онъ очутился во главѣ еще болѣе обширной территоріи, чѣмъ область спартанской симмахіи). Не забудемъ еще персидскихъ субсидій, которыми „великій царь“ подкупалъ спартанскихъ правителей въ цѣляхъ содѣйствій его политикѣ.

Союзъ, находившійся подъ предводительствомъ Спарты, былъ союзъ оборонительный и наступательный, и общими дѣлами, подлежащими его вѣдѣнію, были веденіе войны и заключеніе мирныхъ и иныхъ договоровъ съ посторонними государствами. На общіе сеймы союза — большею частью въ Спартѣ — собирались послы отдѣльныхъ городовъ съ равносильными голосами, и дѣла рѣшались по большинству голосовъ съ обязанностью меньшинства подчиняться законно принятымъ рѣшеніямъ. Случалось, однако, что Спарта объявляла войну и начинала походъ, созывая и контингенты союзныхъ городовъ, ни у кого на то не спрашивая позволенія, и союзники шли за Спартою. Если же война рѣшалась на общемъ собраніи и какое-либо государство отказывалось участвовать въ общемъ предпріятіи, то упорствующій городъ подвергался со стороны Спарты денежной пенѣ. Привилегированное положеніе Спарты заключалось и въ томъ, что ее союзъ не могъ принудить къ веденію войны, которой она сама не желала, какъ не могъ и помѣшать ей одной, или въ соединеніи съ тѣми или другими членами союза вести войны, на которыя не было согласія со стороны большин-

[2] См. выше, стр. 192.

ства всѣхъ участниковъ. Въ основѣ симмахіи лежали частные договоры, которые Спарта заключала постепенно съ отдѣльными городами, т.-е. здѣсь съ самаго начала было то, чего Римъ достигъ, по краней мѣрѣ, только черезъ два вѣка своей гегемоніи въ Латинскомъ союзѣ [1]). Что касается до содержанія всѣхъ этихъ отдѣльныхъ договоровъ, то оно, повидимому, было различнымъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ количеству военныхъ силъ и размѣру денежныхъ субсидій, которыми были обязаны союзные города. Одна Спарта въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляла, должны ли были союзники выставить всѣ свои силы или только довольно было нѣкоторой ихъ части. Въ принципѣ союзныя общины были вполнѣ автономны, но на самомъ дѣлѣ Спарта всячески старалась не допускать въ ихъ внутренней жизни ничего такого, что̀ такъ или иначе могло бы самой ей повредить. Особенно ревниво оберегала она во всѣхъ союзныхъ общинахъ олигархическіе порядки.

Греко-персидскія войны, выдвинувшія-было Спарту на первое мѣсто во всей европейской Греціи, способствовали возвышенію Аѳинъ и переходу къ нимъ гегемоніи, но когда Спартѣ удалось въ концѣ пелопоннесской войны унизить свою соперницу, она снова заняла первенствующее положеніе въ Греціи. Въ это время Спарта начала ставить свои гарнизоны по разнымъ городамъ для поддержки учрежденныхъ въ этихъ городахъ олигархическихъ правленій, и начальники спартанскихъ отрядовъ, такъ называемые гармосты (ἁρμοσταὶ) стали обращаться съ другими греками въ высшей степени высокомѣрно. Вся спартанская политика была теперь направлена на то, чтобы повсемѣстно подавлять демократическія движенія. Въ Афинахъ было учреждено правленіе „тридцати“, правда, въ скоромъ времени низвергнутое, но въ другихъ мѣстахъ подобныя олигархическія правленія, такъ называемыя *декархіи*, т.-е. десятивластія (δεκαρχία) при помощи спартанскихъ гармостовъ и гарнизоновъ держались крѣпче. Не прошло двадцати лѣтъ послѣ пораженія Аѳинъ, какъ Спарта достигла еще одного очень важнаго успѣха въ своей политикѣ. Вспомнимъ анталкидовъ миръ, который запрещалъ греческимъ городамъ устраивать какіе бы то ни было союзы

[1]) См. выше, стр. 251.

между собою [1]). Полная автономія каждой гражданской общины Спартѣ была нужна по очень понятной причинѣ: каждый городъ въ отдѣльности былъ безсиленъ для сколько-нибудь успѣшной борьбы со Спартой. Только при такихъ условіяхъ и возможенъ былъ извѣстный, чисто разбойническій захватъ Ѳивъ спартанцами, установившій въ этомъ городѣ олигархію, которую поддерживалъ, конечно, и спартанскій гарнизонъ (382 г.). Только мужество ѳиванскихъ демократовъ подъ начальствомъ Пелопида и Эпаминонда освободило городъ отъ спартанской тиранніи (379 г.).

Эти же самыя Ѳивы въ сраженіи при Левктрахъ (371 г.) сокрушили гегемонію Спарты въ самомъ Пелопоннесѣ. Затѣмъ вскорѣ наступило завоеваніе Греціи Македоніей, т.-е. явилась внѣшняя сила, которая перестроила всѣ внутреннія отношенія въ Греціи, когда о прежнихъ городскихъ гегемоніяхъ не могло быть и рѣчи. Попытка Клеомена III вернуть Спартѣ гегемонію въ Пелопоннесѣ — черезъ сто лѣтъ послѣ утраты греками своей свободы—разбилась о македонскую силу [2]).

Выгодами отъ политической гегемоніи Спарты, въ эпоху могущества этого государства, воспользовались наиболѣе аристократическіе элементы ея гражданства. Въ IV в. оно, какъ мы знаемъ, рѣзко раздѣлилось на немногихъ сравнительно богачей и пролетарскую массу [3]), и этому раздѣленію не мало способствовало то, что правящій классъ имѣлъ возможность обогащаться на счетъ союзниковъ. По словамъ Полибія, спартанцы первые изъ грековъ начали стремиться къ порабощенію другихъ частей Греціи, и когда, замѣчаетъ онъ, имъ сдѣлалось нужнымъ отправлять въ море корабли и предпринимать походы внѣ Пелопоннеса, „ни желѣзныя деньги, ни обмѣнъ ежегодныхъ продуктовъ земли на другіе предметы потребленія не могли быть достаточными“. Послѣ счастливаго для Спарты исхода пелопоннесской войны въ ея государственной казнѣ завелись большія деньги, бывшія военной добычей, но, благодаря страшному развитію казнокрадства, часть этихъ денегъ мало-по-малу перешла во владѣніе частныхъ лицъ. Еще больше обогащались вліятель-

[1]) См. выше, стр. 241.

[2]) См. выше, стр. 200.

[3]) См. выше, стр. 179 и 192.

ные спартіаты, отправляясь въ качествѣ гармостовъ, въ подчиненные Спартѣ города, которые платили ей большія дани. Подобное же явленіе, только въ еще бо̀льшихъ размѣрахъ, мы наблюдаемъ и въ Римѣ въ эпоху его міродержавства: и сюда притекаютъ въ громадномъ количествѣ деньги, и здѣсь на счетъ подвластныхъ обогащаются должностныя лица, которымъ Римъ поручалъ ими управлять.

Гегемонія, однако, не только обогащала аристократическій классъ Спарты, но и истощала это государство, такъ какъ требовала съ его стороны большого напряженія экономическихъ силъ. Сначала Спарта не очень обременяла союзниковъ денежными данями и тратила на свою широкую международную политику собственныя средства. Основнымъ источникомъ послѣднихъ былъ трудъ гелотовъ, и если это крѣпостное крестьянство такъ часто возставало въ V—IV вв., то, очевидно, причина этого лежала въ чрезмѣрныхъ требованіяхъ господъ на военныя нужды государства. Съ другой стороны, война разоряла менѣе зажиточныхъ спартіатовъ, содѣйствуя такимъ образомъ ихъ обезземеленію. И общій результатъ такой политики былъ для Спарты очень печальный: источники свидѣтельствуютъ о страшномъ матеріальномъ упадкѣ этого, когда-то самаго сильнаго государства европейской Греціи.

Въ своемъ мѣстѣ нами уже были приведены слова Аристотеля о томъ, что Спарта, которая могла бы прокормить полторы тысячи всадниковъ и тридцать тысячъ пѣхоты, не насчитываетъ въ себѣ и тысячи воиновъ [1]). Дѣло, конечно, не въ этихъ цифрахъ, а въ общемъ впечатлѣніи, какое производила на современниковъ Спарта второй половины IV в. Сколько можно судить по отрывочнымъ числовымъ даннымъ, до насъ дошедшимъ, спартанское гражданство какъ-бы постепенно таяло, да и сама знать этого государства, повидимому, все болѣе и болѣе уменьшалась въ числѣ. На основаніи одного мѣста у Геродота количество спартіатовъ, способныхъ носить оружіе, въ эпоху ксерксова нашествія на Грецію, т.-е. въ началѣ V в. опредѣляется въ восемь тысячъ, что̀ даетъ для всего состава спартанскаго гражданства отъ 32 до 40 т. человѣкъ, полагая одного взрослаго мужчину на 4—5 душъ женщинъ и дѣтей. Приблизительно на такую же

[1]) См. выше, стр. 179.

цифру указываетъ для прежняго времени и Аристотель. Упомянувъ, что Спарта „не вынесла даже одного удара (намекъ на пораженіе при Левктрахъ) и погибла отъ недостатка въ людяхъ“, Аристотель прибавляетъ: „между тѣмъ говорятъ, что при первыхъ царяхъ... спартанцевъ было до десяти тысячъ“ [1]). Вѣрно ли это или нѣтъ, оговаривается онъ, неизвѣстно, и въ этой оговоркѣ чувствуется сомнѣніе человѣка, которому какъ-будто кажется невѣроятнымъ, чтобы въ Спартѣ могло быть прежде такъ много полноправныхъ гражданъ. Между тѣмъ на девять, по крайней мѣрѣ, тысячъ, т.-е. цифру, среднюю между геродотовой и сообщаемой Аристотелемъ, указываетъ и извѣстная традиція о томъ, что таково было число первоначальныхъ семейныхъ клеровъ. Вѣроятность этихъ свидѣтельствъ подтверждается еще тѣмъ, что въ сраженіи при Платеяхъ (479 г.) спартіатовъ участвовало пять тысячъ, но Геродотъ отмѣчаетъ (въ словахъ вѣстника, который греками былъ посланъ къ персидскому главнокомандующему), что изъ Спарты въ походъ выступили только люди болѣе молодого возраста. Свидѣтельства, относящіяся къ эпохѣ пелопоннесской войны, уже указываютъ косвеннымъ образомъ на уменьшеніе числа воиновъ въ Спартѣ. На основаніи расчетовъ, дѣлаемыхъ по нѣкоторымъ даннымъ у Ѳукидида, полагаютъ, что интересующая насъ цифра едва достигала пяти тысячъ. Между 480 г., къ которому относится цифра, сообщаемая Геродотомъ, и 418 г., къ которому относится цифра, выводимая изъ показаній Ѳукидида, прошло шесть десятилѣтій, а лѣтъ пятьдесятъ спустя уже прямо говорится объ обезлюденіи Спарты,—разумѣется, въ смыслѣ уменьшенія числа гражданъ. Ксенофонтъ въ сочиненіи о спартанскомъ государствѣ прямо заявляетъ, что Спарта одинъ изъ самыхъ малолюдныхъ городовъ (τῶν ὀλιγανθρωποτάτων πόλεων) Греціи: если ему вѣрить, въ битвѣ при Левктрахъ участвовало гражданъ лишь семьсотъ человѣкъ. Когда вскорѣ затѣмъ, оиванцы напали на самую Лаконію, однихъ спартіатовъ было слишкомъ мало для защиты страны, и потому пришлось прибѣгнуть къ крайнему средству—къ вооруженію гелотовъ. Изъ данныхъ, приводимыхъ Ксенофонтомъ относительно спартанской военной организаціи, выводятъ численность взрослыхъ гражданъ мужского пола тысячи въ двѣ

[1]) Перев. Скворцова, стр. 93—94.

съ половиной душъ. Затѣмъ, Аристотель еще лѣтъ черезъ сорокъ-пятьдесятъ спустя, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше его словъ, полагалъ, что въ Спартѣ было только около одной тысячи гражданъ, годныхъ къ военной службѣ. Наконецъ, по Плутарху, число спартанскихъ гражданъ къ серединѣ III в. еще болѣе уменьшилось и заботою царей Агиса IV и Клеомена III было, между прочимъ, увеличить численность гражданской общины принятіемъ въ нее новыхъ членовъ [1]).

Причины такого постепеннаго уменьшенія числа гражданъ нужно видѣть, во-первыхъ, въ войнахъ, которыхъ Спарта особенно много вела въ V и IV вв., во-вторыхъ, въ обезземеленіи массы, которое сопровождалось исключеніемъ изъ состава гражданъ всѣхъ „опустившихся“ [2]). Указываютъ еще и на вырожденіе самой аристократіи вслѣдствіе причинъ чисто физіологическаго характера, но достаточно и первыхъ двухъ для объясненія того, почему спартанская аристократія постепенно таяла. Противъ этого явленія государство принимало мѣры: „у спартанцевъ, говоритъ Аристотель, существуетъ законъ, что гражданинъ, имѣющій троихъ сыновей, освобождается отъ военной службы, а имѣющій четырехъ освобождается и отъ всѣхъ гражданскихъ повинностей“ [3]). Разъ число гражданъ не пополнялось естественнымъ путемъ, оказывалось нужнымъ принимать въ граждане періэковъ и иностранцевъ, какъ того хотѣли Агисъ IV и Клеоменъ III. О первомъ Плутархъ говоритъ, что новыхъ спартіатовъ онъ думалъ создать и изъ „лицъ, получившихъ воспитаніе свободныхъ гражданъ, кромѣ того, обладавшихъ красивой наружностью и находившихся въ цвѣтѣ лѣтъ“ [4]). Клеоменъ III тоже желалъ, чтобы „лучшіе изъ иностранцевъ, сдѣлавшись спартіатами, спасли государство своимъ оружіемъ“, и чтобы „спартанцы не видѣли болѣе Лаконію, за неимѣніемъ защитниковъ, опустошаемою этольцами и иллирійцами“ [5]).

При убыли числа гражданъ приходилось также для за-

[1]) См. выше, стр. 196 и 199.

[2]) См. выше, стр. 180.

[3]) Перев. Скворцова, стр. 94. Это то же самое, что̀ въ позднѣйшемъ Римѣ jus trium liberorum.

[4]) Перев. Алексѣева, стр. 166.

[5]) Стр. 192.

щиты страны прибѣгать къ помощи періэковъ и гелотовъ, но въ этомъ была и своя опасная сторона. Вооруживъ при нападеніи Эпаминонда на Лаконію шесть тысячъ гелотовъ, спартіаты сами потомъ испугались этой вооруженной силы. Что касается до періэковъ, то они даже прямо отказались помогать и стали переходить на сторону враговъ. Лишь наемные отряды сиракузскихъ тирановъ выручили тогда Спарту изъ бѣды. Послѣ побѣды Ахейскаго союза надъ Клеоменомъ III Спарта окончательно пришла въ упадокъ. Около 200 г. въ эпоху тиранніи Миханида и Набиса, которые держались при помощи наемныхъ отрядовъ, немногіе граждане Спарты были большею частью или перебиты, или подвергнуты изгнанію. Въ 195 г. отъ Спарты были отторгнуты приморскія общины Лаконіи и Ахейскій союзъ взялъ ихъ подъ свой протекторатъ, а черезъ три года спустя и сама Спарта вынуждена была примкнуть къ Ахейскому союзу, что̀ было признакомъ совершеннаго ея истощенія.

ГЛАВА XVII.

Аѳинская демократія и ея морская держава.

Предметъ этой главы. — Связь развитія аѳинской демократіи съ морской гегемоніей Аѳинъ. — Превращеніе морского союза въ морскую державу. — Экономическое значеніе Аѳинъ въ V в. — Соціальный строй Аѳинъ въ эту эпоху. — Развитіе аѳинской демократіи. — Реформы Эфіальта и Перикла. — Замѣчаніе объ аѳинской демагогіи. — Введеніе платы гражданамъ за исполненіе ими своихъ государственныхъ обязанностей. — Денежныя раздачи народу. — Общіе результаты системы. — Аѳинская демократія въ изображеніи Фюстель де Куланжа. — Общее направленіе политики демократической партіи въ Аѳинахъ. — Аѳинскіе олигархи. — Классовое господство демоса. — Городъ, сельскіе демы и клерухіи. — Общій выводъ.

Обращаясь теперь къ исторіи Аѳинъ въ эпоху наибольшаго развитія въ нихъ демократіи, когда вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ городъ стоялъ во главѣ цѣлой морской державы, припомнимъ, на чемъ мы остановились въ нашемъ изложеніи предыдущей исторіи Аѳинъ. Мы разсмотрѣли именно реформу

Клисѳена, настоящаго родоначальника аѳинской демократіи [1]), и лишь вскользь упомянули объ аристократической реакціи въ Аѳинахъ во время греко-персидскихъ войнъ, окончившейся, однако, очень скоро [2]). Теперь намъ предстоитъ сосредоточить свое вниманіе на демократической и велико-державной эпохѣ исторіи Аѳинъ, на серединѣ V в. Это была пора, когда демосъ сдѣлался настоящимъ государемъ (κύριος τῆς πολιτείας) дома и вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу изъ предводителя морской симмахіи превратился тоже въ ея господина. Обѣ эти эволюціи находятся въ тѣсной связи между собою, и безъ той власти, какую Аѳины пріобрѣли надъ союзниками, аѳинская демократія не была бы тѣмъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ.

Доказательство послѣдней мысли мы находимъ, между прочимъ, въ главахъ XXIII и XXIV „Аѳинской Политіи“ Аристотеля. Въ нихъ онъ разсказываетъ о времени между саламинской битвой и эфіальтовой реформой ареопага, когда положено было начало гегемоніи Аѳинъ на морѣ. Главными дѣятелями этой эпохи были Аристидъ и Ѳемистоклъ, на которыхъ до сихъ поръ смотрѣли, какъ на представителей разныхъ партій, видя въ первомъ защитника аристократическаго начала, во второмъ вождя демократіи. Аристотель ихъ обоихъ одинаково называетъ „простатами демоса“ (προστάται τοῦ δήμου), а Аристида считаетъ за истиннаго иниціатора морской симмахіи, во главѣ которой стали Аѳины. „Онъ же, говоритъ Аристотель, назначилъ и первую дань городамъ,... и онъ же и присягу далъ передъ іонянами имѣть того же съ ними и друга, и недруга“ [3]). „Когда потомъ, продолжаетъ Аристотель, городъ уже чувствовалъ свою силу и собрано было много денегъ, Аристидъ далъ совѣтъ стремиться къ гегемоніи и, ушедши съ полей, основаться въ городѣ (ἐν τῷ ἄστει), такъ какъ *будетъ чѣмъ содержать себя всѣмъ гражданамъ* [4]): однимъ въ походной службѣ, другимъ въ гарнизонной, инымъ опять въ общественныхъ должностяхъ, а затѣмъ-де такимъ образомъ они смогутъ *забрать въ свои руки гегемонію*. Народъ, читаемъ далѣе, послушался

---

[1]) См. выше, стр. 135—138.

[2]) См. выше, стр. 139.

[3]) Перев. Ловягина, стр. 41.

[4]) Буквально: пища будетъ для всѣхъ (τροφὴν ἔσεσθαι πᾶσι).

этого совѣта и, принявъ въ свои руки власть, сталъ болѣе деспотически обращаться съ союзниками, кромѣ хіосцевъ, лесбосцевъ и самосцевъ: эти послѣдніе служили у него стражами власти, и имъ онъ предоставилъ ихъ собственное государственное управленіе и ихъ владѣнія, какія у нихъ были. Одновременно, сказано дальше, *доставлено было и большинству гражданъ въ изобиліи, чѣмъ содержать себя*, какъ Аристидъ тому указалъ путь. Дѣло въ томъ, что *отъ даней и пошлинъ приходилось питаться болѣе, чѣмъ двадцати тысячамъ народу*. Было вѣдь, — поясняетъ эти свои слова Аристотель,—шесть тысячъ судей, стрѣлковъ тысяча шестьсотъ, къ нимъ еще всадниковъ тысяча двѣсти, совѣтъ (буле) въ пятьсотъ человѣкъ, сторожей на верфяхъ пятьсотъ и сверхъ того городскихъ сторожей пятьдесятъ человѣкъ, чиновниковъ внутри страны [1]) до семисотъ человѣкъ, и за границами государства до семисотъ. Помимо названныхъ, когда они потомъ начали войну, двѣ тысячи пятьсотъ гоплитовъ, двадцать сторожевыхъ судовъ, другихъ судовъ съ экипажемъ въ двѣ тысячи по жребію выбранныхъ стражниковъ, затѣмъ еще пританіонъ, сироты и тюремщики; *на всѣхъ вѣдь перечисленныхъ содержаніе шло изъ средствъ государства*“ [2]). Какъ ни кратко это мѣсто, оно очень характерно: аѳинская гегемонія была однимъ изъ средствъ существованія аѳинскаго демоса. Иниціаторомъ такой системы Аристотель называетъ Аристида, и это въ другомъ мѣстѣ авторъ „Аѳинской Политіи“ отмѣчаетъ, какъ важный моментъ въ исторіи Аѳинъ. Перечисляя всѣ перевороты, бывшіе въ государственной жизни этого города, Аристотель вслѣдъ за клисѳеновымъ строемъ говоритъ о времени господства ареопага и о новомъ строѣ „къ которому путь проложилъ Аристидъ и который Эфіальтъ закончилъ, устранивъ совѣтъ ареопага“ [3]). Итакъ, Аристотель ставитъ въ прямую связь образованіе аѳинской симмахіи и развитіе аѳинской демократіи. Конечно, было бы слишкомъ рискованнымъ утверждать, чтобы государство могло вполнѣ содержать всѣхъ гражданъ на свои средства, полученныя отъ союзниковъ, но что изъ этихъ средствъ пользовались очень многіе граждане, это прямо подтверждается теперь Аристо-

[1]) Т.-е. мѣстныхъ властей.

[2]) Стр. 43.

[3]) Стр. 71.

телемъ, хотя это было извѣстно, конечно, и ранѣе открытія его „Аѳинской Политіи“.

Прежде нежели мы разсмотримъ полное развитіе демократическихъ учрежденій въ Аѳинахъ, бросимъ общій взглядъ на политическое и экономическое положеніе этого города въ греческомъ мірѣ, несомнѣнно, оказавшее громадное вліяніе на судьбы аѳинской демократіи.

Исторія аѳинской симмахіи и ея превращенія въ аѳинскую державу можетъ быть коротко разсказана слѣдующимъ образомъ.

Намъ уже извѣстно, что Аѳины позднѣе другихъ сосѣднихъ городовъ стали играть роль въ промышленности и торговлѣ [1]). Начало морской политикѣ Аѳинъ положилъ Писистратъ. У самаго берега Аттики, противъ Элевсина, лежитъ островъ Саламинъ, отдѣляющійся отъ материка только очень узкимъ проливомъ. Этимъ важнымъ для Аѳинъ островомъ владѣла Мегара, но Писистратъ отнялъ его у этого города. Кромѣ того, Писистрату удалось подчинить аѳинскому вліянію храмъ Аполлона на островѣ Делосѣ, бывшій въ то время все-іонійской святыней, и поставить правителемъ острова Наксоса одного изъ своихъ друзей. Наконецъ, онъ же утвердился на берегу Геллеспонта, занявъ городъ Сигей, лежавшій у устья рѣки Скамандра, и укрѣпилъ за собою (во время изгнанія) одинъ пунктъ на южномъ берегу Ѳракіи, гдѣ впослѣдствіи возникъ городъ Амфиполь. Сигей лежалъ на азіатскомъ берегу пролива, а противъ него на берегу европейскомъ, въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ, создалъ себѣ маленькое княжество аѳинянинъ Мильтіадъ. Правда, не все это Аѳины тогда же за собою и удержали, но во всякомъ случаѣ уже были намѣчены главные пункты всей дальнѣйшей политики Аѳинъ на Эгейскомъ морѣ. Передъ самыми персидскими войнами Платеи отложились отъ Беотійскаго союза и примкнули къ Аѳинамъ, взявшимъ этотъ городъ подъ свое покровительство, изъ-за чего съ беотійцами произошла война. Аѳины ихъ побѣдили, а вмѣстѣ съ ними и союзниковъ ихъ халкидцевъ. Аѳиняне даже переправились на островъ Эвбею, подчинили себѣ Халкиду и часть земель тамошней знати отобрали въ пользу своихъ колонистовъ. Далѣе, вскорѣ же послѣ этого Аѳины при дѣятельной помощи тирана Херсонеса Ѳракій-

[1]) См. выше, стр. 71.

скаго Мильтіада, родственника того соименнаго ему аѳинянина, который основалъ здѣсь для себя самостоятельное владѣніе, заняли острова Лемносъ и Имбросъ и, изгнавъ оттуда прежнихъ жителей, поселили на нихъ своихъ колонистовъ. Этотъ Мильтіадъ, неудачно принявъ участіе въ возстаніи мало-азіатскихъ грековъ противъ Персіи, потомъ бѣжалъ въ Аѳины; здѣсь онъ сдѣлался стратегомъ и побѣдилъ персовъ при Мараѳонѣ (490).

Такимъ образомъ у Аѳинъ еще до начала греко-персидскихъ войнъ были уже важные морскіе пункты внѣ самой Аттики, хотя Лемносъ и Имбросъ скоро отпали. Послѣ мараѳонской побѣды Мильтіадъ даже предпринялъ морскую войну съ цѣлью заставить силою Кикладскіе острова отложиться отъ персовъ, и ему удалось перетянуть на сторону Аѳинъ западный рядъ этихъ острововъ, но подъ Паросомъ онъ потерпѣлъ неудачу. Около того же времени аѳиняне сдѣлали попытку овладѣть островомъ Эгиной, бывшимъ, какъ уже говорилось раньше [1]), очень важнымъ промышленно-торговымъ центромъ и имѣвшимъ въ тѣ годы самый большой во всей Греціи флотъ. Попытка окончилась неудачей, между обѣими республиками началась война, но въ концѣ концовъ, хотя и не сейчасъ, Аѳины подчинили Эгину (въ серединѣ V в.). Послѣ неудачи аѳиняне начали строить свой флотъ, который потомъ оказалъ имъ такую услугу во время ксерксова нашествія на Аттику (480 г.). На постройку кораблей пошли доходы отъ лаврійскихъ серебряныхъ копей въ Аттикѣ, и въ очень скоромъ времени аѳинскій флотъ совершенно оставилъ позади себя флотъ эгинскій. При Саламинѣ онъ съ кораблями другихъ государствъ одержалъ надъ персами блестящую побѣду. Это было началомъ морской войны грековъ съ персами, во время которой гегемонія, принадлежавшая сначала Спартѣ, и перешла къ Аѳинамъ.

Въ составъ морского союза подъ предводительствомъ Аѳинъ вошли всѣ города и острова, которые освободились отъ Персіи, и многіе другіе, какъ-то западные Киклады и Эвбея. Союзныя силы укрѣпились и на берегахъ Ѳракіи, и даже у Босфора. Послѣ битвы при Эвримедонтѣ (478 г.) симмахія охватывала всѣ острова на Эгейскомъ морѣ (кромѣ трехъ и въ ихъ числѣ Эгины), всѣ греческія колоніи на

[1]) См. стр. 70, 72 и др.

южномъ берегу Ѳракіи до самаго Босфора и оттуда по всему азіатскому берегу Эгейскаго моря до поворота этого берега въ восточномъ направленіи, причемъ союзныхъ съ Аѳинами общинъ было тогда около двухсотъ. Политическому объединенію береговъ и острововъ Эгейскаго моря много способствовало то, что легкость морскихъ сношеній создавала между ними своего рода географическое единство, такъ какъ, напр., греческія колоніи на берегу Малой Азіи были гораздо больше связаны съ островами Эгейскаго моря и Греціей, чѣмъ со внутренними областями своего материка: вѣдь и потомъ не только въ эпоху Византійской имперіи, но и въ турецкія времена эти берега и острова Эгейскаго моря составляли почти всегда до начала XIX в. одно государство. Къ этому географическому единству береговъ Греціи, Ѳракіи и Малой Азіи, на которое особенно указывалъ нѣмецкій ученый Курціусъ (род. въ 1814 г.) въ своей знаменитой, но теперь устарѣлой „Исторіи Греціи“, нужно прибавить, что и греческое населеніе этихъ береговъ и острововъ причисляло себя къ одному и тому же племени іонянъ.

Вотъ каково было первоначальное устройство этой симмахіи. Для рѣшенія общихъ дѣлъ союза собирался на Делосѣ съѣздъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ городовъ, и на этихъ съѣздахъ у всѣхъ членовъ союза было равное право голоса. Существовала союзная казна, составлявшаяся изъ взносовъ отдѣльныхъ городовъ, она помѣщалась тоже на Делосѣ при храмѣ Аполлона и находилась въ завѣдованіи десяти аѳинскихъ уполномоченныхъ, такъ называемыхъ *эллинотаміевъ*, т.-е. казначеевъ эллиновъ. Повидимому, былъ равнымъ образомъ и общій союзный судъ. Такое устройство, однако, не удержалось, и симмахія довольно скоро превратилась въ *архе́* (ἀρχή) Аѳинъ, въ ихъ державу.

Можно сказать, что этому превращенію Аѳинъ изъ города-гегемона въ городъ-государя способствовали главнымъ образомъ три обстоятельства: во-первыхъ, замѣна непосредственнаго участія союзниковъ въ общихъ военныхъ предпріятіяхъ денежными взносами аѳинянамъ, которые и брали на себя все веденіе дѣла; во-вторыхъ, перенесеніе союзной казны съ острова Делоса въ Аѳины; въ-третьихъ, попытки нѣкоторыхъ союзниковъ выйти изъ симмахіи, за чѣмъ слѣдовала суровая репрессія, кончавшаяся для сепаратистовъ утратою автономіи. Къ сожалѣнію, многое въ этихъ трехъ

обстоятельствахъ для насъ неясно. Была ли, какъ думаютъ одни, замѣна непосредственнаго участія одними денежными взносами слѣдствіемъ нѣкоторой „изнѣженности“ большей части союзниковъ, которые предпочитали поставить себя подъ защиту Аѳинъ, нежели защищаться самимъ или, какъ полагаютъ другіе, все дѣло въ томъ, что бо̀льшая часть мелкихъ государствъ не располагала годнымъ флотомъ, и потому имъ было разрѣшено только платить деньги; во всякомъ случаѣ, въ чьихъ рукахъ очутились эти деньги, тѣ и были господами положенія. Хотя союзная казна и находилась на Делосѣ, но завѣдованіе ею было въ рукахъ аѳинянъ; когда же Греціи въ серединѣ V в. грозило новое персидское нашествіе, союзный съѣздъ самъ, по предложенію перепуганнаго Самоса, рѣшилъ перенести союзную казну въ Аѳины (453 г.). Въ распоряженіи аѳинянъ была и морская военная сила, и денежныя средства. Это позволило имъ съ согласія и при помощи другихъ союзниковъ подавлять попытки отложенія отъ союза или заставлять силою входить въ его составъ. Послѣднее было сдѣлано по отношенію, напр., къ Эгинѣ, которая послѣ военной неудачи должна была передать Аѳинамъ свой военный флотъ, срыть свои городскія стѣны и вступить въ морской союзъ съ обязательствомъ вносить очень большую сумму денегъ. Что касается до отпадавшихъ членовъ союза, каковы были Наксосъ, Ѳасосъ, Халкида и Эрестрія, — два города на Эвбеѣ, когда-то очень сильные своей торговлею и промышленностью,—то и тутъ наказаніе заключалось въ отнятіи военныхъ кораблей, уничтоженіи городскихъ стѣнъ и наложеніи дани, вмѣсто непосредственнаго участія въ симмахіи. При этомъ часть земли у побѣжденныхъ отнималась и нерѣдко раздавалась затѣмъ аѳинскимъ гражданамъ. Позднѣе стало входить въ обычай даже изгонять побѣжденныхъ мятежниковъ и переселять на ихъ мѣста аттическихъ гражданъ. Эти аѳинскія колоніи, или *клерухіи* (κληρουχίαι) были весьма важнымъ подспорьемъ въ великодержавной политикѣ Аѳинъ по отношенію къ союзникамъ.

Внутреннія отношенія союзныхъ городовъ тоже подвергались воздѣйствію со стороны государства-гегемона. Аѳины вообще покровительствовали демократіи. Въ случаяхъ споровъ между отдѣльными городами или борьбы партій въ томъ или другомъ городѣ Аѳины обыкновенно вмѣшивались въ эти распри, большею частью по приглашенію слабѣйшаго города

или слабѣйшей партіи. Для цѣлей умиротворенія враждующихъ и поддержки внутренняго порядка, равно какъ для взысканія взносовъ и даней съ неисправныхъ плательщиковъ у Аѳинъ были военные отряды съ особыми *фрурархами* (φρούραρχοι) во главѣ, спеціальныя флотиліи для сбора денегъ и т. п. Лишая самостоятельности отпавшіе города, Аѳины стали у нихъ отнимать и высшую уголовную юрисдикцію, сосредоточивая разсмотрѣніе всѣхъ важныхъ дѣлъ въ аѳинскихъ судахъ. Мало-по-малу эта мѣра стала распространяться и на другія общины, граждане которыхъ должны были судиться въ Аѳинахъ и по аѳинскимъ же законамъ. То же самое произошло и съ рѣшеніемъ общихъ дѣлъ; союзные съѣзды какъ-то сами собою прекратились, и ихъ компетенція перешла къ аѳинскому городскому вѣчу, т.-е. къ экклесіи. Съ середины V в. уже не уполномоченные союзныхъ городовъ рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ и о расходованіи денежныхъ средствъ, а державный аѳинскій демосъ съ своихъ собраніяхъ. Понятно, что значительная часть этихъ средствъ тратилась на нужды города и его полноправныхъ гражданъ. Наконецъ, названіе союза стало даже и оффиціально, повидимомму, замѣняться названіемъ державы. Извѣстный аѳинскій демагогъ эпохи пелопоннесской войны Клеонъ, по словамъ Ѳукидида, прямо говорилъ аѳинянамъ, что ихъ власть надъ союзниками подобна власти тиранна надъ подданными (ἔτι τυραννίδα ἔχετε ἀρχὴν и т. д.). Нѣкоторые союзники такъ и назывались подданными (ὑπήκοοι) Аѳинъ. Съ другой стороны, въ большинствѣ случаевъ Аѳины лишали гражданъ союзныхъ общинъ правъ вступленія въ браки съ аѳинянками и пріобрѣтенія земли въ Аттикѣ [1]), и притомъ вообще договоры главнаго города съ отдѣльными союзными городами часто имѣли неодинаковое содержаніе. Особую важность получили торговые трактаты, такъ какъ союзъ имѣлъ и экономическое значеніе.

Конечно, для завѣдованія этой обширной державой Аѳины должны были организовать цѣлый штатъ должностныхъ лицъ, посылавшихся для разнаго рода дѣлъ въ отдѣльные города. Кромѣ упомянутыхъ фрурарховъ, были еще *эпимелеты* (ἐπιμεληταί), или попечители, наблюдавшіе за клерухіями, *эклогевсы* (ἐκλογεῖς), какъ назывались финансовые агенты, собиравшіе взносы, *эпископы* (ἐπίσκοποι), т.-е. коммиссары, отпра-

[1]) Ср. выше, стр. 236 — 237.

влявшіеся улаживать внутреннія дѣла отдѣльныхъ городовъ, и т. п. Прибавимъ еще, что въ серединѣ V в. Аѳины стали было распространять свою гегемонію и въ Средней Греціи.

Понятно, что столица столь обширной державы должна была достигнуть и высокаго положенія въ экономическомъ отношеніи. Въ серединѣ V в. Аѳины были соединены со своими двумя портами, Пиреемъ и Фалерономъ, на разстояніяхъ 7 и 6 километровъ двойной линіей укрѣпленій. Уже персы нанесли сильный ударъ Милету, который такъ-таки и не могъ отъ него оправиться, а скоро и главные торговые города европейской Греціи около 500 г., Коринѳъ и Эгина, должны были уступить первенство Аѳинамъ съ ихъ морскимъ портомъ въ Пиреѣ. Этотъ городокъ сдѣлался первымъ коммерческимъ пунктомъ во всемъ греческомъ мірѣ, ведшимъ торговлю съ Финикіей и Египтомъ, припонтійскими странами и Киреной, съ Сициліей и Италіей. Торговые интересы сдѣлались даже преобладающимъ факторомъ во внѣшней политикѣ Аѳинъ, и ради ослабленія или уничтоженія конкурентовъ или пріобрѣтенія новыхъ рынковъ Аѳины готовы были на все и даже подвергали Аттику вражескимъ нашествіямъ, тѣмъ болѣе, что ея населенію можно было отсиживаться за сильными укрѣпленіями города и его предмѣстій. Конечно, отъ этого страдали землевладѣльцы и земледѣльцы, но ихъ оппозиція господствовавшему въ Аѳинахъ промышленно-торговому направленію не могла быть достаточно сильной для того, чтобы оказывать рѣшающее вліяніе на сложившуюся систему политики. Пользуясь своимъ политическимъ могуществомъ, Аѳины прямо заставляли союзные и особенно подвластные города вывозить свои продукты и въ особенности хлѣбъ въ аѳинскіе порты, т.-е. главнымъ образомъ въ Пирей, гдѣ, дѣйствительно, и сосредоточилась хлѣбная торговля [1]). Въ Аѳинахъ существовала даже отдѣльная должность портовыхъ смотрителей, о которыхъ Аристотель говоритъ, что они обязаны были „заботиться о портовыхъ складахъ и заставлять торговцевъ изъ привезеннаго на хлѣбную пристань хлѣба двѣ трети доставлять въ городъ“ [2]). Аѳины жили такимъ образомъ привознымъ хлѣбомъ, за который уплачивали произведеніями своей промышленности, о

[1]) См. выше, стр. 69.

[2]) Аѳинская Политія, перев. Ловягина, стр. 87.

чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные предметы аѳинскаго происхожденія, находимые при раскопкахъ на югѣ Россіи. Пресловутой „автаркіи“, т.-е. экономическаго самодовлѣнія, о которомъ, какъ о сущности государственнаго бытія, говорятъ и Платонъ, и особенно Аристотель [1]), конечно, въ эту эпоху для Аѳинъ не существовало: въ экономическомъ общеніи между собою находились очень многіе города и страны, для которыхъ главный городъ Аттики былъ не только важнымъ политическимъ, но и коммерческимъ центромъ. Понятно, что все это не могло не отразиться на соціальномъ и политическомъ строѣ самихъ Аѳинъ, какъ государства-города съ его небольшою аттическою территоріей.

Аѳинско-аттическое населеніе состояло изъ гражданъ, метэковъ и рабовъ. Цифровыя опредѣленія, устанавливаемыя для этихъ трехъ элементовъ населенія Аттики, могутъ быть названы только очень и очень приблизительными, чтобы не сказать—гадательными [2]), но здѣсь насъ собственно должна интересовать не эта сторона дѣла, а составъ самого гражданства, т.-е. той сотни, что ли, тысячъ человѣкъ, которая и была аѳинскимъ демосомъ. Мы знаемъ, что въ составъ этого демоса въ концѣ VI в., при Клисѳенѣ, вошли тогдашніе аттическіе метэки [3]), но новые переселенцы въ Аттику должны были оставаться попрежнему метэками, и имъ попадать въ граждане было уже трудно. При Периклѣ былъ изданъ законъ (или только возобновленъ старый), по которому гражданиномъ признавался лишь тотъ, кто происходилъ отъ аѳинянина и аѳинянки. При полномъ развитіи демократіи пожалованіе гражданскихъ правъ совершалось только по народному голосованію, но и его можно было кассировать, если кто-либо возбуждалъ оффиціальнымъ путемъ дѣло о томъ, что новый аѳинскій гражданинъ недостоинъ пожалованныхъ ему правъ. Для этого существовалъ легальный способъ „обвиненія въ незаконности“ (γραφὴ παρανόμων). Принятый въ число гражданъ не могъ, однако, занимать нѣкоторыхъ должностей. Такимъ образомъ аѳинская демократія была замкнутой общиной, отличавшейся достаточною исключительностью, и чѣмъ бо̀льшія выгоды соединялись съ званіемъ гражданина, тѣмъ

[1]) См. выше, стр. 3, 5, 218, 219 и др.

[2]) См. выше, стр. 168.

[3]) См. выше, стр. 136.

строже слѣдили сами граждане, чтобы въ ихъ число не втирались посторонніе элементы. Время отъ время происходила провѣрка, не пользуется ли кто-либо правами гражданина, не имѣя на то законнаго права. Плутархъ разсказываетъ, что когда однажды владѣтель Египта прислалъ аѳинянамъ въ даръ 40.000 медимновъ пшеницы, и хлѣбъ этотъ стали дѣлить между гражданами, то многіе тогда подверглись обвиненію въ незаконномъ присвоеніи званія и правъ аѳинскихъ гражданъ, и такихъ оказалось немного менѣе пяти тысячъ человѣкъ, будто-бы затѣмъ проданныхъ за это въ рабство. О томъ же, только нѣсколько иначе, разсказываетъ другой греческій писатель, извѣстіе котораго объ этомъ случаѣ сохранилось лишь въ отрывкѣ: и здѣсь самое существенное то, что по поводу присылки въ Аѳины большого хлѣбнаго подарка граждане устроили *ксенеласію* [1]), т.-е. очистку гражданства отъ непрошенныхъ элементовъ. Но это же самое гражданство, которое замыкало себя отъ вторженія въ его среду постороннихъ лицъ и господствовало надъ двумя стами городовъ, само состояло большею частью изъ людей неимущихъ или малоимущихъ. Это были разные ремесленники и мелкіе торговцы, портные и сапожники, цирульники и колбасники, затѣмъ рабочій людъ разныхъ спеціальностей, какъ-то каменотесы и плотники, извощики и носильщики, матросы и рудокопы и т. п. Разныя такія занятія перечисляетъ, напр., и Плутархъ, говоря о томъ, какъ Периклъ старался прокормить свободныхъ бѣдняковъ доставкою имъ работы отъ государства. И рядомъ съ этою простонародною массою въ Аѳинахъ существовали богачи, составившіе себѣ промышленными и торговыми предпріятіями значительныя состоянія. Вотъ, что̀, напр., Аристотель говоритъ въ „Аѳинской Политіи“ о Кимонѣ: „владѣя царскимъ богатствомъ (τυραννικὴν ἔχων οὐσίαν), онъ прежде всего всѣ государственныя повинности [2]) справлялъ блестящимъ образомъ, затѣмъ же давалъ жизненныя средства многимъ изъ своихъ демотовъ [3]). Всякій лакіадъ хотя бы каждый день могъ являться къ нему, чтобы получить чего нужно въ мѣру, а еще, помимо того, его зе-

[1]) О значеніи слова см. стр. 159.

[2]) Такъ называемыя литургіи, о чемъ см. выше, стр. 116. Повидимому система литургій не вполнѣ была отмѣнена Писистратомъ.

[3]) Т.-е. лицъ изъ одного съ нимъ дема. Ср. выше, стр. 136.

мельные участки не были обнесены оградою, чтобы всякій желающій могъ срывать себѣ плоды". Аристотель прибавляетъ, что „такихъ издержекъ Периклу не позволяли его средства", и потому онъ „далъ народу изъ его же состоянія, ввелъ жалованье для судей" [1]). Кимонъ—типъ тароватаго аристократа, какихъ знаетъ и римская исторія. Число богачей въ Аѳинахъ росло по мѣрѣ роста самого города, и постепенно увеличивались и размѣры состояній, тогда какъ средній классъ все болѣе и болѣе, такъ сказать, таялъ. Платонъ въ своемъ „Государствѣ" свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его время въ Аѳинахъ были „чрезмѣрно богатые люди" (οἱ ὑπερπλούσιοι), а во второй половинѣ IV в. лица, обладавшія земельною собственностью въ 40 кв. стадій, т.-е. больше кв. версты, уже не считались особенными богачами. Дѣйствительнымъ богачомъ былъ, напр., банкиръ (трапезитъ) Пасіонъ, у котораго земли было на сумму 20 талантовъ, что̀ составляло около 30 т. руб. на наши деньги, да 50 талантовъ въ банкирскихъ операціяхъ. Политическое и торговое, а потомъ и одно только торговое преобладаніе Аѳинъ влекло за собою умноженіе въ нихъ крупныхъ состояній. Впрочемъ, насъ здѣсь, въ виду предмета настоящей главы, долженъ больше интересовать аѳинскій демосъ, который въ V в. достигъ полной власти въ государствѣ и сталъ извлекать матеріальныя выгоды изъ того, что это государство добилось господства надъ цѣлымъ рядомъ другихъ городовъ, бывшихъ прежде тоже совершенно суверенными политіями. Мы видѣли, какъ эту сторону дѣла представляетъ Аристотель: положеніе Аѳинъ, въ качествѣ главы морского союза, доставляло пропитаніе, по крайней мѣрѣ, двадцати тысячамъ гражданъ этого города. Объ этой связи между господствомъ Аѳинъ на морѣ и развитіемъ въ нихъ демократіи Аристотель говоритъ и въ другихъ мѣстахъ своей „Аѳинской Политіи" [2]).

---

[1]) Перев. Ловягина, стр. 47.

[2]) Периклъ „заставилъ государство заняться усиленіемъ морского вѣдомства (ἡ ναυτικὴ δύναμις), вслѣдствіе чего простой народъ, увѣрившись въ своихъ силахъ, тѣмъ болѣе сталъ перетягивать на свою сторону все государственное устройство". Перев. Ловягина, стр. 47.—„Въ это время (послѣ реформы Эфіальта) городъ во многомъ погрѣшилъ подъ вліяніемъ демагоговъ вслѣдствіе владычества надъ моремъ", стр. 71.

Къ сожалѣнію, наши источники недостаточно подробно говорятъ объ измѣненіяхъ демократическаго характера, которыя были произведены въ политическомъ строѣ Аѳинъ въ эту важную эпоху. Еще очень недавно, напр., утверждали, основываясь на свидѣтельствѣ Плутарха, что Аристидъ, игравшій такую видную роль при организаціи морской симмахіи, открылъ доступъ къ архонтству всѣмъ классамъ гражданъ, но теперь, послѣ открытія „Аѳинской Политіи“, сдѣлалось извѣстнымъ, что Аристидъ такой реформы никогда не проводилъ, и что вообще *по закону* ѳеты никогда не имѣли доступа къ государственнымъ должностямъ, кромѣ, конечно, участія въ экклесіи и геліэѣ [1]). Еще, напр., въ 1889 г. профессоръ харьковскаго университета В. П. Бузескулъ въ своей прекрасной книгѣ о Периклѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждалъ, что по предложенію Аристида „право занимать должности, не исключая и архонта, предоставлено было всѣмъ гражданамъ, т.-е. и лицамъ четвертаго класса, имѣвшимъ до тѣхъ поръ доступъ лишь въ народное собраніе и геліэю“ [2]), но въ другомъ своемъ сочиненіи, посвященномъ критическому изученію „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, тотъ же авторъ долженъ былъ признать, что Плутархъ ввелъ историковъ въ заблужденіе [3]). Изъ трактата Аристотеля мы только узнаёмъ, что во времена Аристида къ архонству получили доступъ всадники, а въ 457/6 г. и зевгиты. Такимъ образомъ намъ приходится нѣсколько ограничить прежнія представленія о демократизаціи аѳинскаго строя и отказаться отъ тѣхъ обычныхъ соображеній, которыми объяснялся нынѣ отвергаемый доступъ ѳетовъ къ архонтству [4]). Демократизація Аѳинъ заключалась въ томъ, что и ѳеты, еще раньше призванные къ участію въ совѣщательной и судебной вла-

---

[1]) См. выше, стр. 100.

[2]) *В. Бузескулъ*. Периклъ. Харьковъ. 1889. Стр. 78.

[3]) Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. Харьковъ. 1895. Стр. 333 и 410.

[4]) „Для снаряженія флота пришлось привлечь къ службѣ и ѳетовъ; но принципамъ же солонова законодательства повинностямъ должны соотвѣтствовать и права; такимъ образомъ это значило дать четвертому классу гражданъ право на тѣ преимущества, которыя до тѣхъ поръ составляли достояніе первыхъ трехъ классовъ. *В. Бузескулъ*. Периклъ, стр. 74.

стяхъ, стали играть все бо́льшую и бо́льшую роль и въ экклесіи, и въ геліэѣ. Превращеніе Аѳинъ въ морское государство и торговое развитіе Пирея привлекали въ городъ и его предмѣстье все большее и большее количество народа, искавшаго заработковъ, и это, конечно, тоже содѣйствовало усиленію демократическаго элемента. Въ государствѣ образовалась даже особая демократическо-преобразовательная партія, вождями которой послѣдовательно были Ѳемистоклъ, главный организаторъ аѳинскаго флота, и Аристидъ, нѣсколько болѣе умѣренный политическій дѣятель, котораго раньше причисляли къ аристократическо-консервативной партіи, затѣмъ Ксанѳиппъ, потомъ Эфіальтъ, послѣ него Периклъ, тогда какъ Мильтіадъ и Кимонъ стояли во главѣ противниковъ демократіи. Нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей подвергались остракизму, въ данную эпоху вообще игравшему большую роль въ политической жизни Аѳинъ [1]).

Съ новымъ направленіемъ, принятымъ внутреннею жизнью этого города въ эпоху превращенія Аѳинъ въ морскую державу, уже не гармонировали права ареопага съ его консервативными традиціями. Это учрежденіе, повидимому, прямо стояло на пути демократическаго развитія, какъ главная преграда, какая только могла быть противъ него выставлена со стороны аристократическихъ элементовъ общества. Вотъ почему на ареопагъ въ серединѣ V в. и направились главные удары тогдашнихъ вождей демократіи, Эфіальта и Перикла.

Я позволю себѣ здѣсь прямо цитировать показаніе Аристотеля объ эфіальтовой реформѣ ареопага. „Въ то время, разсказываетъ авторъ „Аѳинской Политіи“, какъ масса населенія усиливалась, представитель (προστάτης) народа Эфіальтъ Софронидовъ, считавшійся и человѣкомъ безкорыстнымъ, и сторонникомъ справедливости въ дѣлахъ управленія, сдѣлалъ нападеніе на этотъ совѣтъ (т.-е. ареопагъ). Сначала онъ устранилъ многихъ ареопагитовъ, завязавъ съ ними процессы относительно ихъ управленія [2]). Потомъ же при архонтѣ Кононѣ [3]) онъ отнялъ у совѣта всѣ полученныя имъ въ послѣднее время права, благодаря которымъ онъ былъ

[1]) См. выше, стр. 138.

[2]) Не забудемъ, что ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ.

[3]) Въ 462—1 г.

стражемъ государства, и часть ихъ далъ пятистамъ [1]), часть же народу и судилищамъ" [2]). За ареопагомъ были оставлены главнымъ образомъ дѣла о смертоубійствахъ по ихъ связи съ религіозными представленіями объ умилостивленіи боговъ. Аристотель не сообщаетъ, какія дѣла къ какому учрежденію перешли, но отъ того же Аристотеля мы узнаёмъ, что и буле въ разныхъ судебныхъ дѣлахъ, часть которыхъ перешла къ ней, вѣроятно, отъ ареопага, липилась впослѣдствіи права постановлять окончательныя рѣшенія, такъ какъ введена была апелляція на буле въ геліэю.—Продолжателемъ реформы Эфіальта, павшаго отъ руки убійцы, явился знаменитый вождь демократіи Периклъ. По выраженію Аристотеля, „когда Периклъ вступилъ на поприще демагога,... государственный строй сдѣлался еще болѣе демократическимъ". Перечисляя далѣе мѣры, принятыя этимъ политическимъ дѣятелемъ, который одно время, какъ извѣстно, былъ самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Аѳинахъ, Аристотель на первомъ мѣстѣ упоминаетъ, что „онъ отнялъ кое-какія права у ареопагитовъ" [3]). Повидимому, цѣлью Эфіальта и Перикла было сдѣлать ареопагъ учрежденіемъ въ политическомъ отношеніи безвреднымъ: самымъ главнымъ было то, что у ареопага было отнято право вмѣшиваться въ дѣла законодательства своею наблюдательною и сдерживающею властью.

Эпоха Перикла, начало второй половины V в., была временемъ, когда наступило полное господство демократіи въ Аѳинахъ. О замѣчательной личности Перикла очень много писали и много о ней спорили, было ли благомъ или зломъ то направленіе, которое онъ придалъ аѳинской политикѣ. Его, какъ великаго государственнаго человѣка, прославилъ еще Ѳукидидъ, но въ своей „Аѳинской Политіи" Аристотель „въ общемъ, — говоря словами проф. Бузескула,— отводитъ Периклу скромное мѣсто въ ряду вождей аѳинскаго демоса, даже, можетъ быть, ужъ слишкомъ скромное", такъ что Периклъ „является у него личностью довольно блѣдною" [4]). Какъ ни блестяща личность знаменитаго дема-

[1]) Т.-е. буле.

[2]) Перев. Ловягина, 43.

[3]) Стр. 47.

[4]) *В. Бузескулъ.* Аѳинская Политія, стр. 448.

тога, которому и Аристотель не отказываетъ въ хорошемъ управленіи государствомъ, его реформы,—говоря опять словами проф. Бузескула,—были „лишь однимъ изъ моментовъ, эпизодомъ въ послѣдовательномъ и, такъ сказать, органическомъ развитіи строя Аѳинъ“ [1]). Авторъ книги о Периклѣ высказывается даже въ томъ смыслѣ, что это „не былъ такой реформаторъ, который пролагаетъ совершенно новые пути“ [2]), и онъ находитъ, что новооткрытый трактатъ Аристотеля только подтверждаетъ это. Периклъ притомъ не былъ исключительнымъ явленіемъ въ исторіи Аѳинъ: античный демосъ нуждался въ вождѣ и всегда его имѣлъ въ лицѣ того или другого главы демократической партіи. Перикла только Аристотель считалъ послѣднимъ изъ хорошихъ демагоговъ передъ появленіемъ ряда дурныхъ демагоговъ. „Пока Периклъ, говоритъ онъ, продолжалъ стоять во главѣ народа, управленіе государствомъ было еще довольно хорошее, послѣ же его смерти дѣла пошли хуже. Дѣло въ томъ, что тогда впервые народъ взялъ себѣ представителя изъ среды не пользовавшихся доброю славою у благоразумныхъ“. Позднѣе „вождями народа все время были тѣ, кто болѣе всего былъ склоненъ разыгрывать своей дерзостью роль въ государствѣ и, обращая лишь вниманіе на нужды данной минуты, угождать народу“ [3]).

Въ серединѣ V в. аѳинскій демосъ уже игралъ главную роль въ государствѣ. Разъ въ мѣсяцъ собиралась экклесія, въ которой каждому предоставлялось высказывать свое мнѣніе, и дѣла рѣшались общимъ голосованіемъ. Экклесіи принадлежалъ надзоръ за всѣми дѣйствіями должностныхъ лицъ, которыя обязаны были представлять непосредственно народу свои отчеты и которыхъ народъ могъ даже за провинности смѣщать до срока. Шесть тысячъ гражданъ, избранныхъ по жребію, составляли геліэю, раздѣленную на десять дикастерій, и этотъ народный судъ не только судилъ разныя дѣла, но и смотрѣлъ за соблюденіемъ законовъ и даже имѣлъ высшій надзоръ по отношенію къ самой экклесіи: предлагать народному собранію новые законы было можно,

---

[1]) *В. Бузескулъ.* Периклъ, 237.

[2]) Стр. 399.

[3]) Перев. Ловягина, 49. Ср. выше, стр. 182, гдѣ передается общая характеристика демагогіи у Аристотеля.

лишь доказавъ негодность старыхъ передъ геліэей. Такимъ образомъ верховная власть въ Аѳинахъ находилась непосредственно въ рукахъ народа. Эта система могла вполнѣ быть осуществлена лишь путемъ установленія платы за участіе въ правленіи, а необходимыя для этого деньги брались государствомъ изъ союзной казны. Аристотель объясняетъ введеніе Перикломъ жалованья геліастамъ его желаніемъ на казенный счетъ перещеголять щедраго Кимона, но, конечно, дѣло было не въ этомъ. Превращеніе аѳинской симмахіи въ державу сопровождалось перенесеніемъ въ главный городъ этой державы всѣхъ важнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ изъ другихъ городовъ, что̀ сильно увеличило работу геліэи, и у самого же Аристотеля есть указаніе на то, что безъ назначенія жалованья обойтись было бы трудно. Упомянувъ, что демосъ „сдѣлалъ себя владыкою всего“, и что онъ сталъ „всѣмъ руководить при помощи народныхъ постановленій, а также и судовъ, въ которыхъ онъ значитъ все“, Аристотель замѣчаетъ, что „сначала рѣшили-было не назначать жалованья народному собранію“, но „такъ какъ народъ не приходилъ на собранія и пританы не знали, что̀ выдумать, чтобы онъ собирался для подачи голосовъ“, то и введено было и здѣсь жалованье [1]). Безъ платы за исполненіе судейскихъ обязанностей судъ попалъ бы въ руки однихъ богатыхъ, а разъ деньги въ казнѣ отъ союзническихъ взносовъ были, являлась и возможность вознагражденія судей. Вѣроятно, сначала эта плата была въ 1—2 обола въ день (4—8 коп.) и только позднѣе была повышена до трехъ оболовъ: на эту сумму можно было имѣть только самое скромное дневное пропитаніе. Съ введеніемъ жалованья, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передаваемому Аристотелемъ, судьи „стали хуже, такъ какъ теперь къ жеребьевкѣ стали тѣсниться скорѣе первые попавшіеся, чѣмъ люди благоразумные“, а „послѣ этого начались и подкупы“ [2]). Очень возможно, что въ одно время съ введеніемъ поденной платы за участіе въ народномъ судѣ была установлена подобная же плата и членамъ буле, бывшая

---

[1]) Стр. 71. То же самое см. въ „Политикѣ“: „что касается до крайней демократіи, то здѣсь по причинѣ многолюдности трудно бываетъ не платить народу за присутствіе въ народномъ собраніи“. Перев. Скворцова, стр. 306.

[2]) Перев. Ловягина, стр. 47.

во времена самого Аристотеля въ пять оболовъ (съ однимъ добавочнымъ оболомъ пританамъ). Принципъ вознагражденія за службу государству, противъ чего ратовала аристократическая партія, стоявшая за безвозмездность должностей, былъ распространенъ, но неизвѣстно когда, и на архонтство (во времена Аристотеля по 4 обола въ день). Служба въ войскѣ и флотѣ, конечно, тоже вознаграждалась. Не даромъ же и самъ Аристотель свидѣтельствуетъ, что на деньги, получавшіяся съ союзниковъ, Аѳины могли содержать двадцать тысячъ гражданъ [1]). Прежде Периклу приписывалось и введеніе платы за посѣщеніе народнаго собранія (μισθὸς ἐκκλησιαστικός), но это было сдѣлано уже послѣ пелопоннесской войны, въ началѣ IV в. Средства, доставлявшіяся Аѳинамъ союзниками, дозволяли государству и иными способами матеріально поддерживать демосъ. По словамъ Плутарха, Периклъ предпринялъ свои знаменитыя постройки, не желая, чтобы рабочіе получали деньги въ лѣности и праздности, но тотъ же Плутархъ сообщаетъ, будто Периклъ и даромъ раздавалъ деньги народу, что̀, впрочемъ, сомнительно.

Въ болѣе позднія времена вырожденіе аѳинской демократіи денежныя раздачи народу вошли въ обычай. Периклу приписывали введеніе такъ называемаго ѳеорикона (θεωρικὸν); это были деньги, которыя выдавались бѣднѣйшимъ гражданамъ на покупку мѣстъ въ театрѣ, а потому такую раздачу начали даже увеличивать, чтобы неимущіе демоты могли покупать себѣ и пищу во время общественныхъ празднествъ: державный народъ аѳинскій не могъ не присутствовать на торжествахъ родного города, и кому это было не по средствамъ, того выручала государственная казна. Источники говорятъ намъ еще о существованіи въ Аѳинахъ такъ называемыхъ *діобелій* (διωβελίαι), т.-е. подачекъ въ два обола, и Аристотель сообщаетъ, что эту раздачу въ концѣ V в. ввели два демагога, которые были впослѣдствіи сами же казнены народомъ. Эти денежныя подачи, въ которыя, повидимому, превратился и ѳеориконъ, въ IV в. приняли большіе размѣры и поглощали значительную часть государственныхъ доходовъ. Благодаря введенію жалованья за отправленіе даже прямыхъ обязанностей свободныхъ гражданъ и даровымъ

---

[1]) См. выше, стр. 262.

раздачамъ денегъ, аѳинскій демосъ въ лицѣ очень многихъ своихъ представителей предпочиталъ жить на жалованье или такія денежныя подачки, нежели работать. Въ этомъ заключалась опасность вырожденія демократіи въ охлократію. Въ державномъ аѳинскомъ демосѣ все болѣе и болѣе развивалось стремленіе извлекать матеріальныя выгоды изъ господства своего города надъ другими городами, и въ этомъ заключалась одна изъ причинъ политической гибели Аѳинъ. Аристотель и въ своей „Политикѣ отмѣтилъ зло денежныхъ подачекъ. „Гдѣ государство, говоритъ онъ, имѣетъ достаточные доходы, тамъ не слѣдуетъ поступать такъ, какъ поступаютъ современные демагоги: они раздаютъ народу остатки государственныхъ доходовъ; народъ получаетъ деньги, но скоро снова начинаетъ чувствовать въ нихъ нужду, потому что оказывать такую помощь бѣднымъ то же, что лить воду въ бочку съ дырой“ [1]).

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ, мы видимъ, что процессъ демократизаціи Аѳинъ стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ ихъ морского могущества. Образованіе симмахіи на Эгейскомъ морѣ открыло для Аѳинъ обильный источникъ дохода и обогатило государственную казну. „Эти новыя деньги, справедливо говоритъ одинъ изъ многочисленныхъ изслѣдователей „Аѳинской Политіи“ Аристотеля, имѣли спеціальное назначеніе. Онѣ не были, какъ въ Римѣ, безусловною данью покоренныхъ народовъ; если не въ позднѣйшей практикѣ, то въ первоначальной идеѣ, онѣ были выполненіемъ одного изъ обязательствъ обоюднаго договора. Союзники, читаемъ далѣе, платили за военную и государственную дѣятельность Аѳинъ, платили для того, чтобы государство располагало достаточной силой для общей защиты. Созданіе союза имѣло два равно важныхъ послѣдствія. Оно усложнило задачи внѣшней политики, отвлекло массу народа на службу въ войскѣ, флотѣ, административныхъ должностяхъ и, во-вторыхъ, дало нужныя для всего этого средства. На союзническіе взносы имѣли естественно наибольшее право тѣ, кто несъ государственныя и воѣнныя тягости, для ко-

---

[1]) Перев. Скворцова, стр. 370. Аристотель совѣтуетъ, однако, помогать деньгами на покупку земли или на заведеніе торговли. См. выше, стр. 231.

торыхъ они собственно и давались союзниками“ [1]). Это была плата за правительственный трудъ, разрѣшавшая весьма своеобразно и экономическій, и политическій вопросы аѳинской демократіи привлеченіемъ неимущаго демоса на государственную службу. Результатомъ этого было то, что государственная дѣятельность превратилась въ одинъ изъ способовъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Въ Римѣ, гдѣ должности не оплачивались, народъ останавливалъ свой выборъ или на тѣхъ, которые проводили демократическую политику или на тѣхъ, которые подкупали его голоса деньгами или посулами. Наоборотъ, въ Аѳинахъ всѣ граждане сами рвались къ занятію должностей, что̀ было отмѣчено не однимъ Аристотелемъ. Отсюда неповторяемость и краткосрочность государственныхъ должностей и развитіе системы жребія, чтобы всѣмъ по возможности побывать у власти. Аѳиняне превращались, такъ сказать, въ народъ выборныхъ сановниковъ и чиновниковъ для завѣдованія не только своими собственными дѣлами, но и для управленія цѣлой державой съ ея двумя сотнями союзныхъ городовъ. Понятно, что каждое въ отдѣльности такое должностное лицо значило очень мало, и тѣмъ значительнѣе была роль суверенной экклесіи.

„Въ Аѳинахъ, говоритъ Фюстель де Куланжъ, была бездна гражданскихъ сановниковъ... Нельзя было ступить шага въ городѣ или за городомъ безъ того, чтобы не повстрѣчать какого-либо сановника. Должности были всѣ погодныя, отчего не было почти ни одного человѣка, который не могъ бы надѣяться на ту или другую изъ нихъ въ свой чередъ... Надъ сановниками, у которыхъ не было другой обязанности, кромѣ блюстительства за исполненіемъ законовъ, стоялъ сенатъ (буле). Это было совѣщательное учрежденіе, родъ государственнаго совѣта; оно не дѣйствовало, не издавало законовъ, не оказывало никакой верховной власти... Надъ самимъ сенатомъ стояло еще народное собраніе. Это былъ подлинный державецъ. Но подобно тому, какъ въ благоустроенныхъ монархіяхъ государь самъ окружаетъ себя мѣрами предосторожности противъ своихъ собственныхъ прихотей, демократія имѣла также неизмѣнныя правила, которымъ добро-

[1]) *В. Маклаковъ.* Избраніе жребіемъ въ Аѳинскомъ государствѣ (въ „Изслѣдованіяхъ по греческой исторіи“ *В. Маклакова* и *М. Гершензона.* М. 1894), стр. 77.

вольно подчинялась [1])... Невольно, говоритъ Фюстель де Куланжъ нѣсколько далѣе, изумляешься громадной работѣ, какой эта демократія требовала отъ людей. Это было многотрудное правленіе. Посмотрите въ чемъ проходитъ жизнь аѳинянина. Сегодня зовутъ его на сходку дема, и, онъ долженъ судить и рядить о религіозныхъ и политическихъ интересахъ этой маленькой общины. Завтра его тянутъ въ собраніе филы: надо порѣшить устройство религіознаго праздника или провѣрить какіе-нибудь расходы, или постановить извѣстныя опредѣленія, или назначить нàбольшихъ и судей. Трижды [2]) въ мѣсяцъ онъ непремѣнно присутствуетъ въ общемъ собраніи народа,... а засѣданіе длится долго; онъ является туда не для одной лишь подачи голоса: прибывъ утромъ, онъ сидитъ тамъ до поздняго часа дня, выслушивая ораторовъ... Наступала его очередь, и ему приходилось быть должностнымъ лицомъ въ своемъ демѣ или въ своей филѣ. Среднимъ числомъ черезъ два года въ третій онъ бывалъ геліастомъ (судебнымъ засѣдателемъ) и проводилъ весь этотъ годъ въ судахъ, выслушивая адвокатовъ и примѣняя законы. Не было ни одного человѣка, который бы дважды въ жизни не призывался въ сенатъ; тогда онъ засѣдалъ въ немъ круглый годъ съ утра до вечера... Наконецъ, онъ могъ быть сановникомъ гражданской общины, архонтомъ, стратегомъ, астиномомъ [3]), если ему выпадалъ жребій и доставалось большинствомъ голосовъ... Гражданинъ подобно нынѣшнему чиновнику весь долженъ былъ отдаваться государству... Люди всю жизнь свою проводили въ самоуправленіи. Демократія могла держаться только непрерывнымъ трудомъ всѣхъ гражданъ. Едва лишь ослабѣвало усердіе, — ей предстояла порча“ [4]). Въ этомъ описаніи аѳинской демократіи, которая взята Фюстель де Куланжемъ въ видѣ примѣра для характеристики античной демократіи вообще, краски, конечно, нѣсколько сгущены, но, перечисляя дѣла, которыя вѣдались всѣми упомянутыми учрежденіями, авторъ забываетъ еще прибавить, что аѳинская демократія занималась не только самоуправле-

[1]) *Фюстель де Куланжъ*. Гражд. общ., стр. 441—444 (по изд. 1867 г.). Ср. ниже приложеніе II.

[2]) Въ IV в. экклесія собиралась четыре раза въ каждую пританію (=35—36 дней).

[3]) Астиномы завѣдовали полиціей, и ихъ было десять.

[4]) *Фюстель де Куланжъ*., стр. 449—451.

піемъ, но и управленіемъ другими,—работа, которая выпала въ Греціи исключительно на долю аѳинскаго демоса. Дѣло именно въ томъ и заключалось, что въ эпоху наивысшаго развитія своей демократіи Аѳины были не только государствомъ-городомъ, но и городомъ-государемъ, который въ лицѣ своихъ гражданъ имѣлъ цѣлый штатъ слугъ государства въ его многотрудной дѣятельности управленія большой державой.

Аѳинскій демосъ, сдѣлавшійся какъ бы коллективнымъ тиранномъ цѣлаго ряда городовъ, и руководившая демосомъ демократическая партія, а также, понятно, и ея вожди, демагоги, стремились къ расширенію своей державы вездѣ, гдѣ представлялась возможность, содѣйствуя и торжеству демократіи. Это была своего рода „имперіалистская“ политика. Союзъ все болѣе и болѣе расширялся, и Периклъ мечталъ уже о созданіи еще болѣе широкаго союза всей Греціи и даже хотѣлъ созвать въ Аѳины представителей всѣхъ греческихъ городовъ, но этотъ планъ сокрушился о сопротивленіе Спарты. Демократическая партія въ эпоху пелопоннесской войны стояла главнымъ образомъ за продолженіе борьбы съ Спартою. Послѣ такъ называемаго никіева мира (421 г.), заключеннаго стараніями аѳинской консервативной партіи на 50 лѣтъ, причемъ обѣ стороны должны были оставаться при своихъ владѣніяхъ, во главѣ демоса сталъ знаменитый Алкивіадъ, который увлекъ аѳинянъ перспективой подчиненія Сициліи и даже, пожалуй, Карѳагена. Лѣтомъ 415 г. аѳинскій флотъ отплылъ къ берегамъ Сициліи, чтобы сдѣлать нападеніе на Сиракузы, но предпріятіе, какъ извѣстно, окончилось для аѳинянъ полнымъ ихъ пораженіемъ. Эта невзгода, постигшая аѳинянъ, и другія военныя неудачи, грозившія разрушеніемъ всему союзу, сильно пошатнули положеніе демократической партіи въ Аѳинахъ. Въ 411 г. въ городѣ произошелъ даже извѣстный олигархическій переворотъ, передавшій всю власть въ руки новаго четырехсотеннаго совѣта; для упроченія своей власти онъ прибѣгъ къ террору, но имъ изготовлена была и новая конституція, по которой полноправными гражданами должны были быть лишь 5 тысячъ человѣкъ. Правда, въ 409 г. демократія снова была возстановлена, но черезъ пять лѣтъ Аѳины, вынужденныя сдаться спартанскому побѣдителю Лисандру, снова были лишены демократическаго устройства, и власть перешла въ руки „тридцати“, т.-е. къ олигархической коллегіи, державшейся затѣмъ только при

помощи спартанскаго гарнизона въ городской крѣпости и посредствомъ казней, конфискацій и т. п. Многіе аѳинскіе граждане спаслись отъ смерти только бѣгствомъ въ Ѳивы, а всѣ оставшіеся на родинѣ были обезоружены и лишены политическихъ правъ, кромѣ трехъ тысячъ человѣкъ, стоявшихъ на сторонѣ „тридцати“. Впрочемъ, и на этотъ разъ олигархическое правленіе въ Аѳинахъ было непродолжительно, и въ слѣдующемъ же году (403) демократія была возстановлена, на этотъ разъ уже окончательно до утраты Аѳинами политической независимости. Съ тѣхъ поръ олигархи уже не оспаривали у демоса власти. Едва только оправились Аѳины отъ пораженія, какъ возобновили свою морскую политику и начали возстановлять старую симмахію. Правда, условія анталкидова мира [1]) сильно мѣшали этому, но аѳиняне все-таки продолжали заключать договоры съ отдѣльными городами и островами, только на болѣе справедливыхъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Однако, въ союзъ вступило теперь лишь нѣсколько десятковъ гражданскихъ общинъ, да и тѣ легко отпадали отъ союза, пока битва при Херонеѣ не нанесла ему окончательнаго удара (338 г.).

Олигархическая партія въ демократическихъ Аѳинахъ имѣетъ свою исторію. Уже давно историками Греціи было отмѣчено, что между прогрессивно-демократическою и консервативно-аристократическою партіями шла борьба, между прочимъ, и за то, какое направленіе придать политикѣ государства. Наприм., въ „Исторіи Аѳинской республики“ Куторги, вышедшей въ свѣтъ еще въ 1848 г., подчеркивается, что аѳинскіе „охранители желали, чтобы республика оставалась попрежнему государствомъ сухопутнымъ... и обращали все свое вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія“ [2]). „Они говорили, — такъ передаетъ онъ мнѣніе аѳинской знати временъ греко-персидскихъ войнъ; — что торговля, мореплаваніе и промышленность... придаютъ весьма большое значеніе деньгамъ, слѣдовательно, купцамъ и заводчикамъ, и вводятъ въ управленіе новое начало, господство капитала, которое ослабляетъ достоинство происхожденія и подрываетъ древнюю аристократію“. Охранительная партія, говоря опять словами Куторги, и надѣялась предупредить такой, вполнѣ для нея

[1]) См. выше, стр. 241.

[2]) *М. Куторга.* Исторія Аѳинской республики, стр. 67.

нежелательный результатъ, „направляя народныя силы на земледѣліе, которое хотя и устраняетъ богатства и роскошь, но зато вкореняетъ простоту нравовъ и покорность и удаляетъ честолюбивые замыслы“ [1]). Въ этой характеристикѣ мы узнаёмъ вообще черты, присущія такъ называемымъ въ наше время „аграріямъ“ всѣхъ эпохъ. Самыя слова Куторги, писавшаго еще въ тѣ времена, когда историческая наука очень мало интересовалась соціально-экономическими вопросами, я привелъ нарочно, чтобы показать, какъ уже тогда понимался аграрійный характеръ аѳинскаго консерватизма — въ противоположность чисто городскому, промышленно-торговому характеру аѳинской демократіи. Нѣкоторые современные изслѣдователи внутренней исторіи Аѳинъ указываютъ прямо на то, что съ возвышеніемъ торгово-промышленныхъ классовъ даже совсѣмъ исчезъ прежній антагонизмъ между знатью и крестьянствомъ, которые и сливаются въ одну партію представителей сельскихъ интересовъ, или аграріевъ [2]). Аѳинскіе аграріи V вѣка дѣлали попытки, особенно въ эпоху пелопоннесской войны, вырвать государство изъ-подъ вліянія діаметрально-противоположныхъ интересовъ партіи капиталистовъ. Именно такъ понимаетъ, напр., Эдуардъ Мейеръ въ своей превосходной „Исторіи древняго міра“ партійныя отношенія въ Аѳинахъ въ то время [3]). Вообще съ этого времени во всей Греціи денежное хозяйство брало перевѣсъ надъ старыми формами хозяйства натуральнаго [4]). Однако, не слѣдуетъ и преувеличивать значеніе этой противоположности аграрныхъ и торгово-промышленныхъ интересовъ въ политической жизни Аѳинъ, и передъ натискомъ неимущихъ классовъ всѣ имущіе, сильные землей или капиталомъ, должны были чувствовать солидарность интересовъ [5]). Какъ-разъ на этой почвѣ и образовались въ Аѳи-

---

[1]) Стр. 68.

[2]) См. выше, стр. 185.

[3]) *E. Meyer.* Gesch., des Alterthums. 1901.—T. IV, стр. 55, 371, 373, 576 и др.

[4]) См. въ V томѣ труда Э. Мейера (1902 г.) стр. 280 и слѣд.

[5]) Другой современный историкъ Греціи, Белохъ, говоритъ: „въ сравненіи съ этимъ основнымъ фактомъ (стремленіемъ демоса къ классовому господству) всѣ разногласія въ средѣ самаго состоятельнаго класса отступали на задній планъ, тѣмъ болѣе, что настоящаго конфликта между

нахъ товарищества, или *гетэріи*, (ἑταιρίαι) состоятельныхъ людей, которыя задавались цѣлью оказывать вліяніе на выборы и защищать другъ друга противъ судебнаго произвола. Эти-то кружки и подготовили переворотъ 411 г. и вообще всю олигархическую реакцію конца V в. Ограниченіе полноправныхъ гражданъ пятью тысячами должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ лишеніе политическихъ правъ всѣхъ ѳетовъ, а они большею частью были, конечно, жителями Аѳинъ и Пирея, а не разбросанныхъ по Аттикѣ демовъ сельскаго характера. Прибавимъ еще, что одною изъ составныхъ частей олигархической программы была отмѣна жалованья за исполненіе общественныхъ обязанностей.

Главною причиною недовольства богатыхъ людей въ Аѳинахъ было то, что демократія, провозгласившая принципъ всеобщей равноправности внутри гражданской общины, все болѣе и болѣе обнаруживала стремленіе къ утвержденію въ государствѣ господства одного только класса, городского демоса. Пока для удовлетворенія требованій этого класса хватало денегъ, поступавшихъ въ государственную казну изъ союзныхъ городовъ, состоятельные люди не чувствовали на себѣ тяжести этихъ требованій. Но когда наступили для Аѳинъ менѣе благопріятныя времена, государство прибѣгло къ обложенію имущихъ классовъ и притомъ очень высокому. Это было отчасти возобновленіемъ системы *литургій* [1]), т.-е. взносовъ на общественныя надобности, къ числу которыхъ относились главнымъ образомъ *тріэрархіи* (снаряженіе военныхъ кораблей, тріэръ), и *хорегіи* (постановка театральной пьесы съ хорами). Съ другой стороны, росли налоги, падавшіе тоже на богатыхъ, и по мѣрѣ того, какъ увеличивались нужды государства, а прежнихъ рессурсовъ въ союзническихъ взносахъ уже болѣе не было, плательщики налоговъ все болѣе и болѣе тяготились расходами государства, между прочимъ, и на наемное войско, состоявшее изъ разнаго сброда. Значительная часть государственныхъ средствъ шла и въ эту эпоху внутренняго упадка Аѳинъ на содержаніе

интересами землевладѣнія и интересами капитала здѣсь еще не могло существовать". — „Вообще, прибавляетъ онъ, литературѣ этого времени еще совершенно чужда противоположность интересовъ землевладѣнія и движимаго капитала". Исторія Греціи. М. 1899. II, 22.

[1]) См. выше, стр. 116.

(въ формѣ жалованья и пособій) и даже на развлеченія державнаго демоса.

Кромѣ демоса, жившаго въ самихъ Аѳинахъ и Пиреѣ, часть его населяла внѣ-аѳинскіе демы и аѳинскія колоніи. Мы знаемъ, что Клисѳенъ ввелъ въ созданную имъ политическую систему, въ качествѣ самой мелкой единицы, демъ, и что одни демы составляли какъ бы кварталы самихъ Аѳинъ, а другіе были болѣе или менѣе мелкими общинами преимущественно сельскаго характера [1]). Демы имѣли внутреннее самоуправленіе въ дѣлахъ хозяйственныхъ и религіозныхъ, равно какъ въ завѣдованіи мѣстной полиціей и отправленіи правосудія по менѣе важнымъ тяжбамъ и проступкамъ. Въ демахъ были свои народныя собранія, свои выборныя власти. Каждый демъ велъ и списки своихъ членовъ, такъ что стать полноправнымъ гражданиномъ аѳинской политіи можно было только по приписке къ тому или другому дему (какъ это и дѣлалось для каждаго гражданина по достиженіи имъ 18-лѣтняго возраста), и здѣсь же происходилъ наборъ молодежи въ военную службу. По демамъ же совершались выборы въ буле. Филы, которыя были образованы изъ отдѣльныхъ демовъ, взятыхъ притомъ въ разныхъ мѣстахъ Аттики [2]), были чисто искусственными дѣленіями, тогда какъ каждый демъ былъ естественной единицей чисто бытового происхожденія. Мѣстныя особенности налагали свой отпечатокъ на характеръ каждой такой, можно сказать, маленькой республики, и сельскіе демы въ общемъ сильно отличались отъ городскихъ своею осталостью, своимъ консерватизмомъ, какъ это видно, папр., изъ комедіи Аристофана „Ахарняне“, гдѣ на сценѣ фигурируетъ ахарнская [3]) деревенщина, крайне враждебно настроенная по отношенію къ демосу Аѳинъ и Пирея. Она-то, эта деревенщина, и была вообще опорою консервативно-олигархической партіи въ Аѳинахъ. Такихъ демовъ въ Аттикѣ было первоначально около ста, но потомъ путемъ дробленія ихъ число, повидимому, увеличилось почти вдвое. Широкое самоуправленіе, какимъ пользовались эти аттическія коммуны, было истинною и наиболѣе прочною основою всего демократическаго строя:

[1]) Ср. выше, стр. 136.

[2]) См. выше, стр. 136.

[3]) Имя дема (см. карту II).

каждый аѳинскій гражданинъ былъ членомъ, прежде всего, маленькаго самоуправляющагося дема, въ дѣлахъ котораго онъ принималъ широкое участіе, и аѳинская республика была свободной федераціей равноправныхъ демовъ съ общими государственными учрежденіями въ Аѳинахъ. Это была форма, по образцу которой Аѳины могли бы на началахъ равноправности организовать и свою симмахію, и дѣйствительно, къ концу пелопоннесской войны наиболѣе дальновидные люди въ Аѳинахъ уже начали понимать, что только большею автономіей и равноправностью можно было бы скрѣпить союзъ, а въ эпоху второй симмахіи, въ IV в., эта мысль даже начала осуществляться, но было уже поздно. Впрочемъ, на практикѣ и въ этомъ второмъ союзѣ не всегда проводился новый принципъ автономіи и равноправности.

Въ этомъ періодѣ аѳиняне,—хотя опять-таки и здѣсь бывали исключенія,—отказались и отъ своей системы клерухій, которая получила широкое примѣненіе въ эпоху перваго союза. *Клерухіями* (κληρουχία) назывались колоніи, которыя основывались аѳинянами на земляхъ, отвоеванныхъ у другихъ городовъ или иногда добровольно уступавшихся союзниками, за что̀ они вознаграждались сбавкою союзнаго взноса. Основаніе клерухій было продолженіемъ колонизаціоннаго движенія. Аѳины основывали клерухіи, чтобы обезпечивать землею избытокъ населенія Аттики, и въ этомъ смыслѣ аѳинская политика ничѣмъ не отличалась отъ политики Спарты или Рима, которые тоже стремились увеличить площадь своихъ владѣній для непосредственнаго обладанія ими гражданъ. Отъ прежней греческой колонизаціи аѳинскія клерухіи отличались тѣмъ, что это были и опорные пункты державной власти аѳинянъ надъ островами и берегами Эгейскаго моря. Въ V в. въ пятьдесятъ лѣтъ между 460 и 410 гг. выведено было изъ Аѳинъ около десяти тысячъ клеруховъ. Переселенцы получали подъемныя деньги и въ новыхъ мѣстахъ жительства оставались аѳинскими же гражданами и членами отдѣльныхъ демовъ, но каждое ихъ населеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ самоуправляющеюся общиною. (Были и такіе еще клерухи, которые жили вперемежку съ союзниками). Такимъ образомъ аѳинскія колоніи возникали нерѣдко на развалинахъ другихъ государствъ-городовъ или въ ущербъ ихъ независимости, и аѳинскій демосъ и въ данномъ случаѣ обнаруживалъ всю исключительность античной демократіи вообще.

Надѣлъ землею неимущихъ гражданъ, благодаря системѣ клерухій, былъ одною изъ причинъ того, что въ Аѳинахъ не замѣчается той остроты въ классовой борьбѣ, какою эта борьба отличалась въ другихъ городахъ, но и это обстоятельство, какъ мы видимъ, опять является результатомъ исключительнаго политическаго положенія Аѳинъ во главѣ большой державы. Примѣромъ того, какъ основывались клерухіи, можетъ служить случай съ островомъ Эвбеей. Когда онъ вздумалъ отпасть отъ союза, Периклъ завоевалъ его и, отнявъ у нѣкоторыхъ тамошнихъ городовъ часть земли, а у гестіейцевъ даже и всю землю, поселилъ на пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ участкахъ аѳинскихъ гражданъ. Стоитъ только бросить взглядъ на карту Греціи, чтобы видѣть, что Эвбея стоила цѣлой Аттики, и чтобы понять, какой ударъ нанесло Аѳинамъ позднѣе отпаденіе отъ нихъ этого острова.

Аѳинамъ не удалось создать большое территоріальное государство, — сдѣлано было это Римомъ, который началъ вести широкую завоевательную политику какъ-разъ въ то время, когда Аѳины должны были покориться македонской власти. Одновременно съ реакціей противъ демократіи, которая отразилась и на политическихъ идеяхъ, напр., Аристотеля, даетъ себя чувствовать и реакція противъ объединительнаго движенія, во главѣ котораго стояли Аѳины и въ которомъ уже намѣчалась всеэллинская политическая организація: тотъ же Аристотель возвращается къ идеѣ самодовлѣющаго, замкнутаго государства-города, которое можно было бы легко окинуть однимъ взглядомъ [1]).

[1]) См. выше, стр. 5, а также 218—219.

ГЛАВА XVIII.

Римская гражданская община, ея союзники и ея подданные.

Черты сходства между установленіемъ римской гегемоніи въ Италіи и образованіемъ Аѳинской державы и дальнѣйшіе успѣхи Рима. — Особенности экономическаго развитія Рима. — Вліяніе міродержавства на римскую демократію. — Объединеніе подъ властью Рима древняго историческаго міра.—Римъ и Италія: территорія римскаго гражданства, латинскія колоніи и союзныя общины. — Эпоха Гракховъ и союзническая война. — Управленіе провинціями и необходимость центральной организаціи имперія надъ провинціями.—Въ чемъ заключался переходъ Рима отъ республики къ имперіи? — Превращеніе Рима изъ государства-города въ универсальную монархію.

Установленіе римской гегемоніи въ Италіи во многомъ напоминаетъ намъ образованіе державы Аѳинъ. И здѣсь союзники попадали въ политическую зависимость отъ главнаго города союза; и здѣсь главный городъ закрѣплялъ свою власть внѣ своей первоначальной территоріи устройствомъ колоній, бывшихъ опорными пунктами среди мѣстнаго населенія; и здѣсь примѣнялась система сепаратныхъ договоровъ съ отдѣльными общинами, благодаря чему союзники между собою не были связаны никакими узами. Но Римъ пошелъ еще дальше и отъ системы союзовъ, подчинивъ себѣ весь Апеннинскій полуостровъ, перешелъ къ системѣ превращенія завоеванныхъ странъ въ полную свою собственность. Это были такъ называемыя *провинціи* (provinciae), разсматривавшіяся, какъ „имѣнія римскаго народа“ (praedia populi Romani). На общемъ основаніи земля становилась собственностью римлянъ, которые оставляли ее въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ за уплату оброка. Сами провинціальные жители считались подданными (dedetitii) римскаго народа, которыми онъ и управлялъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ. Эти провинціальные правители, т.-е. проконсулы и пропреторы, получали въ свои руки неограниченную власть надъ населеніемъ, такъ называемый имперій [1]). Съ намѣстникомъ римскаго народа от-

[1]) См. о понятіи имперія (imperium) выше, стр. 142.

правлялся въ провинцію и цѣлый штатъ чиновниковъ, при помощи которыхъ проконсулъ или пропреторъ и управлялъ страною. Такимъ образомъ съ образованіемъ первой провинціи подъ властью Рима были территоріи троякаго рода. Во-первыхъ, это была непосредственная территорія римской гражданской общины, то, что̀ по-латыни называлось *ager romanus*, буквально „римское поле“, „римская земля“. Съ теченіемъ времени эта территорія римскаго гражданства,—такъ лучше всего переводить указанный выше терминъ,—постепенно разросталась: сначала это было, дѣйствительно, „римское поле“, т.-е. округъ самого Рима, но мало-по-малу римляне пріобрѣли цѣлые округа во всей Средней и Южной Италіи, такъ что цѣлая половина Апеннинскаго полуострова въ началѣ I в. до Р. Х. составляла территорію римскаго гражданства [1]). Вторую категорію подвластныхъ Риму территорій составляли земли союзниковъ, занимавшія въ началѣ I в. тоже около половины всей Италіи, включая сюда и такъ называемыя *латинскія колоніи* (coloniae latinae). Послѣ союзнической войны (91—88 г.) союзники получили права римскихъ гражданъ, и вся Италія сдѣлалась территоріей римскаго гражданства. Наконецъ, подъ властью Рима были провинціи, составлявшія третью категорію земель, во главѣ которыхъ стоялъ Римъ. Различіе между Италіей и провинціями держалось очень долго, болѣе трехъ съ половиною вѣковъ послѣ того, какъ италійскіе союзники сдѣлались римскими гражданами. Это, впрочемъ, насъ здѣсь пока не касается, а важны только два явленія: постепенное расширеніе территоріи римскаго гражданства до включенія въ нее всей Италіи и образованіе подъ властью римской гражданской общины громадной державы. Благодаря этому, Римъ мало-по-малу пересталъ быть государствомъ-городомъ, сохраняя, однако, прежнюю организацію, пока не возникла въ Римѣ новая, совсѣмъ уже не городского характера центральная власть—принципатъ.

Посмотримъ прежде всего, какъ это подчиненіе однимъ государствомъ-городомъ сначала Италіи, а потомъ всѣхъ береговъ и острововъ Средиземнаго моря отразилось на экономической исторіи самого Рима. Въ своемъ хозяйственномъ развитіи Италія, кромѣ греческихъ колоній въ южной ея части,

[1]) См. карту II.

и въ частности самъ Римъ значительно отставали отъ Греціи. Когда въ Греціи давнымъ-давно уже стали процвѣтать промышленность и торговля, Италія все еще была страною земледѣлія и скотоводства. Мы уже не разъ имѣли случай упоминать о постепенномъ паденіи въ римскомъ государствѣ крестьянскаго землевладѣнія и о развитіи на его мѣстѣ болѣе или менѣе крупной собственности помѣщичьяго типа [1]). Параллельно съ этимъ процессомъ совершался другой—замѣна во многихъ мѣстностяхъ полей пастбищами. Заниматься хлѣбопашествомъ дѣлалось въ Италіи прямо невыгоднымъ въ виду ввоза изъ провинцій большого количества хлѣба, составлявшаго важную статью государственныхъ доходовъ. Еще около городовъ землевладѣльцы получали хорошій доходъ отъ культуры винограда, оливъ, плодовыхъ деревьевъ, овощей, даже цвѣтовъ, но въ далекихъ захолустьяхъ громадныя пространства земли отводились римскими богачами подъ пастбища, гдѣ у нихъ были большія стада преимущественно свиней и овецъ. Очень можетъ быть, что предпочтеніе, отдававшееся этими землевладѣльцами свиноводству и овцеводству, было результатомъ непрочности владѣнія тѣми громадными, участками, которые составляли государственную землю, т.-е. agrum publicum и лишь отдавались частнымъ лицамъ для веденія на нихъ хозяйства [2]), но главными причинами были все-таки невыгодность полевой культуры при конкурренціи съ привознымъ хлѣбомъ и большая, такъ сказать, безхлопотность веденія пастбищнаго хозяйства. Развитіе рабства, источникомъ котораго была война, и сравнительная дешевизна рабовъ, какъ мы уже видѣли [3]), способствовали также обогащенію болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, которые въ свою очередь старались устраивать дѣла такъ, чтобы само имѣніе производило все, необходимое для содержанія рабочей силы, прилагавшейся въ каждомъ хозяйствѣ. Чтобы „прибавочная стоимость“ была какъ можно больше, римскіе помѣщики старались о томъ, чтобы какъ можно меньше чего-либо покупать для своихъ рабовъ, а все необходимое для нихъ производить ихъ же руками; это имъ и удавалось, потому что рабъ былъ существомъ совершенно безотвѣтнымъ, и весь

---

[1]) См. выше, стр. 180 и др.

[2]) См. выше, стр. 89.

[3]) См. выше, стр. 172.

образъ его жизни опредѣлялся господиномъ. При такихъ условіяхъ не было мѣста для большого развитія промышленности и торговли, и Италія оставалась на степени натуральнаго, т.-е. „домового“, вѣрнѣе говоря, замкнутаго и самодовлѣющаго хозяйства въ латифундіальныхъ формахъ, вполнѣ соотвѣтствующаго теоріи Бюхера, о которой рѣчь шла выше [1]). Въ самомъ Римѣ скоплялись громадныя богатства со всего тогдашняго историческаго міра не потому, чтобы Римъ что-либо производилъ, чѣмъ-либо торговалъ, а потому что онъ былъ коллективнымъ государемъ громадной державы. Риму, какъ верховной гражданской общинѣ, подвластные ему города и земли платили большія дани, бывшія на откупу у цѣлыхъ компаній въ родѣ нашихъ акціонерныхъ, чѣмъ главнымъ образомъ обогащалось сословіе всадниковъ, какъ о томъ уже было въ своемъ мѣстѣ сказано [2]). Дѣйствительно, въ Римѣ существовали особыя общества публикановъ (societates publicanorum), члены которыхъ для усиленія своихъ средствъ привлекали въ свои операціи и мелкіе паи. Это была цѣлая система вытягиванія соковъ изъ провинцій, и кромѣ того, на этой почвѣ развились въ Римѣ грандіозныя финансовыя операціи не только откупного, но и банковаго характера: должниками римскихъ богачей бывали цѣлые города и даже восточные цари. Сама римская торговля стала служить главнымъ образомъ потребностямъ Рима, въ которомъ развилась, въ имущихъ классахъ общества, неслыханная роскошь. Но самъ Римъ, какъ мы только-что сказали, ничего для обмѣна не производилъ: онъ только потреблялъ—и управлялъ тѣми, которые занимались производствомъ для его потребленія.

Это соединеніе, съ одной стороны, отсталаго натуральнаго хозяйства съ очень сильно, съ другой стороны, подвинувшимся впередъ капитализмомъ, является особенностью римскаго развитія, которая объясняется тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ исключительнымъ случаемъ превращенія государства-города, стоявшаго въ экономическомъ отношеніи на сравнительно невысокой ступени, въ городъ-государя обширнѣйшей державы, доставлявшей ему вообще громаднѣйшія денежныя средства. „Римъ, говоритъ авторъ одной прекрасной

[1]) См. выше, стр. 62 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 202–203.

статьи объ экономическомъ развитіи древняго міра [1]),—Римъ прямо отъ формъ примитивной жизни переходитъ къ владычеству сначала надъ Италіей, затѣмъ надъ цѣлымъ міромъ. Онъ не жилъ съ начала своей завоевательной эпохи естественною экономическою жизнью, онъ не развивался равномѣрно. Ростъ его государственности далеко опередилъ его экономическое развитіе, и на почвѣ этого противорѣчія выросли страшные на первый взглядъ элементы развитого народнаго хозяйства на основѣ хозяйства натуральнаго... Не надо, говоритъ онъ нѣсколько далѣе, смѣшивать хозяйство зарождавшагося римскаго государства съ хозяйствомъ Италіи, стоявшимъ на примитивной ступени развитія. На почвѣ развитія капитализма, что̀ было результатомъ хозяйства римскаго государства, и хозяйство Италіи получило другой характеръ, но сущность его не могла измѣниться, такъ какъ не измѣнились внутреннія условія производства и рынка, и формы хозяйства остались формами примитивнаго натуральнаго хозяйства".

Державная власть Рима была источникомъ его обогащенія, а его богатства—орудіемъ дальнѣйшаго распространенія его державной власти. Въ этомъ же явленіи слѣдуетъ видѣть и одинъ изъ могущественныхъ факторовъ необычайнаго обогащенія имущихъ классовъ и пролетаріатизаціи народной массы. Римскіе богачи шли по стопамъ богачей спартанскихъ: въ Римъ такъ же, какъ и въ Спарту [2]), стекалось много золота и серебра, значительная часть котораго доставалась знати. Но въ Римѣ, хотя и не въ такой степени, какъ въ Аѳинахъ, политическое значеніе принадлежало и пролетаріату, который, какъ-никакъ, а все-таки не могъ быть устраненъ совсѣмъ отъ извлеченія выгодъ изъ міродержавства римскаго народа: въ этомъ народѣ, поскольку послѣдній являлся на форумѣ, пролетаріи вѣдь составляли большинство, и не могли же они такъ-таки ничѣмъ не пользоваться отъ своей власти надъ Италіей и провинціями.

Римскій городской пролетаріатъ образовался изъ обезземеленнаго крестьянства и вольноотпущенниковъ, и съ тѣхъ поръ, какъ около 300 г. владѣніе поземельною собствен-

---

[1]) *М. Ростовцевъ.* Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ (Русск. Мысль, 1900 г., кн. III), стр. 212.

[2]) См. выше, стр. 252 и 256—257.

ностью перестало быть непремѣннымъ условіемъ участія въ народныхъ собраніяхъ, этотъ классъ римскаго гражданства мало-по-малу сталъ играть политическую роль. Мы увидимъ еще, что съ ростомъ территоріи римскаго гражданства масса римскихъ гражданъ стали жить разбросанными по всей Италіи, и, конечно, имъ уже нельзя было являться всѣмъ на форумъ, на которомъ понемногу преобладающее значеніе и пріобрѣлъ городской пролетаріатъ. Лишенный прочныхъ заработковъ, какъ мы уже упоминали въ другомъ мѣстѣ, онъ сталъ торговать своими голосами при выборахъ въ магистраты [1]), и римскій нобилитетъ, пользуясь громадными средствами, какія ему доставляла эксплуатація провинцій, широко развилъ систему политическихъ подкуповъ. Главный недугъ римской демократіи заключался въ томъ, что наиболѣе значительная и дѣятельная часть населенія Рима, гдѣ вершились судьбы обширной державы, превратилась понемногу въ доступную лести и подкупу толпу; которая хотѣла совершенно такъ же, какъ и олигархія, жить насчетъ завоеваннаго міра. Въ этомъ отношеніи Римъ напоминаетъ намъ и Спарту, и Аѳины въ одно и то же время, Спарту—развитіемъ своего нобилитета, обогащавшагося насчетъ подвластныхъ общинъ и областей, Аѳины—стремленіемъ городского плебса къ разнаго рода подачкамъ изъ государственной казны.

Подобно аѳинскому демосу и римскій плебсъ сталъ смотрѣть на государственные доходы, какъ на свое достояніе, и при городовомъ строѣ государства изъ принципа народнаго верховенства, который начала проводить сознательно въ жизнь демократическая партія въ серединѣ II в., дѣлался тотъ выводъ, что государство обязано прокармливать и даже увеселять неимущихъ гражданъ. Отсюда ведутъ свое начало такъ называемыя *фрументаціи* (frumentatio), т.-е. продажа по очень низкимъ цѣнамъ и даже даровая раздача хлѣба населенію державнаго города Рима. Вѣроятно, фрументаціи въ видѣ исключительныхъ мѣръ существовали и раньше, но въ систему введена была такая продажа и такая раздача лишь по предложенію Кая Гракха, какъ иниціатора перваго фрументарнаго закона (lex frumentaria) въ 123 г.; быть можетъ, онъ подражалъ въ этомъ случаѣ аѳинскому примѣру. Сначала держались принципа дешевой продажи, причемъ

[1]) См. выше, стр. 181—182.

каждый гражданинъ имѣлъ право ежемѣсячно на извѣстное количество зерна за опредѣленную плату, а позднѣе, лѣтъ черезъ 65 восторжествовалъ принципъ даровой раздачи. Какъ велико было число лицъ, пользовавшихся даровымъ хлѣбомъ изъ казенныхъ амбаровъ, видно изъ того, что въ серединѣ сороковыхъ годовъ I в. до Р. Х., при Юліи Цезарѣ, эта цифра достигала 320 тысячъ человѣкъ. Понятно, что государство было въ состояніи нести такіе расходы лишь потому, что владѣло цѣлымъ рядомъ очень хлѣбородныхъ провинцій, начиная съ Сициліи, которая была настоящей житницей древняго міра. Для заготовленія и храненія нужнаго количества зерна въ Римѣ было организовано особое вѣдомство *общественной анноны* (annona publica), находившееся подъ управленіемъ эдиловъ. Другія должностныя лица завѣдовали самой раздачей хлѣба. Извѣстное требованіе римскаго городского населенія, выразившееся въ знаменитомъ „хлѣба и зрѣлищъ!“ (panen et circenses), рядомъ съ хлѣбомъ ставило зрѣлища, цирковыя представленія. Опять мы встрѣчаемся съ явленіемъ, аналогичнымъ тому, которое установилось и въ демократическихъ Аѳинахъ, гдѣ народу раздавались деньги для покупки мѣста въ театрѣ и праздничнаго угощенія. Чтобы снискать себѣ особое расположеніе народной массы, честолюбивые люди изъ наиболѣе богатаго класса тратили свои собственныя деньги, устраивая для римскаго городского плебса дорого стоившія празднества, увеселенія и зрѣлища. Составляя большую часть активнаго римскаго гражданства, подъ властью котораго было столько городовъ и земель, этотъ городской пролетаріатъ Рима не могъ быть опорою политической свободы. То, что случилось въ Аѳинахъ, когда граждане этого города воздвигали алтари и воздавали божескія почести одному авантюристу изъ предводителей наемныхъ войскъ, Димитрію Поліоркету (около 300 г.), повторялось и въ Римѣ, послѣ того какъ даровыя раздачи хлѣба стали разсматриваться, не какъ нѣчто такое, на что народъ имѣетъ право, а какъ оказываемая ему милость.

Одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Государство-городъ, превращавшееся въ городъ-государя, неминуемо должно было приходить къ одному и тому же результату, и между Аѳинами и Римомъ въ этомъ случаѣ наблюдается по существу дѣла полная аналогія. Но такая организація демократіи подрывала ея собственныя основы:

онѣ заключались не въ трудѣ, а въ эксплуатаціи чужого труда—труда союзниковъ и подданныхъ. Народное правленіе въ Римѣ и не удержалось. Тѣмъ не менѣе и при республикѣ, и при имперіи Римъ сумѣлъ объединить подъ своею властью—сначала какъ государства-города, потомъ какъ простой столицы обширной державы—всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря. Съ того момента, какъ Римъ вышелъ изъ предѣловъ Лаціума и затѣмъ понемногу объединилъ подъ своею властью весь Апеннинскій полуостровъ, онъ оставался во главѣ Италіи, не подчиняясь никакой чужеземной власти болѣе восьми столѣтій (беремъ даты начала первой самнитской войны въ 343 г. до Р. Х. и паденія Западной Римской имперіи въ 476 г. по Р. Х., что̀ составляетъ 819 лѣтъ). Цѣлыми столѣтіями измѣряется и время господства Рима надъ отдѣльными провинціями. Напр., первая провинція, Сицилія, была пріобрѣтена въ 241 г. до Р. Х., и съ этого времени до паденія Римской имперіи тоже прошло болѣе семисотъ лѣтъ. Карѳагенскою областью Римъ овладѣлъ столѣтіемъ позже (въ 146 г. до Р. Х.) и утратилъ ее только черезъ 580 лѣтъ. Вся Галлія въ рукахъ Рима была уже въ 50 г. до Р. Х., и затѣмъ болѣе четырехъ съ половиною вѣковъ она тоже оставалась римской провинціей. Не говоримъ о восточныхъ областяхъ, которыя при раздѣлѣ имперіи на восточную и западную половины въ 395 г. по Р. Х. отошли къ Константинополю, но и здѣсь, напр., Римъ владѣлъ Египтомъ полныхъ четыре столѣтія (съ 30 г. до Р. Х.). Процессъ превращенія Рима изъ государства-города въ столицу большого территоріальнаго государства совершался медленно и постепенно, параллельно съ чѣмъ шелъ процессъ распространенія правъ римскаго гражданства на все свободное населеніе имперіи. Въ 88 г. до Р. Х. въ составъ римскаго гражданства уже вошло все свободное населеніе Средней и Южной Италіи, въ 212 г. по Р. Х.—все свободное населеніе провинцій (въ силу эдикта императора Каракаллы), и такимъ образомъ въ теченіе трехъ столѣтій римскими гражданами сдѣлались всѣ свободные люди всей Римской имперіи: Римъ включилъ въ себя весь тогдашній міръ.

Въ составѣ странъ, которыя Римъ подчинилъ своей власти, особое мѣсто принадлежало Италіи, которая была въ полномъ подчиненіи у римлянъ уже въ 266 г., т.-е. за двадцать пять лѣтъ до первой области, завоеванной римлянами внѣ Италіи, острова Сициліи. Этотъ островъ былъ первой римской про-

винціей, Италія же не была провинціей, и ея организація была совершенно иная, нежели та, которую Римъ далъ всѣмъ остальнымъ своимъ владѣніямъ.

Завоевывая какую-нибудь область въ Италіи, римляне закрѣпляли ее за собою устройствомъ среди ея прежняго населенія небольшой колоніи, въ которую переселяли нѣкоторое число гражданъ для исполненія обязанностей гарнизона. Обыкновенно число колонистовъ не превышало трехсотъ, и особенно охотно устраивали римляне такія колоніи-гарнизоны на морскихъ берегахъ. Каждая римская колонія состояла изъ людей, которые не переставали быть римскими гражданами, и имѣла устройство, похожее на римское: во главѣ каждой общины стояло по два претора, какъ бы замѣнявшихъ консуловъ, были въ ней и квесторы и эдилы, было и учрежденіе, соотвѣтствовавшее сенату, но называвшееся куріей, и граждане колоніи тоже собирались на сходки. Раннія римскія колоніи очень напоминаютъ своимъ происхожденіемъ и значеніемъ аѳинскія клерухіи, но Римъ пошелъ далѣе Аѳинъ въ томъ отношеніи, что по образцу своихъ колоній сталъ организовать и завоеванные города. Первый чужой городъ, который, будучи завоеванъ (381 г.), получилъ отъ римлянъ аналогичную съ колоніями организацію, былъ Тускулъ, лежавшій весьма недалеко отъ Рима. Тускуланцы получили права римскихъ гражданъ, и ихъ расписали по трибамъ. Именно они могли участвовать въ римскомъ народномъ собраніи и выбираться въ должностныя лица республики, иначе говоря, раздѣляли съ исконными гражданами право голосованія (jus suffragii) и занятія должностей (jus honorum). Тускулу было оставлено внутреннее самоуправленіе, но онъ не имѣлъ права принимать въ свою среду новыхъ гражданъ. Такимъ образомъ тускуланская община какъ бы приросла къ Риму, вошла въ составъ его гражданской общины, т.-е. здѣсь произошло нѣчто въ родѣ синойкизма или симполитіи [1]). Но Тускулъ не былъ колоніей и потому не могъ носить и этого названія: онъ получилъ имя *муниципія* (municipium), что̀ значитъ городъ, взявшій на себя тягло (munus), и этимъ именемъ муниципіевъ стали называть всѣ завоеванные Римомъ города, территоріи которыхъ инкорпорировались въ территорію римскаго гражданства и граждане которыхъ дѣлались членами

[1]) См. выше, стр. 22 и 235.

римской гражданской общины. Это была болѣе мудрая политика, чѣмъ политика Аѳинъ и Спарты съ замкнутостью ихъ гражданства. Кромѣ такихъ муниципіевъ, были и другіе съ меньшими правами, а именно съ самоуправленіемъ, съ правомъ вступленія ихъ гражданъ въ брачныя узы съ римскими гражданками (jus connubii) и пріобрѣтенія собственности въ Римѣ (jus commercii) [1]), но безъ права участвовать въ римскихъ народныхъ собраніяхъ, безъ *суффрагія*, откуда и ихъ названіе общинъ безъ суффрагія (civitates sine suffragio). Положеніе такихъ неполноправныхъ муниципіевъ было только переходнымъ къ совершенному уравненію въ правахъ, и въ концѣ концовъ всѣ муниципіи превратились въ общины съ суффрагіемъ (civitates cum suffragio). Благодаря этой системѣ, число римскихъ гражданъ постоянно возрастало и параллельно съ этимъ росла сама „римская земля“ (ager romanus), раздвигались ея границы, тотъ *померій* (pomoerium), который былъ первоначально пограничною чертою непосредственнаго городского округа. Приблизительно къ 100 г. до Р. Х. эта территорія черезполосными кусками занимала около половины Италіи [2]).

Рядомъ съ колоніями, выведенными изъ Рима, и муниципіями, пріобщенными къ Риму, существовали въ Италіи еще *латинскія колоніи* (coloniae latinae) и *союзныя государства* (civitates foederatae). Первыя изъ нихъ стали основываться еще въ тѣ времена, когда Римъ велъ всѣ свои предпріятія пополамъ съ Латинскимъ союзомъ [3]), и рядомъ съ колоніями изъ римскихъ гражданъ возникали колоніи, въ которыхъ селились и латины. Граждане ихъ не имѣли правъ римскаго гражданства, хотя бы сами были римскаго происхожденія. Когда Латинскій союзъ пересталъ существовать, римляне попрежнему продолжали устраивать колоніи, подобныя прежнимъ латинскимъ, т.-е. безъ правъ римскаго гражданства. Это дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда являлась надобность въ устройствѣ особенно сильныхъ гарнизоновъ: римляне естественно боялись давать права большимъ общинамъ, потому и оставляли ихъ на нѣкоторой низшей степени. Многіе римскіе граждане соглашались отправляться въ такія „ла-

---

[1]) См. выше, стр. 236—237.

[2]) См. карту II.

[3]) См. выше, стр. 250.

тинскія“ колоніи, такъ какъ тамъ имъ давался хорошій земельный надѣлъ, а живя вдали отъ Рима, они все равно фактически не могли пользоваться своими политическими правами въ Римѣ. Напр., были латинскія колоніи, въ которыя переселяли не по 200 — 300 гражданъ, а по 4,000— 6,000 и болѣе, какъ, напр., Венузія, основанная въ 291 г. и сразу получившая двадцать тысячъ переселенцевъ, причемъ и территорія ея была соотвѣтственныхъ размѣровъ (около 230 т. гектаровъ). Общее число латинскихъ колоній доходило до 35, но занимали они сравнительно небольшую часть италійской территоріи [1]). Это тоже были самоуправляющіяся общины.

Что касается до *федератныхъ*, или союзныхъ общинъ, то около 100 г. до Р. Х. всѣ онѣ занимали добрую половину Италіи [2]). Это названіе носили города и сельскіе округа, которыхъ Римъ послѣ ихъ завоеванія не включалъ въ составъ своего гражданства, а оставлялъ существовать отдѣльно въ качествѣ *соціевъ* (socii), т.-е. союзниковъ римскаго народа. Въ такое положеніе попали между прочимъ греческіе города Южной Италіи. Граждане послѣднихъ, какъ и другіе союзники, для Рима были *перегринами* (peregrini), т.-е. иностранцами: понятіе перегрина равносильно греческому *ксеносъ* (ξένος) [3]). Условія, на которыхъ заключались союзные договоры Рима съ такими общинами, были очень различными, смотря потому, сдавался ли городъ Риму скоро или долго отстаивалъ свою независимость. Общею обязанностью всѣхъ союзниковъ было строго блюсти „величество римскаго народа“

---

[1]) См. карту II.

[2]) См. ту же карту.

[3]) Только римскіе граждане (cives) судились по законамъ, совокупность которыхъ носила названіе гражданскаго, или *цивильнаго права* (jus civile), и для нихъ исключительно существовалъ городской преторъ (praetor urbanus). Перегриновъ судилъ особый преторъ (praetor peregrinus), и совокупность юридическихъ нормъ, которымъ были подчинены перегрины, называлась *общенароднымъ правомъ* (jus gentium). Въ нашемъ словоупотребленіи терминъ *гражданскій* въ примѣненіи къ понятію *права* получилъ совсѣмъ иное значеніе: имъ отмѣчается содержаніе гражданскаго права въ отличіе, напр., отъ уголовнаго, а не то, что это есть право гражданъ или гражданской общины въ отличіе отъ права, которому подчинялись не-граждане.

(majestatem populi romani), т.-е. признавать его верховенство и не вредить его интересамъ. Въ иныхъ случаяхъ, когда договоръ былъ равноправный (faedus aequum), союзный городъ имѣлъ полную внутреннюю автономію и сохранялъ свое политическое устройство (въ Южной Италіи демократію), но во внѣшней политикѣ у союзниковъ не было своей воли, и они должны были помогать Риму въ его войнахъ. На союзные города, не имѣвшіе этой яко бы „равноправности", Римъ налагалъ болѣе тяжелыя условія. Въ общемъ федератныхъ городовъ было около полуторы сотни, и отношенія ихъ къ Риму нѣсколько напоминаютъ намъ тѣ, какія были въ Аѳинской симмахіи.

Сравнивая утвержденіе римской гегемоніи въ Италіи съ тѣмъ, что̀ дѣлалось Спартою и Аѳинами въ Греціи, мы видимъ, что это была политика болѣе сложная и болѣе умѣлая. Римъ, дѣйствительно, крѣпко, такъ сказать, интегрировалъ Италію, расширяя свою непосредственную территорію и разселяя своихъ гражданъ, съ одной стороны, а съ другой, включая въ составъ своего гражданства одни города и связывая съ собою федеративными узами другіе. Вся Италія превращалась поэтому въ единое, сплоченное государство во всѣхъ дѣлахъ международной политики, и, лишь стоя во главѣ этой сильной организаціи, Римъ подчинилъ себѣ провинціи уже въ качествѣ своей „добычи", надъ которою сохранилъ безусловный, неограниченный имперій. Союзники тоже извлекали выгоду изъ римскихъ завоеваній, что́ равнымъ образомъ привязывало ихъ къ державному городу.

Несмотря на это объединеніе Италіи и на завоеваніе міра, Римъ все еще сохранялъ формы государства-города. Онъ сохранялъ эти же формы и тогда, когда права римскаго гражданства были распространены на всю Италію южнѣе Рубикона.

Вскорѣ послѣ того, какъ Римъ превратилъ въ свои провинціи и Македонію (148 г.), и Грецію (146 г.) и область Карѳагена (146 г.), въ немъ самомъ началось соціальное движеніе, развившееся, какъ и въ Греціи, на почвѣ рѣзкаго раздѣленія гражданства на землевладѣльческую и денежную знать, съ одной стороны, и безземельную и часто безработную массу, съ другой. Лозунгомъ движенія, во главѣ котораго стали трибуны-демагоги Тиберій и Кай Гракхи, какъ извѣстно, была аграрная реформа, при помощи которой оба

вождя народа думали возродить италійское крестьянство. Дѣло шло здѣсь не о томъ, чтобы всю частную собственность передѣлить поровну, какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ хотѣли сдѣлать въ Спартѣ Агисъ и Клеоменъ [1]), а о томъ, чтобы возобновить старые законы о пользованіи государственными землями [2]). Извѣстно, что братья Гракхи погибли, не осуществивъ своихъ плановъ, и что вскорѣ послѣ ихъ гибели первую роль въ политической жизни стало играть вербовавшееся изъ пролетаріевъ и даже негражданъ войско съ популярными полководцами во главѣ. Но для насъ важно въ настоящей главѣ отмѣтить и тотъ фактъ, что демократическая партія, вождями которой были Гракхи, начала практиковать почти даровую раздачу хлѣба пролетаріату, которая, конечно, не очень-то могла располагать городскую чернь къ тому, чтобы сѣсть самой на землю для ея обработки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, эта же партія поставила на очередь и вопросъ о дарованіи правъ римскаго гражданства всѣмъ союзникамъ, которые этого пожелали бы, но и этому со стороны той же пролетарной массы столичнаго населенія было оказано одно противодѣйствіе, потому что державный народъ не хотѣлъ дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Съ гракховскихъ движеніемъ Римъ вступилъ въ періодъ революцій, которыя скоро получили важное значеніе не для одного Рима, но и для всей обширной его державы. Между прочимъ, черезъ тридцать лѣтъ послѣ того, какъ Кай Гракхъ внесъ въ трибутныя комиціи законъ о распространеніи правъ гражданства на союзниковъ (lex de civitate sociis danda), послѣдніе взялись за оружіе, чтобы силою принудить Римъ дать имъ то, въ чемъ онъ имъ отказывалъ. Въ 91 г. вспыхнула такъ называемая союзническая война, окончившаяся черезъ три года тѣмъ, что Римъ вынужденъ былъ уступить, признавъ все свободное населеніе федератныхъ государствъ своими полноправными гражданами. Вся Италія тогда-то и сдѣлалась территоріей римскаго гражданства (88).

И послѣ этого Римъ все-таки еще сохранялъ формы государства-города. Его гражданами считались всѣ свободные жители Италіи, а между тѣмъ тотъ „римскій народъ“, ко-

---

[1]) См. выше, стр. 195—196 и 199.

[2]) См. выше, стр. 91.

торый вмѣстѣ съ сенатомъ рѣшалъ дѣла громадной державы, былъ главнымъ образомъ столичный босяцкій пролетаріатъ, то, что̀ по-нѣмецки называется Lumpenproletariat [1]). Разъ участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ продолжало проявляться въ формѣ непосредственнаго присутствія гражданъ въ народныхъ собраніяхъ на городской площади, и разъ громадное большинство населенія города состояло изъ бездомнаго и безработнаго люда, иного результата и быть не могло. Но не могло также и продолжаться подобное положеніе дѣлъ. Римъ не могъ оставаться государствомъ-городомъ, когда все дѣлало изъ него только столицу обширнаго территоріальнаго государства, и самая его магистратура, расчитанная въ эпоху своего возникновенія на то, чтобы управлять однимъ городомъ, не могла выполнять сложныя обязанности управленія громадной имперіей.

Самымъ труднымъ дѣломъ для Рима, какъ города-государя, было управленіе подвластными землями внѣ Италіи, т.-е. провинціями, откуда онъ извлекалъ и наибольшее количество матеріальныхъ средствъ. Слово *провинція* (provincia) первоначально не обозначало области: такъ сначала называлось дававшееся консулу порученіе вести войну и вообще начальствовать надъ войскомъ въ извѣстной области. Въ чертѣ территоріи римскаго гражданства консульская власть была ограничена [2]), и лишь за этою чертою онъ пользовался полнымъ имперіемъ. Съ теченіемъ времени терминъ *провинція* сдѣлался синонимомъ завоеванной страны внѣ Италіи, въ которую Римъ посылалъ одного изъ своихъ преторовъ для управленія ею отъ его имени, но потомъ вошло въ обычай поручать управленіе провинціями отбывшимъ свой годичный срокъ консуламъ и преторамъ, для чего народное собраніе утверждало пророгацію ихъ власти, т.-е. продленіе пребыванія ихъ въ одной изъ этихъ должностей: отсюда и возникли должности *проконсуловъ* и *пропреторовъ*. Въ своей провинціи такой сановникъ, поставленный надъ нею державнымъ народомъ римскимъ, былъ абсолютнымъ господиномъ населенія: у него не было товарища, т.-е. другого такого же проконсула или пропретора, который сдерживалъ бы его произволъ; около него не было и народнаго трибуна съ правомъ

---

[1]) Пролетаріатъ лохмотьевъ.

[2]) См. выше, стр. 142.

интерцессіи; не было также провокаціи къ народу и т. п. Однимъ словомъ, весь имперій, вся державная власть римскаго народа цѣликомъ передавалась такому его намѣстнику. Того расчлененія первоначальной царской власти, результатомъ котораго была вся республиканская магистратура въ Римѣ, въ провинціяхъ тоже не было: проконсулъ или пропреторъ былъ и военачальникъ, и высшій судья, и главный казначей, причемъ всѣ дѣла провинціи велись имъ на основаніи личнаго усмотрѣнія, такъ что до извѣстной степени онъ былъ и законодателемъ провинціи, потому что передъ вступленіемъ въ должность публиковалъ *преторскій эдиктъ*, въ которомъ изглагалъ, какихъ началъ будетъ держаться въ отправленіи правосудія. Быть такимъ намѣстникомъ державнаго римскаго народа представляло, конечно, большія выгоды, и потому изъ-за обладанія этими доходными мѣстами происходила борьба среди той самой богатой знати, которая и иными способами, главнымъ образомъ посредствомъ откуповъ наживалась на счетъ провинцій. Способы соисканія магистратуръ въ Римѣ были выработаны традиціей: тотъ, кто желалъ попасть на какую-нибудь должность, надѣвалъ бѣлый плащъ, который назывался *тога кандида* (toga candida), откуда и пошло названіе кандидата въ смыслѣ аспиранта, соискателя. Такіе кандидаты, кромѣ того, выходили на форумъ и обходили группы стоявшихъ тамъ гражданъ, здоровались со знакомыми, знакомились съ незнакомыми и т. п., и все это называлось латинскимъ словомъ *амбитусъ* (ambitus, обхожденіе). Конечно, столь простой способъ выставленія своей кандидатуры былъ уже слишкомъ элементарепъ, когда Римъ сдѣлался большимъ городомъ: позднѣе амбитусъ превратился въ вербовку народныхъ голосовъ при помощи ловкихъ посредниковъ, которые дѣлали избирателямъ отъ имени кандидата разныя обѣщанія или просто раздавали деньги. Однимъ изъ средствъ подкупать въ свою пользу народную толпу было, какъ и въ Аѳинахъ, устройство на свой счетъ разнаго рода игръ. Коротко говоря, все пускалось въ ходъ, чтобы добиться благоволенія державнаго народа, и что зло подкуповъ было очень развито, это доказывается борьбою съ нимъ со стороны законовъ, которые дѣлались на этотъ счетъ все строже и строже. Въ посылкѣ того или другого лица намѣстникомъ въ провинцію были заинтересованы и всѣ тѣ, кого избранное лицо могло съ собою взять: съ проконсуломъ

или пропреторомъ отправлялись разные помощники, чиновники особыхъ порученій, писцы, ликторы и т. д., стремившіеся тоже поживиться на счетъ *дедитиціевъ* (dedititii), т.-е. подданныхъ Рима. Назначеніе на ту или другую должность въ провинцію было прекраснымъ средствомъ нажиться, даже разбогатѣть, а это въ концѣ концовъ зависѣло отъ милости народа, который въ свою очередь торговалъ своими голосами и шелъ за тѣми, кто только былъ въ состояніи даромъ раздавать хлѣбъ и устраивать зрѣлища или, по крайней мѣрѣ, зналъ, какими обѣщаніями удобнѣе всего привлечь на свою сторону побольше голосовъ.

Въ сущности, имперій римской гражданской общины, которая охватила всю Италію, находясь фактически въ рукахъ сената и столичнаго населенія, не имѣлъ, однако центральнаго органа, въ которомъ тѣмъ не менѣе стала чувствоваться потребность. Имперій былъ раздробленъ между отдѣльными намѣстниками, и когда Риму въ серединѣ I в. пришлось вступить въ борьбу съ морскимъ разбойничествомъ, оказалось нужнымъ временно средоточить весь имперій надъ Средиземнымъ моремъ въ рукахъ одного человѣка, именно Помпея. Это было настоящее установленіе единоличной власти надъ провинціями: Помпей тѣмъ самымъ дѣлался, употребляя терминъ, примѣненный греческимъ историкомъ къ Арату, стратегомъ-автократоромъ [1]). Тотъ же Помпей, нѣсколько лѣтъ спустя, съ Цезаремъ и Крассомъ вошли въ частную сдѣлку (первый тріумвиратъ 60 г. до Р. Х.), по которой подѣлили между собою троими имперій надъ провинціями, а послѣ смерти Красса и пораженія Помпея его счастливый соперникъ, Цезарь, уже одинъ получилъ отъ сената и римскаго народа имперій надъ провинціями съ пожизненною диктатурою. Затѣмъ за убіеніемъ Цезаря послѣдовало учрежденіе самимъ народомъ новаго тріумвирата (43 г.), который, однако, былъ только преддверіемъ къ единовластію Октавіана Августа. Новая власть, установившаяся и надъ провинціями, и надъ самимъ Римомъ съ Италіей и получившая въ исторіи названіе принципата [2]), была, съ одной стороны, сосредоточеніемъ въ однѣхъ рукахъ проконсуль-

---

[1]) См. выше, стр. 249. Автократоръ значитъ самодержецъ.

[2]) Римскіе императоры назывались въ первое время *принцепсами* (principes) отъ ихъ званія первыхъ сенаторовъ (princeps senatus).

скаго и пропреторскаго имперія, развившагося на почвѣ управленія провинціями, а съ другой, соединеніемъ въ одномъ лицѣ разныхъ римскихъ, „городскихъ“ магистратуръ, возникшихъ изъ расчлененія царской власти.

Римъ не могъ оставаться при формахъ государства-города, когда онъ на самомъ дѣлѣ имъ уже не былъ, когда вся Италія вошла въ составъ римской *цивитасъ*, и сама эта гражданская община, охватывавшая цѣлую большую страну съ множествомъ городовъ, являлась коллективнымъ государемъ въ отношеніи къ обширной державѣ, отдѣльныя области которой лежали въ трехъ частяхъ свѣта и въ которой Средиземное море было только внутреннимъ озеромъ. Уже Сулла въ первой половинѣ I в. облекался диктатурой для изданія законовъ и устройства государства (dictator legibus scriqundis et rei publicae constituendae), но это была задача болѣе трудная, чѣмъ во времена греческихъ эсимнетовъ [1]), такъ какъ имъ приходилось имѣть дѣло съ маленькими государствами-городами, а не съ громаднѣйшей державой. Такое же полномочіе получилъ и второй тріумвиратъ. Политическія формы, выработанныя жизнью государствъ-городовъ олигархія и демократія, обѣ формы существенно республиканскаго характера, не могли удовлетворить новой задачѣ: обѣ онѣ были тѣсно и неразрывно связаны съ организаціей города-государства. Непосредственная демократія пережила самоё себя, разъ на комиціяхъ не могли собираться всѣ граждане, и вмѣсто нихъ, являлся чуть не одинъ босяцкій пролетаріатъ. Немудрено, что при императорѣ Тиберіи комиціи, все еще существовавшія при Августѣ, перестали совсѣмъ собираться. Сенатская аристократія, которую ненавидѣли и въ Римѣ съ Италіей, и въ провинціяхъ, тоже оказалась не въ состояніи организовать переходъ отъ формъ власти, пригодныхъ для государства-города, но непригодныхъ для громадной территоріальной державы, къ иной организаціи правительства, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ времени. Установленіе въ Римѣ новой власти монархическаго характера не устранило, впрочемъ, сената. Августъ даже какъ будто подѣлился съ нимъ своею властью, а нѣкоторые позднѣйшіе императоры и прямо старались дѣлать видъ, что опираются на сенатъ, но на самомъ

---

[1]) См. выше, стр. 80.

дѣлѣ это учрежденіе все болѣе и болѣе превращалось, такъ сказать, въ простую столичную городскую думу.

Начавъ разсматривать внутреннюю исторію Рима, какъ государства-города, мы оканчиваемъ обзоръ его исторіи, какъ всемірной монархіи. Въ началѣ своей исторіи Римъ — лишь одна изъ многихъ суверенныхъ гражданскихъ общинъ и идетъ въ сравненіе съ Спартою, съ Аѳинами, съ Сиракузами, — называемъ наиболѣе крупныя греческія городовыя республики, — въ концѣ же своей исторіи это — одна изъ немногихъ всемірныхъ монархій, съ которою могутъ идти въ сравненіе только Персія да монархія Александра Македонскаго. Обширныхъ имперій не мало возникало въ исторіи, но всѣ онѣ имѣли монархическую форму; объединеніе подъ властью одного государства-города цѣлаго ряда странъ— случай единственный и безпримѣрный во всемірной исторіи. На этомъ мы и могли бы остановиться, но для полноты ознакомленія съ городскимъ бытомъ античнаго міра намъ нужно еще разсмотрѣть вопросъ, что же сталось съ городами, какъ самоуправляющимися гражданскими общинами, послѣ того, какъ онѣ утратили права суверенныхъ государствъ, и какая судьба, съ другой стороны, постигла римскіе муниципіи въ эпоху имперіи.

ГЛАВА XIX.

Муниципальный бытъ Римской имперіи.

Образованіе крупныхъ державъ въ древнемъ мірѣ. — Поглощеніе ими государствъ-городовъ. — Греко-македонскій періодъ и эллинистическія монархіи. — Римская имперія и мѣсто въ ней городскихъ общинъ. — Муниципальный бытъ Римской имперіи и его разстройство въ послѣднія времена имперіи на Западѣ. — Конецъ древней исторіи.

Маленькимъ и самодовлѣющимъ государствамъ-городамъ античнаго міра было трудно сохранять свою независимость и дѣйствительно оставаться замкнутыми въ себѣ и вполнѣ самодовлѣющими общинами. То, чего требовалъ Аристотель отъ государства, было въ IV в. скорѣе только идеаломъ мы-

слителя, который недостаточно хорошо понималъ съ этой стороны свою эпоху, ясно доказывавшую, что старая форма государства-города не имѣла передъ собою будущности. Въ самомъ дѣлѣ, многія греческія городовыя республики должны были подчиниться нѣкоторымъ, наиболѣе удачливымъ изъ своей же среды, но самое главное было то, что имъ трудно было сохранить свою политическую независимость, когда рядомъ возникали большія монархіи, которыя стремились поглотить въ себѣ и эти маленькіе политическіе организмы. Первое иностранное царство, которому пришлось подчиниться части греческихъ государствъ-городовъ, была Лидія. При ея царѣ Крезѣ въ серединѣ VI в. малоазіатскія колоніи, кромѣ одного Милета, вынуждены были признать надъ собою лидійское господство и сдѣлаться чужими данниками. Скоро, однако, сама Лидія вошла въ составъ великой Персидской державы (546 г.), а съ павшимъ царствомъ и греческіе города тоже подчинились новой монархіи, за ними же и островные іоняне признали персидскую власть. Извѣстно, что правителями греческихъ городовъ, которые должны были принять участіе въ персидскихъ завоеваніяхъ, были тираны [1]), являющіеся въ нашихъ глазахъ не то намѣстниками, не то вассалами „великаго царя“. Та же самая участь грозила и европейской Греціи, но эллины отстояли тогда свою независимость и даже освободили своихъ мало-азіатскихъ единоплеменниковъ. Черезъ сто лѣтъ послѣ геройскихъ подвиговъ при Марѳонѣ и Саламинѣ, по анталкидову миру (387 г.) мало-азіатскіе города, однако, опять должны были подчиниться персамъ, а черезъ полвѣка и европейскіе греки вынуждены были признать надъ собою чуждую имъ власть Македоніи. Правда, греческіе города возставали противъ македонскаго владычества, но ихъ обыкновенно усмиряли. Правда, они по старымъ установившимся формамъ считались лишь союзными съ гегемоническимъ царствомъ общинами, но должны были принимать македонскіе гарнизоны и даже подчиняться поставленнымъ Македоніей тираннамъ. Въ эпоху македонской гегемоніи города Греціи были полунезависимыми республиками, въ которыхъ шла борьба между имущими и неимущими классами и которые, вопреки волѣ Македоніи, вступали иногда въ союзы между собою и даже вели войны. Македонія лишила гре-

[1]) См. выше, стр. 112.

ковъ свободы, но не установила между ними мира. Черезъ полтора вѣка послѣ утвержденія надъ Греціей македонской власти (338 г.), въ самомъ началѣ II в., Римъ побѣдилъ македонскаго царя Филиппа V (въ битвѣ при Киноскефалахъ въ 197 г.) и объявилъ всѣ греческіе города свободными, но на самомъ дѣлѣ это былъ лишь переходъ изъ-подъ власти Македоніи подъ власть Рима. Когда греки черезъ полвѣка послѣ этого вздумали стряхнуть съ себя римское иго, они были усмирены, причемъ Коринеъ подвергся страшному разрушенію, а Греція превращена была въ римскую провинцію.

Со времени образованія Персидскаго царства до превращенія Греціи въ римскую провинцію прошло четыре вѣка, въ теченіе которыхъ лишь два первые вѣка европейскіе греки пользовались національною независимостью, а ихъ малоазіатскіе братья—лишь полстолѣтія. Что касается до италійскихъ и сицилійскихъ грековъ, то они еще вѣкомъ раньше, чѣмъ ихъ восточные сродичи въ Европѣ, вошли въ составъ Римской державы. Но и подъ иноземнымъ владычествомъ греческіе города оставались все-таки самоуправляющимися общинами, сохранявшими старыя учрежденія и весь внутренній строй. Римская форма муниципіевъ была какъ-нельзя болѣе приспособлена къ тому, чтобы впослѣдствіи сочетать политическую зависимость подвластныхъ общинъ съ ихъ внутреннимъ самоуправленіемъ.

Подчиненіе грековъ Македоніей и завоеваніе послѣднею, въ союзѣ съ греками, Персидской державы внесло существенное измѣненіе во внутренній бытъ эллинской націи. Полное разстройство государственнаго бытія греческихъ городовъ, соціальная борьба и распри политическихъ партій, матеріальная необезпеченность неимущихъ и жестокости партій-побѣдительницъ надъ партіями побѣжденными заставляли массу народа покидать родные города, превращаться въ бродягъ и разбойниковъ, наниматься въ войска или идти въ пираты. Греческіе наемники послѣ окончанія пелопоннесской войны уже играли довольно видную роль въ самой Персіи. Вспомнимъ знаменитое „отступленіе десяти тысячъ“, описанное въ „Анабасисѣ“ ученикомъ Сократа Ксенофонтомъ, который самъ участвовалъ въ этомъ отступленіи грековъ изъ глубины Персіи. Въ серединѣ IV в. персидскіе цари справились съ возстаніями въ Египтѣ и Финикіи тоже лишь при помощи греческихъ наемниковъ. Когда Александръ Великій съ 36 тысячами грекo-

македонскаго войска переправился въ Азію, у персидскаго царя было тоже тридцать тысячъ наемнаго греческаго войска. Завоеваніе обширнаго царства, больше какого раньше никогда и не бывало, открыло грекамъ широкую дорогу на Востокъ, который и сталъ быстро эллинизироваться. Въ Азію и Египетъ устремились громадныя массы грековъ — воиновъ, купцовъ, разнаго рода переселенцевъ, и въ новыхъ мѣстахъ стали основываться цѣлые города, въ которыхъ эллинскій элементъ началъ играть первенствующую роль. Достаточно вспомнить столицы двухъ главныхъ эллинистическихъ царствъ, возникшихъ изъ монархіи Александра Македонскаго, Александрію въ Египтѣ и Антіохію въ Сиріи. Это были бо́льшіе, міровые города, но уже не самостоятельныя политіи, а царскія столицы. Съ этимъ разселеніемъ грековъ по Востоку и возникновеніемъ новыхъ центровъ торговли и промышленности собственная Греція, въ которой не прекращалась притомъ политическая и соціальная неурядица, должна была много проиграть. Ея города стали приходить въ упадокъ и уже не играли больше роли крупныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ. Аѳины сохранили свое значеніе умственнаго центра эллинскаго міра, но въ торговомъ отношеніи уступили свое мѣсто Коринѳу, какъ транзитному пункту между восточною и западною частями обширной территоріи, въ предѣлахъ которой совершался дѣятельный торговый обмѣнъ. Съ разрушеніемъ Коринѳа римлянами его роль перешла къ порту на островѣ Делосѣ. Маленькіе городки даже прямо превращались въ ничтожныя деревушки. За уменьшеніемъ населенія шло по слѣдамъ экономическое оскудѣніе. Рѣзкое раздѣленіе гражданъ греческихъ городовъ на богатую землевладѣльческую и промышленно-торговую знать, съ одной стороны, и пролетаріатъ, настроенный большею частью революціонно, только усугубляло дѣйствіе причинъ, создавшихъ новые политическіе и коммерческіе центры внѣ Греціи. Какъ это бывало и въ другія времена, и въ другихъ странахъ, земли пустовали, не воздѣлывались, ничего не производили, а въ городахъ скоплялись безработные люди, привыкавшіе къ праздности и подачкамъ со стороны государства или богачей. Вслѣдствіе этого въ Греціи положительно уменьшилось дѣторожденіе, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., Полибій, требовавшій даже вмѣшательства государства въ это зло: нужно заставлять вступать въ бракъ

и плодить дѣтей. Въ лучшемъ положеніи были только прежніе греческіе города въ Азіи, какъ-то: Эфесъ, Смирна, островъ Родосъ и т. п. Родосъ даже образовалъ значительное торговое государство. Мало-азіатскія общины сохранили притомъ и самоуправленіе.

Римъ равнымъ образомъ не разрушалъ самоуправленія тѣхъ греческихъ городовъ, къ которымъ становился въ союзныя отношенія и которые включалъ въ свою державу. Подчиненіе ихъ Риму началось еще за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. въ Южной Италіи, гдѣ первымъ союзникомъ Рима сдѣлался Неаполь (326 г.), а за нимъ черезъ нѣсколько десятилѣтій подчинились постепенно Ѳуріи, Кротонъ, Локры и др.; послѣдними были Тарентъ (272) и Анкона (268). Мы видѣли уже, что эти греческіе города сдѣлались федеративными общинами (civitates federatae), сохранившими за собою внутреннюю автономію [1]). Въ такомъ положеніи они находились до дарованія правъ римскаго гражданства всѣмъ италійскимъ союзникамъ [2]). Хотя всѣ внѣиталійскія земли, завоеванныя римлянами, и превращались въ провинціи, управленіе которыми Римъ поручалъ своимъ намѣстникамъ, облеченнымъ неограниченною властью, тѣмъ не менѣе и за предѣлами Италіи многія общины иногда становились къ Риму лишь въ союзныя отношенія, что́ гарантировало за ними внутреннее самоуправленіе. Нѣкоторыя мѣстности въ провинціяхъ вообще пользовались разными привилегіями, особенно же благосклонно отнеслись римляне къ грекамъ, культурное превосходство которыхъ чувствовали надъ собою. Многіе города Греціи были освобождены отъ уплаты какихъ бы то ни было казенныхъ сборовъ, почти всѣ сохранили свое управленіе и судъ, а въ иныхъ случаяхъ поддерживался даже призракъ политической независимости этихъ союзниковъ римскаго народа. Только вездѣ Римъ замѣнилъ демократическіе порядки, гдѣ они раньше существовали, тимократическими и вмѣстѣ съ тѣмъ старался усиливать значеніе должностныхъ лицъ, остававшихся попрежнему выборными, на счетъ народныхъ собраній и городскихъ совѣтовъ. „Римляне, говоритъ историкъ Греціи подъ римскимъ владычествомъ, Финлей (1799—1875), не сдѣлали ни одной попытки

[1]) См. выше, стр. 298—299.

[2]) См. выше, стр. 300.

для введенія однообразія въ общее управленіе греческихъ государствъ. Впрочемъ, такого рода попытка была бы въ совершенномъ разногласіи съ принципами римскаго правительства, которое никогда не стремилось водворить единство даже въ администраціи Италіи. Римляне обращали все свое вниманіе на то, чтобы какъ можно выгоднѣе для себя управлять завоеванными странами. Они старались сосредоточить всю военную силу въ собственныхъ рукахъ и взимать самыя высокія подати, какія только дозволяли обстоятельства. Такимъ образомъ большому числу греческихъ городовъ, владѣвшихъ незначительными территоріями, каковы: Дельфы, Ѳеспіи, Танагра и Элатея, предоставлена была извѣстная степень независимости, упрочивавшая за ними привилегію управляться собственными законами и обычаями даже во времена императоровъ“ [1]). Особенно привилегированное положеніе было сохранено за Аѳинами, и оно даже было за ними оставлено послѣ взятія Суллою этого города, который захотѣлъ въ качествѣ самостоятельнаго государства вступить въ союзъ противъ Рима съ понтійскимъ царемъ Митридатомъ (89—84 г. до Р. Х.): еще въ I в. по Р. Х. Тацитъ упоминаетъ о существованіи въ Аѳинахъ ареопага. Давая греческимъ городамъ право вѣдать самимъ свои внутреннія права, Римъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы они не смѣли вести свою собственную политику во внѣшнихъ отношеніяхъ: установленіе римской власти и въ Греціи, какъ и повсемѣстно, сопровождалось прекращеніемъ войнъ и утвержденіемъ мира — „римскаго мира“, какъ его называли (pax romana).

Въ самой Италіи Римъ, какъ мы знаемъ [2]), выработалъ особую форму городского самоуправленія—муниципій, и ему осталось лишь распространить ее на провинціи, гдѣ только былъ развитъ городской бытъ. Въ римской державѣ выработалась такимъ образомъ форма, въ которой самоуправленіе городовъ сочеталось съ подчиненіемъ ихъ единой центральной власти территоріальнаго государства. Въ эпоху полнаго развитія государства-города не было и быть не могло раздѣленія между государственными и городскими дѣлами, особенно въ наиболѣе мелкихъ общинахъ, теперь же городскія

[1]) *Г. Финлей.* Греція подъ римскимъ владычествомъ. М. 1877. Стр. 22—23.

[2]) См. выше, стр. 296.

дѣла были строго обособлены отъ дѣлъ общегосударственнаго значенія. Городъ пересталъ быть государствомъ, государство перестало быть городомъ, и Римская имперія превратилась нѣкоторымъ образомъ въ федерацію самоуправляющихся городовъ, или муниципальныхъ общинъ съ державнымъ городомъ во главѣ, который самъ тоже не былъ уже государствомъ-городомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Однако, и при этой формѣ основою всей сложной политической организаціи имперіи остается городъ съ его непосредственнымъ округомъ, вмѣстѣ составляющіе одну и ту же муниципальную единицу, *цивитасъ*.

Эпохой расцвѣта муниципальной жизни были первыя времена Римской имперіи. Въ своемъ извѣстномъ трудѣ „Исторія общественнаго строя древней Франціи", говоря объ учрежденіяхъ Галліи въ римскую эпоху, Фюстель де-Куланжъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ характеризуетъ муниципальный строй въ Римской имперіи, какъ городское самоуправленіе, приближавшееся къ политической самостоятельности отдѣльныхъ городовъ. „Любопытно, говоритъ онъ, напр., что императорское правительство дало городамъ устройство, которое далеко не соотвѣтствовало устройству имперіи, а оставалось вполнѣ республиканскимъ" [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ выводитъ изъ нѣкоторыхъ сообщаемыхъ имъ фактовъ то заключеніе, что въ городскихъ общинахъ Галліи въ эпоху имперіи сохранялась „довольно самостоятельная политическая организація и нѣкоторая привычка къ практикѣ свободы" [2]). Это были, выражаясь словами того же историка, „отдѣльные соціальные организмы", между прочимъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда община-цивитасъ была не городомъ, а маленькимъ народцемъ, занимавшимъ территорію побольше теперешнихъ французскихъ департаментовъ. „Оффиціальный языкъ, продолжаетъ Фюстель де-Куланжъ, называлъ его (этотъ отдѣльный политическій организмъ) *цивитасъ* или *республика*. Между тѣмъ оба эти термина вызывали въ умѣ людей того времени нѣчто большее, чѣмъ представленіе о простыхъ территоріальныхъ дѣленіяхъ; они выражали понятіе о настоящемъ политическомъ тѣлѣ. И мы, дѣйстви-

[1]) *Фюстель де-Куланжъ.* Исторія общественнаго строя древней Франціи. Спб. 1901. Т. I, стр. 282.

[2]) Стр. 287.

тельно, прибавляетъ Фюстель де-Куланжъ, будемъ читать такія выраженія въ декретахъ, изданныхъ этими маленькими государствами съ полною независимостью“ [1]). И въ другихъ мѣстахъ историкъ называетъ муниципіи императорской эпохи маленькими государствами [2]). „Эта община, читаемъ мы еще, не только не должна была принимать къ себѣ римскій гарнизонъ, но обладала даже собственною милиціею, маленькою арміею для охраны мѣстнаго порядка, и муниципальные города были защищены собственными укрѣпленіями“ [3]).

Не нужно, однако, слишкомъ буквально понимать приведенныя заявленія историка, да и самъ онъ дѣлаетъ не одну оговорку. Подчеркнувъ еще разъ, что „муниципальная община въ Римской имперіи была устроена, какъ настоящее государство“, Фюстель де-Куланжъ прибавляетъ, что онъ отнюдь „не хочетъ сказать этими словами, что она была независима. Представлять себѣ ее, продолжаетъ онъ, въ видѣ свободной республики подъ простымъ верховнымъ сюзеренитетомъ имперіи было бы неточностью и преувеличеніемъ. Она должна была повиноваться всѣмъ приказаніямъ императорскаго правительства. Она открывала свои ворота проконсулу всякій разъ, какъ тотъ выражалъ желаніе ее посѣтить,... и почти всѣ ея акты скоро оказались подчиненными утвержденію провинціальнаго намѣстника. Но мы должны отмѣтить здѣсь, во-первыхъ, то, что у центральнаго правительства не было своего представителя, постоянно пребывающаго въ общинѣ; во-вторыхъ, что она обладала законченнымъ соціальнымъ организмомъ и самостоятельною жизнью... Она, конечно, не была свободнымъ государствомъ, но *государствомъ* ее все-таки можно назвать“ [4]). Кромѣ того, Фюстель де-Куланжъ посвящаетъ цѣлую главу „надзору центральнаго правительства за муниципіями“, которую начинаетъ такими словами: „Рядомъ съ фактами, которые изображаютъ намъ муниципальныя общины, какъ довольно самостоятельныя единицы, существуютъ другіе, которые сейчасъ обнаружатъ намъ вмѣшательство въ ихъ дѣла императорской власти“ [5]).

---

[1]) Стр. 290.

[2]) Стр. 294, 303 и др.

[3]) Стр. 299.

[4]) Стр. 302—303.

[5]) Стр. 320.

Конечно, въ муниципальномъ быту столь обширной имперіи не было полнаго единообразія, и были ли то старыя городскія общины, сохранившія самоуправленіе, или вновь организованные муниципіи по образцу тѣхъ, которые раньше существовали только въ Италіи, однѣ общины не были вполнѣ похожи на другія. Тѣмъ не менѣе по отношенію къ муниципіямъ у центральной власти была своя общая политика, существовало и общее законодательство, касавшееся муниципальнаго быта. Оно начинается главнымъ образомъ съ Юлія Цезаря, бывшаго истиннымъ родоначальникомъ всей организаціи Римской державы въ эпоху имперіи, въ которой муниципальный бытъ получилъ столь широкое развитіе. Разумѣется, оно распространилось далеко не на всѣ области громадной монархіи, и въ ней было не мало мѣстностей, въ которыхъ преобладаніе принадлежало сельской жизни, но гдѣ только былъ развитъ городской бытъ, тамъ господствовалъ принципъ муниципальнаго самоуправленія со многими общими, присущими ему въ то время характерными чертами. Насколько это возможно въ краткомъ очеркѣ, попытаемся дать общую картину этого муниципальнаго быта Римской имперіи, въ которомъ сохранялись многія черты прежняго государства-города, лишеннаго только своей верховной власти. Государствомъ муниципій все-таки не былъ, ибо надъ нимъ стояла еще высшая форма, т.-е. Римская имперія, и каждый муниципій былъ лишь составною частью одной изъ ея провинцій, а, съ другой стороны, если въ муниципіи и осуществлялось принудительное властвованіе города надъ его жителями, то осуществлялось оно имъ не самостоятельно, а вслѣдствіе уступки съ стороны настоящаго государства, какимъ была только имперія, и подъ его высшимъ надзоромъ [1]). Государствомъ муниципій, конечно, *назвать* можно для лучшаго оттѣненія широты его самоуправленія, но государствомъ въ строгомъ смыслѣ онъ, понятно, *не былъ*.

Первая основная черта муниципальнаго строя—та, что городъ и его округъ со всѣми населенными мѣстами послѣдняго составляли одно цѣлое, одну общину. Мы отмѣчали уже эту же черту по отношенію къ самостоятельнымъ го-

[1]) Прошу припомнить опредѣленіе государства, данное на стр. 6—7 этой книги, а также сдѣланный на стр. 3 выводъ изъ пониманія государства у Аристотеля.

сударствамъ-городамъ античнаго міра [1]), теперь отмѣчаемъ ее и по отношенію къ муниципіямъ Римской имперіи. Городъ былъ только центральнымъ пунктомъ муниципальной общины, въ составъ которой входила вся территорія, тяготѣвшая къ данному центру. Древность не знала обособленія городского поселенія, выдѣленія его изъ того, что́ можно было бы назвать его „уѣздомъ". Населеніе города и его округа объединялось общей ихъ организаціей, какъ единой муниципальной общины, и сельчане имѣли одни и тѣ же права, несли однѣ и тѣ же обязанности, какъ и горожане. Мы сейчасъ увидимъ, что муниципальныя должности занимались обыкновенно людьми, которыхъ мы могли бы назвать помѣщиками, имѣвшими земли въ уѣздѣ, здѣсь же отмѣтимъ только, что компетенція городскихъ должностныхъ лицъ распространялась и за предѣлы собственно города. Муниципальные граждане, жившіе на всей территоріи общины, обыкновенно сходились на комиціи, пока послѣднія существовали, безразлично, жили ли они, эти граждане, въ городѣ или, будемъ ужъ такъ говорить, въ уѣздѣ.

Вторая черта муниципальнаго быта временъ имперіи, это—то, что полноправными гражданами такихъ самоуправляющихся общинъ были лишь землевладѣльцы. Повидимому, пролетаріи и не заносились совсѣмъ въ списки гражданъ. Въ Римской имперіи, кромѣ самыхъ крупныхъ земельныхъ магнатовъ, обладавшихъ громадными латифундіями и составлявшихъ, такъ сказать, общеимперскую знать подъ старымъ названіемъ сенаторскаго сословія, существовали въ отдѣльныхъ муниципіяхъ такъ называемые *поссессоры* (possessores), мѣстные домовладѣльцы и землевладѣльцы, и они-то были истинными обладателями самоуправленія. Муниципальная организація была организаціей имущихъ классовъ, на земляхъ которыхъ работали рабы или мелкіе арендаторы, *колоны* (coloni), которые въ IV в. по Р. Х. были прикрѣплены къ землѣ въ видахъ обезпеченія правильнаго поступленія налоговъ и лишь тогда превратились въ крѣпостныхъ крестьянъ. Землевладѣніе не только давало право участія въ самоуправленіи, но и налагало извѣстныя обязанности. Поссессоры должны были даромъ отправлять всѣ функціи муниципальныхъ должностей, а самое главное—иму-

[1]) См. выше, стр. 1.

щественно, не только лично отвѣчать за надлежащее веденіе городского хозяйства и обязаны были нерѣдко тратить свои собственныя средства на удовлетвореніе муниципальныхъ нуждъ. Благодаря этому, муниципіи являлись организаціями землевладѣльческаго класса, на которыхъ центральное правительство возлагало завѣдованіе всѣми мѣстными дѣлами съ очень широкими полномочіями, но и съ очень тяжелою, какъ увидимъ ниже, отвѣтственностью.

Внутреннее устройство такихъ уѣздно-городскихъ общинныхъ организацій владѣльческаго класса было сколкомъ съ устройства самого Рима. Населеніе дѣлилось на трибы и куріи. Сначала оно участвовало въ народныхъ собраніяхъ, которыя, однако, впослѣдствіи какъ-то сами собой прекратились. Муниципіи имѣли свою выборную магистратуру по образцу римской, но съ другими названіями: консуламъ соотвѣтствовали *дуумвиры* (duumviri), которые, исполняя цензорскія обязанности, именовались *дуумвирами квинквенналіями* (quinquennales, пятигодичниками). Были въ общинѣ и свои эдилы, и свои квесторы. Существовалъ, наконецъ, и свой городской сенатъ, какъ и римскій сенатъ, пополнявшійся лицами, которыя отбыли ту или другую муниципальную должность, или по записи въ члены, сдѣланной квинквенналіями. Только это, конечно, была лишь городская дума и называлась она *куріей* (curia), а ея члены—*декуріонами*. Куріи сдѣлались истинными органами муниципальнаго самоуправленія: между прочимъ, онѣ издавали декреты для населенія, т.-е. обязательныя постановленія, имѣвшія силу законовъ, и разсматривали жалобы на должностныхъ лицъ. У общины, говоритъ Фюстель де-Куланжъ, „былъ свой руководящій сенатъ, своя корпорація магистратовъ, своя юрисдикція, полиція, казна, свои имущества, движимыя и недвижимыя, т.-е. свои общественныя средства, затѣмъ также школы, культъ и высшее жречество. Ни одинъ изъ перечисленныхъ элементовъ общественной организаціи она не получала извнѣ; она находила внутри себя магистратовъ, учителей, жрецовъ“ [1]).

Чтобы попасть въ декуріоны, нужно было обладать извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Декуріоны стали составлять какъ бы сословіе муниципальной знати, по отношенію къ которой все остальное населеніе обозначалось,

[1]) Т. I, стр. 303 вышеназваннаго сочиненія.

какъ плебсъ. На этотъ муниципальный нобилитетъ падала обязанность, напр., доставлять народу хлѣбъ по дешевой цѣнѣ или устраивать разныя увеселенія, — своего рода „panem et circenses“ [1]) муниципальнаго быта, глубоко классическая черта античной культуры. Конечно, лишь изъ декуріоновъ брались и должностныя лица отдѣльныхъ муниципіевъ, такъ какъ каждый магистратъ отвѣчалъ передъ общиной своимъ имуществомъ за всѣ свои дѣйствія, отъ которыхъ могли пострадать хозяйственные интересы города и его округа. У общины должна была быть увѣренность, что ея благосостоянію не будетъ нанесено никакого ущерба, и имущество магистрата дѣлалось—иногда формально даже—залогомъ, обезпечивавшимъ уплату всѣхъ проторей и убытковъ отъ нерадиваго, неумѣлаго или недобросовѣстнаго веденія общинныхъ дѣлъ. Мало-по-малу декуріоны, или *куріалы* (curiales), какъ ихъ называютъ въ IV в., сдѣлались наслѣдственнымъ сословіемъ, и должностныя лица перестали выбираться, а начали назначаться своими предшественниками: дуумвиръ, кончая свой срокъ, самъ назначалъ своего преемника, и курія только утверждала такое назначеніе.

Извѣстно, чѣмъ кончило сословіе куріаловъ въ послѣднія времена Римской имперіи. Центральное правительство возложило на куріаловъ имущественную отвѣтственность за исправное отбываніе податей, но такъ какъ многіе стали уклоняться отъ несенія такого непріятнаго тягла, то государство прикрѣпило куріаловъ къ ихъ городамъ, превративъ почетное званіе въ крайне разорительную обязанность. Законъ 326 г. по Р. Х. прямо гласилъ: „если человѣкъ, назначенный къ исполненію муниципальной магистратуры, бѣжитъ, его надобно разыскивать; если онъ не будетъ найденъ, пусть у него отнимется имущество и будетъ отдано тѣмъ, кто будетъ сдѣланъ дуумвиромъ вмѣсто него; если же онъ будетъ розысканъ, его наказаніе будетъ заключаться въ томъ, что онъ будетъ обязанъ цѣлыхъ два года нести тягости дуумвирата“. Исходнымъ пунктомъ такого печальнаго положенія дѣлъ являлись финансовое разстройство самихъ городскихъ общинъ и тягость государственныхъ налоговъ, которыя въ свою очередь были слѣдствіями общаго экономическаго упадка античнаго міра. Эти же обстоятельства заставляли и централь-

[1]) „Хлѣба и зрѣлищъ“. См. выше, стр. 294.

ную власть все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ городскія дѣла—къ ущербу, конечно, для муниципальнаго самоуправленія.

Первыя времена Римской имперіи были эпохой полнаго расцвѣта муниципальнаго быта и возникновенія городскихъ общинъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не существовало. Лишь въ малокультурныхъ, окраинныхъ областяхъ не было городской жизни, да города египтянъ и евреевъ по причинамъ политическаго свойства не получили самоуправленія. Имперія нашла форму для сочетанія единства обширной монархіи съ относительною самостоятельностью городскихъ общинъ. Здѣсь не мѣсто разсматривать сложный вопросъ о причинахъ крушенія античной культуры, а съ нею и упадка городского быта при переходѣ изъ древности въ средніе вѣка. Вопросъ это, дѣйствительно, сложный, котораго лучше не касаться, чѣмъ давать ему лишь слишкомъ общее рѣшеніе. Какъ на одно изъ проявленій упадка античной культуры, я укажу на возвращеніе къ преобладанію натуральнаго хозяйства, бывшее самымъ яркимъ признакомъ экономическаго регресса, въ числѣ же причинъ этого явленія новѣйшіе историки указываютъ и на то вліяніе, которое на разныя стороны общественной жизни оказывалъ городовой бытъ. Не касаясь общаго вопроса о вліяніи городской жизни на приростъ населенія, — вѣдь говорятъ же, что города — такія мѣста, въ которыхъ процентъ смертности имѣетъ тенденцію превышать процентъ рожденій, и что безъ прилива въ города сельскихъ жителей были бы обречены на вымираніе, — не касаясь, говорю я, этого вопроса, мы должны принять въ расчетъ, что многія условія городской жизни въ древности были крайне неблагопріятнаго свойства: скученность населенія на малыхъ пространствахъ, обнесенныхъ стѣнами, плохія санитарныя условія, отсюда вытекавшія и бывшія удобною почвою для распространенія повальныхъ болѣзней, скопленіе въ городахъ безработнаго люда, которому трудно было содержать семью, и громадная смертность дѣтей, вдобавокъ притокъ сельскихъ жителей въ города, гдѣ можно было кое-какъ перебиваться подачками безъ работы, и постепенный упадокъ сельскаго хозяйства, тоже обусловливавшійся отчасти бѣгствомъ крестьянъ въ города,—вотъ тѣ частныя причины, совокупное дѣйствіе которыхъ клонилось къ одному и тому же результату.

Съ III в. по Р. Х. во всей Римской имперіи сталъ за-

мѣчаться экономическій упадокъ, который нѣсколькими вѣками раньше уже постигъ города европейской Греціи [1]). Циклъ развитія завершился. Мы видѣли, какъ возникло государство-городъ и какъ въ немъ собственно городъ сдѣлался центромъ развивающейся промышленности и торговли, которая была однимъ изъ могучихъ орудій дальнѣйшей интеграціи. Мы видѣли, далѣе, какъ античное общество начало выбиваться изъ тѣсныхъ рамокъ городового государства—въ формѣ федерацій и державъ, и какъ была найдена форма, при которой единая міровая держава является сама своеобразной федераціей самоуправляющихся муниципіевъ,—комбинація, во всякомъ случаѣ, оказавшаяся довольно прочной для извѣстнаго, по крайней мѣрѣ, періода времени. Но при господствѣ именно этой формы, хотя по причинамъ, и лежавшимъ внѣ самого самоуправленія. города приходятъ въ упадокъ. Средніе вѣка были возвращеніемъ къ варварству, и потребовалось нѣсколько столѣтій для того, чтобы въ странахъ Запада, бывшихъ провинціями Римской имперіи, среди феодальнаго строя съ господствомъ въ немъ натуральнаго хозяйства и преобладаніемъ сельской жизни надъ городскою снова возникли городскія самоуправляющіяся общины, экономическою основою которыхъ опять сдѣлались промышленность и торговля. Весьма естественно, что когда въ XIX в. историческою наукою былъ поставленъ на очередь вопросъ о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ, однимъ изъ первыхъ объясненій было предположеніе о непрерывности существованія римскихъ муниципіевъ даже въ наиболѣе мрачные вѣка средневѣковья. Здѣсь не мѣсто обсуждать эту теорію, достаточно только ее отмѣтить по ея связи съ другимъ, болѣе общимъ вопросомъ — вырабатывала ли европейская жизнь свои формы изъ себя самой, или все въ ней было однимъ лишь возрожденіемъ античныхъ традицій.

---

[1]) См. выше, стр. 308.

ГЛАВА XX.

Общіе выводы.

Государство-городъ, какъ форма политическаго устройства, характерная для античнаго міра, и какъ соціологическій типъ. — Государства-города въ другія историческія эпохи. — Зависимость многихъ историческихъ особенностей древняго міра отъ этой политической формы. — Параллелизмъ соціальной эволюціи античнаго міра и новой Европы и особенности, свойственныя одному античному міру. — Античная демократія и ея коренные недостатки.—Недавняя идеализація античной демократіи.—Критическое отношеніе къ ней въ современной исторической наукѣ.

Нашею цѣлью было прослѣдить эволюцію государства-города, какъ формы политическаго устройства, особенно характерной для античнаго, греко-римскаго міра. Мы прослѣдили процессъ той политической интеграціи, который начался съ возникновенія великаго множества маленькихъ городовыхъ государственныхъ организмовъ и кончился образованіемъ единой универсальной имперіи, являющейся въ то же время федераціей небольшихъ муниципальныхъ организацій городского быта. Государство-городъ — въ началѣ процесса, городъ-муниципій — въ его концѣ. Что касается до самой этой федераціи, то и она опять-таки создана была не иною какою-либо политическою силою, какъ опять-таки государствомъ-городомъ, какимъ былъ Римъ въ первые вѣка своей исторіи. Итакъ, античный міръ, дѣйствительно, характеризуется чисто городовою формою своей политической организаціи. Въ форму города вылились первыя попытки государственной организаціи болѣе мелкихъ группъ, и въ формѣ же федераціи городовъ выразилась организація всемірной монархіи Рима: и въ первомъ, и во второмъ случаѣ самоуправляющійся городъ является основнымъ фактомъ. Государство-городъ столь же отлично отъ сеньёріи, т.-е. отъ помѣстья-государства феодальной эпохи, какъ и римская федерація муниципіевъ—отъ федераціи сеньёрій, какую мы имѣемъ въ такъ называемой феодальной монархіи. И всѣ эти формы не похожи на государство съ бюрократической централизаціей, первые образцы котораго мы находимъ въ нѣкоторыхъ деспотіяхъ древняго Востока и въ которое

мало-по-малу превратилась сама Римская имперія. Не забудемъ еще, что всю свою духовную культуру античный міръ выработалъ въ эпоху полнаго расцвѣта этихъ маленькихъ суверенныхъ городскихъ общинъ; въ нихъ же впервые съ особенною силою выступила свободная человѣческая индивидуальность.

Но у нашего предмета есть и другая сторона. Государство-городъ мы имѣемъ право разсматривать, какъ особый соціологическій типъ [1]) на ряду съ другими типами государственнаго устройства. У государства-города есть общія типическія черты, конечно, не всѣ вмѣстѣ встрѣчающіяся и неодинаково сильно выраженныя въ отдѣльныхъ случаяхъ,— черты, до извѣстной степени связанныя между собою и одна другую обусловливающія. Это, я думаю, будутъ, прежде всего, незначительность государственной территоріи, преобладаніе въ немъ городского центра надъ окружающими его и къ нему тяготѣющими селами, тѣсная связь самого города съ его областью-округомъ, развитіе въ немъ торговли и промышленности, ранняя организація въ немъ государственной власти на республиканскихъ началахъ, сравнительная быстрота соціальной эволюціи и обостренность классовыхъ интересовъ и, въ случаѣ особой удачливости, стремленіе къ расширенію своего политическаго бытія путемъ установленія своей гегемоніи надъ другими общинами. Перечисляя эти, раньше всего бросающіяся въ глаза черты нашего соціологическаго типа, я, конечно, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ античныя политіи, но съ тѣми же чертами, хотя и не всегда со всѣми ними разомъ, мы встрѣчаемся и въ государствахъ-городахъ другихъ эпохъ.

Государства-города, кромѣ Греціи и Италіи, мы встрѣчаемъ въ древности у финикіянъ. Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о ихъ внутреннемъ бытѣ, но внѣ всякаго сомнѣнія находится тотъ фактъ, что нѣкоторые финикійскіе города были маленькими государствами. Такими государствами-городами были Тиръ, Сидонъ, Библъ, Арадъ, Беритъ, Акко и др. Въ нихъ тоже мы встрѣчаемъ рядомъ съ городовыми царями, бывшими вмѣстѣ съ тѣмъ большею частью и жрецами, и совѣты старѣйшинъ, и народныя собранія, и

[1]) Ср. предисловіе, стр. IV—V.

здѣсь наблюдаемъ подчиненіе однихъ городовъ другими и гегемоніи, равно какъ союзы амфиктіоническаго характера. Подъ чужимъ владычествомъ финикійскіе города сохраняли самоуправленіе, и Римъ тоже оставилъ имъ автономію. Среди финикійскихъ колоній особое мѣсто занялъ Кароагенъ, сильная торговая республика, которую Риму удалось сокрушить съ великимъ трудомъ. О государственномъ устройствѣ этого города, который греки называли Кархедономъ, мы знаемъ больше, между прочимъ, благодаря „Политикѣ“ Аристотеля. Греческій писатель, находившій сходство кароагенскаго устройства со спартанскимъ (Полибій тоже) и съ критскимъ, даже особенно его похвалилъ. По его словамъ, „признакъ хорошаго политическаго устройства Карѳагена состоялъ въ томъ, что, несмотря на присутствіе въ немъ демократическаго элемента, государство кароагенское оставалось неизмѣннымъ въ своемъ строѣ“, и „что въ немъ не было никакого возмущенія, о которомъ стоило бы говорить, и не появлялось никакого тиранна“ [1]). Во главѣ республики стояли два выборныхъ суффета (=шофтимъ, судьи), которые у грековъ слыли чаще подъ именемъ царей, а у римлянъ — подъ именемъ консуловъ (или преторовъ). Были еще къ Карѳагенѣ совѣты („старѣйшинъ“ и „ста четырехъ“), которые Аристотель сравниваетъ со спартанскими герусіей и эфоратомъ. „Если цари и геронты, говоритъ Аристотель, согласны въ чѣмъ-либо между собою, то они одинаково властны предложить и не предложить это народу. Если же въ чемъ они не согласны между собою, то въ рѣшеніи такого дѣла принимаетъ участіе и народъ. Но цари и геронты, внося что-либо на разсмотрѣніе народа, предлагаютъ ему это не только для выслушанія имъ мнѣнія объ этомъ его властелиновъ; напротивъ, народъ имѣетъ право самъ судить о данномъ дѣлѣ, и каждому позволяется возражать противъ внесеннаго предложенія. Такова здѣсь, прибавляетъ онъ, прерогатива народа, которой лишенъ онъ въ другихъ государствахъ“ [2]). Въ Спартѣ, напр., этого права у народа не было, какъ не было его и въ Римѣ, гдѣ народъ вотировалъ только *da* или

---

[1]) Перев. Скворцова, стр. 107.

[2]) Стр. 109.

нѣтъ. Карѳагенъ, несомнѣнно, государство-городъ такого же типа, какъ Спарта, Римъ и т. п. [1]).

Отъ древности переходимъ къ среднимъ вѣкамъ и прежде всего къ Западной Европѣ. Въ эпоху развитія феодализма города здѣсь вошли въ составъ феодальныхъ владѣній, и ихъ государями (сеньёрами) сдѣлались большею частью графы, бывшіе прежде королевскими чиновниками, и епископы, превратившіеся тоже въ феодальныхъ сеньёровъ. Въ эпоху крестовыхъ походовъ въ главнѣйшихъ континентальныхъ государствахъ Запада города путемъ возстаній или договоровъ освободились изъ-подъ феодальнаго гнета, и многіе изъ нихъ пріобрѣли права верховной власти надъ своими территоріями и ихъ населеніемъ. Этотъ моментъ можно,—конечно, съ необходимыми оговорками,—приравнять отмѣнѣ царской власти въ античныхъ городахъ: освобождаясь отъ власти феодальныхъ сеньёровъ, города устраивали у себя республиканскія учрежденія. Полнѣе всего осуществили у себя республиканскую свободу итальянскіе города. Они политически поглотили свои округа и возобновили строй древнихъ гражданскихъ общинъ, охватывавшихъ вмѣстѣ съ городомъ и болѣе или менѣе значительную территорію. Въ своей исторіи итальянскія городовыя республики повторили многія явленія древнихъ политій: и борьбу знати съ народомъ, и возникновеніе наемныхъ войскъ, и появленіе тирановъ (итальянскіе *прѝнчипы* конца среднихъ вѣковъ), и попытки федерацій и т. п. Двѣ итальянскія республики, Венеція и Генуя, играли особенно видную роль въ морской торговлѣ, имѣли каждая большой флотъ, владѣли многими приморскими мѣстностями (Генуя, наприм., въ Крыму) и островами, принимали самостоятельное участіе въ международной политикѣ и просуществовали, какъ самостоятельныя государства, до временъ французской революціи, т.-е. до конца XVIII в. [2]).

Нѣсколько иное положеніе было суверенныхъ городскихъ общинъ во Франціи и въ Германіи. Онѣ являлись лишь республиканскими оазисами среди монархически управлявшихся

---

[1]) Не касаемся другихъ народовъ Востока, у которыхъ тоже были городовыя государства, но не республиканскаго типа.

[2]) Въ Италіи до сихъ поръ сохранился въ качествѣ самостоятельнаго государства маленькій мунициній римскихъ временъ, республика Санъ-Марино.

странъ. Въ эпоху феодальнаго раздробленія въ обѣихъ странахъ, рядомъ съ монархически управлявшимися княжествами, графствами, сеньёріями, образовались городскія республики, которыя во Франціи (собственно на сѣверѣ) носили названіе коммунъ, въ Германіи — имперскихъ городовъ. И тѣ, и другіе составляли, однако, федеративныя части обѣихъ монархій. Во Франціи коммуны утратили свою свободу съ ростомъ королевской власти, но въ Германіи, благодаря побѣдѣ въ ней, центробѣжныхъ силъ, имперскіе города сохранялись до начала XIX в., какъ самостоятельные члены Священной Римской имперіи нѣмецкой націи. Еще въ XVIII столѣтіи ихъ было 51, а раньше и полторы сотни, но въ эпоху наполеоновскаго владычества они изчезли, и на вѣнскомъ конгрессѣ ихъ было оставлено только четыре подъ названіемъ вольныхъ городовъ: Гамбургъ, Любекъ, Бременъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ. Послѣдній въ 1866 г. вошелъ въ составъ Пруссіи, но три остальные въ качествѣ самостоятельныхъ государствъ-городовъ входятъ въ составъ теперешней Германской имперіи наряду съ королевствами и княжествами. Гамбургъ и теперь является первымъ морскимъ торговымъ городомъ всего европейскаго материка, а между тѣмъ это— отдѣльное государство, хотя вся его территорія едва превышаетъ 400 квадратныхъ километровъ, т.-е. площадь, равновеликую съ квадратомъ въ 20×20 верстъ. Территорія Любека еще меньше—всего около 300 кв. километровъ, а у Бремена и того меньше—только 255 кв. кл. Эти три государства-города современной Германіи носятъ названіе ганзейскихъ, такъ какъ въ средніе вѣка входили въ составъ большого союза городовъ (не единственнаго въ тогдашней Германіи), такъ называемой Ганзы. Прибавимъ, что часть германскихъ средневѣковыхъ государствъ-городовъ вошла въ качествѣ отдѣльныхъ кантоновъ въ составъ Швейцаріи. Мы уже въ самомъ началѣ этой книги (стр. 1) приравнивали государства-города древности къ швейцарскимъ кантонамъ съ ихъ городскими центрами, когда-то безраздѣльно господствовавшими надъ сельскимъ населеніемъ. Въ Базелѣ городъ, напр., такъ тяготѣлъ надъ своимъ округомъ, что въ 1831 г. послѣдній провозгласилъ свою независимость, и въ 1833 г. государство-кантонъ Базель раздѣлилось на двѣ самостоятельныя общины: полукантонъ Базель-городъ (Basel-Stadt), состоящій изъ города и трехъ сосѣднихъ съ нимъ сельскихъ

общинъ, и Базель-„уѣздъ“ (Basel-Landschaft) со своимъ особымъ центромъ: территорія перваго изъ нихъ около 36 кв. кл. Въ составъ Швейцаріи входитъ еще Женева, которая до начала XIX в. была только союзной съ Швейцаріей республикой.

Государства-города возникали не только на Западѣ, среди народовъ романскихъ и германскихъ [1]), но и на Востокѣ, среди славянъ, хотя и не въ такомъ количествѣ и не съ такимъ развитіемъ. У южныхъ славянъ слѣдуетъ отмѣтить Дубровницкую республику въ Далмаціи, сложившуюся подъ итальянскимъ вліяніемъ (Дубровникъ по-итальянски называется Рагузой) и просуществовавшую до начала XIX в. Болѣе оригинальны „сѣверно-русскія народоправства“, какъ назвалъ Костомаровъ Новгородъ, Псковъ и Вятку. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ, въ чемъ сходство и въ чемъ различіе русскихъ „народоправствъ“ съ другими городовыми республиками, и я отмѣчу лишь то, что въ литературѣ дѣлались попытки сближенія новгородскихъ и псковскихъ учрежденій съ античными. Наприм., это мы находимъ въ „Очеркѣ внутренней исторіи Пскова“ (1873) покойнаго варшавскаго профессора Никитскаго, который не разъ обращается къ античнымъ аналогіямъ [2]). Не входя здѣсь въ разборъ вопроса по существу, я укажу только, что Никитскій былъ особенно склоненъ понимать многія явленія древней русской жизни въ освѣщеніи, какое для него давали эти аналогіи. „Смѣшеніе понятій города и государства“ онъ считаетъ „характеристическимъ для древней Руси“ [3]). Ей, говоритъ онъ, „различіе между городомъ и государствомъ во всей его стро-

---

[1]) О средневѣковыхъ городахъ въ Зап. Европѣ громадная литература. Общій сводъ главнѣйшихъ научныхъ результатовъ см. въ книгѣ *А. Дживелегова* „Средневѣковые города въ Западной Европѣ“ (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ брошюрой того же автора „Городская община въ средніе вѣка“).

[2]) На стр. 151. Никитскій видитъ въ псковскомъ двойномъ посадничествѣ „одну изъ любопытнѣйшихъ аналогій съ римскимъ бытомъ“, т.-е. съ двойнымъ консульствомъ. То же самое на стр. 154 по поводу ежегодной смѣны обоихъ степенныхъ посадниковъ въ Псковѣ. См. на стр. 162 сравненіе псковскихъ „концовъ“ съ аѳинскими демами.

[3]) Стр. 60.

гости было мало извѣстно [1]). Эта неспособность отрѣшиться отъ смѣшенія различныхъ по существу понятій города и государства не составляетъ нимало исключительной принадлежности древне-русской жизни, а замѣчается одинаково и въ классическомъ мірѣ, въ исторіи Рима и въ особенности Греціи, Аѳинъ, которыя въ политическомъ устройствѣ своемъ представляютъ любопытныя черты сходства съ древнею Русью и потому при сличеніи могутъ подать поводъ къ поучительнымъ соображеніямъ" [2]). Дѣлались и иныя попытки, указывающія только на то, что и въ русской исторіи можно было бы собрать нѣкоторый матеріалъ для сравнительно-типологическаго изученія государства-города, какъ извѣстной общей формы политической организаціи.

Многія особенности политическаго развитія народовъ зависятъ отъ того, какую форму принимаетъ у нихъ государство и какую роль въ государствѣ играетъ городъ, разъ онъ дѣлается исключительнымъ мѣстомъ политической жизни съ чисто городскимъ вѣчемъ, рѣшеніе котораго обязательно для цѣлой государственной территоріи, причемъ она можетъ быть и весьма обширною, какова была, напр., Новгородская земля или какою сдѣлался ager Romanus къ 100 г. до Р. Х. Цѣлый рядъ историческихъ особенностей античнаго міра зависѣлъ отъ городовой формы его политической организаціи. Разница между античнымъ міромъ и новой Европой та, что въ первомъ политическая интеграція въ періодъ возникновенія государствъ остановилась на государствѣ-городѣ, а во второй—на государствѣ-народности [3]).

Но въ рамкахъ политическихъ организацій разнаго типа совершалось одно и то же соціальное развитіе, и происходили до извѣстной степени аналогичныя государственныя измѣненія. Экономическая эволюція, отвлеченно взятая, и въ древнемъ, и въ новомъ мірѣ представляла собою одинъ и тотъ же процессъ, который хорошо подмѣченъ въ формулѣ Бюхера [4]). Для исторіи хозяйственнаго быта древности современная историческая наука находитъ все больше и больше

---

[1]) Стр. 161.

[2]) Стр. 162. См. также „Очерки изъ жизни Великаго Новгорода" Никитскаго (Журн. Мин. Нар. Просв. 1869).

[3]) См. выше, стр. 17.

[4]) См. выше, стр. 62 — 64.

аналогій и параллелей въ прошломъ и настоящемъ теперешнихъ европейскихъ народовъ. Конечно, многаго стараго новая Европа при этомъ не повторяетъ. Напр., въ древности періодъ наибольшаго промышленнаго процвѣтанія былъ періодомъ и наибольшаго развитія рабства. Эдуардъ Мейеръ, особенно настойчиво проводящій въ своихъ трудахъ идею параллельнаго развитія, самъ вынужденъ признать, что если крѣпостныя отношенія гомеровской эпохи соотвѣтствуютъ хозяйственнымъ отношеніямъ христіанскаго средневѣковья, то „рабство послѣдующаго періода стоитъ на равной линіи съ свободнымъ трудомъ новаго времени и выросло изъ тѣхъ же моментовъ, что̀ и послѣдній“ [1]). Въ экономическомъ отношеніи это справедливо [2]), но именно только новое время отдѣлалось отъ юридическаго рабства въ осуществленіе естественнаго права личности, провозглашавшагося уже въ древности [3]), но тогда остававшагося одной теоріей, которую и не думали реализировать. Во взаимныхъ отношеніяхъ гражданина и государства равнымъ образомъ мы находимъ аналогіи [4]), но опять-таки лишь новая Европа и въ этомъ отношеніи оказалась болѣе благосклонной къ естественному праву человѣческой личности. Мы видѣли, какое зло приносило съ собою рабство въ соціальной сферѣ, и въ отсутствіи этого института заключается одно изъ преимуществъ новаго времени. Аристотель не могъ себѣ представить промышленной дѣятельности безъ рабства: по его мнѣнію, возможно было бы обходиться безъ рабовъ лишь въ томъ случаѣ, если бы все дѣлалось само собою. „Если бы, говоритъ онъ въ „Политикѣ“,— если бы каждое орудіе, или по приказанію человѣка, или по собственному предусмотрѣнію, само могло исполнять свое дѣло, пободно тому, какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и о треножникахъ Гефеста, которые, по словамъ поэта, сами собой катились въ сонмъ боговъ, такъ если бы челноки сами ткали, а плектры сами играли на кіѳарѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужны въ слугахъ, а господамъ въ рабахъ“ [5]). То, о чемъ здѣсь говоритъ Ари-

---

[1]) Рабство въ древности, стр. 24.

[2]) Ср. выше, стр. 29.

[3]) См. выше, стр. 211.

[4]) См. выше, стр. 151 — 153.

[5]) Перев. Скворцова, стр. 13 — 14.

стотель, совершилось — въ изобрѣтеніи машинъ и въ примѣненіи ихъ къ промышленности, произведшихъ цѣлую экономическую революцію, но всякій знаетъ, что сначала рабочіе видѣли въ машинахъ конкуррентовъ, отбивающихъ у нихъ работу, какъ видѣли въ древности такихъ же конкуррентовъ свободные наймиты въ привозныхъ рабахъ.

Общественная эволюція древности шла отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, отъ экономической и политической замкнутости къ широкому космополитическому общенію, отъ формъ патріархальнаго быта къ демократической свободѣ, и, собственно говоря, въ томъ же направленіи совершалась эволюція новыхъ народовъ. Существуетъ, однако, большая разница между античной и новой демократіей, и разсмотрѣніемъ этой разницы мы закончимъ эту заключительную главу нашей книги.

Намъ извѣстны отличительные признаки античной демократіи. „Народомъ“ въ политическомъ смыслѣ было не все населеніе данной территоріи, а только нѣкоторая его часть, граждане, рядомъ съ которыми тутъ же жили простые свободные обыватели, не имѣвшіе политическихъ правъ, и рабы, у которыхъ не было и гражданскихъ правъ. Граждане античныхъ республикъ были правящимъ ихъ классомъ, который могъ имѣть аристократическій или демократическій составъ, но въ обоихъ случаяхъ это было своего рода привилегированное сословіе,— очень малочисленное или, наоборотъ, очень многочисленное,—которое одно пользовалось политическими правами среди населенія, заключавшаго въ себѣ и другіе элементы. Иногда у античнаго демоса-плебса были даже свои подданные въ видѣ населенія другихъ общинъ, которымъ не удалось сохранить свою политическую независимость, какъ это особенно мы видимъ въ исторіи Аѳинъ и Рима. Далѣе, демократія древнихъ городовыхъ государствъ была непосредственною: чтобы аѳинянинъ или римлянинъ могъ воспользоваться своими политическими правами, онъ долженъ былъ лично явиться въ народное собраніе. Древность не такъ-таки безусловно не знала представительной формы, какъ это прежде думали, но въ античномъ мірѣ представительство все-таки явленіе исключительное и едва только намѣчающееся. Въ случаѣ образованія амфиктіоній и городскихъ союзовъ возникали общія собранія, которыя иногда бывали тоже непосредственными, иногда получали представительную организацію, но та-

кія собранія были скорѣе международными конгрессами, чѣмъ палатами депутатовъ [1]). Если аѳинская буле и была своего рода представительной палатой отъ отдѣльныхъ аттическихъ демовъ [2]), то не она, а непосредственное вѣче, экклесія, играло главную роль въ государственной жизни. Чтобы нѣчто подобное представительству въ современномъ смыслѣ найти въ древности, нужно обратиться къ эпохѣ имперіи, когда стали возникать въ отдѣльныхъ провинціяхъ собранія представителей отъ отдѣльныхъ муниципальныхъ общинъ: въ романизированной половинѣ имперіи они назывались *конциліями* (concilium), въ греческой—*кэнами* или *койнами* (τὸ κοινὸν [3]), такъ сказать, соборами. Только эти провинціальныя собранія существовали уже въ эпоху полнаго паденія демократіи и никогда не пользовались правомъ издавать законы и вотировать налоги.

Къ указаннымъ общимъ чертамъ античной демократіи нужно прибавить еще одну. Это не была исключительно рабочая демократія. Съ одной стороны, существованіе рабства препятствовало развитію вольно-наемнаго труда, съ другой—существованіе въ нѣкоторыхъ городахъ большихъ государственныхъ доходовъ, часть которыхъ въ той или другой формѣ дѣлилась между неимущими гражданами, доставляло возможность значительной части городского народа жить безъ работы. Превращеніе „народа“ въ „чернь“ было однимъ изъ наиболѣе отрицательныхъ явленій демократической эволюціи античныхъ гражданскихъ общинъ. Для Полибія было даже своего рода соціологическимъ закономъ [4]) превращеніе демократіи въ охлократію. Когда граждане, по его словамъ, перепробуютъ всѣ другія формы, „единственная необманутая надежда, какая остается у гражданъ, это — на самихъ себя: къ ней-то они и обращаются, измѣняя олигархію въ демократію и на самихъ себя возлагая заботы о государствѣ и охрану его“ [5]). Полибій видѣлъ и причину вырожденія демократіи въ охлократію, которая заключалась, по его словамъ, въ развитіи у народа „жадности къ подачкамъ“, въ развитіи

---

[1]) См. выше, стр. 238.

[2]) См. выше, стр. 137.

[3]) Ср. выше, стр. 237.

[4]) Ср. выше, стр. 93.

[5]) Перев. проф. Мищенка, т. II, стр. 13.

„привычки кормиться чужимъ и въ полученіи средствъ къ жизни расчитывать на чужое состояніе“ [1]).

Въ новѣйшей исторіографіи античная демократія получала различную оцѣнку. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ проявлялись главнымъ образомъ политическія симпатіи и антипатіи лицъ, судившихъ объ этой демократіи, которая или защищалась, или порицалась только потому, что она была демократія. Съ другой стороны, когда такіе политическіе мотивы сужденія отступали на задній планъ, нерѣдко тѣ или другія мнѣнія являлись при этомъ не столько результатами обобщенія конкретныхъ фактовъ, сколько выводами изъ логическихъ разсужденій. Идеализація античнаго міра, долго господствовавшая въ области ученыхъ изслѣдованій и популяризаціи знаній о немъ, распространялась и на античную демократію. „Великія выгоды, говоритъ Васильевскій въ своей книгѣ о политической реформѣ и соціальномъ движеніи въ Греціи, — великія выгоды, проистекавшія изъ греческой политической системы для личнаго, индивидуальнаго развитія, очевидны на первый взглядъ и объяснены знаменитыми историками и мыслителями. *Каждый отдѣльный гражданинъ греческой республики былъ развитъ и политически воспитанъ до высшей возможной степени*... Постоянно присутствуя при обсужденіи вопросовъ иностранной политики и внутренняго управленія величайшими ораторами, какихъ только видѣлъ міръ, гражданинъ Аѳинской республики *получалъ политическое воспитаніе, которому нельзя найти равнаго въ исторіи человѣчества*... Членъ демократическаго вѣча, стоя по своему развитію безконечно выше общаго уровня избирателей (въ современныхъ представительныхъ правленіяхъ), равняется, вообще говоря, члену какого угодно представительнаго собранія“ [2]). Это не единичное личное мнѣніе, а еще недавно одно изъ общихъ мѣстъ многихъ историческихъ книгъ, и что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, собственно говоря, не съ демократическимъ увлеченіемъ, а съ увленіемъ античностью, это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ того же историка: „многія тысячи изъ среды полумилліоннаго населенія могли постоянно вращаться въ сферѣ тѣхъ интересовъ и вопросовъ, которые въ новыхъ государствахъ поручаются

---

[1]) Стр. 14.

[2]) *В. Васильевскій.* Политическая реформа и т. д., стр. 3—4.

только немногимъ сотнямъ людей, избранныхъ изъ среды многихъ милліоновъ. *Самыя аристократическія государства древности*, прибавляетъ нашъ авторъ, *съ этой точки зрѣнія представляютъ все-таки большое преимущество передъ какою угодно всеобщею подачею голосовъ*“ [1]). Что иное, какъ не увлеченіе античностью, проявилось и въ возраженіи, которое Васильевскій дѣлаетъ Токвилю (1805—1859), автору „Демократіи въ Америкѣ“, ставящему теперешнія американскія республики выше античныхъ? Это возраженіе заключается въ томъ, что аѳиняне были „народомъ, который умѣлъ понимать и цѣнить Эсхила, Софокла, Перикла и Аристофана“, и что „частыя вѣча замѣняли всякую журналистику и распространяли интересъ къ общимъ дѣламъ несравненно живѣе и глубже“. Эта идеализація античной демократіи, повторяю, еще недавно была общимъ мѣстомъ исторіографіи, и потому Васильевскій не напрасно ссылался на авторитетъ „знаменитыхъ историковъ и мыслителей“. Впрочемъ, въ настоящее время эта классическая идеализація отошла уже въ прошлое, и историческая наука во имя реальной правды трезвѣе смотритъ на соціальный и политическій бытъ древности, учась вмѣстѣ съ тѣмъ у настоящаго надлежащимъ образомъ понимать многія явленія этой древности по ихъ сходству или ихъ несходству съ современными.

Впрочемъ, общее мѣсто, о которомъ сказано выше, не всегда было общимъ мнѣніемъ, и обличенія выродившейся въ охлократію демократіи у самихъ древнихъ (у Платона, у Аристотеля, у Полибія и др.) давали возможность и нападать самымъ рѣзкимъ образомъ на античную демократію вообще, въ частности на демократію аѳинскую и въ особенности на Перикла, какъ на самаго выдающагося дѣятеля послѣдней. Никогда, однако, не было собрано воедино столько обвиненій противъ античной демократіи, не обнаружено было столько рѣзкости и запальчивости по отношенію къ ней, можно сказать даже — злобности и страстности въ самихъ обвиненіяхъ, какъ въ книгѣ мадьярскаго ученаго Юлія Шварца, автора вышедшей лѣтъ двадцать тому назадъ книги „Демократія“ [2]). Это — цѣлый обвинительный актъ, пристрастный,

---

[1]) Стр. 4.

[2]) *Julius Schvarcz.* Die Demokratie. Первый томъ (1884 г.) посвященъ демократіи въ Аѳинахъ, второй (1891)—Риму.

несправедливый, сгущающій мрачныя краски, перетолковывающій въ дурную сторону все, что только можно перетолковывать, полный натяжекъ и искаженій. Историческая правда должна быть одинаково далека и отъ панегирика, и отъ пасквиля: задача исторической науки не въ томъ, чтобы творить идеальные образы и восторгаться плодами творческой фантазіи, и не въ томъ, чтобы рисовать каррикатуры и клеветать на дѣйствительность. Путемъ творческой работы воображенія можно что̀ угодно облагородить, что̀ угодно обезобразить и одну и ту же вещь представить, какъ нѣчто привлекательное и нѣчто отталкивающее: въ каждомъ явленіи можно найти и хорошія, и дурныя стороны. Современная историческая наука становится вообще на путь критическаго изслѣдованія и критической оцѣнки, стараясь прежде всего вывести всѣ хорошія качества и всѣ недостатки изучаемыхъ явленій изъ породившихъ ихъ причинъ и условій.

Нѣсколькими наудачу взятыми приговорами новѣйшихъ критическихъ историковъ о древней (собственно греческой) демократіи мы и окончимъ наше разсмотрѣніе античнаго государства-города, кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи котораго было утвержденіе въ немъ демократіи. Обратимся прежде всего къ Белоху, прекрасная „Исторія Греціи“ котораго есть и въ русскомъ переводѣ. Общее отношеніе его къ демократическому движенію въ Греціи сочувственное. Въ установленіи демократіи онъ видитъ замѣну „разумнымъ правомъ“ такъ называемаго „историческаго права“ и указываетъ на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ демократія осуществляла принципъ индивидуальной свободы [1]). Но, говоритъ Белохъ въ одномъ мѣстѣ, „демократія была въ значительной мѣрѣ сама виновата въ томъ, что общественное мнѣніе стало (впослѣдствіи) отворачиваться отъ нея... Когда цѣль была достигнута, начали сознавать, что дѣйствительность имѣетъ совершенно иной видъ, чѣмъ теорія. Низшіе слои общества еще далеко не были подготовлены къ пользованію тѣми обширными политическими правами, которыя предоставлялъ имъ демократическій строй... Масса неизбѣжно должна была становиться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто

[1]) См. XIII главу I-го тома, въ частности стр. 376, гдѣ говорится объ индивидуальной свободѣ. Ср. у насъ ниже, стр. 334.

умѣлъ пріобрѣсти ея довѣріе“ [1]). Съ другой стороны, „демократія, выставившая своимъ девизомъ общее равноправіе, обратилась въ господство одного класса, какъ олигархія VII вѣка, съ тою лишь разницей, что тогда гнетъ исходилъ сверху, теперь — снизу“ [2]). Наконецъ, Белохъ указываетъ спеціально и на умственную незрѣлость тогдашнихъ массъ. „Демократическій строй, говоритъ онъ, давалъ возможность всякому гражданину принимать участіе въ политической жизни; однако, и это участіе не могло имѣть большого образовательнаго значенія уже потому, что только небольшая часть населенія правильно посѣщала народное собраніе и геліэю. Именно умственная незрѣлость массъ и погубила греческую демократію“ [3]). „Греческій пролетаріатъ, говоритъ еще Белохъ, стоялъ на очень низкомъ уровнѣ образованности, а для радикальнаго преобразованія имущественныхъ отношеній сила пролетаріата оказалась недостаточной“ [4]).

Эдуардъ Мейеръ, другой видный современный историкъ античнаго міра, стоитъ на аналогичной точкѣ зрѣнія. Демократическій идеалъ, говоритъ онъ, „не оправдался на дѣлѣ. Уже вскорѣ начали обнаруживаться его отрицательныя стороны, и опѣ выступали тѣмъ рѣзче, чѣмъ сложнѣе становились политическія и военныя задачи. Всеобщее равенство такъ же мало обезпечивало общее благоразуміе и подчиненіе общимъ интересамъ, какъ судейской клятвой не гарантируется глухота противъ лжи сикофантовъ и адвокатскихъ уловокъ и забвеніе политическихъ и сословныхъ интересовъ“ [5]). Эдуардъ Мейеръ также напираетъ и на то, что умственный уровень античной демократіи былъ очень ужъ не высокій. „Демократія, говоритъ онъ, политическій радикализмъ которой былъ не чѣмъ инымъ, какъ стремленіемъ крѣпко держаться за добычу и вполнѣ ею воспользоваться, во всѣхъ религіозныхъ и культурныхъ вопросахъ была настроена насквозь консервативно, даже реакціонно“ [6]). Во враждебномъ отно-

---

[1]) Т. II, стр. 17.

[2]) Т. II, стр. 22.

[3]) Т. I, стр. 497—498.

[4]) Т. II, стр. 27—28.

[5]) *Э Мейеръ*. Экономическое развитіе древняго міра, стр. 51.

[6]) *E. Meyer*. Gesch. des Alterthums. IV, 420.

шеніи къ новому образованію крайніе демократы шли рука объ руку съ консервативной партіей. „Передъ нами, говоритъ еще Мейеръ, развертывается замѣчательное зрѣлище, что партіи, которыя боролись въ политикѣ на животъ и на смерть, имѣли на своихъ знаменахъ одну и ту же программу по отношенію къ новымъ духовнымъ стремленіямъ: борьба противъ новаго духа, сохраненіе старыхъ традицій“ [1]). Наконецъ, мы отмѣчали уже и мнѣніе Э. Мейера о томъ, что соціально-политическій вопросъ греческой демократіи былъ въ безъисходномъ кругѣ [2]). Это, дѣйствительно, былъ заколдованный кругъ постоянныхъ революцій. Главная бѣда была въ полной экономической необезпеченности городской демократіи. Этотъ же экономическій моментъ выдвигается на первый планъ и въ приговорахъ Шёльмана о наиболѣе характерныхъ особенностяхъ античной демократіи, которой оказалось не подъ силу организовать свободное государство и рѣшить соціальный вопросъ своего времени. Особенно выдвигаетъ онъ впередъ то обстоятельство, что античная демократія, — когда она становилась на почву соціальнаго вопроса,—стремясь улучшить свое положеніе, думала только занять положеніе тѣхъ, противъ кого вела борьбу, не протестуя противъ самого порядка вещей, создающаго неудобныя положенія. Нѣчто аналогичное представляютъ намъ и возстанія античныхъ рабовъ не противъ рабства вообще, а противъ *своего* рабства, — форма протеста, не исключающая возможности рабу самому стремиться сдѣлаться господиномъ надъ другими, которые для него попрежнему оставались бы рабами.

Однакоже этой самой демократіи, съ другой стороны, новѣйшіе историки древняго міра приписываютъ ту черту, которой многіе до сихъ поръ не хотятъ видѣть въ государствѣ-городѣ въ эпоху наибольшаго развитія въ немъ духовной культуры. Я уже останавливался на очень распространенномъ взглядѣ, будто античный міръ совсѣмъ не зналъ индивидуальной свободы, свободы личности [3]). Современные изслѣдователи не раздѣляютъ этой точки зрѣнія и, говоря

---

[1]) IV, 425. Ср. 433, гдѣ Э. Мейеръ говоритъ о демократической и аристократической реакціяхъ противъ новой культуры, и т. V, стр. 224 и слѣд., гдѣ рѣчь идетъ объ осужденіи Сократа.

[2]) См. выше, стр. 186.

[3]) См. выше, стр. 149 и слѣд.

о демократическомъ развитіи, наоборотъ, очень часто отмѣчаютъ его индивидуалистическія стремленія.

„Вообще, говоритъ, напр., Белохъ объ эпохѣ Перикла, основное стремленіе этого вѣка — освободиться отъ всякаго принужденія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и, можетъ быть, никогда болѣе этотъ идеалъ не былъ осуществленъ въ такой степени, какъ въ Аѳинахъ IV (т.-е. слѣдующаго) вѣка. Здѣсь господствовала прежде всего неограниченная свобода слова; аѳиняне справедливо гордились ею и предоставляли ее отчасти даже метэкамъ и рабамъ... И вообще законъ лишь настолько вмѣшивался въ частную жизнь гражданъ, насколько это было безусловно необходимо. Вольность, которая вытекала отсюда, имѣла, конечно, и дурныя стороны, но она была во всякомъ случаѣ несравненно лучше мелочной полицейской регламентаціи олигархическихъ государствъ, не говоря уже о военной дисциплинѣ Спарты“ [1]).

[1]) Исторія Греціи. Т. I, стр. 376.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Выдержки изъ VI книги „Всеобщей исторіи въ сорока книгахъ“ Полибія о римскомъ государственномъ устройствѣ [1]).

Въ дополненіе къ тому, что̀ говорится о взглядѣ Полибія на римское государственное устройство на стр. 141—142 текста, приводимъ наиболѣе существенныя мѣста изъ самаго труда Полибія (кн. VI, главы 3 и 10—18).

«Что касается римскаго государства, то при многосложности устройства весьма нелегко изобразить его теперешнее состояніе. Поэтому-то требуется необыкновенное вниманіе и тщательность изысканія отъ того, кто захотѣлъ бы ясно себѣ представить отличительныя черты римскаго государства. Большинство писателей, которые желаютъ научить насъ подобнымъ предметамъ, различаютъ три формы государственнаго устройства, изъ коихъ одна именуется царствомъ, другая аристократіей, третья демократіей (стр. 6). Мнѣ кажется, каждый въ правѣ спросить ихъ, считаютъ ли они эти формы вообще единственными или только наилучшими. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они, какъ я полагаю, заблуждаются, ибо несомнѣнно совершеннѣйшей государственной формой надлежитъ признавать такую, въ которой соединяются особенности всѣхъ формъ, поименованныхъ выше. Подтверждается это не соображеніями только, но и самымъ опытомъ, ибо Ликургъ первый построилъ государство лакедемонянъ

[1]) Перев. Ѳ. Г. Мищенка (М. 1890 и 1895). Ссылки дѣлаются на II томъ.

именно по такому способу [1]). Равнымъ образомъ нельзя эти формы считать и единственными»... (стр. 7).

Изобразивъ въ главѣ 10, какъ именно Ликургъ устроилъ Спарту, Полибій продолжаетъ:

«Ликургъ путемъ разсужденій выяснилъ себѣ, откуда и какимъ образомъ происходятъ всякія перемѣны, и установилъ описанную выше безупречную форму правленія. Въ устроеніи родного государства римляне поставили себѣ ту же самую цѣль, только достигали ее не путемъ разсужденій, но многочисленными войнами и трудами, причемъ полезное познавали и усвоивали себѣ въ самыхъ превратностяхъ судьбы. Этимъ способомъ они достигли той же цѣли, что и Ликургъ, и дали своему государству наилучшее въ наше время устройство» (стр. 16).

«Въ государствѣ римлянъ были всѣ три власти, поименованныя мною выше, причемъ все было распредѣлено между отдѣльными властями и при помощи ихъ устроено столь равномѣрно и правильно, что никто даже изъ туземцевъ не могъ бы рѣшить, аристократическое ли было все управленіе въ совокупности, или демократическое, или монархическое. Да оно и понятно. Въ самомъ дѣлѣ: если мы сосредоточимъ вниманіе на власти консуловъ, государство покажется вполнѣ монархическимъ и царскимъ, если на сенатъ—аристократическимъ, если, наконецъ, кто-либо приметъ во вниманіе только положеніе народа, онъ, навѣрное, признаетъ римское государство демократіей» (стр. 18).

Перечисливъ права и обязанности консуловъ, Полибій замѣчаетъ, что «всякій, кто обратитъ свой взоръ только на эту власть, въ правѣ будетъ назвать римское государство истинной монархіей или царствомъ» (стр. 19). Равнымъ образомъ, разсмотрѣвъ функціи сената, онъ заключаетъ: «такимъ образомъ государство представляется совершенно аристократическимъ, если кто явится въ Римъ въ отсутствіе консула. Въ этомъ убѣждены многіе эллины и цари, ибо всѣ почти дѣла римлянъ рѣшаются сенатомъ.—По этой причинѣ, продолжаетъ Полибій, не безъ основанія можно спросить, какая же доля участія въ государственномъ управленіи остается народу, да и остается ли какая-нибудь, если сенату принадлежитъ рѣшеніе всѣхъ перечисленныхъ нами дѣлъ, если—и это самое важное—сенатъ вѣдаетъ всѣ доходы и расходы, если, съ другой стороны, консулы имѣютъ неограниченныя полномочія въ дѣлѣ военныхъ приготовленій и въ военныхъ походахъ. При всемъ этомъ остается мѣсто

[1]) О происхожденіи такого мнѣнія см. выше, стр. 226.

и для участія народа, даже для участія весьма вліятельнаго. Ибо въ государствѣ только народъ имѣетъ власть награждать и наказывать (стр. 20)... Онъ же властенъ принять законъ или отвергнуть его и—что самое важное—рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ. Потомъ, народъ утверждаетъ или отвергаетъ заключеніе союза, замиреніе, договоры. Судя по этому, всякій имѣетъ право сказать, что въ римскомъ государствѣ народу принадлежитъ важнѣйшая доля въ управленіи, и что оно—демократія».

Показавъ, «какимъ образомъ государственное управленіе у римлянъ распредѣляется между отдѣльными властями», Полибій сообщаетъ далѣе, «какимъ образомъ отдѣльныя власти могутъ при желаніи или мѣшать одна другой, или оказывать взаимную поддержку и содѣйствіе» (стр. 21). Общіе итоги разсмотрѣнія этой стороны дѣла Полибій сводитъ къ такимъ тремъ положеніямъ: 1) «Для консуловъ весьма небезопасно пренебрегать благоволеніемъ какъ сената, такъ равно и народа» (стр. 22). 2) «Сенатъ боится народа и со вниманіемъ относится къ нему». 3) «Въ равной мѣрѣ и народъ находится въ зависимости отъ сената и обязанъ сообразоваться съ нимъ въ дѣлахъ государства и частныхъ лицъ» (стр. 23) и совершенно такъ же всѣ граждане «не имѣютъ охоты противодѣйствовать видамъ консуловъ, ибо каждый гражданинъ въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ подчинены власти консуловъ во время войны».

Общее заключеніе Полибія таково: «хотя каждая власть имѣетъ полную возможность и вредить другой, и помогать, однако, во всѣхъ положеніяхъ онѣ обнаруживаютъ подобающее единодушіе, и потому нельзя было бы указать лучшаго государственнаго устройства... Вотъ почему это государство, благодаря своеобразности строя, оказывается неодолимымъ и осуществляетъ всѣ свои планы». Далѣе, «если бы какая-либо власть возмнила о себѣ не въ мѣру, стала притязательной и присвоила себѣ неподобающее значеніе, между тѣмъ какъ... ни одна изъ властей не довлѣетъ себѣ и каждая изъ нихъ имѣетъ возможность мѣшать и противодѣйствовать замысламъ другихъ, то чрезмѣрное усиленіе одной изъ властей и превознесеніе надъ прочими оказались бы совершенно невозможными» (стр. 24).

II. Описаніе аѳинскаго народнаго собранія у Фюстель де Куланжа [1]).

На стр. 279—280 текста нами приведены выдержки изъ книги Фюстель де Куланжа, касающіяся аѳинской демократіи. Дополняемъ ихъ еще однимъ мѣстомъ изъ той же книги, гдѣ изображается аѳинская экклесія.

«Собраніе созывалось пританами или стратегами. Оно помѣщалось въ оградѣ, освященной религіей; съ самаго утра жрецы обходили кругомъ Пниксъ, принося жертвы и моля боговъ о покровительствѣ. Народъ разсаживался на каменныя лавы. На нѣкотораго рода возвышенномъ помостѣ находились пританы, а впереди ихъ — проэдры, предсѣдательствовавшіе въ собраніи. У трибуны стоялъ алтарь, и сама трибуна слыла алтаремъ въ своемъ родѣ. Когда всѣ усаживались на мѣста, одинъ изъ жрецовъ возвышалъ голосъ: «храните безмолвіе, говорилъ онъ, благоговѣйное безмолвіе; молите боговъ и богинь (тутъ онъ поименовывалъ главныя божества края), да совершится все къ лучшему на вящшую пользу Аѳинъ и на благо ихъ гражданамъ». А народъ или кто-либо отъ его имени отвѣчалъ: «Молимъ боговъ, да будутъ покровителями гражданской общинѣ. Да восторжествуетъ мнѣніе мудрѣйшаго! Да будетъ проклятъ тотъ, кто дастъ намъ недобрый совѣтъ, кто затѣетъ измѣнять законы и постановленія, или кто откроетъ тайны наши непріятелю!» Затѣмъ глашатай по волѣ предсѣдателей возвѣщалъ, чѣмъ именно должно заняться собраніе. То, что̀ предлагалось народу, непремѣнно было уже напередъ обсужено и изучено въ сенатѣ. Народъ не имѣлъ того, что̀ на новѣйшемъ языкѣ зовется починомъ, инициативою. Сенатъ прямо вносилъ проектъ постановленія; народъ могъ его отринуть или принять; судить о чемъ-либо другомъ ему не предоставлялось. По прочтеніи проекта глашатаемъ открывалось преніе. Глашатай спрашивалъ: «Кто хочетъ говорить?» Ораторы всходили на трибуну по старшинству лѣтъ. Говорить воленъ былъ всякій, какого бы ни былъ онъ достатка или званія, но съ условіемъ доказать, что онъ пользуется политическими правами, что онъ не долженъ государственной казнѣ, что нравы его чисты, что онъ женатъ законнымъ бракомъ, что у него есть земельный участокъ въ

---

[1]) Гражданская община древняго міра, стр. 444 — 448 (по перев. Корша въ изд. 1867 г.).

Аттикѣ, что онъ выполнилъ всѣ свои обязанности къ родителямъ, что онъ справилъ всѣ военные походы, куда былъ посланъ, и что не бросилъ своего щита ни въ одномъ сраженіи. Взявъ эти предосторожности противъ краснорѣчія, народъ отдавался ему затѣмъ весь. Аѳиняне, какъ говоритъ Оукидидъ, не думали, чтобы слово вредило дѣлу. Они, напротивъ, ощущали потребность все себѣ уяснять. Политика не была уже, какъ при старомъ порядкѣ, дѣломъ вѣры и преданія. Надо было размышлять и взвѣшивать доводы. Обсужденіе стало необходимостью, потому что любой вопросъ былъ болѣе или менѣе теменъ, и одно только живое слово могло выяснить истину. Аѳинскій народъ хотѣлъ, чтобъ любое дѣло представляли ему со всѣхъ многоразличныхъ сторонъ и обнаруживали до очевидности все, что можно привести за и противъ. Онъ очень дорожилъ своими ораторами и, говорятъ, вознаграждалъ ихъ деньгами за каждую рѣчь, произнесенную съ трибуны. Онъ дѣлалъ еще болѣе: онъ ихъ слушалъ. Не надо воображать, что это была буйная и шумливая толпа. Народъ держалъ себя совершенно иначе: комическій поэтъ представляетъ его слушающимъ разиня ротъ, неподвижнымъ на каменныхъ своихъ лавкахъ. Историки и ораторы часто описываютъ намъ эти народныя собранія; мы никогда почти не видимъ, чтобы оратора кто-нибудь прервалъ; говоритъ ли Периклъ или Клеонъ, Эсхинъ или Демосѳенъ, народъ внимателенъ; льстятъ ли ему или его шуняютъ, онъ все-таки готовъ выслушать. Онъ даетъ высказаться самымъ противоположнымъ мнѣніямъ, съ изумительнымъ иногда терпѣніемъ. Никогда ни криковъ, ни свистковъ. Ораторъ, что бы онъ себѣ ни говорилъ, всегда можетъ безпрепятственно дойти до конца рѣчи. Въ Спартѣ краснорѣчіе неизвѣстно. Это оттого, что тамъ совсѣмъ иныя начала правленія. Властвуетъ еще аристократія, а у нея есть запасъ неизмѣнныхъ преданій, при которыхъ нѣтъ никакой надобности долго обсуждать противоположныя стороны предмета. Въ Аѳинахъ народъ хочетъ самъ все разузнать; онъ рѣшаетъ только послѣ состязательнаго пренія; онъ дѣйствуетъ только, когда убѣжденъ или когда считаетъ себя убѣжденнымъ. Чтобы пустить въ ходъ, расшевелить всеобщую подачу голосовъ, для этого необходимо слово; краснорѣчіе — пружина демократическаго правленія. Вотъ почему ораторы рано принимаютъ титло демагоговъ, то-есть вожаковъ гражданской общины; въ самомъ дѣлѣ они заставляютъ ее дѣйствовать, они руководятъ или опредѣляютъ всѣ ея рѣшенія. Предвидѣли тотъ случай, что ораторъ предложитъ, пожалуй, что-нибудь противное существующимъ законамъ. Аѳины имѣли особыхъ сановниковъ, которые назывались

блюстителями законовъ [1]). Въ числѣ семерыхъ, они наблюдали за собраніемъ, сидя на возвышенныхъ сѣдалищахъ и какъ бы представляли собой законъ, стоящій выше самаго народа. Замѣтивъ, что нападеніе направлено на какой-нибудь законъ, они останавливали оратора среди рѣчи и немедленно закрывали собраніе. Народъ расходился, не имѣя права пускать предложеніе на голоса. Существовалъ одинъ законъ, хотя, правда, и неудобопримѣнимый, который каралъ оратора, уличеннаго въ поданіи недобраго совѣта народу. Былъ другой законъ, не допускавшій на трибуну такого оратора, который трижды посовѣтовалъ опредѣленія, противныя существующимъ законамъ. Аѳины знали очень хорошо, что демократія можетъ держаться только уваженіемъ къ закону. Забота объ изысканіи перемѣнъ, которыя могутъ быть дѣйствительно полезны въ законодательствѣ, принадлежала исключительно ѳесмоѳетамъ. Предложенія ихъ поступали въ сенатъ, который, будучи въ правѣ отринуть перемѣну, не имѣлъ, однакожъ, права обратить ее въ законъ. Въ случаѣ ея одобренія, сенатъ созывалъ народную сходку и сообщалъ ей проектъ ѳесмоѳетовъ. Но народъ ничего не долженъ былъ рѣшать немедленно; онъ отлагалъ пренія до слѣдующаго дня, а между тѣмъ назначалъ пятерыхъ ораторовъ, которыхъ исключительная обязанность состояла въ оборонѣ прежняго закона и въ обнаруженіи всѣхъ неудобствъ предлагаемаго нововведенія. Въ назначенный день народъ собирался опять и выслушивалъ сперва ораторовъ, которымъ поручена была защита старыхъ законовъ, а потомъ тѣхъ, которые стояли за новые. Выслушавъ рѣчи, народъ все еще не рѣшалъ. Онъ ограничивался назначеніемъ весьма многочисленной коммиссіи, составленной исключительно изъ лицъ, отправлявшихъ когда-нибудь судейскую обязанность. Коммиссія эта пересматривала дѣло, вновь выслушивала ораторовъ, совѣщалась и обсуждала. Если она отвергала предложенный законъ, рѣшеніе ея считалось окончательнымъ и безотмѣннымъ. Если она его одобряла, она опять-таки собирала народъ, который, въ третій этотъ разъ, уже долженъ былъ идти на голоса, и большинство ихъ въ пользу предложенія наконецъ дѣлало его по-

---

[1]) Они назывались *номофилаками* (νομοφύλακες). Прежде думали (см., напр., стр. 120 въ книгѣ проф. Бузескула о Периклѣ), что эта коллегія была учреждена одновременно съ эфіальтовой реформой ареопага, хотя нѣкоторые и высказывали въ этомъ сомнѣніе. Аристотель, однако, молчитъ объ этой должности, а потому теперь и думаютъ, что она была учреждена позднѣе. *В. Бузескулъ* Аѳинская политія Аристотеля, стр. 415—416.

ложительнымъ закономъ. Вопреки этой осторожности, все еще могло случиться такъ, что принималось иногда предложеніе несправедливое или пагубное. Оттого новый законъ всегда носилъ имя своего начинателя, котораго и впослѣдствіи можно было подвергнуть суду и казни. Народъ, какъ истый державецъ, считался безпогрѣшнымъ; но каждый изъ ораторовъ всегда оставался отвѣтственъ за всякій данный имъ совѣтъ».

III. Объясненіе картъ.

На первой картѣ представлена небольшая территорія, состоящая изъ части Средней Греціи, Истма и части Пелопоннеса съ прилегающими къ нимъ островами, потому что въ этомъ именно мѣстѣ Европейской Греціи сосредоточены были ея главнѣйшіе торгово-промышленные центры, какъ объ этомъ сказано на стр. 70—71, а именно Аѳины, Эгина, Коринѳъ, Мегара [1]), Сикіонъ, Аргосъ, Халкида, Эретрія. На этомъ маленькомъ пространствѣ было вообще нѣсколько государствъ-городовъ. Самымъ большимъ изъ нихъ было Аѳинское, которое владѣло всею Аттикою, не считая нѣкоторыхъ позже завоеванныхъ острововъ, а въ сосѣдней съ Аттикой и приблизительно равной съ нею Беотіи, составлявшей особую федерацію (см. стр. 236), существовало уже нѣсколько отдѣльныхъ государствъ-городовъ, каковыми были Ѳивы, Орхоменъ, Ѳеспіи, Платеи и др. О разстояніяхъ между сосѣдними гражданскими общинами можно судить по тому, что съ вершины Акро-Коринѳа въ ясную погоду можно было видѣть аѳинскій Акрополь (стр. 233), такъ какъ по воздушной линіи между обоими пунктами было около 60 верстъ. Между Аргосомъ и Коринѳомъ, которые въ началѣ IV в. сдѣлали-было попытку сліянія въ одну государственную общину (симполитія, см. стр. 235) разстояніе также весьма незначительное, именно около 30 верстъ, и столько же было отъ Коринѳа до Мегары, а между Коринѳомъ и Сикіономъ не было и 20 верстъ. Понятно, какъ невелики могли быть государственныя территоріи подобныхъ суверенныхъ городовъ. Самое большое государство изъ тѣхъ, которыя изображены на нашей картѣ, Аѳинское, занимало территорію въ двѣ тысячи двѣсти квадратныхъ верстъ

[1]) Правильнѣе Мегары.

(см. стр. 24), что составляетъ около 220 т. десятинъ, тогда какъ въ одной вашей Московской губерніи земли считается болѣе трехъ милліоновъ десятинъ. Слѣдовательно, вся Аттика была въ тринадцать разъ меньше Московской губерніи, а такъ какъ въ послѣдней 13 уѣздовъ, то Аттика была равна средней величинѣ одного только уѣзда Московской губерніи.

Вторая карта является воспроизведеніемъ въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ одной изъ картъ, приложенныхъ къ сочиненію Ю. Белоха «Италійскій союзъ подъ римской гегемоніей» [1]), а очень небольшая часть другой карты, приложенной къ тому же сочиненію Белоха, въ томъ же самомъ масштабѣ воспроизведена въ дополнительной карточкѣ, изображающей почти всю территорію римскаго гражданства лѣтъ за 125 до того момента, который взятъ на главной картѣ. Главное, на что мы здѣсь обращаемъ вниманіе, это—ростъ территоріи римскаго гражданства, какъ мы за неимѣніемъ лучшаго выраженія переводимъ латинское *агеръ романусъ* (ager romanus). Буквально это значитъ «римское поле», но на самомъ дѣлѣ подъ этимъ словомъ разумѣлась первоначально непосредственная территорія Рима (у Белоха die römische Feldmark, у другихъ das römische Stammland и т. п.), которая постепенно увеличивалась. Какъ была велика территорія римскаго гражданства въ началѣ второй пунической войны, это и показано на дополнительной картѣ, на которой не изображены только сравнительно небольшіе черезполосные куски земли, изъ которыхъ одинъ лежалъ къ с. отъ города Пренесте, а къ югу отъ главной территоріи въ Кампаніи. На главной картѣ можно хорошо видѣть, какая часть Италіи входила уже въ 91 г. до Р. Х. въ составъ agri romani, какая часть была въ рукахъ союзниковъ и какая, наконецъ, занята была латинскими колоніями. Обо всемъ этомъ см. стр. 289 и 296—299 текста.

---

[1]) *J. Beloch.* Die italische Bund unter Roms Hegemonie. Leipzig. 1880.

Херонея

ХАЛКИДА

Старая Эретрія

Эретрія

ЭВБЕЯ

БЕОТІЯ

Θеспіи

Θивы

Платеи

Діакрія

АТТИКА

Марафонъ

Педіонъ

Ахарны

Элевзинъ

МЕГАРА

Сикіонъ

Истмъ

АѲИНЫ

Саламинъ

Пирей

Фалерокъ

КОРИНѲЪ

Акрокоринѳъ

Фліунтъ

Немея

Микены

ЭГИНА

АРГОЛИДА

Эпидавръ

АРГОСЪ

Тиринѳъ

Навплія

Мысъ Суній

Кеосъ

Трезенъ

Терміона

АТТИКА

И СОСѢДНІЯ СЪ НЕЮ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ ГРЕЦІИ И ПЕЛОПОННЕСА

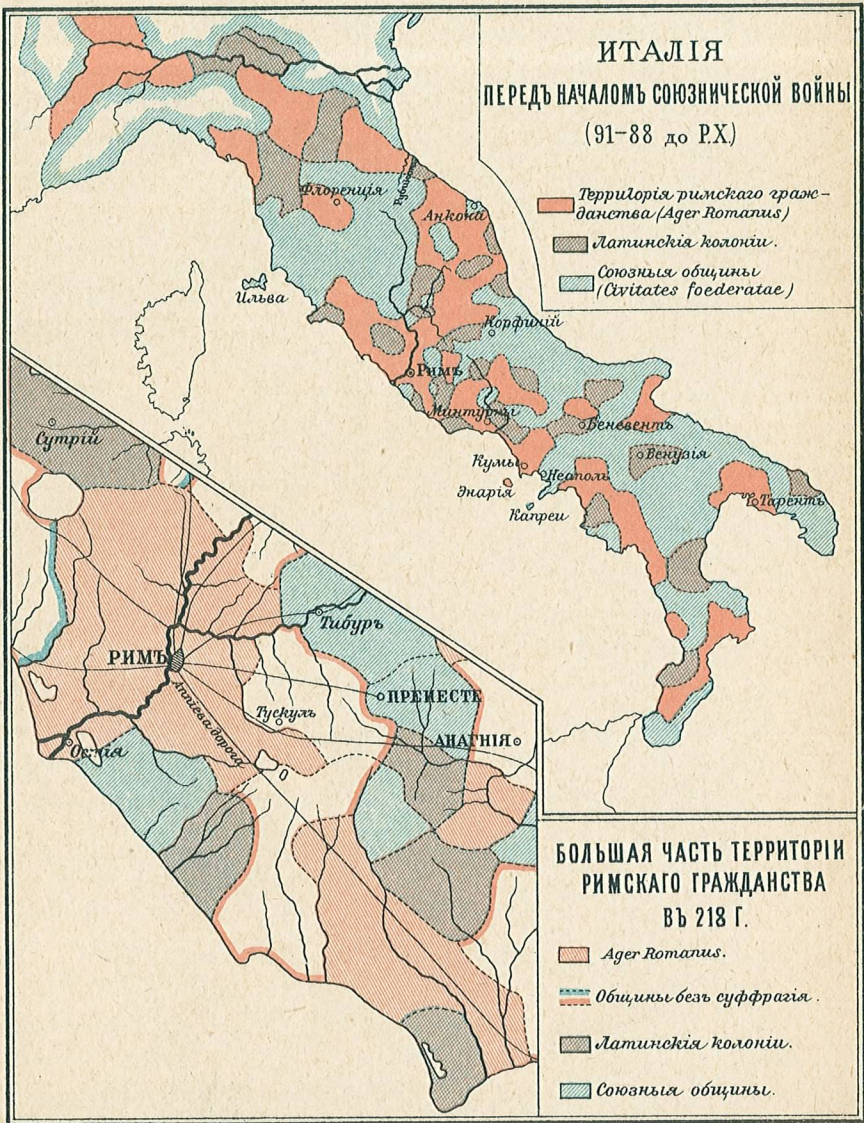
Аттика.

Самостоятельныя государства.

Аѳинскія владѣнія внѣ Аттики.

Границы между отдѣльными областями.

Лит. И. Кадушина С. П. Б.



Лит. И. Кадушина С. П. Б.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе къ 1 изд. III
Предисловіе ко 2 изд. . . . . . .
Предисловіе къ 3 изд. . . . . . .

I. Общее понятіе о государствѣ-городѣ 1

Значеніе двойного термина *государство-городъ*.— Основной взглядъ Аристотеля на государство. — Общее понятіе о государствѣ. — Политическая интеграція. — Происхожденіе городовъ. — Мнѣніе Аристотеля о наилучшемъ мѣстоположеніи города.

II. Составныя части государства-города и его образованіе 10

Древнее раздѣленіе государства-города на филы-трибы, фратріи-куріи и роды. — Слѣды родового быта. — Мнѣніе Фримана объ образованіи государствъ у грековъ, римлянъ и германцевъ. — Гомеровское общество.—Что́ такое синойкизмъ? — Размѣры государственныхъ территорій античныхъ гражданскихъ общинъ.

III. Происхожденіе общественныхъ неравенствъ въ населеніи государства-города 24

Аристократія и демократія въ античномъ мірѣ. — Общественныя неравенства въ гомеровскую эпоху.—Эвпатриды въ Греціи и патриціи въ Римѣ.—Вліяніе военнаго быта.—Крѣпостные крестьяне въ сельскомъ быту Греціи. — Свободная аренда земель.—Классы населенія, не входившіе въ составъ общинъ. — Римскій плебсъ. — Аристократическій характеръ родовъ, курій-фратрій и трибъ-филъ. — Историческіе значеніе отдѣльныхъ аристократическихъ родовъ. — Царственныя фамиліи въ древней Греціи. — Сословная борьба въ античномъ мірѣ.

СТРАН.

IV. Организація государственной власти въ начальномъ періодѣ исторіи грековъ и римлянъ 34

Князь, дума и вѣче.—Изъ исторіи политическихъ терминовъ.—Этимологія разныхъ обозначеній княжеской (царской) власти. — Царская власть въ гомеровскомъ обществѣ. — Совѣтъ старѣйшинъ.—Народное собраніе.—Развитіе аристократическаго начала въ организаціи государства. — Что̀ такое отмѣна царской власти у грековъ и римлянъ?—Расчлененіе царской власти въ Аѳинахъ и въ Римѣ. — Раздвоеніе царской власти въ Спартѣ.

V. Обычное право и религіозная санкція общественнаго порядка 48

Политическое законодательство и обычное право. — Сакральный характеръ древнѣйшаго права. — Мнѣніе Фюстель де Куланжа о значеніе религіи въ жизни античной гражданской общины. — Параллелизмъ политической и религіозной интеграціи и установленіе гражданской религіи. — Аристократическій характеръ древняго государственнаго культа.— Религіозное значеніе царской власти.

VI. Начало торгово-промышленнаго развитія античныхъ народовъ 59

Переходъ грековъ къ торговлѣ, промышленности и денежному хозяйству. — Вопросъ о примѣненіи формулъ развитія къ дѣйствительной исторіи. — Противоположные взгляды Бюхера и Эдуарда Мейера на экономическое развитіе древняго міра. — Рѣчныя и морскія цивилизаціи. — Образованіе новыхъ общественныхъ классовъ въ Греціи. — Торговые и промышленные центры грековъ. — Начало денежнаго хозяйства.—Замѣчаніе объ экономической исторіи Рима.

VII. Начало борьбы аристократіи и демократіи . . . 74

Первоначальный земледѣльческій характеръ греческихъ колоніальныхъ государствъ-городовъ. — Образованіе различія между морскими и сухопутными государствами-городами въ античномъ мірѣ.—Соціальныя и культурныя слѣдствія этого различія. — Вопросъ о вліяніи племенныхъ особенностей на возникновеніе этихъ различій. — Наиболѣе раннія причины сословной борьбы въ Греціи и Римѣ. — Составленіе писанныхъ законовъ.—Строгости долгового права и неудовлетворительность аграрнаго строя.

VIII. Примѣненіе тимократическаго принципа къ устройству городовыхъ республикъ древности 92

СТРАН.

Общая формула внутреннихъ перемѣнъ въ государствахъ-городахъ древняго міра.—Плутократія и тимократія.—Опредѣленіе олигархіи у Аристотеля.—Образованіе класса „жирныхъ“. — Политическая реформа Солона: раздѣленіе гражданъ на классы по цензу. — Аѳинскія партіи. — Реформа Сервія Туллія въ Римѣ и центуріатныя комиціи.—Двойственное положеніе зажиточныхъ плебеевъ въ римскомъ обществѣ.

IX. Греческая тираннія и римскій трибунатъ 106

Постановка вопроса о тиранніи и трибунатѣ. — Общее опредѣленіе тиранніи. — Аристотель о тиранніи. — Общія черты тиранніи. — Обзоръ отдѣльныхъ тираній. — Очеркъ исторіи тиранніи въ Аѳинахъ.—Страхъ передъ тираніей въ Римѣ. — Происхожденіе и развитіе трибуната.—Чѣмъ римскій плебсъ обязанъ трибунату?—(Замѣчаніе о спартанскомъ эфоратѣ).—Переходъ къ демократическимъ учрежденіямъ.

X. Разныя степени и формы участія демоса-плебса въ государственной власти 123

Греческое и латинское названія гражданина. — Опредѣленіе Аристотелемъ понятія „гражданинъ“. — Особенности античной демократіи: исключительность гражданской общины и непосредственное народовластіе.—Законодательная, исполнительная и судебная власть въ городахъ, гдѣ существовало участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ. — Сельская и городская демократія. — Развитіе аѳинской демократіи. — Учрежденія Солона и Клисоена.—Реакція ареопага.—Спартанская апелла.—Римскій государственный строй по опредѣленію Полибія. — Магистратура и сенатъ въ Римѣ. — Римскія комиціи и роль народа въ управленіи Римской республикой.—Державный народъ и его подданные.

XI. Положеніе личности въ античномъ государствѣ . . 147

Вопросъ о свободѣ въ античномъ мірѣ.—Древнее и новое пониманіе свободы. — Мнѣніе Фюстель де Куланжа. — Дѣйствительно ли существуетъ рѣзкая противоположность между древнимъ и новымъ бытомъ? — Два главныхъ источника стѣсненій личной свободы въ античномъ мірѣ. — Строгость спартанскаго режима. — Римская семейная и государственная дисциплина. — Охрана правопорядка религіозной санкціей. — Органы государственнаго надзора за гражданами. — Культурный консерватизмъ. — Развитіе индивидуализма въ демократіяхъ. — Замѣчаніе о положеніи женщины. — Начало индивидуализма въ Аѳинахъ.

СТРАН.

XII. Рабство и пролетаріатъ въ античномъ мірѣ . . . 166

Общая постановка вопроса въ его экономической и политической сторонахъ. — Численность рабовъ въ античныхъ государствахъ.—Ихъ экономическое значеніе.—Юридическое положеніе рабовъ. — Развитіе пренебреженія къ труду въ высшихъ классахъ. — Конкурренція подневольной работы съ вольнонаемнымъ трудомъ.— Сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ. — Образованіе пролетаріата. — Его экономическое положеніе. — Роль пролетаріата въ политической жизни.—Античная демагогія.

XIII. Соціальный вопросъ въ античныхъ республикахъ 183

Политическія партіи древности и ихъ связь съ соціальною борьбою въ отдѣльныхъ государствахъ-городахъ. — За борьбою знатныхъ и незнатныхъ слѣдуетъ борьба богатыхъ и бѣдныхъ.—Основная мысль книги Васильевскаго „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ эпоху ея упадка". — Борьба аристократіи и демократіи въ Греціи въ V и IV вв. — Соціальная реформа въ Спартѣ III в. — Взаимныя отношенія соціальныхъ классовъ въ Римѣ послѣ уравненія правъ патриціевъ и плебеевъ.—Нобилитетъ и пролетаріатъ, оптиматы и популяры въ Римѣ во II в.— Возстанія крѣпостныхъ и рабовъ.

XIV. Политическія и соціальныя идеи Греціи и Рима 205

Историческая связь политическихъ и соціальныхъ идей съ реальными отношеніями общества и общественными движеніями.—Публицистическій элементъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ греческой литературы.—Традиціонное міросозерцаніе и личная мысль. — Практическая мудрость и начало философскаго изслѣдованія въ Греціи. — Софисты и ихъ отношеніе къ вопросамъ морали и политики. — Эпикуреизмъ и стоицизмъ. — Политическія идеи Платона и Аристотеля. — Происхожденіе мысли о преимуществахъ смѣшаннаго образа правленія.— Соціальныя идеи древности.—Политическая литература въ Римѣ.

XV. Разныя формы политическаго объединенія государствъ-городовъ въ союзы и державы 232

Международныя отношенія государствъ-городовъ античнаго міра. — Греческій партикуляризмъ. — Различіе между союзами и державами. — Случаи симполитіи. — Амфиктіоніи и племенные союзы. — Завоевательная политика нѣкоторыхъ

СТРАН.

государствъ-городовъ. — Спартанская и Аѳинская симмахіи временъ греко-персидскихъ войнъ.—Соперничество Спарты и Аѳинъ.—Потеря Греціей независимости.—Времена македонской гегемоніи. — Этольскій и Ахейскій союзы. — Союзы городовъ въ Италіи.

XVI. Спартанская гегемонія и вліяніе гегемоніи на внутренній бытъ Спарты 251

Содержаніе настоящей и двухъ слѣдующихъ главъ.—Два періода въ исторіи Спарты. — Устройство спартанской симмахіи.— Своекорыстная политика Спарты.— Обогащеніе спартанской олигархіи на счетъ союзниковъ. — Постепенное уменьшеніе числа спартанскихъ гражданъ. — Окончательный упадокъ Спарты.

XVII. Аѳинская демократія и ея морская держава . . 260

Предметъ этой главы.—Связь развитія аѳинской демократіи съ морской гегемоніей Аѳинъ. — Превращеніе морского союза въ морскую державу.— Экономическое значеніе Аѳинъ въ V в.— Соціальный строй Аѳинъ въ эту эпоху. — Развитіе аѳинской демократіи.— Реформы Эфіальта и Перикла.— Заключеніе объ аѳинской демагогіи. — Введеніе платы гражданамъ за исполненіе ими своихъ государственныхъ обязанностей.—Денежныя раздачи народу.—Общіе результаты системы.—Аѳинская демократія въ изображеніи Фюстель де Куланжа.— Общее направленіе политики демократической партіи въ Аѳинахъ.—Аѳинскіе олигархи.—Классовое господство демоса.—Городъ, сельскіе демы и клерухіи.— Общій выводъ.

XVIII. Римская гражданская община, ея союзники и ея подданные 288

Черты сходства между установленіемъ римской гегемоніи въ Италіи и образованіемъ Аѳинской державы и дальнѣйшіе успѣхи Рима.— Особенности экономическаго развитія Рима.— Вліяніе міродержавства на римскую демократію. — Объединеніе подъ властью Рима древняго историческаго міра.— Римъ и Италія: территорія римскаго гражданства, латинскія колоніи и союзныя общины.—Эпоха Гракховъ и союзническая война.—Управленіе провинціями и необходимость центральной организаціи имперія надъ провинціями. — Въ чемъ заключался переходъ Рима отъ республики къ имперіи?— Превращеніе Рима изъ государства-города въ универсальную монархію.

СТРАН.

XIX. Муниципальный бытъ Римской имперіи 305

Образованіе крупныхъ державъ въ древнемъ мірѣ. — Поглощеніе ими государствъ-городовъ — Греко-македонскій періодъ и эллинистическія монархіи. — Римская имперія и мѣсто въ ней городскихъ общинъ. — Муниципальный бытъ Римской имперіи и его разстройство въ послѣднія времена имперіи на Западѣ — Конецъ древней исторіи.

XX. Общіе выводы 319

Государство-городъ, какъ форма политическаго устройства, характерная для античнаго міра, и какъ соціологическій типъ. — Государства-города въ другія историческія эпохи. — Зависимость многихъ историческихъ особенностей древняго міра отъ этой политической формы. — Параллелизмъ соціальной эволюціи античнаго міра и новой Европы и особенности, свойственныя одному античному міру. — Античная демократія и ея коренные недостатки. — Недавняя идеализація античной демократіи. — Критическое отношеніе къ ней въ современной исторической наукѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Выдержки изъ VI книги „Всеобщей исторіи въ сорока книгахъ“ Полибія о римскомъ государственномъ устройствѣ 335

II. Описаніе аѳинскаго народнаго собранія у Фюстель де Куланжа 338

III. Объясненіе картъ 341

КАРТЫ: I. Аттика и сосѣднія съ нею области Средней Греціи и Пелопоннеса.

II. Италія передъ началомъ союзнической войны.